

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ВАРИАНТЫ
К «АННЕ КАРЕНИНОЙ»

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 20

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

**Полное собрание сочинений. Том
20. Варианты к «Анне Карениной»**

«Библиотечный фонд»

1873-1877

Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений. Том 20. Варианты к «Анне Карениной» / Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд», 1873-1877 — (Весь Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич	6
Предисловие к электронному изданию	7
АННА КАРЕНИНА.	8
ВАРИАНТЫ К «АННЕ КАРЕНИНОЙ»	9
** № 1 (рук. №2).	9
* № 2 (рук. № 3).	13
* № 3 (рук. № 4).	16
* № 4 (рук. № 5).	32
* № 5 (рук. № 6).	36
<Часть I. Глава I.>	36
АННА КАРЕНИНА	36
ЧАСТЬ I	36
* № 6 (рук. № 7).	56
<АННА КАРЕНИНА.	56
* № 7 (рук. № 8).	60
АННА КАРЕНИНА.	60
* № 8 (рук. № 17).	65
[297]ДВА БРАКА.	65
* № 9 (рук. №. 9).	68
* № 10 (рук. № 16).	81
* № 11 (рук. № 16).	85
* № 12 (рук. № 103).	86
* № 13 (рук. № 12).	87
* № 14 (рук. № 17).	87
* № 15 (рук. № 17).	88
* № 16 (рук. № 103).	90
* № 17 (рук. № 21).	99
№ 18 (рук. № 17).	101
* № 19 (рук. № 13).	101
* № 20 (рук. № 17).	108
* № 21 (рук. № 17).	108
* № 22 (рук. № 17).	109
* № 23 (рук. № 17).	109
* № 24 (рук. № 103)	110
* № 25 (рук. № 14).	111
* № 26 (рук. № 15).	117
* № 27 (рук. № 15).	117
* № 28 (рук. № 103).	118
* № 29 (кор. №109).	124
* № 30 (рук. № 103).	128
* № 31 (рук. № 16).	131
* № 32 (рук. № 21).	136
* № 33 (рук. № 22).	136
* № 34 (рук. № 26).	137
* № 35 (рук. № 18).	138
* № 36 (рук. № 24).	140

* № 37 (рук. № 19).	144
* № 38 (рук. № 22).	151
* № 39 (рук. № 31).	151
* № 40 (рук. № 27).	152
* № 41 (рук. № 31).	156
* № 42 (рук. № 27).	156
* № 43 (рук. № 27).	157
* № 44 (рук. № 28).	158
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Лев Николаевич Толстой

Варианты к «Анне Карениной»

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1939

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы: [Государственный музей Л.Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания АБВУУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 20-го тома Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)
Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 20-му тому Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого включены в настоящее издание

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая*

Перепечатка разрешается безвозмездно.

–

Reproduction libre pour tous les pays

**АННА КАРЕНИНА.
ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ**

РЕДАКТОР
Н. К. ГУДЗИЙ

ВАРИАНТЫ К «АННЕ КАРЕНИНОЙ»

** № 1 (рук. №2).

МОЛОДЕЦ—БАБА.

1.

Гости послѣ¹ оперы съѣзжались къ молодой Княгинѣ² Врасской. Княгиня Мика, какъ ея звали въ свѣтѣ, только успѣла, приѣхавъ изъ театра, снять шубку³ передъ окруженнымъ цвѣтами зеркаломъ въ ярко освѣщенной передней; еще она отцѣпляла маленькой ручкой въ перчаткѣ упрямо зацѣпившееся кружево за крючокъ шубки, когда изъ подъ лѣстницы показалось въ накинutomъ на высокую прическу красномъ башлыкѣ красивое личико Нелли, и слышалось военное легкое бряцаніе шпоръ и сабли ея мужа, и показалась вся сіяющая плѣшивая приглаженная голова и усатое лицо ея мужа.

Княгиня Мика разорвала, сдернувъ, перчатку и всетаки не выпростала и разорвала кружево. <Она> улыбкой встрѣтила гостей, которыхъ она только что видѣла въ театрѣ.

– Сейчасъ вытасу мужа изъ его кабинета и пришлю къ вамъ, – проговорила она и скрылась за тяжелой портьерой. – Чай въ большой гостиной, – сказала она толстому дворецкому, прошедшему за нее, – и Князя просить.

Пока Княгиня Мика въ уборной съ помощью встрѣтившей ея франтихи горничной розовыми пальчиками, напудренными лебязьимъ пухомъ, какъ бы ощупывала свое лицо и шею и потомъ стирала эту пудру и горничная ловкими быстрыми пальцами и гребнемъ потрогивала ее прическу, давая ей прежнюю свѣжесть, и пока Нелли съ мужемъ въ передней снимали шубы, передавая ихъ⁴ [на руки] слѣдившихъ за каждымъ ихъ движеніемъ ожидавшихъ двухъ въ чулкахъ и башмакахъ лакеевъ, ужъ входная большая стеклянная дверь нѣсколько разъ беззвучно отворилась швейцаромъ, впуская новыхъ гостей.

Почти въ одно и тоже время хозяйка съ освѣженными лицомъ и прической вышла изъ одной двери и гости изъ другой въ большую темную отъ обажуровъ гостиную, и естественно все общество сгруппировалось около круглаго стола съ серебрянымъ самоваромъ.

Разговоръ, какъ и всегда въ первые минуты сбора, дробился на привѣтственные рѣчи, на предложеніе чая, шутки, замѣчанія объ оперѣ, пѣвцахъ и пѣвицахъ, какъ будто отыскивая предметъ и не позволяя быть болѣе завлекательнымъ, пока еще продолжали входить гости.

– Ахъ, пожалуйста, не будемъ говорить объ Нильсонѣ. Я только и слышу это имя и одно и тоже о ней и все такое, что должно быть ново, но что уже сдѣлалось старо.

– А Китти будетъ? Отчего я давно ее не вижу?

– Она обѣщала; но ты знаешь, какъ можно рассчитывать на душу въ кринолинѣ, – отвѣчала хозяйка. – Да и потомъ мнѣ кажется, что у ней есть что то на сердцѣ. Боюсь не съ Ана ли чтонибудь.

– Ана такъ мила!

– О да. Могу я вамъ предложить чашку чая, – обращалась она къ Генералу. – А вотъ и Serge.

– Расскажите мнѣ чтонибудь злое и веселое, – говорила извѣстная умница фрейлина молодому Дипломату.

¹ Зачеркнуто: театра

² Зач.: <Кареловой> М[икѣ]

³ Слово: шубку по ошибке зачеркнуто вместе с последующими словами: въ ярко освѣщенной, блестящей

⁴ Слово: ихъ по ошибке зачеркнуто вместе с последующими словами: беззвучно, почтительно

– Говорятъ, что злое и смѣшное несомѣстимо, но я попробую, если вы мнѣ дадите тему. Хозяинъ, молодой человекъ съ умнымъ и истомленнымъ лицомъ, вышелъ изъ боковой двери и здоровывается съ гостями.

– Какъ вамъ понравилась⁵ Нильсонъ, Графиня? – говоритъ онъ, неслышно подойдя по мягкому ковру къ полной красивой дамѣ въ черномъ бархатномъ платьѣ.

– Какъ можно такъ пугать, – отвѣчаетъ дама, перегибаясь къ нему съ своимъ вѣеромъ и подавая ему руку въ перчаткѣ, которую она не снимаетъ, потому что рука ея некрасива. – Не говорите, пожалуйста, про оперу со мной. Вы думаете, что вы спускаетесь до меня, а я этаго вамъ не позволяю. Я хочу спуститься до васъ, до вашихъ гравюръ. Расскажите мнѣ, какіе новыя сокровища вы нашли на толкучемъ...

Совершенно незамѣтно столъ устанавливается всѣмъ, что нужно для чая, гости размѣстились всѣ у круглаго стола. Мушины обходятъ не слышно кресла дамъ и берутъ изъ рукъ хозяйки прозрачныя дымящіяся паромъ чашки чая. Хозяйка стоитъ съ рукой съ отставленнымъ розовымъ мезинчикомъ на серебряномъ кранѣ и выглядываетъ изъ самовара на гостей и на двери и даетъ знаки въ тѣни стоящимъ 2-мъ лакеямъ. Разговоръ изъ отрубковъ фразъ начинаетъ устанавливаться въ разныхъ группахъ и, для того чтобы сдѣлаться общимъ и завлекательнымъ, разумѣется, избираетъ своимъ предметомъ лица всѣмъ извѣстныя, и, разумѣется, объ этихъ лицахъ говорятъ зло, иначе говорить было бы нечего, такъ какъ счастливые народы не имѣютъ исторіи.

Такого рода разговоръ установился въ ближайшемъ уголкѣ къ хозяйкѣ, и теперь этотъ разговоръ имѣетъ двойную прелесть, такъ какъ тѣ, о которыхъ злословятъ, друзья хозяйки и должны пріѣхать нынѣшній вечеръ; говорятъ о молодой⁶ Анастасѣ (Ана⁷ Гагина, какъ ее зовутъ въ свѣтѣ) и о ея мужѣ. Молодой дипломатъ самъ избралъ эту тему, когда упомянули о томъ, что Пушкины обѣщались быть сегодня, но не могли пріѣхать рано, потому что у Алексѣя Александровича какой то комитетъ, а она всегда ѣздитъ только съ мужемъ.

– Я часто думалъ, – сказала дипломатъ, – что, какъ говорятъ, народы имѣютъ то правительство, котораго они заслуживаютъ, такъ и жены имѣютъ именно тѣхъ мужей, которыхъ онѣ заслуживаютъ, и Ан[астасья?] Аркадьевна⁸ Каренина вполне заслуживаетъ своего мужа.

– Знаете ли, что, говоря это, вы, для меня по крайней мѣрѣ, дѣлаете похвалу ей.

– Я этаго и хочу.

– Только какъ онъ можетъ спокойно спать съ такой женой. И съ всякимъ другимъ мужемъ она бы была героиней стариннаго романа.

– Она знаетъ, что мужъ ея замѣчательный человекъ, и⁹ она удовлетворяется. Она при- мѣрная жена.

– Была.

– Я никогда не могла понять, Княгиня, – сказала фрейлина, что въ немъ замѣчательнаго. Если бы мнѣ всѣ это не твердили, я бы просто приняла его за дурачка. И съ такимъ мужемъ не быть героиней романа – заслуга.

– Онъ смѣшонъ.

– Стало быть, не для нея, – сказала хозяйка. – Замѣтили вы, какъ она похорошѣла. Она положительно *не* хороша, но если бы я была мужчиной, я бы съ ума сходила отъ нея, – сказала она, какъ всегда женщины [говорятъ?] это, ожидая возраженія.

⁵ Зачеркнуто: Траві[ата]

⁶ Зачеркнуто: Анѣ

⁷ Зач.: <Пушкино> Бернова

⁸ Зач.: Пушкина

⁹ Зач.: лелѣть его

Но какъ ни незамѣтно это было, дипломатъ замѣтилъ это, и, чтобъ подразнить ее, тѣмъ болѣе что это была и правда, онъ сказалъ:

– О да! Послѣднее время она расцвѣла. Теперь или никогда для нея настало время быть героиней романа.

– Типунъ вамъ на языкъ, – сказала хозяйка.

Хозяйка говорила, но ни на минуту не теряла взгляда на входную дверь.

– Здравствуйте,¹⁰ Михаилъ Аркадьичъ, – сказала она,¹¹ встрѣчая¹² входившаго сияющаго цвѣтомъ лица, бакенбардами и бѣлизной жилета и рубашки молодцоватаго Облонскаго.

– А сестра ваша Анна будетъ? – прибавила она громко, чтобы разговоръ о ней замолкъ при ея братѣ. – Приѣдетъ она?

– Не знаю, Княгиня. Я у нее не былъ.

И Степанъ Аркадьичъ, знакомый со всѣми женщинами и на ты со всѣми мужчинами, добродушно раскланивался, улыбаясь и отвѣчая на вопросы.

– Откуда я? Чтожъ дѣлать? Надо признаваться. Изъ Буффовъ. La Comtesse de Rudolstadt¹³ прелесть. Я знаю, что это стыдно, но въ оперѣ я сплю, а въ Буффахъ досаживаю до послѣдняго конца и всласть. Нынче..

– Пожалуйста, не рассказывайте про эти ужасы.

– Ну, не буду, чтоже дѣлать, мы Москвичи еще не полированы и терпѣть не можемъ скучать.

Дама въ бархатномъ платьѣ подозвала къ себѣ Степана Аркадьича.

– Ну что ваша жена? Какъ я любила ее. Расскажите мнѣ про нее.

– Да ничего, Графиня. Вся въ хлопотахъ, въ дѣтяхъ, въ классахъ, вы знаете.

– Говорятъ, вы дурной мужъ, – сказала дама тѣмъ шутивнымъ тономъ, которымъ она говорила объ гравюрахъ съ хозяиномъ.

¹⁴Михаилъ Аркадьичъ¹⁵ разсмѣялся. Если отъ того, что я не люблю скучать, то да. Эхъ, Графиня, всѣ мы одинаки. Она не жалуется.

– Ну, а что ваша прелестная свояченица Кити?

– Она очень больна, уѣхала за границу.

Степанъ Аркадьичъ оглянулся, и лицо его еще больше просіяло.

– Вотъ кого не видалъ все время, что я здѣсь, – сказалъ онъ, увидавъ входившаго¹⁶ Вронскаго.

– Виноватъ, Графиня, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ и, поднявшись, пошелъ къ вошедшему.

Твердое, выразительное лицо¹⁷ Гагина съ свѣже выбритой, но синѣющей отъ силы растительности бородой просіяло, открывъ сплошные, правильнаго полукруга здоровенные зубы.

– Отчего тебя¹⁸ нигдѣ не видно?

– Я зналъ, что ты здѣсь, хотѣлъ къ тебѣ заѣхать.

¹⁰ *Зачеркнуто:* Степанъ

¹¹ *Зач.:* особенно громко, – а что

¹² *Зач.:* улыбкой молодого полного румянаго съ прекрасными красными губами прямо дер[жавшагося] добродушнаго молодого человѣка, который входилъ, высоко неся бѣлую грудь въ открытомъ до невозможн[ости] жилетѣ.– А ваша сестра <Ана Пушкина> М-ме Карени[на]

¹³ [Графиня Рудольштадт]

¹⁴ *Зач.:* Степанъ

¹⁵ *Зач.:* на мгновенье нахмурился, но сейчас же

¹⁶ *Зачеркнуто:* невысокаго роста коренастаго военнаго, молодого, но почти плѣшиваго и съ серьгой въ ухѣ

¹⁷ *Зач.:* Вронскаго.

¹⁸ *В рукописи:* тебѣ

– Да, я дома, ты бы заѣхалъ. Однако какъ ты оплѣшивѣлъ, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, глядя на его почти голую прекрасной формы голову и короткіе черные, курчавившіеся на затылкѣ, волосы.

– Что дѣлать? Живешь.

– Ну, завтра обѣдать вмѣстѣ. Мнѣ сестра про тебя говорила.

– Да, я былъ у ней.

¹⁹Вронскій замолчалъ, оглядываясь на дверь. Степанъ Аркадьичъ посмотрѣлъ на него.

– Что ты оглядываешься? Ну, такъ завтра обѣдать у Дюссо въ 6 часовъ.

– Однако я еще съ хозяйкой двухъ словъ не сказалъ, – и Вронскій пошелъ къ хозяйкѣ съ пріятными, такъ рѣдко встрѣчающимися въ свѣтѣ пріемами скромности, учтивости, совершеннаго спокойствія и достоинства.

Но и хозяйка, говоря съ нимъ, замѣтила, что онъ нынче былъ не въ своей тарелкѣ. Онъ безпрестанно оглядывался на дверь и ронялъ нить разговора. Хозяйка въ его лицѣ, какъ въ зеркалѣ, увидала, что теперь вошло то лицо, которое онъ ждалъ. Это²⁰ была Нана Каренина впереди своего мужа.

Дѣйствительно, они были пара: онъ прилизанный, бѣлый, пухлый и весь въ морщинахъ; она некрасивая съ²¹ низкимъ лбомъ, короткимъ, почти вздернутымъ носомъ и слишкомъ толстая. Толстая такъ, что еще немного, и она стала бы уродлива. Если бы только не огромныя черныя рѣсницы, украшавшія ея сѣрые глаза, черные огромные волосы, красившія лобъ, и не стройность стана и граціозность движеній, какъ у брата, и крошечныя ручки и ножки, она была бы дурна. Но, несмотря на некрасивость лица, было что-то въ добродушіи улыбки красныхъ губъ,²² такъ что она могла нравиться.²³

Хозяйка мгновенно сообразила вмѣстѣ нездоровье²⁴ Мари, сестры Каренина, и удаленіе ея послѣднее время отъ свѣта. Толки толстой дамы о томъ, что²⁵ Вронскій, какъ тѣнь, вездѣ за²⁶ Анной и его пріѣздъ нынче, когда онъ не былъ званъ,²⁷ связало всѣ эти замѣчанія.²⁸

«Неужели это правда?» думала она.

– Хотите чая? Очень рада васъ видѣть. Вы, я думаю, со всѣми знакомы. А вотъ и Анна, – сказала она самымъ небрежнымъ тономъ, но глаза ея слѣдили за выраженіемъ лица Вронскаго, и ей завидно стало за то²⁹ чувство и радости и страха, которое выразилось на лицѣ Вронскаго при входѣ Анны.

Анна своимъ обычнымъ твердымъ и необыкновенно легкимъ шагомъ, показывающимъ непривычную въ свѣтскихъ женщинахъ физическую силу, прошла тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли ее отъ хозяйки, и при взглядѣ на Вронскаго, блеснувъ сѣрыми глазами, улыбнулась свѣтлой доброй улыбкой. Она крѣпко пожала протянутыя руки своей крошечной сильной

¹⁹ Зачеркнуто: Гагинъ

²⁰ Зач.: былъ А. А. <Гагинъ> Каренинъ съ женою.

²¹ Зач.: маленькимъ

²² Зач.: за что

²³ Против этих строк и ниже на полях написано: [1] Кидается, не зная куда пристать. [2] Ей легко свѣтское, что др[угимъ] трудно. На жалкое *plaisant[erie?]* посмотри[ть?] съ недоумѣніемъ и, главное, глаза. [3] Сдержанная энергія движеній.

²⁴ Зачеркнуто: Кити

²⁵ Зач.: Гагинъ

²⁶ Зач.: Нана

²⁷ Зач.: его безпокойство и оглядыванье и, главное, послѣднее, что прив[ело]

²⁸ Зач.: Это было лицо Нана, <ея взглядъ на Гагина.> Никто не могъ спорить съ молодымъ человѣкомъ, назвавшимъ ее некрасивой, въ то время какъ она вошла въ комнату и, еще больше сощуривъ свои и такъ небольшіе узкіе глаза (такъ что видны были только густые черные рѣсницы), вглядывалась въ лица. Низкій, очень низкій лобъ, маленькіе глаза, <толстыя,> неправильныя губы и носъ <некрасивой формы>. <Но когда> Она сдѣлала тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли ее отъ хозяйки,

²⁹ В рукописи после этого: что

кистью³⁰ и быстро съла.³¹ И когда она заговорила своимъ яснымъ, отчетливымъ, безъ одной недоговорки или картавленья голосомъ, всегда чрезвычайно пріятнымъ, но иногда густымъ и какъ бы воркующимъ, нельзя было, глядя на ея удивительныя не костлявыя и не толстыя мраморныя плечи, локти и грудь, на³² оконечности, ловкую силу движеній и простоту и ясность пріемовъ, не признать въ ней, несмотря на некрасивую небольшую³³ голову, нельзя было не признать ее привлекательною. На поклонъ³⁴ Вронскаго она отвѣчала только наклоненіемъ³⁵ головы,³⁶ но слегка покраснѣла и обратилась къ хозяйкѣ:

– Алексѣй не могъ раньше пріѣхать, а я дожидалась его и очень жалѣю.

Она смотрѣла на³⁷ входившаго мужа. Онъ съ тѣмъ наклоненіемъ головы, которое указываетъ на умственное напряженіе, подходилъ лѣнивымъ шагомъ къ хозяйкѣ.³⁸

Алексѣй Александровичъ не пользовался³⁹ общимъ всѣмъ людямъ удобствомъ серьезнаго отношенія къ себѣ ближнихъ. Алексѣй Александровичъ, кромѣ того, сверхъ общаго всѣмъ занятымъ мыслью людямъ, имѣлъ еще для свѣта несчастье носить на своемъ лицѣ слишкомъ ясно вывѣску сердечной доброты и невинности. Онъ часто улыбался улыбкой, морщившей углы его глазъ, и потому еще болѣе имѣлъ видъ ученого чудака или дурачка, смотря по степени ума тѣхъ, кто судилъ о немъ.

Алексѣй Александровичъ былъ человѣкъ страстно занятый своимъ дѣломъ и потому разсѣянный и не блестящій въ обществѣ. То сужденіе, которое высказала о немъ толстая дама, было очень естественно.

* № 2 (рук. № 3).

<2-я часть.>

I.

⁴⁰Пріѣхавъ изъ оперы, хозяйка только успѣла въ уборной опудрить свое худое, тонкое лицо и⁴¹ худощавую шею и грудь, стереть эту пудру, подобрать выбившуюся прядь волосъ, приказать чай въ большой гостиной и вызвать мужа изъ кабинета, какъ ужъ одна за другой стали подъѣзжать кареты,⁴² и гости, дамы, мужчины, выходили на широкій подъездъ, и огромный швейцаръ беззвучно отворялъ огромную стеклянную дверь, пропуская мимо себя пріѣзжав-

³⁰ *Зачеркнуто:* привѣшенной къ полнымъ, необыкновенно круглымъ локтямъ,

³¹ *На полях против этих слов написано:* Дамы пасъ. Мужчины всѣ глядятъ на нее.

³² *Зачеркнуто:* тончайшія

³³ *Зач.:* съ огромными волосами

³⁴ *Зач.:* Гагина

³⁵ *Зач.:* головки

³⁶ *Зач.:* и, блеснувъ на него долгимъ взглядомъ из-за черной рамки рѣсницъ,

³⁷ *Зачеркнуто:* жалкую, некрасивую, сутуловатую, маленькую фигуру мужа – не стараго бритаго бѣлаго, бѣлокурого мужчину

³⁸ *Зач.:* мяля что-то непонятное. Алексѣй Александровичъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, преданныхъ страстно умственному труду, но открытыхъ ко всѣмъ <наслажд[еніямъ]> благамъ міра людей и специалистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкихъ и умныхъ наблюдателей, но которыхъ, благодаря ихъ внѣшнему труженническому виду, ихъ случайной разсѣянности, такъ охотно подводятъ подъ одну общую категорию дѣльныхъ и занятыхъ ученыхъ людей или чудаковъ или даже дурачковъ и которые потому рѣдко пользуются

³⁹ *В рукописи дальше слово: тѣмъ, по контексту связанное с зачеркнутымъ текстом и, видимо по рассеянности, здесь Толстым не зачеркнутое.*

⁴⁰ *Зачеркнуто:* <Гости послѣ оперы собирались у Княгини Врасской.> Пріѣхавъ изъ оперы, Княгиня Мика, какъ ее звали въ свѣтъ,

⁴¹ *Зач.:* жилистую

⁴² *Зач.:* къ ихъ огромному дому и высаживать <гостей> съ помощью лакеевъ свой грузъ

шихъ. Это былъ небольшой избранный кружокъ петербургскаго общества, случайно собравшійся пить чай послѣ оперы у Княгини⁴³ Тверской, прозванной въ свѣтъ Княгиней⁴⁴ Нана.⁴⁵

Почти въ одно и тоже время хозяйка съ освѣженной прической и лицомъ вышла изъ одной двери и гости изъ другой въ большую гостиную съ темными стѣнами, глубокими пушистыми коврами и ярко освѣщеннымъ столомъ, блестящимъ бѣлизною скатерти, серебрянаго самовара и чайнаго прибора. Хозяйка сѣла за самоваръ, сняла перчатки и, оставивъ розовый мезинчикъ, повертывала кранъ, подставивъ чайникъ, и, передвигая стулья и кресла съ помощью незамѣтныхъ въ тѣни лакеевъ, общество собралось у самовара и на противоположномъ концѣ, около красивой дамы въ черномъ бархатѣ и съ черными рѣзкими бровями. Разговоръ, какъ и всегда въ первыя минуты, дробился, перебиваемый привѣтствіями, предложеніемъ чая, шутками, какъ бы отыскивая, на чемъ остановиться.

– Она необыкновенно хороша, какъ актриса; видно что она изучила Каульбаха, – говорилъ дипломатъ.

– Ахъ, пожалуйста, не будемъ говорить про Нильсонъ. Про нее нельзя сказать ничего новаго, – сказала толстая бѣлокурая дама, вся бѣлая, безъ бровей и безъ глазъ.

– Вамъ будетъ покойнѣе на этомъ креслѣ, – перебила хозяйка.

– Расскажите мнѣ что-нибудь⁴⁶ забавное, – говорилъ женскій голосъ.

– Но вы не велѣли говорить ничего злаго. Говорять, что злое и смѣшное несовмѣстимы, но я попробую. Дайте тему.⁴⁷

– Какъ вамъ понравилась Нильсонъ, Графиня? – сказалъ хозяинъ, подходя къ толстой и⁴⁸ бѣлокурой дамѣ.

– Ахъ, можно ли такъ подкрадываться. Какъ вы меня испугали, – отвѣчала она, подавая ему руку въ перчаткѣ, которую она не снимала, зная что рука красна.⁴⁹ – Не говорите, пожалуйста, про оперу со мной. Вы ничего не понимаете въ оперѣ. Лучше я спущусь до васъ и буду говорить съ вами про ваши маіолики и гравюры. Ну, что за сокровища вы купили послѣдній разъ на толкучкѣ? Они, какъ ихъ зовутъ, – эти, знаете, богачи банкиры Шпигельцы – они насъ звали съ мужемъ, и мнѣ сказывали, что соусъ стоилъ 1000 рублей; надо было ихъ позвать, и я сдѣлала соусъ на 85 копѣекъ, и всѣ были очень довольны. Я не могу дѣлать 1000 рублевыхъ соусовъ.

– Нѣтъ, моя милая, мнѣ со сливками, – говорила дама⁵⁰ безъ шиньона, въ старомъ шелковомъ платѣ.

– Вы удивительны. Она прелесть.

Наконецъ разговоръ установился, какъ ни пытались хозяева и гости дать ему какой-нибудь новый оборотъ, установился, выбравъ изъ 3-хъ неизбѣжныхъ путей – театр – опера, послѣдняя новость общественная и злословіе. Разговоръ около чернобровой дамы установился о пріѣздѣ въ Петербургъ короля, а около хозяйки на обсужденіи четы Карениныхъ.

– А⁵¹ Мари не пріѣдетъ? – спросила толстая дама у хозяйки.

– Я звала ее и брата ее. Онъ обѣщался съ женой, а она пишетъ, что она нездорова.

⁴³ Зачеркнуто: Врасской

⁴⁴ Зач.: Мика

⁴⁵ На полях вкось вписано: Борьба. Онъ говорить: «что вы со мной сдѣлали». Она говорить: «простите меня и оставьте».

⁴⁶ Зачеркнуто: злое и смѣшное

⁴⁷ На полях вкось сверху вписано: Двѣ дамы царствуютъ: безбровая бойкая и черная красавица, молча и обиженная, злая.

⁴⁸ Зачеркнуто: красной

⁴⁹ Зач.: и сморщенна

⁵⁰ Зачеркнуто: вся въ кружевахъ и брилліантахъ

⁵¹ Зач.: Кити

– Вѣрно, душевная болѣзнь. Душа въ кринолинѣ, – повторила она то, что кто то сказалъ о⁵² Мари, извѣстной умницѣ, старой дѣвушкѣ и сестрѣ⁵³ Алексѣя Александровича Каренина.

– Я видѣла ее вчера, – сказала толстая дама. – Я боюсь, не съ⁵⁴ Анной ли у нее что нибудь.⁵⁵ Анна очень перемѣнилась со своей Московской поѣздки. Въ ней есть что то странное.

– Только некрасивыя женщины могутъ возбуждать такія страсти, – вступила въ разговоръ прямая съ римскимъ профилемъ дама.⁵⁶ – Алексѣй Вронскій сдѣлался ея тѣню.

– Вы увидите, что⁵⁷ Анна дурно кончитъ, – сказала толстая дама.

– Ахъ, типунъ вамъ на языкъ.

– Мнѣ его жалко, – подхватила прямая дама. – Онъ такой замѣчательный человѣкъ. Мужъ говорить, что это такой государственный человѣкъ, какихъ мало въ Европѣ.

– И мнѣ тоже говорить мужъ, но я не вѣрю. Если бы мужья наши не говорили, мы бы видѣли то, что есть, а по правдѣ, не сердись,⁵⁸ Нана, Алексѣй Александровичъ по мнѣ просто глупъ. Я шепотомъ говорю это. Но неправда ли, какъ все ясно дѣлается. Прежде, когда мнѣ велѣли находить его умнымъ, я все искала и находила, что я сама глупа, не вижу его ума, а какъ только я сказала главное слово – *онъ глупъ*, но шопотомъ, все такъ ясно стало, не правда ли?

Обѣ засмѣялись, чувствуя, что это была правда.

– Ахъ, полно,⁵⁹ ты нынче очень зла, но и его я скорѣе отдамъ тебѣ, а не ее. Она такая славная, милая. Ну, что же ей дѣлать, если Алексѣй⁶⁰ Вронскій влюбленъ въ нее и какъ тѣнь ходитъ за ней.

– Да, но за нами съ тобой никто не ходитъ, а ты хороша, а она дурна.

– Вы знаете М-ме Каренинъ, – сказала хозяйка, обращаясь къ молодому человѣку, подхившему къ ней. – Рѣшите нашъ споръ – женщины, говорятъ, не знаютъ толку въ женской красотѣ. М-ме Кар[енинъ] хороша или дурна?

– Я не имѣлъ чести быть представленъ М-ме К[арениной], но видѣлъ ее въ театрѣ, она положительно дурна.

– Если она будетъ нынче, то я васъ представлю, и вы скажете, что она положительно хороша.⁶¹

– Это про⁶² Каренину говорятъ, что она положительно дурна? – сказалъ молодой Генераль, вслушивавшійся въ разговоръ.

И онъ улыбнулся, какъ улыбнулся бы человѣкъ, услышавшій, что солнце не свѣтитъ.

Около самовара и хозяйки между тѣмъ, точно также поколебавшись нѣсколько времени между тремя неизбѣжными тѣмами: послѣдняя общественная новость, театръ и осужденіе ближняго, тоже, попавъ на послѣднюю, пріятно и твердо установился.

– Вы слышали – и Мальтищева – не дочь, а мать – шьетъ себѣ костюмъ *diable rose*.⁶³

– Не можетъ быть?! Нѣтъ, это прелестно.

– Я удивляюсь, какъ съ ея умомъ, – она вѣдь не глупа, – не видѣтъ *ridicule* этаго.⁶⁴

⁵² *Зач.*: Кити

⁵³ *Зач.*: <еще болѣе> <Каренина> извѣстнаго дѣльца и умницы Михаила

⁵⁴ *Зач.*: Нана

⁵⁵ *Зач.*: Нана была жена Каренина, Анастасья Аркадьевна. – Есть что то странное въ Нана.

⁵⁶ *Зач.*: Алексѣй Гагинъ

⁵⁷ *Зач.*: Нана

⁵⁸ *Зач.*: Мика

⁵⁹ *Зачеркнуто*: Мари,

⁶⁰ *Зач.*: Гагинъ

⁶¹ *Зач.*: Генераль вслушивался въ разговоръ.

⁶² *Зач.*: Нана

⁶³ [розового чорта.]

⁶⁴ [как это смешно.]

Каждый имѣлъ что сказать, и разговоръ весело трещалъ, какъ разгорѣвшійся костеръ. Мужъ Княгини Бетси, добродушный толстякъ, страстный собиратель гравюръ, узнавъ, что у жены гости, зашелъ передъ клубомъ въ гостиную. Онъ

* № 3 (рук. № 4).

I.

Молодая хозяйка, только что, запыхавшись, взбѣжала по лѣстницѣ и еще не успѣла снять соболью шубку и отдать приказанья дворецкому о большомъ чаѣ для гостей въ большой гостиной, какъ ужъ дверь отворилась и вошелъ генераль съ молодой женой, и ужъ другая карета загремѣла у подъѣзда.⁶⁵ Хозяйка только улыбкой встрѣтила гостей (она ихъ видѣла сейчасъ только въ оперѣ и позвала къ себѣ) и, поспѣшно отцѣпивъ⁶⁶ крошечной ручкой въ перчаткѣ кружево отъ крючка шубы, скрылась за тяжелой портьерой.

– Сейчасъ оторву мужа отъ его гравюръ и пришлю къ вамъ, – проговорила хозяйка изъ за портьеры и бѣжитъ въ уборную оправить волосы, попудрить рисовымъ порошкомъ и обтереть душистымъ уксусомъ.

Генераль съ блестящими золотомъ эполетами, а жена его [съ] обнаженными плечами оправлялась передъ зеркалами между цвѣтовъ. Два беззвучные лакея слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ, ожидая мгновенія отворить двери въ зало. За генераломъ вошелъ близорукой дипломатъ съ измученнымъ лицомъ, и пока они говорили, проходя черезъ зало, хозяйка, ужъ вытащивъ мужа изъ кабинета, шумя платьемъ, шла на встрѣчу гостей въ большей гостиной по глубокому ковру. Въ обдуманномъ, не яркомъ свѣтѣ гостиной собралось общество.

– Пожалуйста, не будемъ говорить объ⁶⁷ Віардо. Я сыта Віардою. Кити общала пріѣхать. Надѣюсь, что не обманетъ. Садитесь сюда поближе ко мнѣ, князь. Я такъ давно не слыхала вашей желчи.⁶⁸

– Нѣтъ, я смирился ужъ давно. Я весь вышелъ.

– Какже не оставить про запасъ для друзей?

– Въ ней много пластическаго, – говорили съ другой стороны.

– Я не люблю это слово.

– Могу я вамъ предложить чашку чая?

По мягкому ковру обходятъ кресла и подходятъ къ хозяйкѣ за чаемъ. Хозяйка, поднявши розовый мизинчикъ, поворачиваетъ кранъ серебрянаго самовара и передаетъ китайскія прозрачныя чашки.

– Здравствуйте, княгиня, – говоритъ слабый голосъ изъ за спины гостя. Это хозяинъ вышелъ изъ кабинета. – Какъ вамъ понравилась опера – Травіата, кажется? Ахъ, нѣтъ, Донъ Жуанъ.

– Вы меня испугали. Какъ можно такъ подкрадываться. Здравствуйте.

Она ставитъ чашку, чтобъ подать ему тонкую съ розовыми пальчиками руку.

– Не говорите, пожалуйста, про оперу, вы ее не понимаете.

Хозяинъ здоровывается съ гостями и садится въ дальнемъ отъ жены углу стола. Разговоръ не умолкаетъ. Говорятъ [о] Ставровичѣ и его женѣ и, разумѣется, говорятъ зло, иначе и не могло бы это быть предметомъ веселаго и умнаго разговора.

⁶⁵ *Зачеркнуто:* – Сейчасъ. Извините меня.

⁶⁶ *Зач.:* неловкой

⁶⁷ *Зач.:* Нильсонъ

⁶⁸ *Рядом на полях написано:* <Застѣнчива.><Необыкновенно неприлична.>Онъ смѣшонъ. Она насмѣшлива. Сестра Леонида Дмитрича страдаетъ и оттого, что дѣти тоже, что онъ.

– Кто то сказалъ, – говорить⁶⁹ адъютантъ, – что народъ имѣеть всегда то правительство, которое онъ заслуживаетъ; мнѣ кажется, и женщины всегда имѣють того мужа, котораго онѣ заслуживаютъ. Нашъ общій другъ Михаилъ Михайловичъ Ставровичъ есть мужъ, котораго заслуживаетъ его красавица жена.

– О! Какая теорія! Отчего же не мужъ имѣеть жену, какую...

– Я не говорю. Но госпожа Ставровичъ слишкомъ хороша, чтобъ у нее былъ мужъ, способный любить...

– Да и съ слабымъ здоровьемъ.

– Я одного не понимаю, – въ сторону сказала одна дама, – отчего М-ме Ставровичъ вездѣ принимаютъ. У ней ничего нѣтъ – ни имени, ни тепле,⁷⁰ за которое бы можно было прощать.

– Да ей есть что прощать. Или будетъ.

– Но прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о прощеніи обществу, принято, чтобъ прощаль или не прощаль мужъ, а онъ, кажется, и не видитъ, чтобы было что нибудь à pardonner.⁷¹

– Ее принимаютъ оттого, что она соль нашего прѣснаго общества.

– Она дурно кончить, и мнѣ просто жаль ее.

– Она дурно кончила – сдѣлалась такая обыкновенная фраза.

– Но милѣ всего онъ. Эта тишина, кротость, эта наивность. Эта ласковость къ друзьямъ его жены.

– Милая Софи. – Одна дама показала на дѣвушку, у которой уши не были завѣшаны золотомъ.

– Эта ласковость къ друзьямъ его жены, – повторила дама, – онъ долженъ быть очень добръ. Но если бъ мужъ и вы всѣ, господа, не говорили мнѣ, что онъ дѣльный человекъ (дѣльный это какое то кабалистическое слово у мужчинъ), я бы просто сказала, что онъ глупъ.

– Здравствуйте, Леонидъ Дмитричъ, – сказала хозяйка, кивая изъ за самовара, и поспѣшила прибавить громко подчеркнуто: – а что, ваша сестра М-ме Ставровичъ будетъ?

Разговоръ о Ставровичъ затихъ при ея братѣ.

– Откуда вы, Леонидъ Дмитричъ? вѣрно, изъ⁷² буффы?

– Вы знаете, что это неприлично, но чтоже дѣлать, опера мнѣ скучно, а это весело. И я досиживаю до конца. Нынче...

– Пожалуйста, не рассказывайте...

Но хозяйка не могла не улыбнуться, подчиняясь улыбкѣ искренней, веселой открытаго, красиваго съ кра т. г. и б. в. з.⁷³ лица Леонида Дмитрича.

– Я знаю, что это дурной вкусъ. Что дѣлать...

И Леонидъ Дмитричъ, прямо нося свою широкую грудь въ морскомъ мундирѣ, подошелъ къ хозяину и усѣлся съ нимъ, тотчасъ же вступивъ въ новый разговоръ.

– А ваша жена? – спросила хозяйка.

– Все по старому, что то тамъ въ дѣтской, въ классной, какія то важные хлопоты.

Немного погода вошли и Ставровичи,⁷⁴ Татьяна Сергѣевна въ желтомъ съ чернымъ кружевомъ платьѣ, въ вѣнкѣ и обнаженная больше всѣхъ.

Было вмѣстѣ что то вызывающее, дерзкое въ ея одеждѣ и быстрой походкѣ и что то простое и смиренное въ ея красивомъ румяномъ лицѣ съ большими черными глазами и такими же губами и такой же улыбкой, какъ у брата.⁷⁵

⁶⁹ Зачеркнуто: дипломатъ

⁷⁰ [манеры держать себя.]

⁷¹ [прощать.]

⁷² Зачеркнуто: Французскаго театра

⁷³ Так в подлиннике. Расшифровать значение этих букв не удалось.

⁷⁴ Зачеркнуто: Ан[на]

⁷⁵ На полях против этого абзаца написано: Застѣнчива. Скромна.

– Наконец и вы, – сказала хозяйка, – где вы были?

– Мы заехали домой, мне надо было написать записку⁷⁶ Балашеву. Он будет у вас.
«Этого не доставало», подумала хозяйка.⁷⁷

– Михаил Михайлович, хотите чаю?

Лицо Михаила Михайловича, бледное, бритое, пухлое и сморщенное, морщилось в улыбку, которая была бы притворна, если бы она не была так добродушна, и начал мямлить что то, чего не поняла хозяйка, и на всякий случай подала ему чаю. Он аккуратно разложил салфеточку и, оправив свой белый галстук и сняв одну перчатку, стал всхлипывая отхлебывать.⁷⁸ Чай был горяч, и он поднял голову и собрался говорить. Говорили об Оффенбах, что все таки есть прекрасные мотивы. Михаил Михайлович долго собирался сказать свое слово, пропуская время, и наконец сказал, что Оффенбах, по его мнению относится к музыке, как М-г Jabot относится к живописи, но он сказал это так не во время, что никто не слышал его. Он замолк, сморщившись в добрую улыбку, и опять стал пить чай.

Жена его между тем, облокотившись обнаженной рукой на бархат кресла и согнувшись так, что плечо ее вышло из платья, говорила с дипломатом громко, свободно, весело о таких вещах, о которых никому бы не пришлось в голову говорить в гостиной.⁷⁹

– Здесь говорили, – сказал дипломат, – что всякая жена имеет мужа, которого заслуживает. Думаете вы это?

– Что это значит, – сказала она, – мужа, которого заслуживает? Что же можно заслуживать в девушках? Мы все одинаки, все хотим выйти замуж и боимся сказать это, все влюбляемся в первого мужчину, который попадется, и все видим, что за него нельзя выйти.

– И раз ошибившись, думаем, что надо выйти не за того, в кого влюбились, – подсказал дипломат.

– Вот именно.

Она засмеялась громко и весело, перегнувшись к столу, и, сняв перчат[ки], взяла чашку.

– Ну а потом?

– Потом? потом, – сказала она задумчиво. Он смотрел улыбаясь, и несколько глаз обратилось на нее. – Потом я вам расскажу, через 10 лет.

– Пожалуйста, не забудьте.

– Нет, не забуду, вот вам слово, – и она с своей не принятой свободой подала ему руку и⁸⁰ тотчас же⁸¹ обратилась к Генералу. – Когда же вы приедете к нам обедать? – И,⁸² нагнув голову, она взяла в зубы ожерелье черного жемчуга и стала водить им, глядя из подлобья.

В 12-м часу взошел Балашев. Его невысокая коренастая фигурка всегда обращала на себя внимание, хотел или не хотел он этого. Он, поздоровавшись с хозяйкой, не скрываясь искал глазами и, найдя, поговорив что нужно было, подошел к ней. Она перед этим встала, выпустив ожерелье из губ, и прошла к столу в угол, где были альбомы. Когда он стал рядом, они были почти одного роста. Она тонкая и нежная, он черный и грубый. По странному семейному преданию все Балашевы носили серебряную кучерскую серьгу в левом ухе и все были плывы. И Иван Балашев, несмотря на 25 лет, был уже плыв, но

⁷⁶ *Зачеркнуто:* <Кура[кину]> <Корсаку> <Неволи[ну?]> <Волы[нскому?]> или <Вольс[кому?]>

⁷⁷ *Зач.:* – Не знаю, – сказала она.

⁷⁸ *Рядом на полях написано:* <Что то противное и слабое>

⁷⁹ *Ниже поперек текста написано:* Разговор искренний, шуточный, насмешливый и блестящий, умный. *Рядом на полях пометка:* <Нечаянно повстречались [?], и все ужаснулись, как пропустили.>

⁸⁰ *Зачеркнуто:* вставь

⁸¹ *Зач.:* отошла к другому столу и села за альбомы.

⁸² *Зач.:* оттянув

на затылкѣ курчавились черные волосы, и борода, хотя свѣже выбритая, синѣла по щекамъ и подбородку. Съ совершенной свободой свѣтскаго человѣка онъ подошелъ къ ней, сѣлъ, облокотившись надъ альбом[ами], и сталъ говорить, не спуская глазъ съ ея разгорѣвшагося лица. Хозяйка была слишкомъ свѣтская женщина, чтобъ не скрыть неприличности ихъ уединеннаго разговора. Она подходила къ столу, за ней другіе, и вышло незамѣтно. Можно было начась сходить, и вышло бы хорошо. Отъ этаго то многіе, чувствуя себя изящными въ ея гостиной, удивлялись, чувствуя себя снова мужиками внѣ ея гостиной.

Такъ до тѣхъ поръ, пока всѣ стали разѣзжаться, просидѣли вдвоемъ Татьяна и Балашевъ. Михаилъ Михайловичъ ни разу не взглянулъ на нихъ. Онъ говорилъ о миссіи – это занимало его – и, уѣхавъ раньше другихъ, только сказалъ:

– Я пришло карету, мой другъ.

Татьяна вздрогнула, хотѣла что то сказать: – Ми... —, но Михаилъ Михайловичъ ужъ шелъ къ двери. Но зналъ, что сущность несчастія совершилась.

Съ этаго дня Татьяна Сергѣевна не получала ни одного приглашенія на балы и вечера большого свѣта.

II.⁸³

Прошло 3 мѣсяца.⁸⁴

Стояло безночное Петербургское лѣто, всѣ жили по деревнямъ, на дачахъ и на водахъ за границей. Михаилъ Михайловичъ оставался въ Петербургѣ по дѣламъ своей службы избраннаго имъ любимаго занятія миссіи на востокѣ. Онъ жилъ въ Петербургѣ и на дачѣ въ Царскомъ, гдѣ жила его жена. Михаилъ Михайловичъ все рѣже и рѣже бывалъ послѣднее время на дачѣ и все больше и больше погружался въ работу, выдумывая ее для себя, несмотря на то, что домашній докторъ находилъ его положеніе здоровья опаснымъ и настоятельно совѣтовалъ ѣхать въ Пирмонтъ. Докторъ Гофманъ былъ другъ Михаила Михайловича. Онъ любилъ, несмотря на все занятое время, засиживаться у Ставровича.

– Я еще понимаю нашихъ барынь, онѣ любятъ становиться къ намъ, докторамъ, въ положеніе дѣтей – чтобъ мы приказывали, а имъ бы можно не послушаться, скушать яблочко, но вы знаете о себѣ столько же, сколько я. Неправильное отдѣленіе желчи – образованіе камней, отъ того раздраженіе нервной системы, оттого общее ослабленіе и большое расстройство, *circulus viciosus*,⁸⁵ и выходъ одинъ – измѣнить наши усложненныя привычки въ простыя. Ну, поѣзжайте въ Царское, поѣзжайте на скачки. Держите пари, пройдите версть 5, посмотрите...

– Ахъ да, скачки, – сказалъ Михаилъ Михайловичъ. – Нѣтъ, ужъ я въ другой разъ, а нынче дѣло есть.

– Ахъ, чудакъ.

– Нѣтъ, право, докторъ, – мямля проговорилъ Михаилъ Михайловичъ, – не хочется. Вотъ дайте срокъ, я къ осѣни отпрошусь у Государя въ отпускъ и съѣзжу въ деревню и въ Москву. Вы знаете, что при Покровскомъ монастырѣ открыта школа миссіонеровъ. Очень, очень замѣчательная.

Въ передней зазвѣнѣлъ звонокъ, и только что входилъ Директоръ, старый пріятель Михаила Михайловича, въ передней раздался другой звонокъ. Директоръ, стально-сѣдой сухой человѣкъ, заѣхалъ только затѣмъ, чтобы представить Англичанина миссіонера, пріѣхавшаго изъ Индіи, и второй звонокъ былъ миссіонеръ. Михаилъ Михайловичъ принялъ того и другаго и сейчасъ же вступилъ съ Англичаниномъ въ оживленную бесѣду. Директоръ вышелъ вмѣстѣ

⁸³ Поперек начала текста II главы написано: <Не нужно.>. Кити за границу. Ордынцевъ покось убираетъ, его сватаютъ, не можетъ – ненависть къ Удашеву. Рядом на полях: <Я выстрадалъ.> Ему говорятъ. Онъ смѣшался и при родахъ. Отнял руки. Скачки. Яхта. <На водахъ.> Въ Швейцаріи. На водахъ Михаилъ Михайловичъ и Ордынцевъ и Кити. Михаилъ Михайловичъ ѣдетъ домой.

⁸⁴ Зачеркнуто: Ужъ наступила безночная весна Петербурга.

⁸⁵ [заколдованный круг.] В подлиннике: *circulum viciosum*

съ докторомъ. Докторъ и Директоръ остановились на крыльцѣ, дожидаясь кучера извозиичьей коляски Директора, который торопливо отвязывалъ только что подвязанные торбы.

– Такъ нехорошо? – сказалъ Директоръ.

– Очень, – отвѣчалъ докторъ. – Если бы спокойствіе душевное, я бы ручался за него.

– Да, спокойствіе, – сказалъ директоръ. – Я тоже ѣздилъ въ Карлсбадъ, и ничего, оттого что я не спокоенъ душою.

– Ну да, иногда еще можно, а гдѣжь Михаилу Михайловичу взять спокойствіе съ его женушкой.⁸⁶

Докторъ молчалъ, глядя впередъ на извозчика, поспѣшно запахивающего и засовывающаго мѣшокъ съ овсомъ подъ сидѣнье.⁸⁷

– Да, да, не по немъ жена, – сказалъ Директоръ.⁸⁸

– Вы, вѣрно, на дачу, – сказалъ Докторъ.

– Да, до свиданья. Захаръ, подавай.

И оба разъѣхались. Директоръ ѣхалъ и съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ хорошо устроиваетъ судьба, что не все дается одному. Пускай Михаилъ Михайловичъ моложе его, имѣетъ доклады у Государя и тонъ, что онъ пренебрегаетъ почестями, хотя черезъ двѣ получилъ Владимира, за то въ семейной жизни онъ упалъ такъ низко.

Докторъ думалъ, какъ ужасно устроила судьба жизнь такого золотого человѣка, какъ Михаилъ Михайловичъ. Надо было ему⁸⁹ это дьявольское навожденіе – женитьбы и такой женитьбы. Какъ будто для того только, чтобъ втоптать его въ грязь передъ такими людьми, какъ этотъ директоръ.

III.⁹⁰

Иванъ Балашевъ обѣдалъ въ артели своего полка раньше обыкновеннаго. Онъ сидѣлъ въ растегнутомъ надъ бѣлымъ жилетомъ сюртукѣ, облокотившись обѣими руками на столъ, и, ожидая заказаннаго обѣда, читалъ на тарелкѣ французскій романъ.

– Ко мнѣ чтобъ Кордъ сейчасъ пришелъ сюда, – сказалъ онъ слугѣ.

Когда ему подали супъ въ серебряной мисочкѣ, онъ вылилъ себѣ на тарелку. Онъ доѣдалъ супъ, когда въ столовую вошли офицерикъ и статскій.

Балашевъ взглянулъ на нихъ и отвернулся опять, будто не видя.

– Что, подкрѣпляешься на работу, – сказалъ офицеръ, садясь подлѣ него.

– Ты видишь.

– А вы не боитесь потяжелѣть, – сказалъ толстый, пухлый штатскій, садясь подлѣ молодого офицера.

– Что? – сердито сказалъ Балашевъ?

– Не боитесь потяжелѣть?

– Человѣкъ, подай мой хересь, – сказалъ Балашевъ не отвѣчая штатскому.

Штатскій спросилъ у офицера, будетъ ли онъ пить, и, улыбно глядя на него, просилъ его выбрать.

Твердые шаги слышались въ залѣ, вошелъ молодчина Ротмистръ и ударилъ по плечу Балашева.

– Такъ умно, [1 неразобр.]. Я за тебя держу съ Голицынымъ.

Вошедшій точно также сухо отнесся къ штатскому и офицеру, какъ и Балашевъ. Но Балашевъ весело улыбнулся Ротмистру.

⁸⁶ Далее поперек текста до конца главы написано: Не нужно.

⁸⁷ Зачеркнуто: – Правда, что она беременна?

⁸⁸ Зач.: – Да, это правда, – также сухо сказалъ Докторъ.– Послѣ 6 лѣтъ. Какъ странно.

⁸⁹ Зач.: жену

⁹⁰ Против начала текста III главы поперек текста написано: <Его пріятель Ордынцевъ.>

– Что же ты вчера дѣлалъ? – спросилъ онъ.

– Проигралъ пустяки.

– Пойдемъ,⁹¹ я кончилъ, – сказалъ Балашевъ.

И, вставъ, они пошли къ двери. Ротмистръ громко, не стѣсняясь, сказалъ:

– Эта гадина какъ мнѣ надоѣла. И мальчишка жалокъ мнѣ. Да. Я больше не буду ѣсть.

Ни шампанскаго, ничего.

Въ бильярдной никого не было еще, они сѣли рядомъ. Ротмистръ выгналъ маркера.

Кордъ Англичанинъ пришелъ и на вопросъ Балашева о томъ, какъ лошадь Tiny, получить отвѣтъ, что весела и ѣсть кормъ, какъ слѣдуетъ ѣсть честной лошади.

– Я приду, когда вести, – сказалъ Балашевъ и отправился къ себѣ, чтобъ переодѣться во все чистое и узкое для скачки. Ротмистръ пошелъ съ нимъ и легъ, задравъ ноги на кровать, пока Балашевъ одѣвался. Товарищъ сожитель Балашева Несвицкой спалъ. Онъ кутилъ всю прошлую ночь. Онъ проснулся.

– Твой братъ былъ здѣсь, – сказалъ онъ Балашеву. – Разбудилъ меня, чортъ его возьми, сказалъ, что придетъ опять. Это кто тутъ? Грабе? Послушай, Грабе. Чтобы выпить послѣ перепоя? Такая горечь, что...

– Водки лучше всего. Терещенко, водки барину и огурецъ.

Балашевъ вышелъ въ подштанникахъ, натягивая въ шагу.

– Ты думаешь, это пустяки. Нѣтъ, здѣсь надо, чтобъ было узко и плотно, совсѣмъ другое, вотъ славно. – Онъ поднималъ ноги. – Новые дай сапоги.

Онъ почти одѣлся, когда пришелъ братъ, такой же плѣшивый, съ серьгой, коренастый и курчавый.

– Мнѣ поговорить надо съ тобой.

– Знаю, – сказалъ Иванъ Балашевъ, покраснѣвъ вдругъ.

– Ну, секреты, такъ мы уйдемъ.

– Не секреты. Если онъ хочетъ, я при нихъ скажу.

– Не хочу, потому что знаю все, что скажешь, и совершенно напрасно.

– Да и мы всѣ знаемъ, – сказалъ выходя изъ за перегородки въ красномъ одѣялѣ Несвицкій.

– Ну, такъ что думаютъ тамъ, мнѣ все равно. А ты знаешь лучше меня, что въ этихъ дѣлахъ никого не слушаютъ люди, а не червяки. Ну и все. И пожалуйста, не говори, особенно тамъ.

Всѣ знали, что рѣчь была о томъ, что⁹² тотъ, при комъ состоялъ старшій братъ Балашева, былъ недоволенъ тѣмъ, что Балашевъ компрометировалъ Ставровичъ.

– Я только одно говорю, – сказалъ старшій братъ, – что эта неопредѣленность нехороша. Уѣзжай въ Ташкентъ, за границу, съ кѣмъ хочешь, но не...⁹³.

– Это все равно, какъ я сяду на лошадь, объѣду кругъ, и ты меня будешь учить, какъ ѣхать. Я чувствую лучше тебя.

– И не мѣшай, онъ доѣдетъ, – закричалъ Несвицкій. – Послушайте, кто же со мной выпьетъ? Такъ водки, Грабе. Противно. Пей. Потомъ пойдемъ смотрѣть, какъ его обскачутъ, и выпьемъ съ горя.

– Ну, однако прощайте, пора, – сказалъ Иванъ Балашевъ, взглянувъ на отцовскій старинный брегетъ, и застегнулъ куртку.

– Постой, ты волоса обстриги.

⁹¹ Зачеркнуто: въ бильярдную. Туда вели принести

⁹² Зачеркнуто: при дворѣ одно лицо

⁹³ Рядом и ниже на полях написано: Рассказъ, какъ всю ночь пили, и погребальный маршъ. Вошелъ Потуловъ. «Вотъ мой другъ. Этого меня пойметъ». «Давай зельтерской съ лимономъ и потомъ шампанскаго».

– Ну, хорошо.

Иванъ Балашевъ надвинулъ прямо съ затылка на лысину свою фуражку и вышелъ, разминаясь ногами.

Онъ зашелъ въ конюшню, похолодилъ Тину, которая, вздохнувъ тяжело при его входѣ въ стойло, покосилась на него своимъ большимъ глазомъ и, отворотивъ лѣвое заднее копыто, свихнула задъ на одну сторону. «Копыто то, – подумалъ Иван Балашевъ. – Гибкость!» Онъ подошелъ еще ближе, перекинулъ прядь волосъ съ гривы, перевалившуюся на право, и провелъ рукой по острому глянцевиному загривку и по крупу подъ попоной.

– All right,⁹⁴ – повторилъ Кордъ скучая.

Иванъ Балашевъ вскочилъ въ коляску и поѣхалъ къ Татьянѣ Ставровичъ.

Она была больна и скучна. Въ первый разъ беременность ея давала себя чувствовать.

IV.⁹⁵

Онъ вѣжалъ въ дачу и, обойдя входную дверь, прошелъ въ садъ и съ саду, тихо ступая по песку, крадучись вошелъ въ балконную дверь. Онъ зналъ, что мужа нѣтъ дома, и хотѣлъ удивить ее.

Наканунъ онъ говорилъ ей, что не заѣдетъ, чтобъ не развлекаться, потому что не можетъ думать ни о чемъ, кромѣ скачки. Но онъ не выдержалъ и на минуту передъ скачками, гдѣ онъ зналъ, что увидитъ ее въ толпѣ, забѣжалъ къ ней. Онъ шелъ во всю ногу, чтобъ не брнчать шпорами, ступая по отлогимъ ступенямъ терасы, ожидая найти въ внутреннихъ комнатахъ, но, оглянувшись, чтобъ увидать, не видитъ ли его кто, онъ⁹⁶ увидалъ ее. Она сидѣла въ углу терасы между цвѣтами у балюстрады въ лиловой шелковой собранной кофтѣ, накинутой на плечи, голова была причесана. Но она сидѣла, прижавъ голову къ лейкѣ, стоявшей на перилахъ балкона. Онъ подкрался къ ней. Она открыла глаза, вскрикнула и закрыла голову платкомъ, такъ, чтобъ онъ не видалъ ея лица. Но онъ видѣлъ и понялъ, что подъ платкомъ были слезы.

– Ахъ, что ты сдѣлалъ..... Ахъ зачѣмъ... Ахъ, – и она зарыдала.....

– Что съ тобой? Что ты?

– Я беременна, ты испугалъ меня. Я.. беременна.

Онъ оглянулся, покраснѣлъ отъ стыда, что онъ оглядывается, и сталъ поднимать платокъ. Она удерживала его, дѣлая ширмы изъ рукъ. Въ концѣ [?] улицѣ⁹⁷ сіяли мокрая отъ слезъ, но нѣжныя, потерянно счастливыя глаза, улыбаясь.

Онъ всунулъ лицо въ улицу.⁹⁸ Она прижала его щеки и поцѣловала его.

– Таня, я обѣщался не говорить, но это нельзя. Это надо кончить. Брось мужа. Онъ знаетъ, и теперь мнѣ все равно; но ты сама готовишь себѣ мученья.

– Я? Онъ ничего не знаетъ и не понимаетъ. Онъ глупъ и золъ. Еслибъ онъ понималъ что нибудь, развѣ бы онъ оставлялъ меня?

Она говорила быстро, не поспѣвая договаривать. Иванъ Балашевъ слушалъ ее съ лицомъ грустнымъ, какъ будто это настроеніе ея было давно знакомо ему, и онъ зналъ, что оно непреодолимо. «Ахъ, еслибъ онъ былъ глупъ, золъ, – думалъ Балашевъ. – А онъ уменъ и добръ».

– Ну, не будемъ.

⁹⁴ [– Всё в порядке.]

⁹⁵ *В начале главы поперег текста написано:* Не нужно. *Рядом на полях:* <Въ Москвѣ. Нигилизмъ не помогаетъ.> Подбѣжалъ къ ней и не думая о ней. Онъ проѣхалъ мимо дачи. Она высунулась изъ окна съ сестрой. «Я обѣщался заѣхать, сказать – пора. Вы обѣщали дать мнѣ на счастье». «Возьмите мою коляску, Лизе, поѣдемъ». Ей хотѣлось сказать наединѣ. Она быстро солгала. «Нѣтъ, я пойду пѣшкомъ. Ахъ, подите мой ящикъ отоприте». Онъ ловокъ руками. «Постойте, я принесу». Изъ за двери она закричала: «Подите сюда скорѣе»... Онъ вѣжалъ, и не успѣла еще войти, какъ онъ поцѣловалъ ее губы и зубы и успѣлъ сказать: «Я проведу всю ночь въ саду, буду ждать» «Хорошо, жди непременно, непременно». Свернулся. Вошла сестра и все поняла и рѣшила сказать мужу. Роль ея стала невозможна.

⁹⁶ *В подлиннике:* но

⁹⁷ *Так в подлиннике.*

⁹⁸ *Так в подлиннике.*

Но она продолжала.

– И что же ты хочешь, чтобы я сдѣлала, что я могу сдѣлать? Сдѣлаться твоей *maîtresse*,⁹⁹ осрамить себя, его, погубить тебя. И зачѣмъ? Оставь, все будетъ хорошо. Развѣ можно починить? Я лгала, буду лгать. Я погибшая женщина. Я умру родами, я знаю, я умру. Ну, не буду говорить. И нынче. Пустяки. – Она вдругъ остановилась, будто прислушиваясь или вспоминая. – Да, да, ужъ пора ѣхать. Вотъ тебѣ на счастье. – Она поцѣловала его въ оба глаза. – Только не смотри на меня, а смотри на дорогу и на препятствіяхъ не горячи Тани, а спокойнѣе. Я за тебя держу три пари. Ступай.

Она подала ему руку и вышла. Онъ вздохнулъ и пошелъ къ коляскѣ. Но какъ только онъ выѣхалъ изъ переулковъ дачъ, онъ уже не думалъ о ней. Скачки съ бесѣдкой, съ флагомъ, съ подѣзжающими колясками, съ лошадьми, провожаемыми въ кругъ, открылись ему, онъ забылъ все, кромѣ предстоящаго.

V.

День разгулялся совершенно ко времени скачекъ, солнце ярко блестѣло, и послѣдняя туча залегла на севѣрѣ.¹⁰⁰

Балашевъ пробѣжалъ мимо толпы знакомыхъ, кланяясь не впадѣть и слыша, что въ толпѣ на него показывали какъ на одного изъ скачущихъ и на самаго надежнаго скакуна. Онъ пошелъ къ своей Танѣ, которую водилъ конюхъ и у которой стоялъ Кордъ, и входя разговаривалъ. По дорогѣ онъ наткнулся на главнаго соперника Нельсона Голицына. Его вели въ сѣдлѣ два конюха въ красныхъ картузахъ. Невольно замѣтилъ Балашевъ его спину, задъ, ноги, копыта. «Вся надежда на ѣзду противъ этой лошади», подумалъ Балашевъ и побѣжалъ къ своей.

Передъ его подходомъ лошадь остановили. Высокій, прямой статскій съ сѣдыми усами осматривалъ лошадь. Подлѣ него стоялъ маленькій, худой, хромой. Маленькій хромой, въ то самое время, какъ Балашевъ подходилъ, проговорилъ:

– Слово нѣтъ, лошадь суха и ладна, но не она придетъ.

– Это отчего?

– Скучна. Не въ духѣ.

Они замолчали.¹⁰¹ Сѣдой въ высокой шляпѣ обернулся къ Балашеву:

– Поздравляю, мой милый. Прекрасная лошадь, я подержу за тебя.

– Лошадь то хороша. Каковъ ѣздокъ будетъ? – сказала Балашевъ улыбаясь.

Высокій штатскій окинулъ взглядомъ сбитую коренастую фигурку Балашева и веселое твердое лицо и одобрительно улынулся.

Въ толпѣ зашевелилось, зашевелились жандармы. Народъ побѣжалъ къ бесѣдкѣ.

– Великій Князь, Государь приѣхалъ, – послышались голоса.

Балашевъ побѣжалъ къ бесѣдкѣ. У вѣсовъ толпилось челоуѣкъ 20 офицеровъ. Три изъ нихъ, Г[олицынъ], М[илютинъ] и З., были пріятели Балашева, изъ одного съ нимъ петербургскаго круга. И одинъ изъ нихъ, маленькій худенькій М[илютинъ], съ подслѣповатыми сладкими глазками, былъ кромѣ того, что и вообще несимпатичный ему челоуѣкъ,¹⁰² былъ соперникъ самый опасный; отличный ѣздокъ, легкій по вѣсу и на лошади кровной, въ¹⁰³ Италіи [?] взявшей 2 приза и недавно привезенной.

Остальные были мало извѣстные въ Петербургскомъ свѣтѣ гвардейскіе кавалеристы, армейцы, гусары, уланы и одинъ казакъ. Были юноши еще безъ усовъ, мальчики, одинъ гусаръ

⁹⁹ [любовницей,]

¹⁰⁰ *Рядом на полях написано:* Анну не принимаютъ. «Мнѣ вправо». Онъ встрѣтилъ Степана Аркадьича на скачкахъ, объ-являетъ Аннѣ о устраивающемся бракѣ Кити с Левинымъ. *Дальше поперек следующей страницы написано:* Скачки, другихъ

¹⁰¹ *Зачеркнуто:* когда подошелъ Балашевъ. Старый

¹⁰² *Зач.*: несмотря на высшій тонъ, то, что принадлежавши къ высшему свѣту, мальчикъ гордый и съ отгѣнкомъ учености и новой либеральности. Кромѣ того, онъ

¹⁰³ *Зачеркнуто:* Англійи

совсѣмъ мальчикъ съ дѣтскимъ лицомъ, складный, красивый, напрасно старавшійся принять видъ строго серьезный, особенно обращалъ на себя вниманіе. Балашевъ съ знакомыми, и въ томъ числѣ съ М[илютинымъ], поздравывался по своему обыкновенію просто,¹⁰⁴ одинаково крѣпко пожимая руку и глядя въ глаза. М[илютинъ], какъ всегда, былъ ненатураленъ, твердо смѣялся, выставляя свои длинные зубы.

– Для чего вѣшать? – сказалъ кто-то. – Все равно надо нести что есть въ каждомъ.

– Для славы Господа. Записывайте: 4 пуда 5 фунтовъ, – и уже немолодой конюхъ Гренадеръ [?] слѣзъ съ вѣсовъ.

– 3 пуда 8 фунтовъ, 4 пуда 1 фунтъ. Пишите прямо 3,2, – сказалъ М[илютинъ].

– Нельзя. Надо повѣрить...

Въ Балашевѣ было 5 пудовъ.

– Вотъ не ждалъ бы, что вы такъ тяжелы.

– Да, не сбавляетъ.

– Ну, господа, скорѣе. Государь ѣдетъ.

По лугу, на которомъ кое гдѣ разношники [*1 неразобр.*], разсыпались бѣгушія фигуры къ своимъ лошадямъ. Балашевъ подошелъ къ Тіпу. Кордъ давалъ послѣднія наставленія.

– Одно, не смотрите на другихъ, не думайте о нихъ. Не обгоняйте. Передъ препятствіями не удерживайте и не посылайте. Давайте ей выбирать самой, какъ онъ хочетъ приступить. Труднѣе всѣхъ для васъ канавы, не давайте ей прыгать въ даль.

Балашевъ засунулъ палецъ подъ подпруги. Она, прижавъ уши, оглянулась.

– All right, – улыбаясь сказалъ Англичанинъ.

Балашевъ былъ немного блѣденъ, какъ онъ могъ съ его смуглымъ лицомъ.

– Ну, садитесь.

Балашевъ оглянулся. Кое кто сидѣлъ, кто заносилъ ноги, кто вертѣлся около недающихъ садиться. Балашевъ вложилъ ногу и гибко приподнялъ тѣло. Сѣдло заскрипѣло новой кожей, и лошадь подняла заднюю ногу и потянула голову въ поводья. Въ одинъ и тотъ же моментъ поводья улеглись въ перчатку, Кордъ пустилъ, и лошадь тронулась вытягивающимъ шагомъ. Какъ только Балашевъ подѣхалъ къ кругу и звонку и мимо его проѣхали двое, лошадь подтянулась и подняла шею, загорячилась и, несмотря на ласки, не успокоивалась, то съ той, то съ другой стороны стараясь обмануть сѣдока и вытянуть поводья. Мимо его галопомъ проѣхалъ Милютинъ на 5 вершковомъ гнѣдомъ жеребцѣ и осадилъ его у звонка. Таня выкинула лѣвую ногу и сдѣлала два прыжка, прежде чѣмъ, сердясь, не перешла на тряскую рысь, подкидывая сѣдока.

Порывы, [*1 неразобр.*], повороты назадъ, затишье, звонокъ, и Балашевъ пустилъ свою лошадь въ самый моментъ звонка. Казачій офицеръ на сѣрой лошаdkѣ проскакалъ не слышно мимо его, за нимъ легко вскидывая, но тяжело отбивая задними ногами, проплылъ М[илютинъ]. Таня влегла въ поводья и близилась къ хвосту М[илютина]. Первое препятствіе былъ барьеръ. М[илютинъ] былъ впереди и, почти не перемѣняя аллюра, перешелъ барьеръ и пошелъ дальше. Съ казачьимъ офицеромъ Балашевъ подскакивали вмѣстѣ. Таня рванулась и близко слишкомъ поднялась, стукнула задней ногой. Балашевъ пустилъ поводья, прислушиваясь къ такту скачки, не ушиблась ли она. Она только прибавила хода. Онъ опять сталъ сдерживать. Второе препятствіе была рѣка. Одинъ упалъ въ ней. Балашевъ подержалъ влѣво, не посылалъ, но онъ почувствовалъ въ головѣ лошади, въ ушахъ нерѣшительность; онъ чуть приложилъ шенкеля и щелкнулъ языкомъ. «Нѣтъ, я не боюсь», какъ бы сказала лошадь, рванулась въ воду. Одинъ, другой прыжокъ по водѣ. На третьемъ она заторопилась, два нетактные прыжка въ воду, но послѣдній прыжокъ такъ подкинулъ задъ, что, видно было, она шутя выпростала ноги изъ тины и вынесла на сухое. М[илютинъ] былъ тамъ сзади. Но не упалъ. Балашевъ слышалъ приближающіеся ровные поскоки его жеребца. Балашевъ оглянулся: сухая чернѣющая

¹⁰⁴ *Зач.*: радушно

отъ капель пота голова жеребца, его тонкій храпъ съ прозрачными красными на [1 неразобр.] ноздрями близилась къ крупу его лошади, и М[илютинъ] улыбался ненатурально.

Балашеву неприятно было видѣть М[илютина] съ его улыбкой; онъ не сдержалъ Тани. Она только что начинала потѣть на плечахъ. Онъ даже, забывъ увѣщанія Корда, послалъ ее. «Такъ нужно наддать, – какъ будто сказала Тани. – О, еще много могу», еще ровнѣе, плавнѣе, неслышнѣ стали ея усилія, и она отдѣлилась отъ М[илютина]. Впереди было самое трудное препятствіе: стѣнка и канава за нею. Противъ этого препятствія стояла кучка народа, Балашевъ ихъ большинство своихъ пріятелей,¹⁰⁵ М. О., товарищи Гр. и Н. и нѣсколько дамъ. Балашевъ уже былъ въ томъ состояніи ѣзды, когда перестаешь думать о себѣ и лошади отдѣльно, когда не чувствуешь движеній лошади, а сознаешь эти движенія какъ свои собственныя и потому не сомнѣваешься въ нихъ. Хочешь перескочить этотъ валъ и перескочишь. Ни правиль, ни совѣтовъ Корда онъ не помнилъ, да и не нужны ему были. Онъ чувствовалъ за лошадь и всякое движеніе ее зналъ и зналъ, что препятствіе это онъ перескочить такъ же легко, какъ сѣль на сѣдло. Кучка людей у препятствія была, его пріятель Гр. выше всѣхъ головой стоялъ въ серединѣ и любовался пріателемъ Балашевымъ. Онъ всегда любовался, утѣшаясь имъ послѣ мушекъ, окружавшихъ его. Теперь онъ любовался имъ больше чѣмъ когда нибудь. Онъ своими зоркими глазами издали видѣлъ его лицо и фигуру и лошадь и глазами дружбы сливался съ нимъ и, также какъ и Балашевъ, зналъ, что онъ перескочить лихое препятствіе. Но когда артиллеристъ знаетъ, что выстрѣлитъ пушка по [1 неразобр.], которую онъ ударяетъ, онъ всетаки дрогнетъ при выстрѣлѣ, такъ и теперь онъ и они всѣ съ замираньемъ смотрѣли на приближающуюся качающуюся голову лошади, приглядывающейся къ предстоящему препятствію, и на нагнутую впередъ широкую фигуру Балашева и на его блѣдное, не веселое лицо и блестящія, устремленные впередъ и мелькнувшія на нихъ глаза.

«Лихо ѣдетъ». – «Погоди». – «Молчите, господа». Таня какъ разъ размѣряла мѣсто и поднялась съ математически вѣрной точки, чтобы дать прыжокъ. Лица всѣхъ просіяли въ то же мгновеніе, они поняли, что она на той сторонѣ, и точно мелькнула поднятая голова и грудь и разъ и два вскинутый задъ, и не успѣли заднія ноги попасть на землю, какъ уже переднія поднялись, и лошадь и сѣдокъ, впередъ предугадавший всѣ движенія и неотдѣлявшійся отъ сѣдла, уже скакали дальше. «Лихо, bravo, Балашевъ», проговорили зрители, но уже смотрѣли на М[илютина], который подсакивалъ къ препятствію. На лицѣ Балашева мелькнула радостная улыбка, но онъ не оглядывался. Впереди и сейчасъ было маленькое препятствіе – канава съ водой въ 2 аршина. У этаго препятствія стояла дама въ лиловомъ платьѣ, другая въ сѣромъ и два господина. Балашеву не нужно было узнавать даму, онъ съ самага начала скачекъ зналъ, что она тамъ, въ той сторонѣ, и физически почувствовалъ приближеніе къ ней. Татьяна Сергѣевна пришла съ золовкой и Б. Д. къ этому препятствію именно потому, что она не могла быть спокойна въ бесѣдкѣ, и у большаго препятствія она не могла быть. Ея пугало, волновало это препятствіе. Она, хотя и ѣздохъ, какъ женщина, не могла понять, какъ возможно перепрыгнуть это препятствіе на лошади. Но она остановилась дальше, но и оттуда смотрѣла на страшное препятствіе. Она видѣла сонъ, и сонъ этотъ предвѣщаль ей несчастіе. Когда онъ подѣзжалъ къ валу (она давно въ бинокль узнала его впереди всѣхъ), она схватилась рукой за сестру, перебирая ея, сжимая нервными пальцами. Потомъ откинула бинокль и хотѣла броситься [?], но опять схватила бинокль, и въ ту минуту какъ она искала его въ трубу, онъ ужъ былъ на этой

¹⁰⁵ Так в подлиннике. Далее поперек текста написано: Она сидитъ въ коляскѣ. Толпа молодежи около. Она откинулась назадъ <и застонала. «Лизъ, я домой».> Всѣ замолчали. <Она отѣхала.> Корней. Блѣдна, вскочила и опять назадъ. «Подите узнайте, что онъ». Его посадили въ коляску и повезли. Пришелъ, сказалъ. «Это ужасно. Я поѣду домой. <Корней, поѣзжай.»> «Маша» написала записку. Я хочу тебя видѣть и сейчасъ приду къ тебѣ». «Маша! доставь». Анна Каренина ходила, ломала цвѣты. «Я бы былъ, но мнѣ не велятъ – съ задняго крыльца въ 9-ть я буду одинъ». «О, какъ я счастливъ». «Я это знала». «Я знаю какъ я люблю тебя». Вдругъ дурно. «Я беременна». «Это нельзя. Не омрачай[?]».

сторонѣ.¹⁰⁶ «Нѣтъ сомнѣнья, что Балашевъ выиграетъ». – «Не говорите, М[илютинъ] хорошо ѣдетъ. Онъ сдерживаетъ. Много шансовъ». – «Нѣтъ, хорошъ этотъ». – «Ахъ, опять упаль». Пока это говорили, Балашевъ приближался, такъ что лицо его видно было, и глаза ихъ встрѣтились. Балашевъ не думалъ о канавѣ, и, дѣйствительно, нечего было думать. Онъ только послалъ лошадь. Она поднялась, но немножко рано. Такъ чтобъ миновать канаву, ей надо бы прыгнуть не 2, а 3 аршина, но это ничего не значило ей, она знала это и онъ вмѣстѣ. Они думали только о томъ, какъ скакать дальше. Вдругъ Балашевъ почувствовалъ въ то мгновенье, какъ перескочилъ, что задъ лошади не поддалъ его, но опустился неловко (нога задняя попала на край берега и, отворотивъ дернину, осунулась). Но это было мгновенье. Какъ бы разсердившись на эту неприятность и пренебрегая ею, лошадь перенесла всю силу на другую заднюю ногу и бросила, увѣренная въ упругости задней лѣвой, весь передъ впередъ. Но бокомъ ли стала нога, слишкомъ ли понадѣялась на силу ноги лошадь, невѣрно ли стала нога, нога не выдержала, передъ поднялся, задъ подкосился, и лошадь съ сѣдокомъ рухнула назадъ на самый берегъ канавы. Одно мгновенье, и Балашевъ выпросталъ ногу, вскочилъ и блѣдный, съ трясущейся челюстью, потянулъ лошадь, она забила, поднялась, зашаталась и упала. М[илютинъ] съ бѣлыми зубами перелетѣлъ черезъ канаву и исчезъ. К[азачій] Офицеръ ерзнулъ черезъ, еще 3-й. Балашевъ схватился за голову. «АА!» проговорилъ онъ и съ бѣшенствомъ ударилъ каблукомъ въ бокъ лошадь. Она забила и оглянулась на него. Уже бѣжали народъ и Кордъ. Татьяна Сергѣевна подошла тоже.

– Что вы?

Онъ не отвѣчалъ. Кордъ говорилъ, что лошадь сломала спину. Ее оттаскивали. И его ошупывали. Онъ сморщился, когда его тронули за бокъ. Онъ¹⁰⁷ сказалъ Татьянѣ Сергѣевнѣ:

– Я не ушибся, благодарю васъ, – и пошелъ прочь, но она видѣла, какъ его поддерживалъ докторъ и какъ подъ руки посадили въ дрожки.

VI.¹⁰⁸

Не одна Татьяна Сергѣевна зажмуривалась при видѣ скакуновъ, подходившихъ къ препятствіямъ. Государь зажмуривался всякій разъ, какъ офицеръ подходилъ къ препятствію. И когда оказалось, что изъ 17 человѣкъ упало и убилося 12, Государь недовольный уѣхалъ и сказалъ, что онъ не хотѣлъ этаго и такихъ скачекъ, что ломать шеи не позволить впередъ. Это же мнѣніе и прежде слышалось, хотя и смутно, въ толпѣ, но теперь вдругъ громко высказалось.

Михаиль Михайловичъ пріѣхалъ таки на скачку, не столько для того, чтобы послѣдовать совѣту Доктора, но для того, чтобы разрѣшить мучавшія его сомнѣнія, которымъ онъ не смѣлъ, но не могъ не вѣрить. Онъ рѣшился говорить съ женой, послѣдній разъ, и съ сестрою, съ боже-ственной Кити, которая такъ любила, жалѣла его, но которая должна же понять, что прошло же время жалѣть, что сомнѣнія даже хуже его горя, если есть чтонибудь въ мірѣ хуже того горя, котораго онъ боялся. Въ домѣ на дачѣ, разумѣется, никого не было. И Михаилъ Михайловичъ, отпустивъ извозчика, рѣшился пойти пѣшкомъ, слѣдуя совѣту Доктора. Онъ заложилъ за спину руки съ зонтикомъ и пошелъ, опустивъ голову, съ трудомъ отрываясь отъ своихъ мыслей, чтобъ вспоминать на перекресткахъ, какое изъ направлений надо выбирать. Онъ пришелъ къ скачкамъ, когда уже водили потныхъ лошадей, коляски разѣзжались. Всѣ были недовольны, нѣкоторые взволнованы. М[илютинъ] побѣдитель весело впрыгнулъ въ коляску къ матери. У разѣзда столкнулся съ Голицыной и сестрой.

¹⁰⁶ *Зачеркнуто:* «Очень хорошо ѣдетъ».

¹⁰⁷ *Зач.:* быстро

¹⁰⁸ *На поляхъ рядомъ с начальными строками главы написано:* Мужъ пріѣхалъ, она реветъ блѣдная. Ее не пустили къ любовнику и признается. Михаилъ Михайловичъ пріѣхалъ и не нашелъ ее. Сестра говоритъ, что не можетъ говорить. Она лжетъ, объясненіе о беременности. Отѣздъ Михаила Михайловича въ Москву. Роды. Прощеніе. Леонидъ Дмитричъ затащилъ къ себѣ обѣдать. Его жена – разговоръ съ кузиной. Поѣдемъ <домой> въ Петербургъ. Нигилисты утѣшаютъ. Михаилъ Михайловичъ горячится. Онъ уѣзжаетъ <въ деревню> въ Петербургъ. На комитетѣ. Приходитъ домой и отправляет[ся?].

– Bravo, Михаилъ Михайловичъ. Неужели ты пѣшкомъ? Но что это съ вами? Должно быть, усталъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ отъ непривычнаго движенія [*1 неразобр.*] въ то время былъ какъ сумашедшій, такъ раздраженъ нервами, чувствовалъ полный упадокъ силъ и непреодолимую рѣшительность.

– А Таня гдѣ?

Сестра покраснѣла, а Голицына стала говорить съ стоявшими подлѣ о паденіи Балашева. Михаилъ Михайловичъ, какъ всегда при имени Балашева, слышалъ все, что его касалось, и въ то же время говорилъ съ сестрой. Она пошла съ Н. къ канавѣ. Она хотѣла пріѣхать домой одна. Сестра лгала: она видѣла въ бинокль, что Татьяна Сергѣевна пошла вслѣдъ за паденіемъ Балашева къ своей коляскѣ и знала, какъ бы она сама видѣла, что Татьяна Сергѣевна поѣхала къ нему. Михаилъ Михайловичъ тоже понялъ это, услыхавъ, что Балашевъ сломалъ ребро. Онъ спросилъ, съ кѣмъ она пошла. Съ Н. Не хочетъ ли онъ взять мѣсто въ коляскѣ Г[олицыной]? Его доvezуть.

– Нѣтъ, благодарю, я пройдуся.

Онъ съ тѣмъ официальнымъ пріемомъ внѣшнихъ справокъ рѣшилъ основательно узнать, гдѣ его жена. Найти Н., спросить его, спросить кучера. Зачѣмъ онъ это дѣлалъ, онъ не зналъ. Онъ зналъ, что это ни къ чему не поведетъ, зналъ и чувствовалъ всю унижительность роли мужа, ищащаго свою жену, которая ушла. «Какъ лошадь или собака ушла», подумалъ онъ. Но онъ холодно односторонне рѣшилъ это и пошелъ. Н. тотчасъ же попался ему.

– А, Михаилъ Михайловичъ.

– Вы видѣли мою жену?

– Да, мы стояли вмѣстѣ, когда Балашевъ упалъ и все это попадало. Это ужасно. Можно ли такъ глупо!

– А потомъ?

– Она поѣхала домой, кажется. Я понимаю, что для М-те Ставровичъ это, да и всякую женщину съ нервами. Я мужчина, да и то нервы. Это гладиаторство. Недостаетъ цирка съ львами.

Это была фраза, которую сказалъ кто то, и всѣ радовались, повторяли. Михаилъ Михайловичъ взялъ и поѣхалъ домой. Жены не было. Кити сидѣла одна, и лицо ее скрывало что то подъ неестественнымъ оживленіемъ.

Михаилъ Михайловичъ подошелъ къ столу, сѣлъ, поставилъ локти, сдвинувъ чашку, которую подхватила Кити, положилъ голову въ руки и¹⁰⁹ началъ вздохъ, но остановился. Онъ открылъ лицо.

– Кити, – чтожь, рѣшительно это такъ?

– Мишель, я думаю, что я не должна ни понимать тебя, ни отвѣчать тебѣ. Если я могу свою жизнь отдать для тебя, ты знаешь, что я это сдѣлаю; но не спрашивай меня ни о чемъ. Если я нужна, вели мнѣ дѣлать.

– Да, ты нужна, чтобъ вывести меня изъ сомнѣнья. – Онъ глядѣлъ на нее и понялъ ея выраженіе при словѣ *сомнѣнія*. – Да и сомнѣній нѣтъ, ты хочешь сказать. Все таки ты нужна, чтобъ вывести меня изъ сомнѣнія. Такъ жить нельзя.¹¹⁰ Я несчастное, невинное наказанное дитя. Мнѣ рыдать хочется, мнѣ хочется, чтобъ меня жалѣли. Чтобъ научили, что мнѣ дѣлать. Правда ли это? Неужели это правда? И что мнѣ дѣлать?

– Я ничего не знаю, я ничего не могу сказать. Я знаю, что ты несчастливъ, а что я...

– Какъ несчастливъ?

– Я не знаю какъ, я вижу и ищу помочь.

¹⁰⁹ *Зачеркнуто:* тяжело

¹¹⁰ *Зачеркнуто:* Ты привыкла у меня спрашивать, отъ меня учиться жизни. Забудь это всё.

Въ это время зазвучали колеса, раздавливающія мелкой щебень, и фыркнула подъ самымъ окномъ одна изъ лошадей остановившагося экипажа. Она вбѣжала прямая, румяная и опять больше чѣмъ когда нибудь съ тѣмъ дьявольскимъ блескомъ въ глазахъ, съ тѣмъ блескомъ, который говорили, что хотя въ душѣ то чувство, которое она имѣла, преступленья нѣтъ и нѣтъ ничего, чтобы остановило. Она поняла мгновенно, что говорили о ней. Враждебное блеснуло въ ея взглядѣ, въ ней, въ доброй, ни одной искры жалости къ этимъ 2 прекраснымъ (она знала это) и несчастнымъ отъ нея 2-мъ людямъ.

– И ты здѣсь? Когда ты пріѣхалъ? Я не ждала тебя. А я была на скачкѣ и потомъ отъ ужаса при этихъ паденьяхъ уѣхала.

– Гдѣ ты была?

– У... у Лизы, – сказала она, видимо радуясь своей способности лжи, – она не могла ѣхать, она больна, я ей все рассказала.

И какъ бы радуясь и гордясь своей способностью (неизвѣстной доселѣ) лжи, она, вызывая, прибавила:¹¹¹

– Мнѣ говорили, что убится Иванъ Петровичъ Балашевъ, очень убится. Ну, я пойду раздѣнусь. Ты ночуешь?

– Не знаю, мнѣ очень рано завтра надо.

Когда она вышла, Кити сказала:

– М[ишель], я не могу ничего сказать, позволь мнѣ обдумать, и я завтра напишу тебѣ.

Онъ не слушалъ ее:

– Да, да, завтра.

Сестра поняла.

– Ты хочешь говорить съ ней?

– Да, я хочу.

Онъ смотрѣлъ неподвижно на самоваръ и именно думалъ о томъ, что онъ скажетъ ей. Она вошла въ блузкѣ спокойная, домашняя. Сестра вышла. Она испугалась.

– Куда ты?

Но Кити ушла.

– Я приду сейчасъ.

Она стала пить чай съ аппетитомъ, много ѣла. Опять дьяволь!

¹¹²– Анна, – сказалъ Михаилъ Михайловичъ, – думаешь ли ты.. ду... думаешь ли ты, что мы можемъ такъ оставаться?

– Отчего? – Она вынула сухарикъ изъ чая. – Что ты въ Петербургѣ, а я здѣсь? Переѣзжай сюда, возьми отпускъ.

Она улыбающимся, насмѣшливыми глазами смотрѣла на него.

– Таня, ты ничего не имѣешь сказать мнѣ особеннаго?

– Я? – съ наивнымъ удивленіемъ сказала она и задумалась, вспоминая, не имѣетъ ли она что сказать. – Ничего, только то, что мнѣ тебя жаль, что ты одинъ.

Она подошла и поцѣловала его въ лобъ. И тоже сіяющее, счастливое, спокойное, дьявольское лицо, выраженіе, которое, очевидно, не имѣло корней въ разумѣ, въ душѣ.

– А ну, такъ хорошо, – сказалъ онъ и невольно, самъ не зная какъ, подчинился ея вліянію простоты, и они поговорили о новостяхъ, о денежныхъ дѣлахъ.

Только одинъ разъ, когда онъ передалъ ей чашку и сказалъ: «еще пожалуйста», она вдругъ безъ причины покраснѣла такъ, что слезы выступили на глаза, и опустила лицо. Кити пришла, и вечеръ прошелъ обыкновенно.

¹¹¹ *Зач.*: – Мнѣ говорили, что убится Г., и Б. очень убится.

¹¹² *Зачеркнуто*: – Таня

Она проводила его на крыльцо и когда въ мѣсячномъ свѣтѣ по безночному свѣту садился въ коляску, она сказала своимъ груднымъ голосомъ:

– Какъ жаль, что ты уѣзжаешь, – и прибѣжала къ коляскѣ и кинула ему пледъ на ноги. Но когда коляска отѣхала, онъ зналъ, что она, оставшись у крыльца, страдала ужасно.

На другой день Михаилъ Михайловичъ получилъ письмо отъ Кити. Она писала: «Я молилась и просила просвѣщенія свыше. Я знаю, что мы обязаны сказать правду. Да, Татьяна невѣрна тебѣ, и это я узнала противъ воли. Это знаетъ весь городъ. Что тебѣ дѣлать? Я не знаю. Знаю одно, что Христово ученіе будетъ руководить т[обой].

Твоя Кити».

Съ тѣхъ поръ Михаилъ Михайловичъ не видалъ жены и скоро уѣхалъ изъ Петербурга.¹¹³

VII. О беременности. Онъ глупъ, насмѣшливость.

VIII. Михаилъ Михайловичъ въ Москвѣ. Леонидъ Дмитричъ затащилъ обѣдать.

Его жена. Разговоръ о невѣрности мужа. Дѣти похожи на отца.

IX. Въ вагонѣ разговоръ съ нигилистомъ.

X. Роды, прощаетъ.

XI.¹¹⁴

Михаилъ Михайловичъ ходилъ по залѣ: «пшъ», говорилъ онъ на шумѣвшихъ слугъ. Иванъ Петровичъ легъ отдохнуть послѣ 3-хъ бессонныхъ ночей въ кабинетѣ. Чувство успокоенія поддерживалось въ Михаилѣ Михайловичѣ только христіанской дѣятельностью. Онъ пошелъ въ министерство, и тамъ, внѣ дома, ему было мучительно. Никто не могъ понимать его тайны. Хуже того – ее понимали, но навыворотъ. Онъ мучался внѣ дома, только дома онъ былъ покоенъ. Сужденія слугъ онъ презиралъ. Но не такъ думали Иванъ Балашевъ и Татьяна.

– Чтоже, это вѣчно будетъ такъ? – говорилъ Балашевъ. – Я не могу переносить его.

– Отчего? Его это радуешь? Впрочемъ дѣлай какъ хочешь.

– Дѣлай, разумѣется, нуженъ разводъ.

– Но какъ же мнѣ сказать ему? Я скажу: «Мишель, ты такъ не можешь жить!» Онъ поблѣднѣлъ. «Ты простишь, будь великодушень, дай разводъ». – «Да, да, но какъ?» – «Я пришлю тебѣ адвоката». – «Ахъ да, хорошо».

Подробности процедуры для развода, униженіе ихъ – ужаснуло его. Но христіанское чувство – это была та щека, которую надо подставить. Онъ подставилъ ее. Черезъ годъ Михаилъ Михайловичъ жилъ по старому, работая тоже; но значеніе его уничтожилось.

XII.

Хотѣли мусировать доброту христіанства его, но это не вышло: здравый смыслъ общества судилъ иначе, онъ былъ посмѣшищемъ. Онъ зналъ это, но не это мучало его. Его мучала необходимость сближенія съ прежней женой. Онъ не могъ забыть ее ни на минуту, онъ чувствовалъ себя привязаннымъ къ ней, какъ преступникъ къ столбу. Да и сближенія невольно вытекали черезъ дѣтей. Она смѣялась надъ нимъ, но смѣхъ этотъ не смѣшонъ былъ. Балашевъ вышелъ въ отставку и не зналъ, что съ собой дѣлать. Онъ былъ заграницей, жилъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, только не жилъ въ деревнѣ, гдѣ только ему можно и должно было жить. Ихъ обоихъ свѣтъ притягивалъ какъ ночныхъ бабочекъ. Они искали – умно, тонко, осторожно – признанія себя такими же, какъ другія. Но именно отъ тѣхъ то, отъ кого имъ нужно было это признаніе, они не находили его. То, что свободно мыслящіе люди дурнаго тона ѣздили къ нимъ и принимали ихъ, не только не радовало ихъ, но огорчало. Эти одинокіе знакомые очевиднѣе всего доказывали, что никто не хочетъ знать ихъ, что они должны удовлетворять себѣ одни.

¹¹³ В подлиннике: въ Петербургѣ. Рядом, поперекъ полей написано: «Да я его люблю, дѣлай что хочешь». Поздно. Ей надо идти на свиданье. Свѣтлая ночь. Принеси [?] зап[иску] [1 неразобр.]

¹¹⁴ Вверху листа приписано: Тяжесть прощенія – нельзя. Разводъ. Противъ текста XI главы на поляхъ приписано: «Все это очень просто, – говорилъ Степанъ Аркадьичъ, – а пот[ому] не оч[ень] пр[осто], н. п., нѣтъ, не тр[удно], не уж[асно], но невозможно».

Пускай эти люди, которые принимали ихъ, считали себя лучше той такъ называемой пошлой свѣтской среды, но имъ не нужно было одобренія этихъ добродѣтельныхъ свободомыслящихъ людей, а нужно было одобреніе такъ называемаго пошлаго свѣта, куда ихъ не принимали. Балашевъ бывалъ въ клубѣ – игралъ. Ему говорили:

– А, Балашевъ, здорово, какъ поживаешь? Поѣдемъ туда, сюда. Иди въ половину.

Но никто слова не говорилъ о его женѣ. Съ нимъ обращались какъ съ холостымъ. Дамы еще хуже. Его принимали очень мило; но жены его не было для нихъ, и онъ самъ былъ человѣкъ слишкомъ хорошаго тона, чтобы попытаться заговорить о женѣ и получить тонкое оскорбленіе, за которое нельзя и отвѣтить. Онъ не могъ не ѣздить въ клубы, въ свѣтъ, и *жена* ревновала, мучалась, хотѣла ѣхать въ театръ, въ концертъ и мучалась еще больше. Она была умна и ловка и, чтобы спасти себя отъ одиночества, придумывала и пыталась разные выходы. Она пробовала блистать красотой и нарядомъ и привлекать молодыхъ людей, блестящихъ мужчинъ, но это становилось похоже, она поняла на что, когда взглянула на его лице послѣ гулянья, на которомъ она въ коляскѣ съ вѣромъ стояла недалеко отъ Гр. Кур., окруженная толпой. Она пробовала другой самый обычный выходъ – построить себѣ высоту, съ которой бы презирать тѣхъ, которые ее презирали; но способъ постройки этой контръ батареи всегда одинъ и тотъ же. И какъ только она задумала это, какъ около нее уже стали собираться дурно воспитанные¹¹⁵ писатели, музыканты, живописцы, которые не умѣли благодарить за чай, когда она имъ подавала его.

Онъ слишкомъ былъ твердо хорошій, искренній человѣкъ, чтобы промѣнять свою гордость, основанную на старомъ родѣ честныхъ и образованныхъ людей, на человѣчномъ воспитаніи, на честности и прямотѣ, на этотъ пузырь гордости какого то выдуманнаго новаго либерализма. Его вѣрное чутье тотчасъ показало ему ложь этаго утѣшенья, и онъ слишкомъ глубоко презиралъ ихъ. Оставались дѣти, ихъ было двое. Но и дѣти росли одни. Никакія Англичанки и наряды не могли имъ дать той среды дядей, тетокъ, крестной матери, подругъ, товарищей, которую имѣлъ онъ въ своемъ дѣтствѣ. Оставалось чтоже? Чтоже оставалось въ этой связи, названной бракомъ? Оставались одни животныя отношенія и роскошь жизни, имѣющія смыслъ у лоретокъ, потому что всѣ любятъ эту роскошь, и не имѣющія здѣсь смысла. Оставались голыя животныя отношенія, и другихъ не было и быть не могло. Но еще и этаго мало, оставался привидѣніе Михаилъ Михайловичъ, который самъ или котораго судьба всегда наталкивала на нихъ, Михаилъ Михайловичъ, осунувшійся, сгорбленный старикъ, напрасно старавшійся выразить сіяніе счастья жертвы въ своемъ сморщенномъ лицѣ. И ихъ лица становились мрачнѣе и старше по днямъ, а не по годамъ. Одно, что держало ихъ вмѣстѣ, были ж[ивотныя] о[тношенія]. Они знали это, и она дрожала потерять его, тѣмъ болѣе что видѣла, что онъ тяготился жизнью. Онъ *отстыкнулся*. Война. Онъ не могъ покинуть ее. Жену онъ бы оста[вилъ], но ее нельзя было.

Не права ли была она, когда говорила, что не нужно было развода, что можно было оставаться такъ жить? Да, тысячу разъ права.

Въ то время какъ они такъ жили, жизнь Михаила Михайловича становилась часъ отъ часу тяжелѣе.¹¹⁶ Только теперь отзывалось ему все значеніе того, что онъ сдѣлалъ. Одинокая комната его была ужасна. <Одинъ разъ онъ пошелъ въ комитетъ миссіи. Говорили о ревности и убійствѣ женъ. Михаилъ Михайловичъ всталъ медленно и поѣхалъ къ оружейнику, зарядилъ пистолетъ и поѣхалъ къ¹¹⁷ ней.>¹¹⁸

¹¹⁵ *Зачеркнуто:* артисты музыканты,

¹¹⁶ *Зачеркнуто:* Какъ шутка,

¹¹⁷ *Зач.*: себѣ

¹¹⁸ *Зач.*: – Я не могу жить.

Одинъ разъ Татьяна Сергѣевна сидѣла одна и ждала Балашева, мучаясь ревностью. Онъ былъ¹¹⁹ въ театрѣ. Дѣти легли спать. Она сидѣла, перебирая всю свою жизнь. Вдругъ ясно увидала, что она погубила 2-хъ людей добрыхъ, хорошихъ. Она вспомнила выходы – лоретка – нигилистка – мать (нельзя), спокойствіе – нельзя. Одно осталось – жить и наслаждаться.¹²⁰ Другъ Балашева. Отчего не отдаться, не бѣжать, сжечь жизнь. Чѣмъ заболѣлъ, тѣмъ и лѣчись.

Человѣкъ пришелъ доложить, что пріѣхалъ Михаилъ Михайловичъ.

– Кто?

– Михаилъ Михайловичъ желаютъ васъ видѣть на минутку.

– Приси.

Сидитъ у лампы темная, лицо¹²¹ испуганное, непричесанная.

– Я... вы я... вамъ...

Она хотѣла помочь. Онъ высказался.

– Я не для себя пришелъ. Вы несчастливы. Да, больше чѣмъ когда нибудь. Мой другъ, послушайте меня. Связь наша не прервана. Я видѣлъ, что это нельзя. Я половина, я мучаюсь, и теперь вдвойнѣ. Я сдѣлалъ дурно. Я долженъ былъ простить и прогнать, но не надсмѣяться надъ таинствомъ, и всѣ мы наказаны. Я пришелъ сказать: есть одно спасенье. Спаситель. Я утѣшаюсь имъ. Если бы вы повѣрили, поняли, вамъ бы легко нести. Что вы сдѣлаете, Онъ самъ вамъ укажетъ. Но вѣрьте, что безъ религіи, безъ надеждъ на то, чего мы не понимаемъ, и жить нельзя. Надо жертвовать собой для него, и тогда счастье въ насъ; живите для другихъ, забудьте себя – для кого – вы сами узнаете – для дѣтей, для него, и вы будете счастливы. Когда вы рожали, простить васъ была самая счастливая минута жизни. Когда вдругъ просіяло у меня въ душѣ... – Онъ заплакалъ. – Я бы желалъ, чтобы вы испытали это счастье. Прощайте, я уйду. Кто-то.

Это былъ онъ. Увидавъ Михаила Михайловича, поблѣднѣлъ. Михаилъ Михайловичъ ушелъ.

– Что это значитъ!

– Это ужасно. Онъ пришелъ, думая, что я несчастна, какъ духовникъ.

– Очень мило.

– Послушай, Иванъ, ты напрасно.

– Нѣтъ, это ложь, фальшь, да и что ждать.

– Иванъ, не говори.

– Нѣтъ, невыносимо, невыносимо.

– Ну постой, ты не будешь дольше мучаться.

Она ушла. Онъ сѣлъ въ столовой, выпилъ вина, съ свѣчей пошелъ къ ней, ея не было.

Записка: «будь счастливъ. Я сумашедшая».

Она ушла. Черезъ день нашли¹²² подъ рельсами тѣло.

Балашевъ уѣхалъ въ Ташкентъ, отдавъ дѣтей сестрѣ. Михаилъ Михайловичъ продолжалъ служить.¹²³

¹¹⁹ *Зач.*: на балѣ

¹²⁰ *Зач.*: Офицеръ

¹²¹ *Зач.*: доброе

¹²² *Зачеркнуто*: въ Невѣ ея

¹²³ *Ниже поперекъ страницы написано*: Слезъ. Ей приходило прежде въ мысль: еслибъ онъ умеръ, да теперь не поможетъ и ни ему, ни Алексѣю. Она объ себѣ вспомнила. Ахъ, вотъ кому? Въ 1 веч. Слушаетъ и не слышитъ крест [?] Перестали смѣяться, когда связь. Михаилъ Михайловичъ рассказываетъ свою исторію М-те С. и плачетъ. Она говоритъ: «я съ нынѣшняго вечера не своя». Онъ не истасканъ.

* № 4 (рук. № 5).

NN

Старушка Княгиня Марья Давыдовна Гагина, приѣхавъ съ сыномъ въ свой¹²⁴ московскій домъ, прошла къ себѣ на половину убраться и переодѣться и велѣла сыну придти къ кофею.

– Чьи же это оборванные чемоданы у тебя? – спросила она, когда они проходили черезъ сѣни.

– А это мой милый Нерадовъ – Костя. Онъ приѣхалъ изъ деревни и у меня остановился. Вы ничего не имѣете противъ этого, матушка?

– Разумѣется, ничего, – тонко улыбаясь, сказала старушка, – только можно бы ему почище имѣть чемоданы. Что же онъ дѣлаетъ? Все не поступилъ на службу?

– Нѣтъ, онъ¹²⁵ земствомъ хочетъ заниматься. А хозяйство бросилъ.

– Который это счетъ у него планъ? Каждый день новенькое.

– Да онъ все таки отличный человекъ, и сердце.

– Что, онъ все такой же грязный?

– Я не знаю. Онъ не грязный, онъ только деревенскій житель, – отвѣчалъ сынъ, тоже улыбаясь тому постоянному тону пренебреженья, съ которымъ его мать относилась всегда къ его¹²⁶ изъ всѣхъ людей болѣе любимому человекъ, Константину Нерадову.

– Такъ приходи же черезъ часикъ, поговоримъ.

Гагинъ прошелъ на свою половину.

Неужели спитъ Константинъ Николаевичъ? – спросилъ онъ лакея.

– Нѣтъ, не спитъ, – прокричалъ голосъ изъ за занавѣса спальни.

И стройный широкій атлетъ съ лохматой русой¹²⁷ головой и¹²⁸ рѣдкой черноватой бородой и блестящими голубыми глазами, смотрѣвшими изъ широкаго толстоносаго лица, выскочилъ изъ за перегородки и началъ плясать, прыгать черезъ стулья и кресла и, опираясь на плечи Гагина, подпрыгивать такъ, что казалось – вотъ вотъ онъ вспрыгнетъ ногами на его эполеты.

– Убирайся! Перестань, Костя! Что съ тобой? – говорилъ Гагинъ, и чуть замѣтная улыбка, но за то тѣмъ болѣе цѣн[ная?] и красившая его строгое лицо, виднѣлась подъ усами.¹²⁹

– Чему я радъ? Вотъ чему. Первое, что у меня тутъ, – онъ показалъ, какъ маленькую тыкву, огромную, развитую гимнастикой мышцу верхняго плеча, – разъ. Второе, что у меня тутъ, – онъ ударилъ себя по лбу, – третье, что у меня. – Онъ побѣжалъ за перегородку и вынесъ тетрадку исписанной бумаги. – Это я вчера началъ и теперь все пойдетъ, пойдетъ, пойдетъ. Вотъ видишь, – онъ сдвинулъ два кресла, разъ, два, три, съ мѣста съ гимнастическимъ приѣмомъ съ сжатými кулаками взялъ размахъ и перелетѣлъ черезъ оба кресла. Гагинъ засмѣялся и, доставъ папиросу, сѣлъ на диванъ.

– Ну, однако одѣнись и все тебѣ расскажу.

Гагинъ сѣлъ задумавшись, что съ нимъ часто бывало, но теперь что-то очень, видно, занимало его мысль; онъ какъ остановилъ глаза на углу ковра, висѣвшаго со стола, такъ и не двигалъ ихъ. А ротъ его улыбался, и онъ покачивалъ головой.

– Знаешь, я тамъ встрѣтилъ сестру Алабина, она замѣчательно мила, да, – но «замѣчательно» говорилъ онъ съ такимъ убѣжденіемъ эгоизма, что нельзя было не вѣрить.

¹²⁴ Зачеркнуто: огромный

¹²⁵ Зачеркнуто: теперь пишеть сочиненіе, и какой то новый планъ у него объ улучшеніи и быта мужиковъ.

¹²⁶ Зач.: искреннему другу

¹²⁷ Зач.: бородой

¹²⁸ Зач.: рыжеватой

¹²⁹ Рядом поперек полей написано: Ордынцевъ незнакомъ, въ поддевкѣ, дикарь. «Такъ зови на свадьбу. Она мила».

– Гагинь, – послышался послѣ долгаго и громкаго плесканья голось изъ за занавѣса. – Какой я однако эгоистъ. Я и не спрошу. Приѣхала Княгиня? Все хорошо?

– Приѣхала, все благополучно.

– За что она меня не любитъ?

– За то, что ты не такой, какъ всѣ люди. Ей надо для тебя отводить особый ящикъ въ головѣ; а у нея всѣ давно заняты.

Нерадовъ высунулся изъ за занавѣса только затѣмъ, чтобы видѣть, съ какимъ выраженіемъ Гагинь сказалъ это, и, оставшись доволенъ этимъ выраженіемъ, онъ опять ушелъ за занавѣсъ и скоро вышелъ одѣтый въ очень новый сертукъ и панталоны, въ которыхъ ему несомнѣнно было, такъ какъ онъ, всегда живя въ деревнѣ, носилъ тамъ русскую рубашку и поддевку.

– Ну вотъ видишь ли, – сказалъ онъ, садясь противъ него. – Да чаю, – сказалъ онъ на вопросъ челоуѣка, что прикажутъ, – вотъ видишь ли, я вчера просидѣлъ весь вечеръ дома, и нашла тоска, изъ тоски сдѣлалась тревога, изъ тревоги цѣлый рядъ мыслей о себѣ. Дѣятельности прямой земской, такой, какой я хотѣлъ посвятить себя, въ Россіи еще не можетъ быть, а дѣятельность одна – разрабатывать Русскую мысль.

– Какже, а ты говорилъ, что только одна и возможна дѣятельность.

– Да мало ли что, но вотъ видишь, нужно самому учиться, *docendo discimus*,¹³⁰ и для этаго надо жить въ спокойной средѣ, чтобы не дѣло самое, а сперва приѣмъ для дѣла, да я не могу рассказать: ну, дѣло въ томъ, что я нынче ѣду въ деревню и вернусь только съ готовой книгой. А знаешь, Каренина необыкновенно мила. Ты ее знаешь?

– Ну, а выставка? – спросилъ Гагинь о телятахъ своей выкормки, которыхъ привелъ на выставку Нерадовъ и которыми былъ страстно занятъ.

– Это все вздоръ, телята мои хороши; но это не мое дѣло.

– Вотъ какъ! Одно только нехорошо – это что мы не увидимся нынче: мнѣ надо обѣдать съ матушкой. А вотъ что, завтра поѣзжай. Мы пообѣдаемъ вмѣстѣ, и съ Богомъ.

– Нѣтъ, не могу, – задумчиво сказалъ Нерадовъ. Онъ, видно, думалъ о другомъ.¹³¹

– Да вѣдь нынче, – и Нерадовъ покраснѣлъ, вдругъ началъ говорить съ видимымъ желаніемъ, говорить какъ о самой простой вещи, – да вѣдь нынче мы общались Щербацкимъ приѣхать на катокъ.

– Ты поѣдешь?

Гагинь задумался. Онъ не замѣтилъ ни краски, бросившейся въ лицо Нерадова, ни пристыженнаго выраженія его лица, когда онъ началъ говорить о Щербацкой, какъ онъ вообще не замѣчалъ тонкости выраженія.

– Нѣтъ, – сказалъ онъ, – я не думаю ѣхать, мнѣ надо оставаться съ матушкой. Да я и не общалъ.

– Не общалъ, но они ждутъ, что ты будешь, – сказалъ Нерадовъ, быстро вскочивъ. – Ну, прощай, можетъ быть, не увидимся больше. Смотри же, напиши мнѣ, если будетъ большая перемѣна въ твоей жизни, – сказалъ онъ.

– Напишу. Да я поѣду на проѣздку посмотрѣть Грознаго и зайду. Какъ же, мы не увидимся?

– Да дѣла пропасть. Вотъ еще завтра надо къ Стаюнину.

– Такъ какже ты ѣдешь? Стало быть, обѣдаемъ завтра.

¹³⁰ [уча учимся.]

¹³¹ *Зачеркнуто:* – Да, сходить нынче <на коньки> въ Зоологическій садъ, потомъ къ Цимерману. – А у Щербацкихъ будешь? – спросилъ Гагинь. – Нѣтъ, у нихъ ужъ завтра. – Такъ стало быть, будемъ обѣдать. Ну хорошо. Однако пора идти къ матушкѣ.

– Ну да, объѣдаемъ, разумѣется, – сказалъ Нерадовъ также рѣшительно, какъ рѣшительно онъ минуту тому назадъ сказалъ, что нынче ѣдетъ. Онъ схватилъ баранью шапку и выбѣжалъ. Вслѣдъ за нимъ, акуратно сложивъ вещи, Гагинъ пошелъ къ матери.

Старушка была чиста и элегантна, когда она вышла изъ вагона, но теперь она была какъ портретъ, покрытый лакомъ; все блестѣло на ней; и лиловое платье, и такой же бантъ, и перстни на сморщенныхъ бѣлыхъ ручкахъ, и сѣдые букли, не блестѣли только каріе строгіе глаза, такіе же, какъ у сына. Она подвинула сама кресло, гдѣ долженъ былъ сѣсть сынъ и, видимо, хотѣла обставить какъ можно радостнѣе тотъ пріятный и важный разговоръ, который предполагала съ сыномъ. Нѣтъ для старушки матери, отстающей отъ жизни, важнѣе и волнительнѣе разговора, какъ разговоръ о женитьбѣ сына: ждется и радость новая, и потеря старой радости, и радость жертвы своей ревности для блага сына и, главное, для продолженія рода, для счастья видѣть внучатъ. Такой разговоръ предстоялъ Княгинѣ Марьѣ Давыдовнѣ. Алеша, какъ она звала его, писалъ ей въ послѣднемъ письмѣ: «вы давно желали, чтобы я женился. Теперь я близокъ къ исполненію вашего желанія и былъ бы счастливъ, если бы вы были теперь здѣсь, чтобы я могъ обо всемъ переговорить съ вами». Въ день полученія письма она послала ему телеграмму, что ѣдетъ отъ старшаго сына, у котораго она гостила.

– Ну, моя душа, вотъ и я, и говори мнѣ. Я тебѣ облегчу дѣло. Я догадалась, это Кити.

– Я видѣлъ, что вы догадались. Ну, что вы скажете, мама?

– Ахъ, моя душа! Что мнѣ сказать? Это такъ страшно. Но вотъ мой отвѣтъ.

Она подняла свои глаза къ образу, подняла сухую руку, перекрестивъ, прижала его голову къ бархатной кофтѣ и поцѣловала его въ рѣдкіе черные на верхней части головы волосы.

– Благодарю васъ, матушка, и за то, что вы пріѣхали ко мнѣ, и за то, что¹³² вы бы одобрили мой выборъ.

– Какъ¹³³ бы? Что это значить, – сказала она строго.

– Мама,¹³⁴ только то, что ничего не говорите ни имъ, ни кому, позвольте мнѣ самому все сдѣлать, . . .¹³⁵ Я очень радъ, что вы тутъ. Но я люблю самъ свои дѣла дѣлать.

– Ну, – она подумала, – хорошо, но помни, мой другъ,¹³⁶ что какъ противны кокетки, которыя играютъ мущинами, такъ противны мущины, играющія дѣвушками.¹³⁷

– О повѣрьте, что я такъ былъ остороженъ.

– Ну, хорошо. Скажу правду, я могла желать лучше. Но на то и состояніе, чтобы выбирать не по имѣнью, а по сердцу. И родъ ихъ старый, хорошій, и отецъ, старый Князь, отличный былъ человекъ. Если онъ проигралъ все, то потому, что былъ честенъ, а она примѣрная мать, и Долли прекрасная вышла. Ну, расскажи, что ты дѣлаешь, что твои рысаки.

– Ничего, тамап, послѣ завтра бѣгъ. Грозный очень хорошъ.

– Ну ты 2-хъ зайцевъ сразу. А знаешь, я тебѣ скажу, ты загадалъ: если Грозный возьметъ призъ . . .

– Я сдѣлаю предложеніе. Почему вы угадали?

– А развѣ ты не мой сынъ?

¹³² *Зачеркнуто*: если бы я рѣшилъ,

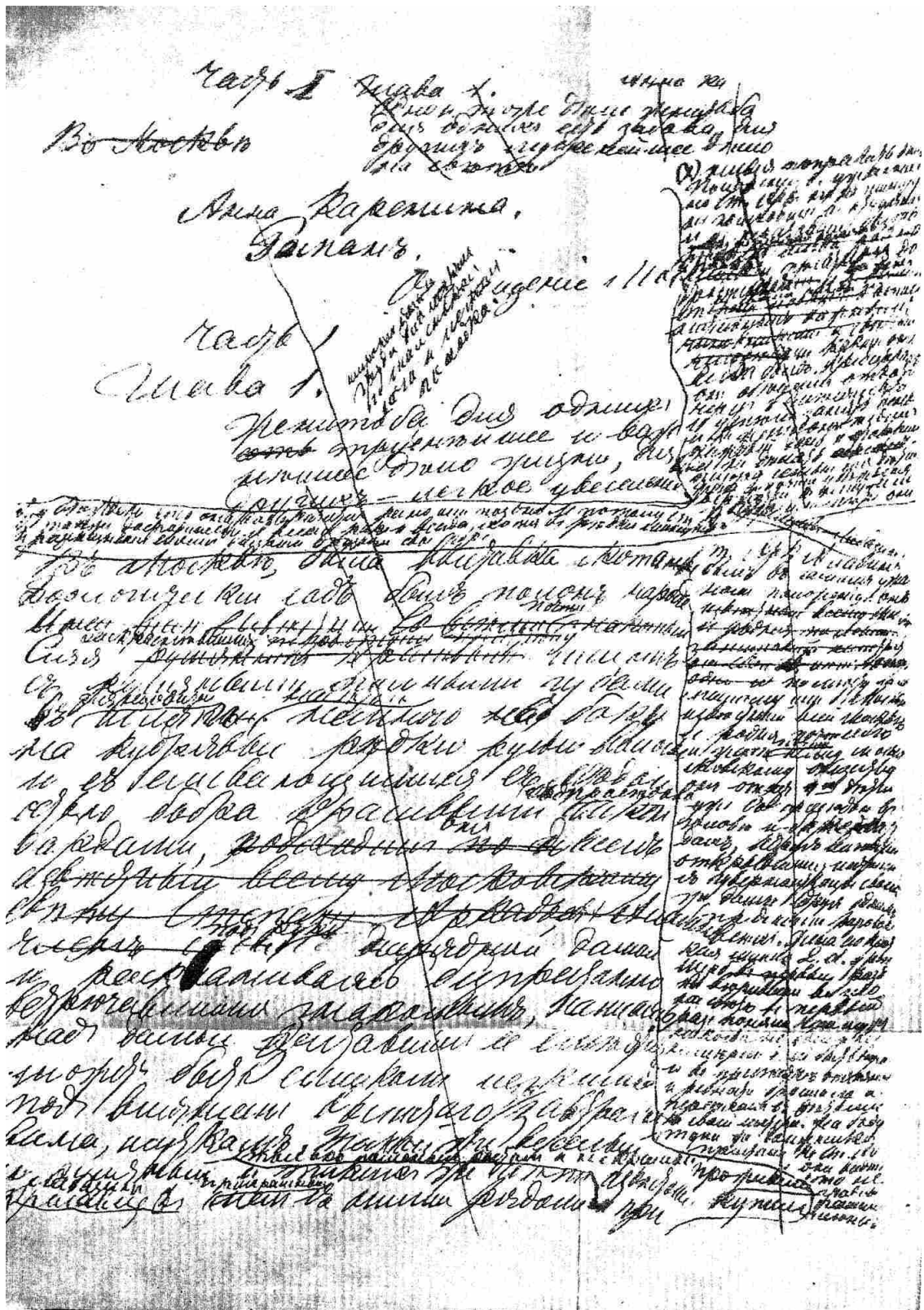
¹³³ *Зач.*: если

¹³⁴ *Зач.*: это такъ странно, ради Бога

¹³⁵ *Зач.*: но мнѣ нужно переработать это въ себѣ, и тогда

¹³⁶ *Зач.*: что откладывать нечего, я стара

¹³⁷ *Рядом на полях написано*: Разсужденіе о томъ, что дѣлать.

Первая страница рукописи четвертого по порядку начала «Анны Карениной»
Размер подлинника

*** № 5 (рук. № 6).**

<Часть I. Глава I.>

<Одно и тоже дѣло женитьба для однихъ есть забава, для другихъ мудренѣйшее дѣло на свѣтѣ.>

**АННА КАРЕНИНА
РОМАНЪ.**

Отмщеніе Мое.

**ЧАСТЬ I
Глава I.¹³⁸**

Женитьба для однихъ <есть> труднѣйшее и важнѣйшее дѣло жизни, для другихъ – легкое увеселеніе.¹³⁹

Степанъ Аркадьичъ Алабинъ былъ въ самомъ ужасномъ положеніи: онъ, по мѣсту, занимаемому имъ въ Москвѣ, извѣстный всей Москвѣ и родня по себѣ и женѣ почти всему московскому обществу, онъ, отецъ 4-хъ дѣтей, уже съ просѣдью въ головѣ и бакенбардахъ, вдругъ вслѣдствіи открывшейся интриги съ гувернанткой въ своемъ домѣ вдругъ сдѣлался предметомъ разговора всѣхъ. Жена его, кроткая, милая Дарья Александровна, урожденная Щербацкая, не вѣрившая въ зло на свѣтѣ, въ первый разъ поняла, что мужъ никогда не былъ и не намѣренъ быть ей быть вѣренъ, и въ припадкѣ отчаянія и ревности бросила его и переѣхала съ дѣтьми къ своей матери. На бѣду тутъ же должники пристали къ Степану Аркадьичу, и онъ видѣлъ, что, не продавши женина имѣнья, нельзя поправить дѣль.

Положеніе было ужасное, но Степанъ Аркадьичъ ни на минуту не приходилъ въ отчаянье и не переставалъ быть такъ же прямъ, румянъ и также всегда пріятель, добродушень, важенъ въ своемъ чиновничествѣ [?], какимъ онъ всегда былъ. Кредиторамъ онъ обѣщалъ отдать черезъ 6 мѣсяцевъ и успѣлъ занять деньги, и къ женѣ онъ ѣздилъ каждый день и уговаривалъ не дѣлать позора семьи для дѣтей. Жена была почти убѣждена вернуться къ нему, или по крайней мѣрѣ онъ былъ убѣжденъ, что она возвратится рано или поздно. И потому Степанъ Аркадьичъ былъ также добродушень и весель, какъ и всегда, хотя въ рѣдкія минуты и рассказывалъ своимъ близкимъ друзьямъ свое горе.

Въ Москвѣ была выставка скота. Зоологическій садъ былъ полонъ народа.¹⁴⁰ Сіяя¹⁴¹ раскраснѣвшимися лицомъ, съ румяными полными губами, въ глянцовитой шляпѣ, надѣтой немного съ боку на кудрявые рѣдкіе русые волосы и съ сливающимися съ сѣдой остью бобра

¹³⁸ Рядом поперекъ страницы написано: Широкий ящикъ груди для легкихъ и маленькая нога и легкая походка.

¹³⁹ Рядом поперекъ полей написано: Красавцевъ, Лабазинъ

¹⁴⁰ Зачеркнуто: Иней висѣлъ

¹⁴¹ Зач.: <румянымъ, красивымъ> открытымъ, пріятнымъ

красивыми съ просѣдью бакенбардами,¹⁴² онъ шелъ подь руку съ нарядной дамой и, раскланиваясь безпрестанно встрѣчавшимся знакомымъ, нагибаясь надъ дамой, заставлялъ ее смѣяться, можетъ быть, слишкомъ легкимъ, подь вліяніемъ выпитаго за завтракомъ вина, шуткамъ. Такой же веселый и румяный и такихъ же лѣтъ, только поменьше ростомъ и некрасивый, извѣстный прожившій кутила¹⁴³ Лабазинъ прихрамывая шелъ съ ними рядомъ и принималъ участіе въ разговорѣ.¹⁴⁴

– Право, онъ ослабъ, – говорилъ Степанъ Аркадьичъ о комъ то, что выходило очень смѣшно, и дама смѣялась.

Подойдя къ одному изъ тѣхъ наполняющихъ садъ рѣзныхъ квази русскихъ домиковъ, Алабинъ отстранилъ плечомъ совавшагося навстрѣчу молодаго человѣка и прошелъ съ дамой мимо сторожа, наряженнаго въ обшитый галуномъ кафтанъ и уже привыкшаго къ своему наряду и мрачно пропускающаго публику въ коровникъ.

– Посмотримъ, посмотримъ коровъ, это по твоей части,¹⁴⁵ Лабазовъ.

¹⁴⁶Лабазовъ не пилъ ничего кромѣ воды и имѣлъ отвращеніе къ молоку.

Для веселыхъ людей всякая шутка хороша, и всѣ трое весело засмѣялись. Въ тѣни и запахъ коровника¹⁴⁷ они остановились, посмотрѣли огромную чернопѣгую корову, которая, не смотря на то что была на выставкѣ, спокойно стоя на трехъ ногахъ и вытянувъ впередъ заднюю, лизала ее своимъ шероховатымъ языкомъ; потомъ подошли къ другому стойлу, въ которомъ лежала на соломѣ красная корова, которую, тыкая ногой въ гладкой задъ, старался поднять помѣщикъ въ картузѣ и енотовой шубѣ,¹⁴⁸ и хотѣли уже выходить, когда дама обратила вниманіе на поворотѣ на высокаго чернаго¹⁴⁹ молодца барина, съ поразительнымъ выраженіемъ силы, свѣжести и энергіи, который съ мужикомъ вымѣривалъ тесемкой грудь и длину коровы.

– Что это они дѣлаютъ? – сказала дама. – И посмотрите, какой молодець. Вѣрно не Русской?

Алабинъ посмотрѣлъ на не Русскаго молодца, и лицо его, всегда выражавшее удовольствіе и веселость, просіяло такъ, какъ будто онъ былъ нахмурень.

– Ордынцевъ! Сережа! – закричалъ онъ черному молодцу. – Давно ли? А вотъ Наталья Семеновна. Позволь тебя представить. Наталья Семеновна, мой пріятель, и другъ, и скотоводъ, и агрономъ, и гимнастъ, и силачъ Сергѣй Ордынцевъ. Наталья Семеновна только что говорила: «Какой красавецъ, вѣрно не Русскій?» А ты самый Русскій, что Руссе и найти нельзя.

– Совсѣмъ я не то говорила, – сказала дама. – Я сказала...

– Да ничего, онъ не обидится..

Ордынцевъ дѣйствительно, казалось, не обидѣлся; но онъ съ одного взгляда понялъ, какого рода была дама Наталія Семеновна, и, несмотря на ея безупречный скромно элегантнѣй туалетъ, слегка приподнялъ передъ ней¹⁵⁰ баранью шапку и съ сухостью, въ которой было почти отвращеніе, взглянулъ на нее и обратился къ Алабину.

– Я выставляю телку и быка. Я только вчера изъ деревни. А это Боброва корова, лучшее животное на выставкѣ. Смотри, что за задъ. Я хочу смѣрить.

Онъ отвернулся отъ Алабина и опять обратился къ своему мужику. Ордынцевъ былъ пріятель Алабина, хотя и 12 годами моложе его (Алабинъ былъ пріятелемъ еще съ его отцомъ).

¹⁴² *Зач.*: подошелъ извѣстный всему Московскому свѣту Степанъ Аркадьичъ Алабинъ, членъ суда

¹⁴³ *Зач.*: Красавцевъ

¹⁴⁴ *Зач.*: – Ну теперь я серьезень, какъ судья, архирей. Идемъ. И львы, и тигры, и коровы, и бараны

¹⁴⁵ *Зач.*: Красавцевъ

¹⁴⁶ *Зач.*: Красавцевъ

¹⁴⁷ *Так в подлиннике.*

¹⁴⁸ *Зачеркнуто*: потомъ прошли нѣсколько стойлъ, не глядя и разговаривая о пріятномъ запахѣ коровъ

¹⁴⁹ *Зач.*: краса[вца?]

¹⁵⁰ *Зачеркнуто*: фуражку

Кромѣ того Ордынцевъ былъ влюбленъ въ Княжну Щербатскую, своячению Алабина, и¹⁵¹ ждали ужъ давно, что онъ сдѣлаетъ предложеніе; и потому¹⁵² Ордынцевъ ушелъ отъ Алабина въ стойло и сталъ перемѣрять съ мужикомъ то, что онъ уже мѣрять. Онъ – Ордынцевъ – человѣкъ чистой и строгой нравственности – не могъ понять этаго теперешняго появленія Алабина въ зоологическомъ саду подѣ хмѣлькомъ подѣ руку съ хорошенькой Анной Семеновной. Вчера, тотчасъ послѣ его пріѣзда въ Москву, знакомый рассказывалъ ему, что Алабины, мужъ съ женой, разошлись, что Дарья Александровна, жена Алабина, открыла его связь и переписку съ гувернанткой, бывшей въ домѣ, и что они разѣзжаются или уже разѣхались. Ордынцевъ зналъ Алабина коротко и, несмотря на совершенно противоположные ему безнравственные привычки Алабина, любилъ его, какъ и всѣ, кто зналъ Алабина, любили его. Но послѣднее извѣстіе объ гадкой исторіи съ гувернанткой, о полномъ разрывѣ съ Дарьей Александровной, женой, съ сестрой Катерины Александровны или Кити, какъ ее звали въ свѣтѣ, той самой, на которой желалъ и надѣялся жениться Ордынцевъ, и теперешняя встрѣча подѣ руку съ Натальей Семеновной заставили Ордынцева, сдѣлавъ усиліе надѣ собой, сухо отвернуться. Но Алабинъ не понималъ или не хотѣлъ понимать тона, принятаго пріятелемъ.

– Коровы – это все прекрасно. Но отъ этаго, что ты влюбленъ въ своихъ коровъ, это не резонъ такъ бѣгать отъ друзей. Я и женѣ скажу и Кити, что ты здѣсь, и пріѣзжай вечеромъ къ Щербацкимъ непременно. И мы будемъ.

– Ты говоришь – нынче вечеромъ? – переспросилъ Ордынцевъ, глядя ему въ глаза.¹⁵³

– Ну да.¹⁵⁴ Нѣтъ, пожалуйста, душа моя, пріѣзжай, и Долли будетъ рада, и я уже останусь дома для тебя.¹⁵⁵

Алабинъ остановился въ нерѣшительности. Идти ли дальше или остаться?

– Однако до свиданья, Наталья Семеновна, – сказалъ онъ вдругъ, передавая свою даму на руку¹⁵⁶ Лабазину¹⁵⁷ и взявъ подѣ руку Ордынцева. – Пойдемъ поговоримъ, – сказалъ онъ, и лицо его вдругъ измѣнилось. Виноватая улыбка выразилась на его добромъ, красивомъ лицѣ. – Ты, вѣрно, слышалъ про наши...

– Да, слышалъ.

– Ну пойдемъ, пойдемъ поговоримъ.

Они вышли на уединенную дорожку.

– Ты понимаешь, что я не имѣю никакого права на объясненія, – сказалъ Ордынцевъ.

– Да, я знаю, но ты такой пуристъ, и твой отецъ былъ, я знаю. Ну вотъ видишь ли, мой другъ. Я рѣшительно погибшій человѣкъ. Я не стою своей жены. Она – ангель. Но когда ты будешь женатъ, ты поймешь. Я увлекся. А главное, я самъ сдѣлалъ глупость. Этаго никогда не надо дѣлать. Я ей признался во всемъ. Ну и кончено. Я теперь виноватый. И женщины никогда не прощаютъ этаго. Но понимаешь, когда дѣти, на это нельзя такъ легко смотрѣть. Она хотѣла разѣхаться. Насилу мы спасли ее отъ срама. И теперь я надѣюсь, что все обойдется. Ужасно, ужасно было. Но главное то, что бываетъ же увлеченіе. И вѣдь это такая прелесть была, – сказалъ онъ съ робкой улыбкой, – и я погубилъ и ту и другую. Это ужасно!

¹⁵¹ *Зач.*: теперь подѣ предлогомъ выставки пріѣхалъ въ Москву, чтобы сдѣлать

¹⁵² *Зач.*: онъ бы долженъ былъ обрадоваться этой встрѣчѣ, но, напротивъ,

¹⁵³ *Зачеркнуто*: – И Дарья Александровна будетъ дома?

¹⁵⁴ *Зач.*: Ты окоровился совершенно.

¹⁵⁵ *Зач.*: – Непременно буду. Нынче? – сказалъ Ордынцевъ и прошелъ нѣсколько шаговъ, разговаривая съ Алабинымъ. «Ничего не понимаю, – сказалъ онъ самъ себѣ, возвращаясь домой. – А это судьба. Надо ѣхать». И какъ только онъ подумалъ о томъ, что предстоитъ ему, кровь бросилась ему въ лицо, и онъ привычнымъ жестомъ сталъ тереть себе лобъ и брови.

¹⁵⁶ *Рядом и ниже на полях написано*: [1] <Алабинъ оставляетъ даму и рассказываетъ. «Я несчастный человѣкъ. Пріѣзжай».> [2] <Ордынцевъ съ мужикомъ совѣтуется.> [3] <На вечерѣ говоритъ, какъ онъ живетъ въ деревнѣ> [4] <Въ горѣ уѣзжаетъ къ телятамъ.> [5] <Анна говоритъ: «Я мирить не могу, но покаяйся. Я бы убила».> [6] «Пойдемъ, наши тамъ». Ордынцевъ вспыхнулъ. Они пошли.

¹⁵⁷ *Зачеркнуто*: Красавцеву

– Да, но по крайней мѣрѣ теперь все кончено? – спросил Ордынцевъ.
– Да, и кончено и нѣтъ. Ты прїѣзжай непременно. Она тебя очень любитъ и будетъ рада тебя видѣть.
– Ты знаешь, я не могу понять этихъ увлеченій.
– Знаю, что жена правду говоритъ, что твой главный порокъ – гордость. Вотъ женись.
– И по мнѣ бракъ, разрушенный невѣрностью¹⁵⁸ съ той или съ другой стороны, – продолжалъ громко и отчетливо Ордынцевъ съ своей привычкой ясно и немного длинно выражаться, – бракъ разрушенный не можетъ быть починенъ.
– Ты не женатъ, и ты судить не можешь. Это совсѣмъ не то, что ты воображаешь.
– Отъ этаго, можетъ быть, я никогда не женюсь, но если женюсь, то я строго исполню долгъ и буду требовать исполненія.
– Такъ ты прїѣзжай непременно, Кити будетъ, – сказалъ Алабинъ, глядя на часы и невольно отвѣчая этимъ на слова Ордынцева о бракѣ. – А мнѣ надо обѣдать у старика Щипкова.
И Степанъ Аркадьичъ, опять выпрямивъ грудь и принявъ свое веселое, беззаботное выраженіе, растегнувъ пальто, чтобы освѣжиться отъ прилива къ головѣ, вызваннаго объясненіемъ, пошелъ легкой и красивой походкой маленькихъ ногъ къ выходу сада, гдѣ ждала его помѣсячная извозничья карета.¹⁵⁹

Въ одномъ изъ такихъ домиковъ стоялъ Ленинъ передъ стойломъ, надъ которымъ на дощечкѣ было написано: телка Русскаго завода¹⁶⁰ Николая Константиновича Ордынцева, и любовался ею, сравнивая ее съ другимъ знаменитымъ выводошемъ завода Бабина. Чернопѣгая телка, загнувъ голову, чесала себѣ задней головой¹⁶¹ за ухомъ.

«Нѣтъ хороша», думалъ онъ. Ленинъ зналъ свою телку до малѣйшихъ подробностей. Годъ и два мѣсяца онъ видѣлъ ее каждый почти день, зналъ ее отца, мать: узнавалъ въ ней черты материнской, отцовской породы, черты выкормки. Теперь, сравнительно съ другими выставленными телками, она упала нисколько въ его глазахъ. (Онъ думалъ одно время, что она будетъ лучшая телка на выставкѣ), но всетаки онъ высоко цѣнили ее. Немножко только онъ желалъ бы ее пониже на ногахъ, и когда она стояла, какъ теперь, въ глубокой постилкѣ, этотъ недостатокъ былъ незамѣтенъ, да немножко посуше въ переду и пошире костью въ заду; но этотъ недостатокъ, онъ надѣялся, выправится при первомъ тѣлѣ. Голова короткая и породистая, подборюдокъ какъ атласный мѣшокъ, глазъ большой и въ бѣломъ ободкѣ были все таки прекрасны. Такъ онъ думалъ, косясь на свою телку и прислушиваясь къ тому, что говорили посѣтители. Большинство посѣтителей были совершенно равнодушные,¹⁶² другое большее большинство были осуждатели. И каждый, думая, что говорить новенькое, всѣ говорили одно и то же, имянно: и что выставлять у насъ въ Россіи, привезутъ изъ за границы и выставятъ: вотъ молю какихъ намъ нужно бы имѣть коровъ, но мы не имѣемъ. А у насъ все Тасканской породы, какъ шутили одинъ помѣщикъ, т. е. таскать надо подъ гору, оттого тасканская. Большинство проходило, читало надпись телки, глядѣли на телки и или ничего не говорили или говорили: «телушка какъ телушка, отчего же она Русской породы. Красная помѣсь Тирольской». Рѣдкіе останавливались, спрашивали, и тогда Ордынцевскій молодой мужикъ Елистратъ, страстный охотникъ, прїохоченный бариномъ, рассказывалъ, что телкѣ годъ 2 мѣсяца и живаго вѣсу 13 пудовъ, и выведена она не подъ матерью и т. д.¹⁶³

¹⁵⁸ *Зачеркнуто:* продолжалъ Ордынцевъ, какъ будто его и не перебивали

¹⁵⁹ *Зач.*: Оставшись одинъ, Ордынцевъ вернулся къ коровамъ, еще разъ сравнивая, остановился

¹⁶⁰ *Зач.*: Константина

¹⁶¹ *Так в подлиннике.*

¹⁶² *Зачеркнуто:* какъ Алабинъ

¹⁶³ *Зач.*: Вернувшись въ коровникъ послѣ разговора съ Алабинымъ, Ордынцевъ засталъ группу противъ своей телки.

Иногда вмѣшивался и самъ хозяинъ и съ увлеченіемъ объяснялъ всю свою теорію вывода скота, основанную на новѣйшихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Такъ онъ вступилъ въ такое объясненіе съ молодымъ богачемъ купцомъ, который съ женой остановился противъ телки и сталъ спрашивать. Купецъ былъ охотникъ и тоже выразилъ сомнѣнье, что телка не русская. Ордынцевъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, безпрестанно перебивая купца и стараясь внушить ему впервыхъ то, что надо условиться, что понимать подъ Русской скотиной. Не заморскую скотину, но ту скотину, которая вывелась въ Россіи, также какъ то, что въ Англіи считается кровной лошадыю; во вторыхъ, онъ старался внушить купцу, что для вывода скота не нужно брать хорошо выкормленную въ теплѣ и угодыяхъ скотину и изъ лучшихъ условій переводить ее въ худшія, а напротивъ; въ третьихъ, онъ старался внушить купцу, хотя и невольно, но очень замѣтно, что дѣло о коровахъ и способъ вывода знаетъ одинъ онъ, Ордынцевъ, а что всѣ, и въ томъ числѣ купецъ, глупы и ничего не понимаютъ. Онъ говорилъ хотя и умно и хорошо, но многословно и дерзко; но купецъ, несмотря на то что былъ образованный, почтенный человекъ и зналъ не хуже Ордынцева толкъ въ скотинѣ и научныя разсужденія о скотѣ, слушалъ Ордынцева, не оскорбляясь его тономъ. Тотъ же самый дерзкій, самоувѣренный тонъ, который имѣлъ привычку принимать почти со всѣми Ордынцевъ, въ другомъ человекѣ, менѣе свѣжемъ, красивомъ и, главное, энергичномъ, былъ бы оскорбителенъ, но Ордынцевъ такъ очевидно страстно былъ увлеченъ тѣмъ, что говорилъ, что купецъ сначала пробовалъ отвѣчать, но, всякій разъ перебиваемый словами *нѣтъ позволяте*, выслушалъ цѣлую лекцію и остался доволенъ. Оставшись опять одинъ послѣ ухода купца, Ордынцевъ подошелъ къ своему мужику и помощнику Елистрату и съ нимъ заговорилъ о коровахъ.

– Ну какія же тебѣ лучше всѣхъ понравились?

– Да и чернопѣгая хороша. Только на мой обычай я бѣ жену заложилъ, а того сѣдаго бычка купилъ бы, – сказалъ Елистратъ. – Охъ – ладень. Кабы его да къ нашей Павѣ, да это – мы бы такихъ вывели, ... – закончилъ онъ, просіявъ улыбкой.

– Правда, правда.¹⁶⁴ Я куплю. Ну поѣдемъ, я тебя доведу объѣдать.

И Ордынцевъ съ мужикомъ пошелъ по дорожкамъ къ выходу, продолжая разговаривать съ мужикомъ съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ можно бы было предполагать, и которое умный Елистратъ справедливо относилъ къ тому, что баринъ хочетъ показать, что онъ имъ не гнушается.

Около выхода Ордынцева догналъ бѣжавшій съ коньками замотанными худощавый молодой человекъ съ длиннымъ горбатымъ носомъ.

– Давно ли, Ордынцевъ? – сказалъ по французски молодой человекъ, ударяя его по плечу.

– Вчера пріѣхалъ, привезъ скотину свою на выставку.

– Ну а что гимнастика? Бросили? Приходите завтра, поработаемъ.

– Нѣтъ, не бросилъ, но некогда. Въ деревнѣ я поддерживаюсь верховой ѣздой. Версть 15 каждый день и гири.

Ордынцевъ отвѣчалъ и говорилъ по французски замѣчательно изящнымъ языкомъ и выговоромъ и не такъ, какъ его собесѣдникъ, перемѣшивая Русскій съ Французскимъ. Замѣтенъ былъ нѣкоторый педантизмъ въ томъ, что онъ, разъ рѣшивъ, что глупо мѣшать два языка, отчетливо и ясно говорилъ на томъ или другомъ.

Молодой человекъ пощупалъ его руку выше локтя. И тотчасъ же при этомъ жестѣ Ордынцевъ напряжилъ мускулы.

– О! О! ничего не ослабла. Что же, всѣ 5 пудовъ?

– Поднимаю или вѣшу?

¹⁶⁴ *Ниже на поляхъ вследъ за этимъ вписано:* «Ты посмотри задъ», и онъ сталъ мѣрять. Въ это время въ дверь вошелъ Степанъ Аркадычъ съ знаменитымъ прожившимъ кутилой Безобразовымъ. У Безобразова на рукѣ была франтиха дама. Вокругъ нихъ стояло сіяніе веселаго хорошаго завтрака.

- И то и другое.
- Поднимаю тоже, но вѣсу я въ себѣ сбавилъ, а то сталъ толстѣть.
- Это кто же съ вами?
- Это мой товарищъ по скотоводству, замѣчательный человѣкъ.

Но молодому человѣку, видно, не интересенъ былъ замѣчательный мужикъ, онъ пожалъ руку Ордынцеву.

– Приѣзжайте завтра, весь классъ васъ будетъ ждать. Старая гвардія – и Келеръ ходитъ, – и пробѣжалъ впередъ. – Ахъ да, – закричалъ онъ оборачиваясь, – были вы у Алабиныхъ?

- Нѣтъ еще.
- Говорятъ, они развѣзжаются.
- Нѣтъ, это неправда.
- Вѣдь надо что нибудь выдумать.
- До свиданья.¹⁶⁵
-

Вернувшись въ свой № въ новой гостиницѣ на Петровкѣ, Ордынцевъ увидаль, что онъ опоздалъ къ обѣду къ теткѣ, да и ему не хотѣлось никуда идти. Несмотря на все увлеченіе, съ которымъ онъ занимался выставкой и успѣхомъ своей телки, съ той минуты, какъ онъ встрѣтилъ Алабина и тотъ взялъ съ него обѣщаніе приѣхать вечеромъ къ нему и сказалъ ему, что Китти Щербацкая тамъ будетъ, новое чувство поднялось въ душѣ молодого человѣка, и, споря съ купцомъ и совѣтуясь съ Елистратомъ и соображая покупку сѣдаго бычка, мысль о Китти и о предстоящемъ свиданіи съ нею ни на минуту не покидала его. Привычка занятія поддерживала его въ прежней колеѣ, какъ данное движеніе несетъ корабль еще по прежнему направленію, а уже парусъ надулся въ другую сторону. Онъ услалъ Елистрата обѣдать, велѣлъ подать себѣ обѣдать въ номеръ и радъ былъ, что остался одинъ, чтобы обдумать предстоящее. Ему было 26 лѣтъ, и, какъ человѣкъ исключительно чистой нравственности, онъ чувствовалъ болѣе чѣмъ другой, какъ нехорошо человѣку одному быть. Уже давно женщины дѣйствовали на него такъ, что онъ или чувствовалъ къ нимъ восторги, ничѣмъ не оправдываемые, или отвращеніе и ужасъ. Отца и матери у него не было. Онъ былъ уже 5 годъ по выходѣ изъ университета и по смерти отца въ одно и тоже время полнымъ хозяиномъ себя, своего имѣнія и еще опекуномъ меньшаго брата. Состояніе у него было среднее,¹⁶⁶ независимость для одного, 10, 12 тысячъ дохода на его долю; но у нея, у Кити Щербацкой, почти ничего не было. Но объ этомъ онъ не позволялъ себѣ думать. Что то было унижительное для его гордости думать, что деньги могутъ мѣшать выбору его жизни. «Для другихъ 12 тысячъ мало, но для меня, – думалъ онъ, – это другое. Впервыхъ, жизнь моя семейная будетъ совсѣмъ не похожая на всѣ жизни, какія я вижу. Будетъ другое. Потомъ, еслибъ нужно сдѣлать деньги, я сдѣлаю. Но подчинится ли она моимъ требованіямъ? Она хороша, среда ея глупая московская свѣтская. Правда, она особенное существо.¹⁶⁷ Та самая особенная, какая нужна для моей особенной жизни. Но нѣтъ ли у ней прошедшаго, не была ли она влюблена? Если да, то кончено. Идти по слѣдамъ другаго я не могу. Но почему же я думаю? – Нѣтъ, но что то щемитъ мнѣ сердце и радуется, когда думаю. Что щемитъ? Одно – что я долженъ рѣшиться, да и нынче вечеромъ».

Онъ всталъ и сталъ ходить по комнатѣ, вспоминая ея прелестное бѣлокурое кроткое лицо и, главное, глаза, которые вопросительно выжидательно смотрѣли на него, это благородство осанки и искренность, доброту выраженья. Но все что то мучало его. Онъ не признавался себѣ

¹⁶⁵ *Против этих слов и ниже поперек полей написано:* [1] Послѣ обѣда чувство недовольства, у того все назади, у этаго впереди. [2] Обѣдъ. Шампанское развязываетъ языки. «Моя жена удивительная женщина». Ордынцевъ не гастрономъ, каша лучше, но бумажникъ полонъ.

¹⁶⁶ *Зачеркнуто:* почти

¹⁶⁷ *Против этих слов и ниже на полях написано:* Жениться хорошо, не жениться тоже хорошо. Дѣла пропасть.

даже въ томъ, что мучало его. Его мучала мысль объ невыносимомъ оскорбленіи отказа, въ возможность котораго онъ ставилъ себя.

Онъ вспоминалъ ея улыбки при разговорѣ съ нимъ, тѣ улыбки, которыя говорили, что она знаетъ его любовь и радуется ей. Онъ вспоминалъ, главное, то отношеніе къ себѣ ея сестры, ея матери, какъ будто ужъ ждали отъ него, что вотъ вотъ онъ сдѣлаетъ предложеніе. Вспоминалъ, что была даже, несмотря на ихъ страхъ какъ бы заманивать его, была неловкость, что очевидно въ послѣднюю зиму дѣло дошло до того, что онъ долженъ былъ сдѣлать предложеніе въ мнѣніи свѣта. Его ужъ не звали, когда звали другихъ, и онъ не обижался. «Да, да, – говорилъ онъ себѣ. – Нынче это кончится».

Елистратъ, пообѣдавъ, вошелъ въ нумеръ.

– Ну ужъ кушанье, – сказалъ онъ, – и не знаешь, какъ его ѣсть то. Хороша Москва, да дорога. Чтоже, сходить къ Прыжову посватать бычка?

Ордынцевъ остановился передъ Елистратомъ, не отвѣчая и улыбаясь, сверху внизъ глядя на него.

– А знаешь, Елистратъ Агеичъ, о чемъ я думаю. Что ты скажешь?

– Объ чемъ сказать то?

– Какъ ты скажешь, надо мнѣ жениться?

– И давно пора, – ни секунду немедля, какъ давно всѣмъ свѣтомъ рѣшенное дѣло, отвѣчалъ Елистратъ. – Самое хорошее дѣло.

– Ты думаешь?

– Чего думать, Николай Константиновичъ. Тутъ и думать нечего. Возьмите барыню помирнѣе,¹⁶⁸ да чтобъ хозяйка была, совсѣмъ жизнь другую увидите.

Ордынцевъ засмѣялся ребяческимъ смѣхомъ и поднялъ и подкинулъ Елистрата.

– Ну, ладно, подумаемъ.

И, отпустивъ Елистрата, Ордынцевъ неторопливо переодѣлъ свѣжую рубашку и¹⁶⁹ фракъ вмѣсто утренняго пичджака [?] и пошелъ, чтобы чѣмъ нибудь занять время, въ Хлѣбный переулокъ, гдѣ жили¹⁷⁰ Щербацкіе.

Никогда послѣ Ордынцевъ не забылъ этаго полчаса, который онъ шелъ по слабо освѣщеннымъ улицамъ съ сердцемъ, замиравшимъ отъ страха и ожиданія огромной радости, не забылъ этой размягченности душевной, какъ будто наружу ничѣмъ не закрыто было его сердце; съ такой силой отзывались въ немъ всѣ впечатлѣнія. Переходъ черезъ Никитскую изъ Газетнаго въ темный Кисловскій переулокъ и слѣпая стѣна монастыря, мимо которой, свистя, что то несъ мальчикъ и извозчикъ ѣхалъ ему навстрѣчу въ саняхъ, почему то навсегда остался ему въ памяти. Ему прелестна была и веселость мальчика и прелестенъ видъ движущей[ся] лошади съ санями, бросающей тѣнь на стѣну, и прелестна мысль монастыря, тишины и доживанія жизни среди шумной, кишашей сложными интересами Москвы, и прелестнѣе всего его любовь къ себѣ, къ жизни, къ ней и способность пониманія и наслажденія всѣмъ прекраснымъ въ жизни.

Когда онъ позвонилъ у подъѣзда, гдѣ стояла карета и сани, онъ почувствовалъ, что не можетъ дышать отъ волненія счастья, и нарочно сталъ думать о непріятномъ, о безнравственности Алабина, съ тѣмъ чтобы разсердиться и этимъ сердцемъ успокоить свою размягченную душу

Глава V.

Князья Щербацкіе были когда [-то] очень богатые люди, но старый Князь¹⁷¹ шутя проигралъ все свое и часть состоянія жены.¹⁷² Ежели бы Княгиня¹⁷³ рѣшительно не взяла въ свои руки

¹⁶⁸ *Зачеркнуто:* потише

¹⁶⁹ *Зач.*: сертукъ

¹⁷⁰ *Зач.*: Алабины

¹⁷¹ *Зач.*: жившій и теперь подъ опекой своей жены,

остатки состоянія и, какъ ни противно это было ея характеру, не отказала Князю въ выдачѣ ему денегъ, онъ проигралъ бы все. «Если бы мнѣ несчастные 10, 15 тысячъ, я бы отыгралъ все», говорилъ себѣ князь, еще свѣжій 60 лѣтній человѣкъ.¹⁷⁴ Въ то же почти время какъ Княгиня перестала давать деньги для игры мужу, случилась и смерть единственнаго любимаго сына. Смерть эта страшно поразила Князя и съ той поры, 12 лѣтъ тому назадъ, и съ той поры безъ дѣла, кромѣ номинальной службы при Императрицыныхъ учрежденіяхъ, безъ занятій, безъ интереса къ чему бы то ни было, съѣдаемый неудовлетворенной жаждой страсти, презирая и ненавидя все новое, нарастающее и живущее, несмотря на то что онъ пересталъ жить, неприятнымъ, тяжелымъ гостемъ жилъ въ домѣ. И если бы не умѣнье, нѣжность, любовь меньшей незамужней дочери Кити, которую одну какъ будто и любилъ, онъ былъ бы невыносимымъ членомъ семьи. Теперь Щербацкіе жили далеко небогато, но всетаки много выше средствъ.¹⁷⁵ Жизнь въ Москвѣ, гдѣ они проживали тысячъ 20, тогда какъ у нихъ было всего 10 тысячъ дохода, Княгиня считала необходимымъ для того, чтобы выдать замужъ послѣднюю дочь, которая была въ томъ¹⁷⁶ дѣвичествомъ возрастъ 20 лѣтъ, когда теперь или никогда выдти замужъ. За Кити нельзя было бояться, чтобы она засидѣлась, – она была нетолько хороша, но такъ привлекательна, что нѣсколько предложеній уже были ей сдѣланы; но съ одной стороны, она не любила никого изъ тѣхъ, кто дѣлалъ предложеніе, съ другой стороны, мать знала, что Китти всегда скорѣе склонна отказаться, чѣмъ принять предложеніе[е] уже по тому только, чтобы не оставить мать одну съ отцомъ. Кромѣ того, на успѣхъ хорошаго замужества Китти имѣло дурное вліяніе замужество сестры. Умная мать знала, что меньшія сестры всегда преждевременно узнаютъ многія супружескія отношенія вслѣдствіи близости съ старшей замужней сестрой. И тутъ все, что узнала Китти, могло только отвратить ее отъ супружества и сдѣлать болѣе требовательной. Кромѣ того умная, опытная мать знала, что всегда почти, особенно въ семьѣ, гдѣ нѣтъ братьевъ, меньшая сестра выходитъ за мужъ въ кругу друзей мужа старшей сестры; а друзья Алабина, несмотря на его по связямъ и имени высшее положеніе въ обществѣ, были не¹⁷⁷ женихи, которыхъ бы желала мать для дочери. Это были большей частью веселые собесѣдники на пиру, но не желательные мужья для дочери.

И когда мать подумывала о томъ, что Китти можетъ не выдти замужъ, ей становилось особенно больно, нетолько потому, какъ вообще матерямъ грустно и обидно, что онѣ не сумѣли сбыть товаръ съ рукъ, но особенно больно потому, что она твердо знала, что товаръ ее перваго, самаго перваго достоинства; она знала про себя, что была отличная жена и мать, знала, что Долли, несмотря на несчастье въ супружествѣ, была образцовая жена и мать, и знала, что Китти будетъ такая же и еще лучше, съ придаткомъ особенной, ей свойственной прелести и граціи. Изъ¹⁷⁸ очевидныхъ искателей руки Китти теперь на кону были два: Левинъ, графъ Кубинъ. Для матери не могло быть никакого сравненія между Кубинымъ и Левинымъ. Матери не нравилось въ¹⁷⁹ Левинѣ и его молодость и его гордость, самоувѣренность, ни на чемъ не основанная, и его, по понятіямъ матери, дикая какая-то жизнь въ деревнѣ съ занятіями¹⁸⁰ скотиной, мужиками; не нравилось, и очень, то, что онъ, очевидно влюбленный уже 2-й годъ въ дочь, ѣздилъ

¹⁷² *Зач.*: Когда

¹⁷³ *Зач.*: уже давно перестала давать ему деньги, старый игрокъ

¹⁷⁴ *Зачеркнуто*: И это онъ говорилъ себѣ уже 15 лѣтъ и 15 лѣтъ безъ дѣла, безъ интереса къ чему бы то ни было

¹⁷⁵ *Против этих слов на полях написано*: <Княгиня пухлая съ одышкой.>

¹⁷⁶ *Зач.*: лучшемъ

¹⁷⁷ *Зач.*: такіе

¹⁷⁸ *Зачеркнуто*: пріятелей Алабина одинъ Ордынцевъ, который казался матери возможнымъ, но и онъ ей скорѣе не нравился, и она боялась, чтобы дочь не привязалась къ нему.

¹⁷⁹ *Зач.*: Ордынцевъ

¹⁸⁰ *Зач.*: мужицкими школами

въ домъ, говорилъ¹⁸¹ про разныя глупости и чего то какъ будто ждалъ, высматривалъ, какъ будто боялся, не велика ли будетъ честь, если онъ сдѣлаеть предложеніе, и не понималъ, что, ѣздя въ домъ, гдѣ дѣвушка невѣста, онъ долженъ былъ давно объясниться. Старый Князь, принимавшій мало участія въ семейныхъ дѣлахъ, въ этомъ дѣлѣ былъ противоположнаго мнѣнія съ женою. Онъ покровительствовалъ¹⁸² Левину и желалъ брака Кити съ нимъ. Главнымъ качествомъ¹⁸³ Левина онъ выставлялъ передъ женою¹⁸⁴ физическую свѣжесть, не истасканность. Но Княгиня по странной женской слабости не могла повѣрить, чтобы ее мужъ, во всемъ неправый, могъ бы быть правъ въ этомъ, и сердито и презрительно спорила съ нимъ, оскорбляясь даже тѣмъ, что физическую свѣжесть и силу можно ставить въ заслугу комунибудь, кромѣ мужику. Она говорила, что эта физическая свѣжесть¹⁸⁵ и доказываетъ, что у него нѣтъ сердца. <Княгиня тѣмъ болѣе теперь была недовольна Ордынцевымъ, что въ послѣднее время, въ концѣ этой зимы,¹⁸⁶ на Московскихъ балахъ, изъ которыхъ ни одного не пропускала Кити, появился новый искатель, къ которому Княгиня была расположена всей душой.> Другой искатель¹⁸⁷ удовлетворялъ всѣмъ желаніямъ матери. Она каждое утро [и] вечеромъ молилась о томъ, чтобы это сдѣлалось.¹⁸⁸ Искатель этотъ былъ¹⁸⁹ Графъ Вроцкой, одинъ изъ двухъ братьевъ¹⁹⁰ Вроцкихъ, сыновей извѣстной въ Москвѣ¹⁹¹ Графини Марьи Алексѣвны. Оба брата были очень богаты, прекраснаго семейства. Отецъ ихъ оставилъ память благороднаго Русскаго вельможи, оба прекрасно образованы, кончили курсъ¹⁹² въ высшемъ военномъ учебномъ заведеніи, оба первыми учениками, и оба служили въ гвардіи. Меньшій, Алексѣй, Кавалергардъ, жилъ въ отпускѣ¹⁹³ за границей и теперь, возвращаясь, проживъ въ Москвѣ два мѣсяца, встрѣтился на балѣ съ Кити и сталъ ѣздить въ домъ.¹⁹⁴

Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что означаютъ его посѣщенія. Вчера только разрушились послѣднія сомнѣнія матери о томъ, почему онъ не высказывается. Китти, все рассказывавшая матери, рассказала ей свой разговоръ съ нимъ.¹⁹⁵ Говоря объ своихъ отношеніяхъ къ матери, онъ сказалъ, что они оба брата такъ привыкли подчиняться ей во всемъ, что¹⁹⁶ они никогда не рѣшатся предпринять чтонибудь важное, не посоветовавшись съ нею.

«И теперь я особенно жду, какъ особеннаго счастья, приѣзда матушки изъ Петербурга», сказалъ онъ. «И я перемѣнила разговоръ», рассказывала Китти. Мать заставила нѣсколько разъ повторить эти слова. И успокоилась. Она знала, что старуху Удашеву ждутъ со дня на день.

¹⁸¹ *Зач.*: съ увлеченіемъ

¹⁸² *Зач.*: Ордынцеву

¹⁸³ *Зач.*: Ордынцева

¹⁸⁴ *Зач.*: честность и

¹⁸⁵ *Зач.*: и противна въ немъ, что это

¹⁸⁶ *Зач.*: въ домѣ ихъ

¹⁸⁷ *Зач.*: Графъ Кубанской

¹⁸⁸ *Зач.*: и отслужила тайно отъ дочери о томъ же молебень Иверской

¹⁸⁹ *Зачеркнута*: <Кн. Иванъ Сер.> <Михаиль> Алексѣй Удашевъ

¹⁹⁰ *Зач.*: Удашевыхъ

¹⁹¹ *Зач.*: Княгини

¹⁹² *Зам.*: кандидатами въ Московскомъ университетѣ,

¹⁹³ *Зач.*: для раздѣла съ братомъ и во время этаго отпуска, встрѣтившись на балѣ съ Китти, былъ представленъ и протанцовалъ съ ней 4 мазурки <и два раза былъ въ домѣ> и ѣздилъ очень часто

¹⁹⁴ *Зач.*: Положеніе его въ домѣ стало таково, что онъ, видимо, уже не боялся <компрометировать> ѣздить каждый день и, зная его честную породу и природу,

¹⁹⁵ *Зач.*: у фортепьяно

¹⁹⁶ *Зач.*: иногда они становятся въ неловкое положеніе, не смѣя дать слово или обѣщать, или просить, умолять о чемънибудь, не имѣя на то согласіе матери. Это оскорбило бы ее. «И теперь я жду приѣзда матери какъ мессіи, – сказалъ онъ, – отъ нея зависитъ счастье моей жизни, и я знаю, что она счастлива будетъ моимъ счастьемъ».

Знала, что старуха будетъ рада выбору сына, но понимала, что онъ, боясь оскорбить ее, не дѣлаеть предложение безъ ея согласія.

Какъ ни много горя было у старой Княгини отъ старшей дочери,¹⁹⁷ собиравшейся оставить мужа, этотъ предстоящій бракъ радовалъ ее, и мысль о томъ, чтобы онъ разошелся, пугала ее. Она ничего прямо не совѣтовала дочери, не спрашивала ее, приметъ ли она или нѣтъ предложение, – она знала, что тутъ нельзя вмѣшиваться; но она боялась, что дочь, имѣвшая, какъ ей казалось, одно время чувство къ¹⁹⁸ Левину и подававшая надежды, изъ чувства излишней честности не отказала Удашеву. Поэтому¹⁹⁹ она холодно встрѣтила Ордынцева и почти не звала его. Когда она осталась одна съ дочерью, Княгиня чуть не разразилась словами упрековъ и досады.

– Я очень, очень рада, – сказала Китти значительно. – Я очень рада, что онъ пріѣхалъ. <– И взглянула на мать, и потомъ, оставшись одна,²⁰⁰ она сказала ей, успокаивая ее: —> Я рада тому, что нынче все рѣшится.

– Но какъ?

– Какъ? – сказала она задумавшись. – Я знаю какъ; но позвольте мнѣ не сказать вамъ. Такъ страшно говорить про это.²⁰¹

–

Когда Ордынцевъ вошелъ въ гостиную, въ ней сидѣли старая Княгиня, Дарья Александровна, Алабинъ, Удашевъ и Китти съ своимъ другомъ Графиней Нордстонъ. Ордынцевъ зналъ всѣхъ, кромѣ Удашева.

Онъ зналъ и круглый столъ, и тонъ общаго разговора и выраженіе лица Китти, то выраженіе²⁰² взволнованнаго, но сдержаннаго счастья, которое было на ея лицѣ. При входѣ его она невольно покраснѣла, какъ 13 л[ѣтняя] дѣвочка, и съ улыбкой, которую онъ хорошо зналъ, ожидала, чтобы онъ поздоровался съ матерью и Графиней Нордстонъ, которая сидѣла ближе. Бывало, она съ той же улыбкой²⁰³ ожидала, чтобы онъ кончилъ здорововаться, и эта улыбка, внушая согласіе о томъ, что это нужно только для того, чтобы быть вмѣстѣ, радовала его; теперь было тоже; но въ то время какъ онъ здорововался съ матерью, она сказала что[-то], нагнувъ свою прелестную голову къ Удашеву. Этого слова было довольно, чтобы ему понять значеніе Удашева, и вмѣсто размягченнаго состоянія онъ вдругъ почувствовалъ себя озлобленнымъ весельемъ. Въ ту же минуту, хотя была неправда, что она знала, кого выбереть до сихъ поръ, она узнала, что это былъ Удашевъ, и ей жалко стало Ордынцева. Онъ былъ веселъ, развязенъ, и при представленіи другъ другу Удашевъ и Ордынцевъ поняли, что они враги, но маленькій ростомъ, хотя и крѣпкій, Удашевъ сталъ утонченъ, учтивъ и презрителенъ, а силачъ Ордынцевъ неприлично и обидчиво озлобленъ. Гостиная раздѣлилась на два лагеря. На сторонѣ Удашева была мать, сама Китти и Графиня Нордстонъ, на сторонѣ Ордынцева только Китти, но скоро прибавился ему на помощь Алабинъ и старый Князь, и партія стала равна.

Разговоръ былъ поднятъ матерью о деревенской жизни, и Ордынцевъ сталъ рассказывать, какъ онъ живетъ.

¹⁹⁷ *Зач.*: переѣхавшей къ ней съ дѣтьми и насилу согласившейся простить мужа и вернуться къ нему,

¹⁹⁸ *Зач.*: Ордынцеву

¹⁹⁹ *Зачеркнуто*: когда Алабинъ заѣхалъ после обѣда къ нимъ и сообщил о встрѣчѣ съ Ордынцевымъ и приглашеніи вечеромъ

²⁰⁰ *После этого слова, очевидно по ошибке, не зачеркнуто*: матери

²⁰¹ *Против этих строк на полях написано и зачеркнуто*: Какъ передъ сраженіемъ.

²⁰² *Зачеркнуто*: тихаго

²⁰³ *Против этой части абзаца на полях написано*: Китти не знаетъ, кого выбрать. – Ордынцевъ силачъ оскорбленъ, безтактенъ. Удашевъ тихъ, слабъ физически и спокойно непоколебимъ. К[итти], М[ать] на сторонѣ Удашева, С[тарикъ?], Д[олли] и А[лабинъ] на сторонѣ Ордынцева. Уѣхалъ домой и плачетъ. «Я всѣмъ противень». Дома пристыжная отелилась. Приход[ать?] <луга> наниматься. Разговоръ, что дома дѣлають въ д[еревнѣ?] Приходитъ старикъ от[ецъ]. Д[олли?] переѣзжаетъ. Онъ можетъ плакать всегда.

– Как можно жить, – говорила Графиня Нордстонъ, – въ деревнѣ одному, не понимаю.²⁰⁴

– Стива рассказывалъ, что вы выставили прекрасную корову, – сказала Княгиня.

– Онъ, кажется, и не посмотрѣлъ на нее, – улыбаясь отвѣчалъ Ордынцевъ. И стараюсь перевести разговоръ съ себя на другихъ: – Вы много танцевали эту зиму, Катерина Александровна?

– Да, какъ обыкновенно. Мама, – сказала она, указывая глазами на Удашева, но мама не замѣтила, и она сама должна была представить: – Князь Удашевъ А[лексѣй] В[асильевичъ?], Ордынцевъ.

Удашевъ всталъ и съ свойственнымъ ему открытымъ добродушіемъ, улыбаясь, крѣпко пожалъ руку Ордынцеву.

– Очень радъ. Я слышалъ про васъ много по гимнастикѣ.

Ордынцевъ холодно, почти презрительно отнесся къ Удашеву.

– Да, можетъ быть, – и обратился къ Графинѣ Нордстонъ.

– Ну что, Графиня, ваши столики?

Ордынцевъ чувствовалъ Удашева врагомъ, и Кити не понравилось это, но больше всѣхъ Нордстонъ. Она предприняла вышутить Ордынцева, что она такъ хорошо умѣла.

– Знаю, вы презираете это. Но чтоже дѣлать, не всѣмъ дано такое спокойствіе. Вы расскажите лучше, какъ вы живете въ деревнѣ.

Онъ сталъ рассказывать.

– Я не понимаю.

– Нѣтъ, я не понимаю, какъ ѣздить по гостинымъ болтать.

– Ну, это неучтиво.

Удашевъ улыбнулся тоже. Ордынцевъ еще больше окрысился. Удашевъ, чтобъ говорить чтонибудь, началъ о новой книгѣ. Ордынцевъ и тутъ перебилъ его, высказывая смѣло и безапелляціонно свое всѣмъ противоположное мнѣніе. Кити, собирая сборками лобъ, старалась противурѣчить, но Нордстонъ раздражала его, и онъ расходился. Всѣмъ было непріятно, и онъ чувствовалъ себя причиной. Къ чаю вошелъ старый Князь, обнялъ его и сталъ поддакивать съ другой точки зрѣнія и началъ длинную исторію о безобразіи судовъ. Онъ долженъ былъ слушать старика из учтивости и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что всѣ рады освободиться отъ него и что у нихъ втроемъ пошелъ веселый small talk.²⁰⁵ Онъ никогда не ставилъ себя въ такое неловкое положеніе, онъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ старика; но слушалъ ихъ и когда говорилъ, то хотѣлъ втянуть ихъ въ разговоръ, но его какъ будто боялись.²⁰⁶

Кити за чаемъ, вызванная Нордстонъ, высказала Удашеву свое мнѣніе объ Ордынцевѣ, что онъ молодъ и гордъ. Это она сдѣлала въ первый разъ и этимъ какъ будто дала знать Удашеву, что она его жертвуетъ ему. Она была такъ увлечена Удашевымъ, онъ былъ такъ вполне преданъ ей, такъ постоянно любовались ею его глаза, что губы ея не развивались, а, какъ кудри, сложились въ изогнутую линію, и на чистомъ лбу вскакивали шишки мысли, и глаза голубые свѣтились яркимъ свѣтомъ. Удашевъ говорилъ о пустякахъ, о послѣднемъ балѣ, о сплетняхъ о Патти, предлагалъ принести ложу и каждую минуту говорилъ себѣ: «да, это она, она, и я

²⁰⁴ *Рядом на полях написано:* <Какъ только Ордынцевъ вошелъ въ этотъ вечеръ къ Щербакимъ, онъ съ первыхъ словъ понялъ, что мѣсто его занято. Онъ принялъ на себя веселый, развязный тонъ, но глаза его, голубые, глубокіе, имѣли растерянное выраженіе, и даже Кити было жалко его. Какъ пріятно бываетъ женщинѣ жалеть о несчастіи чловѣка, несчастіи, сдѣланномъ ею самою. «Разумѣется, Гагинъ ни въ чемъ не виноватъ», подумалъ Ордынцевъ, и онъ былъ особенно любезенъ съ нимъ. Онъ только былъ неловокъ, самъ чувствовалъ это и потому становился еще болѣе неловокъ.> *Далее на полях написано:* Мнѣ необходима красота. Говорить по Русски. Парабола. Гипербола. Я 1-й ученикъ. А[ристократъ?] Удашевъ, но все забыть. Впрочемъ, дамамъ скучно. Разговоръ о столикахъ и о деревенской жизни. «Я устраиваю жизнь для себя и другихъ». Свысока смотреть на Графиню Нордстонъ. «Не могу видѣть этотъ тонъ; презирая, снисходить до насъ грѣшныхъ»,

²⁰⁵ [болтовня.]

²⁰⁶ *Рядом и ниже на полях написано:* Я бы радъ съ ними жить, но они глупы ужъ очень. Какже не гордиться. Правда, Удашевъ, но тоже пустошь. Отецъ сдѣлалъ сцену. Говорили о предстоящемъ балѣ у Долгоруковыхъ.

буду счастливъ съ нею». То, что она, очевидно, откинула Ордынцева, сблизило ихъ больше, чѣмъ все прежнее. Княгиня Нордстонъ сіяла и радовалась, и онъ и она чувствовали это. Когда Ордынцевъ наконецъ вырвался отъ старика и подошелъ къ столу, онъ замѣтилъ, что разговоръ замолкъ и онъ былъ лишній; какъ ни старалась Кити (шишка прыгала) разговорить, она не могла, и Долли предприняла его, но и сама впала въ ироническіе отзвыы о мужѣ.²⁰⁷

Ордынцевъ уже собирался уѣхать, какъ пріѣхалъ Стива, легко на своихъ маленькихъ ножкахъ неся свой широкой грудной ящикъ. Онъ весело поздоров[овался] со всѣми и точно также съ женою, поцѣловавъ ея руку.

– Куда же ты?

– Нѣтъ, мнѣ еще нужно, – солгалъ Ордынцевъ и весело вызывающе простился и вышелъ.

Ему никуда не нужно было. Ему нужно было только быть тутъ, гдѣ была Кити, но въ немъ не нуждались, и съ чувствомъ боли и стыда, но съ сіяющимъ лицомъ онъ вышелъ, сѣлъ на извозчика и пріѣхалъ домой, легъ и заплакалъ.

«Отчего, отчего, – думалъ онъ, – я всѣмъ противень, тяжелъ? Не они виноваты, но я. Но въ чемъ же? Нѣтъ, я не виноватъ.²⁰⁸ Но вѣдь я говорилъ уже себѣ; но безъ²⁰⁹ нихъ я не могу жить. Вѣдь я пріѣхалъ. – И онъ представлялъ себѣ его,²¹⁰ Вр[оцкаго], счастливаго, добраго, наивнаго и умнаго.²¹¹ – Она должна выбрать его. А я? <Что такое?> Не можетъ быть, гордость! Чтонибудь во мнѣ не такъ.²¹² Домой, домой, – былъ одинъ отвѣтъ. – Тамъ рѣшится», и онъ вспоминалъ матокъ, коровъ, постройку и сталъ успокаиваться. Брата дома не было.²¹³ Онъ послалъ телеграмму, чтобъ выѣхала лошадь, и легъ спать.

Утромъ его братъ не вставалъ, онъ выѣхалъ, къ вечеру пріѣхалъ. Дорогой, еще въ вагонѣ, онъ разговаривалъ съ сосѣдями о политикѣ, о книг[ахъ], о знакомыхъ, но когда онъ вышелъ на своей станціи, надѣлъ тулупъ, увидалъ криваго Игната и съ подвязаннымъ хвостомъ пристяжную безъ живота, интересы деревни обхватили его. И Игнатъ рассказывалъ про перевозъ гречи въ сушилку, осуждалъ прикащика. Работы шли, но медленнѣе, чѣмъ онъ ждалъ. Отелилась Пава. Дома съ фонаремъ еще онъ пошелъ смотрѣть Паву, пришелъ въ комнату съ облѣзлымъ поломъ, съ гвоздями. Няня въ куцавейкѣ, свой почеркъ на столѣ, и онъ почувствовалъ, что онъ пришелся, какъ ключъ къ замку, къ своему деревенскому житью, и утихъ, и пошла таже жизнь съ новаго жара. Постройки, сушилки, школа, мужики, свадьба работника, скотина, телка, досады, радости и забота.

–

Когда вечеръ кончился и всѣ уѣхали и Кити пришла въ свою комнату, одно впечатлѣніе неотступно преслѣдовало ее. Это было его лицо съ насупленными бровями и мрачно, уныло смотрящими изъ подъ нихъ добрыми голубыми глазами, какъ онъ стоялъ, слушая рѣчи стараго Князя. И ей нетолько жалко его было, но стало жалко себя за то, что она его потеряла, потеряла на всегда, сколько она ни говорила себѣ, что она любила Вр[оцкаго] и любить его. Это была правда; но сколько она ни говорила себѣ это, ей такъ было жаль того, что она навѣрное потеряла, что она закрыла лицо руками и заплакала горячими слезами.

–

Въ тотъ же вечеръ, какъ хотя и не гласно, не выражено, но очевидно для всѣхъ рѣшилась судьба Кити и Удашева, когда Кити вернулась въ свою комнату съ несходящей улыбкой съ лица

²⁰⁷ *Рядом и ниже на полях написано:* <Степанъ Аркадьичъ ничего не замѣтилъ, а дѣло было рѣшено>. <<Теперь я навсегда разсталась съ Ордынцевымъ».>

²⁰⁸ *Зачеркнуто:* Виновата мерзость среды.

²⁰⁹ *Зач.*: среды

²¹⁰ *Зач.*: Удашева, маленькаго, сильнаго,

²¹¹ *Зач.*: благороднаго и всегда яснаго, спокойнаго.

²¹² *Зач.*: Не вралъ ли Стива? Надо попробовать. Поѣду на балъ. Это послѣднее испытаніе. А можетъ быть, и правда.

²¹³ *Зач.*: а поѣздъ уходилъ ночью.

и въ восторгѣ страха и радости молилась и смѣялась и когда Удашевъ проѣхалъ мимо²¹⁴ Дюсо, гдѣ его ждали, не въ силахъ захватить и, захвативъ, пройдя, какъ чужой и царь, вышелъ оттуда, стряхивая прахъ ногъ, въ этотъ вечеръ было и объясненіе Степана Аркадьевича съ женою.²¹⁵ Въ первый разъ она склонилась на просьбы матери и сестры и рѣшилась выслушать мужа.

– Я знаю все, что будетъ, – сказала Долли иронически и зло сжимая губы, – будутъ увѣренія, что всѣ мужчины такъ, что это не совсѣмъ такъ, какъ у него все бываетъ не совсѣмъ такъ; немного правда, немного неправда, – сказала она, передразнивая его съ злобой и знаніемъ, которое даетъ одна любовь. Но онъ меня не увѣритъ, и ужъ ему, – съ злостью, изуродовавшей ея тихое лицо, сказала она, – я не повѣрю. Я не могу любить человѣка, котораго презираю.

Но объясненіе было совсѣмъ не такое, какое ожидала Долли. Степанъ Аркадьичъ подошелъ къ ней съ робкимъ, дѣтскимъ, милымъ лицомъ, выглядывавшимъ между сѣдьющими бакенбардами и изъ подъ краснѣющаго носа, и на первыя слова ея (она отвернувшись сказала съ злостью и страданіемъ въ голосъ: «Ну что можно говорить») – на первыя эти слова въ лицѣ его сдѣлалась судорога, и онъ зарыдалъ, цѣлуя ея руки. Она хотѣла плакать, но удержалась и скрыла.

На другой день она переѣхала домой съ уговоромъ, что она для приличія будетъ жить съ нимъ, но что между ними все кончено.

Степанъ Аркадьичъ былъ доволенъ: приличіе было соблюдено – жена переѣзжала къ матери на время перекраски дверей, другое – жена на виноватую просьбу его подписать купчую иронически согласилась. Третье – главное – устроить внутреннія отношенія по старому – это дѣло Степанъ Аркадьичъ надѣялся устроить съ помощью любимой сестры Петербургской дамы Анны Аркадьевны Карениной, которой онъ писалъ въ Петербургъ и которая обѣщала пріѣхать погостить въ Москву къ невѣсткѣ.

–

Прошло 3 дня. Степанъ Аркадьичъ засѣдалъ весело въ судѣ, по панибратски лаская всѣхъ. Долли углубилась въ дѣтей. Удашевъ ѣздилъ каждый день къ Щербацкимъ, и всѣ знали, что онъ неизмѣнно женихъ. Онъ перешелъ уже ту неопредѣленную черту. Уже не боялись компрометировать ни онъ, ни она. Ордынцевъ сдѣлалъ чистку въ себѣ и домѣ и засѣлъ за политико-экономическую работу и готовился къ новымъ улучшеніямъ лѣта.

– Право, – говорила Долли, – я не знаю, гдѣ ее положить. И въ другое время я ей рада; но теперь... Столько хлопотъ съ дѣтьми. И что ей, Петербургской модной дамѣ, у насъ только...

– Ахъ полно, Долли, – сказалъ мужъ съ смиреніемъ.

– Да тебѣ полно, а мнѣ надо готовить и стѣснить дѣтей.

– Ну хочешь, я все сдѣлаю.

– Знаю я, скажешь Матвѣю сдѣлать чего нельзя и уѣдешь, а онъ все перепутаетъ.

– Совсѣмъ нѣтъ.

– Ну хорошо, сдѣлай. Я уже и рукъ не приложу.

Но кончилось тѣмъ, что, когда Степанъ Аркадьичъ поѣхалъ на желѣзную дорогу встрѣчать сестру вмѣстѣ съ Удашевымъ, который съ этимъ же поѣздомъ ждалъ мать, Долли устроила комнату для золовки.

–

На дебаркадерѣ стояла рѣдкая толпа. Степанъ Аркадьичъ пріѣхалъ встрѣчать сестру, Удашевъ мать. Онѣ въ одномъ поѣздѣ должны были пріѣхать изъ Москвы въ 8 часовъ вечера.

– Вы не знаете Анну? – съ удивленіемъ и упрекомъ говорилъ Степанъ Аркадьичъ.

²¹⁴ Зачеркнуто: Шевалье

²¹⁵ Рядом на полях написано: <Объясненіе Стивы Алабина съ женой>Извѣстіе о пріѣздѣ Анны. Онъ можетъ плакать, когда хочетъ. Кити счастлива, все кончено. Алабинъ ѣдетъ встрѣчать. Удашевъ за матерью. Несчастье на желѣзной дорогѣ>

– Знаю, давно на балѣ у посланника я былѣ представленъ ей, но какъ было: знаете, двухъ словъ не сказалъ и теперъ даже не посмѣю кланяться. Потомъ видѣлъ, она играла во Французской пьесѣ у Бѣлозерскихъ. Отлично играетъ.

– Она все отлично дѣлаетъ. Не могу удержаться, чтобы не хвалить сестру. Мужъ, сынъ, свѣтъ, удовольствія, добро, связи – все она успѣваетъ, во всемъ совершенство, и все просто, легко, безъ труда.

Удашевъ замолчалъ, какъ всегда молчать при такого рода похвалахъ.

– Она на долго въ Москву?²¹⁶

– Недѣли двѣ, три. Чтоже, ужъ не опоздалъ?

Но вотъ побѣжалъ кто то, задрожалъ полъ, и съ гуломъ отворились двери. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, протежируемыхъ пропустили впередъ, и Степанъ Аркадьичъ съ Удашевымъ въ числѣ ихъ.

Соскочилъ молодцоватый кондукторъ, свистя. Затолкались, вбѣгая въ вагоны, артельщики. И стали выходить по одному пассажиры. Сначала молодые военные – офицеръ медлительно и прямо, купчикъ быстро и юрко. И наконецъ толпа. Въ одномъ изъ вагоновъ 1-го класса противъ самихъ Удашева и Степана Аркадьича на крылечкѣ стояла невысокая дама въ черномъ платьѣ, держась правой рукой за колонну, въ лѣвой держа муфту и улыбалась глазами, глядя на Степана Аркадьича. Онъ смотрѣлъ въ другую сторону, ища ее глазами, а Удашевъ видѣлъ ее. Она улыбалась Степану Аркадьичу, но улыбка ея освѣщала и²¹⁷ жгла его. Въ дамѣ этой не было ничего необыкновеннаго, она была просто одѣта, но что то приковывало къ ней вниманіе.

²¹⁸Гагинъ тотчасъ же догадался по сходству съ братомъ, что это была Каренина, и онъ видѣлъ, что Степанъ Аркадьичъ ищетъ ее глазами не тамъ, гдѣ надо, но ему почему то весело было чувствовать ея улыбку и не хотѣлось указать Степану Аркадьичу, гдѣ его сестра. Она поняла тоже, и улыбка ея приняла еще другое значеніе, но это продолжалось только мгновенье. Она отвернулась и сказала что то, обратившись въ дверь вагона.

– Вотъ здѣсь ваша сестра, – сказалъ Удашевъ, тронувъ рукою Степана Аркадьича.

И въ тоже время онъ въ окнѣ увидалъ старушку въ лиловой шляпѣ съ сѣдыми буклями и свѣжимъ старушечьимъ лицомъ – эта была его мать. Опять дама вышла и громко сказала: – Стива, – обращаясь къ брату, и Удашевъ, хотя и видѣлъ мать, посмотрѣлъ, какъ просіяло еще болѣе лицо Карениной и она, дѣтски радуясь, обхватила рукою локтемъ за шею брата, быстрымъ движеніемъ притянула къ себѣ и крѣпко поцѣловала. Удашевъ улыбнулся радостно. «Какъ славно! Какая энергія! Какъ глупо», сказалъ самъ себѣ Удашевъ за то, что онъ мгновенье пропустилъ нѣжный устремленный на него взоръ матери.

– Получилъ телеграмму?

– Вы здоровы, хорошо доѣхали?

– Прекрасно, благодаря милой Аннѣ Аркадьевнѣ.

Они стояли почти рядомъ.

Анна Аркадьевна подошла еще ближе и, протянувъ старушкѣ маленькую руку безъ колець и безъ перчатки (все было необыкновенно просто въ лицѣ и въ одеждѣ Анны Аркадьевны), – Ну, вотъ вы встрѣтили сына, а я брата, и все прекрасно, – сказала она по французски. – И всѣ исторіи мои пришли къ концу, а то бы нечего ужъ рассказывать.

– Ну, нѣтъ милая, – сказала старушка, гадливо отстраняясь отъ проходившей дамы въ блестящей атласной шубкѣ, въ лиловомъ вуалѣ, до неестественно румяныхъ губъ, въ модныхъ лаковыхъ ботинкахъ съ кисточками. – Я бы съ вами объѣхала вокругъ свѣта и не соскучилась.

²¹⁶ Рядом на полях написано: Обворожила мать. Дѣвушку выводить. А и такія бываютъ. Никогда не видала, какіе они? Совсѣмъ другіе.

²¹⁷ Зачеркнуто: грѣла

²¹⁸ Зач.: Удашевъ

Вы однѣ изъ тѣхъ милыхъ женщинъ, съ которыми и поговорить и помолчать пріятно. О сынѣ успокойтесь. Все будетъ хорошо, повѣрьте, – продолжала старушка, – и прекрасно, чтобъ вашъ мужъ поучился ходить за сыномъ. Здравствуйте, милый, – обратилась она къ Степану Аркадьичу, – ваши здоровы? Поцѣлуйте за меня Долли и Кити. – Кити, – сказала она, подчеркнувъ это слово и взглянувъ на сына. – Мой сынъ, – прибавила она представляя сына Аннѣ Аркадьевнѣ. – И какъ это вы умѣете быть незнакомы съ тѣми, съ кѣмъ надо. Ну, прощайте, прощайте, милая. Дайте поцѣловать ваше хорошенькое личико.

Анна Аркадьевна пожала руку Удашеву. Онъ ей напомнилъ свое знакомство.

– Какже, я помню. Ваша матушка слишкомъ добра. Я благодаря ей не видѣла времени. Надѣюсь васъ видѣть.

Она говорила это просто, мило, но въ глазахъ ея было больше чѣмъ обыкновенное вниманіе.²¹⁹

Ея поразила вся фигура Удашева. И поразила пріятно. Она не помнила, видѣла ли она когда-нибудь такихъ маленькихъ, крѣпкихъ съ черной щеткой бороды, спокойныхъ и джентельменовъ. Что то особенное было въ немъ.

«А вотъ какіе бываютъ, – сказала она. – Онъ славный, долженъ быть. И что сдѣлалось съ нимъ?» Онъ вдругъ смѣшался и покраснѣлъ и заторопился искать дѣвушку матери.

Къ Аннѣ Аркадьевнѣ тоже подошла ея дѣвушка въ шляпѣ.

– Ну, Аннушка, ты уже устрой багажъ и пріѣзжай, – сказала она, доставая билетъ, и положила руку на руку брата.

– Послушай, любезный, вещи сестры, – сказалъ онъ служащему, кивнувъ пальцемъ, и прошелъ съ ней.

Они уже стали отходить, какъ вдругъ толпа хлынула имъ на встрѣчу, и, какъ это бываетъ, ужасъ неизвѣстно о чемъ распространился на всѣхъ лицахъ.

– Что такое, что? Гдѣ бросился? Задавили?

Степанъ Аркадьичъ съ сестрой и Удашевъ одинъ сошлись вмѣстѣ у конца платформы, гдѣ жандармъ, кондукторъ и артельщикъ тащили что-то. Это²²⁰ былъ старый мужикъ въ сапогахъ.

Какой то чиновникъ рассказывалъ, что онъ самъ бросился, когда стали отводить поѣздъ.

– Ахъ, какой ужасъ! – проговорилъ Степанъ Аркадьичъ. – Пойдемъ.

Но Анна Аркадьевна не шла.

– Что? гдѣ?

Она увидала, и блѣдность, строгость разлилась по ея прелестному лицу. Она обратилась къ брату, но онъ не могъ отвѣчать. Онъ, какъ ребенокъ, готовъ былъ плакать и закрывалъ лицо руками. Она обратилась къ Удашеву, крѣпко, нервно взявъ его за локоть.

– Узнайте, кто, отчего?

Удашевъ пробился въ толпу и принесъ ей извѣстіе, что²²¹ это мужикъ, вѣроятно,²²² пьяный, онъ отчищалъ снѣгъ.

– Чтожь, умеръ?

– Умеръ. Вѣдь это мгновенная смерть.

– Мгновенная?

Странно, несмотря на силу впечатлѣнія отъ этой смерти, а можетъ быть, и вслѣдствіе ея, совсѣмъ другое чувство, независимое, чувство симпатіи и близости промелькнуло въ глазахъ у обоихъ.²²³

²¹⁹ На полях против этих слов написано: И когда она говорила это, и въ его и въ ея глазахъ было что то очень дружеское и знакомое [?], какъ будто давно онъ

²²⁰ Зачеркнуто: было тѣло молодого человѣка въ пальто съ собачьимъ воротникомъ и лиловыхъ панталонахъ.

²²¹ Зач.: молодой человѣкъ

²²² Зач.: помѣшанный, цѣлый день былъ на станціи и бросился.

²²³ Против этого абзаца на полях написано: Гагинъ вдругъ разчувствовался. Она внимательно смотритъ на него. И даль

– Благодарю васъ, – сказала она. – Ахъ, какъ ужасно, – и они опять разошлись.

– Это дурной знакъ, – сказала она, и, несмотря на веселость Степана Аркадьича, возвратившуюся къ нему тотчасъ послѣ того, какъ онъ потерялъ изъ вида трупъ, она была молчалива и грустна половину дороги. Только подѣзжая къ дому, она вдругъ очнулась, отворила окно.

– Ну, оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ. Ну, Стива, очень рада тебя видѣть и твоихъ, ну, расскажи же мнѣ, что у васъ съ Долли?

Степанъ Аркадьичъ сталъ рассказывать, стараясь быть великодушнымъ и осуждая себя, но тонъ его говорилъ, что онъ не можетъ винить себя.

– Почему же ты думаешь, что я все могу сдѣлать? Я не могу, и, правду тебѣ сказать, Долли права.

– Да, но если бы Михаилъ Михайлычъ сдѣлалъ тебѣ невѣрность.

– Впервыхъ, это немислимо, а вовторыхъ, я бы... я бы не бросила²²⁴ сына, да; но...

– Но ты, я знаю, устроишь.

– Я, впервыхъ, ничего не знаю. Я ничего не буду говорить, пока Долли сама не начнетъ.

– Ну, я знаю, ты все сдѣлаешь,²²⁵ – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, входя въ переднюю и переминаясь съ ноги на ногу.

Анна Аркадьевна только улыбнулась улыбкой, выражающей воспоминаніе о дѣтскихъ временахъ, о той же слабой чертѣ характера и любовь ко всему Степана Аркадьича, со всѣми его слабостями, и, скинувъ шубку, быстрыми, неслышными шагами вошла въ гостиную.

Когда Анна вошла въ комнату, Долли сидѣла въ маленькой гостиной, и сухіе съ толстыми костями пальцы ея, какъ у всѣхъ несчастныхъ [?] женщинъ, сердито, нервно вязали, въ то время какъ Таня, сидя подлѣ нея у круглаго стола, читала по французски.

Услыхавъ шумъ платья больше, чѣмъ чуть слышные быстрые шаги, она оглянулась, и на измученномъ лицѣ ея выразилась улыбка однихъ губъ, одной учтивости; но свѣтъ глазъ, простой, искренній, не улыбающійся, но любящій взглядъ Анны Аркадьевны преодолѣлъ ея холодность.

– Какъ, ужъ пріѣхала? – Она встала. – Ну, я все таки рада тебѣ.

– За что жъ ты мнѣ не была бы рада, Долли?

– Нѣтъ, я рада, пойдѣмъ въ твою комнату.

– Нѣтъ, позволь никуда не ходить.

Она сняла шляпу и, зацѣпивъ за прядь волосъ, мотнувъ головой, отцѣпляла черные волосы. Дѣвочка, любуясь и улыбаясь, смотрѣла на нее. «Вотъ такая я буду, когда выросту большая», говорила она себѣ.

– Боже мой, Таня. Ровесница Сережи.

Ну, она сдержала что обѣщала. Она взяла ее за руки.

– Можно, можно мнѣ присядать?

Таня покраснѣлась и засмѣялась.

Мать услала дочь, и послѣ вопросовъ о ея мужѣ и сынѣ за кофеемъ начался разговоръ.

– Ну, разумѣется, я ни о чемъ не могу и не хочу говорить, прежде чѣмъ не узнаю все твое горе. Онъ говорилъ мнѣ.

Лицо Долли приняло сухое, ненавидящее выраженіе. Она посмотрѣла на Анну Аркадьевну съ ироническимъ выраженіемъ.

– Долли милая, я хотѣла говорить тебѣ за него, утѣшать. Но, душенька, я вижу, какъ ты страдаешь, и мнѣ просто жалко, жалко тебя.

денегъ.

²²⁴ Зачеркнуто: его

²²⁵ Зач.: <Первая встрѣча.> <– Я пройду къ себѣ, ты лучше одна...> – Ну, такъ я поѣду въ присутствіе. *В конце рукописи на полях карандашом написано:* Разумъ. Ужъ не Ордынцевъ. Я теперь никогда не выйду. Отецъ понялъ, что Ордынцевъ пропаль, и глупо придрался къ Гагину.

И на маленькихъ глазахъ съ огромными рѣсницами показались слезы. Она прижалась къ невѣсткѣ. Долли сейчасъ же дала цѣловать себя, но не плакала. Она сказала:

– По крайней мѣрѣ, ты понимаешь, что все, все потеряно послѣ этаго, все пропало.

И какъ только она сказала это, она зарыдала. Анна Аркадьевна взяла ее руку и поцѣловала.

– Не думай, Долли, чтобы я, потому что онъ мой братъ, могла смотрѣть легко на это, не понимаю весь ужасъ твоего положенія. Но чтожь дѣлать, чтожь дѣлать? Онъ гадокъ, но онъ жалокъ. Это я сказала ему.

Она противурѣчила себѣ, но она говорила правду. Несмотря на то, что она ласкова была съ нимъ, онъ былъ невыносимо противень ей.

– Да, это ужасно. Что жъ говорить, – заговорила Долли. – Все кончено. И хуже всего то, ты пойми, что я не могу его бросить. Дѣти – я связана. А между прочимъ съ нимъ жить мнѣ мука. Именно потому мука, что я, что я все таки... Мнѣ совѣстно признаться, но я люблю свою любовь къ нему, люблю его.

И она разрыдалась.

– Долли, голубчикъ. Онъ говорилъ мнѣ, но я отъ тебя хочу слышать. Скажи мнѣ все.

И въ самомъ дѣлѣ случилось то, чего ожидала Анна Аркадьевна. Она какъ бы успокоилась, похолодѣла и съ злобой начала говорить:

– Изволь! Ты знаешь, какъ я вышла замужъ. Я съ воспитаніемъ тамап нетолько была невинна, но я была глупа. Я ничего не знала. Говорятъ, я знаю, мужья рассказываютъ женамъ свою прежнюю жизнь, но Стива, – она поправила, – Степанъ Аркадьичъ ничего не сказалъ мнѣ. Ты не повѣришь, но я до сей поры думала, что я одна женщина, которую онъ знаетъ. И тутъ эта гадкая женщина Н. стала мнѣ дѣлать намеки на то, что онъ мнѣ невѣренъ. Я слышала и не понимала, я понимала, что онъ ухаживаетъ за ней. Но тутъ вдругъ это письмо. Я сидѣла, занималась съ Петей. Она приходитъ и говоритъ: «вотъ вы не вѣрили, прочтите». Онъ пишетъ: «обожаемый другъ, я не могу пріѣхать нынче». Я разорвала, но помню все письмо. Я понимаю еще увлеченье, но эта подлость – лгать, обманывать, продолжать быть моимъ мужемъ вмѣстѣ съ нею. Это ужасно.

– Я все понимаю, и оправдывать его нѣтъ словъ и даже, правду сказать, простить его не могло быть и мысли, если бы это было годъ послѣ женитьбы, еслибъ у васъ не было дѣтей; но теперь, видя его положеніе, его раскаянье, я понимаю, что...

– Но есть ли раскаянье? – перебила Долли. – Если бы было, – перебила она съ²²⁶ жадностью.

Это есть, я его знаю, я вижу этотъ стыдъ и не могу, правду сказать, безъ жалости смотрѣть на него. Мы его обѣ знаемъ. Онъ добръ, главное – честень, боится быть дурень, стыдится страсти, онъ гордъ и теперь такъ униженъ. *Главное, что меня тронуло, – и тутъ Анна Аркадьевна угадала главное, что могло тронуть ее. – Его мучаютъ двѣ вещи:* то, что ему стыдно дѣтей – онъ говорилъ мнѣ это, – и то, что онъ, любя тебя – да, да, любя больше всего на свѣтѣ, сдѣлалъ тебѣ больно, убилъ тебя. «Нѣтъ, нѣтъ, она не проститъ», все говоритъ онъ. Ты знаешь его манеру.

И Анна Аркадьевна представила такъ живо манеру брата, что Долли, казалось, видѣла передъ собой своего мужа. Долли задумчиво смотрѣла мимо золотки, слушая ея слова, и въ губахъ выраженіе ее смягчилось.

– Да, я понимаю, что положеніе его ужасно, виноватому хуже, чѣмъ невинному, если онъ чувствуетъ, что отъ вины его – несчастія; но какже простить, какъ мнѣ опять быть его женою

²²⁶ *Зачеркнуто:* радостью и

послѣ нея?²²⁷ Мнѣ жить съ нимъ теперь будетъ величайшая мука именно потому, что я любила его, какъ любила! что я люблю свою прошедшую любовь къ нему...

И рыданья прервали ея слова. Но какъ будто нарочно всякій разъ, какъ она смягчалась, она нарочно начинала говорить о томъ, что раздражало ее.

– Она вѣдь молода, вѣдь она красива, – начала она. – Ты понимаешь ли, Анна, что у меня моя молодость, красота взяты кѣмъ? Имъ, дѣтьми. Я отслужила ему, и на этой службѣ ушло все мое, и ему теперь, разумѣется, свѣжее, пошлое существо пріятнѣе. Они, вѣрно, говорили между собой обо мнѣ или, еще хуже, умалчивали, потому что не о чемъ говорить.

Опять ненавистью зажглись ея глаза.

– И послѣ этаго онъ будетъ говорить мнѣ. Чтожъ, я буду вѣрить ему? Никогда. Нѣтъ, ужъ кончено все, все, что составляло утѣшеніе, награду труда, мукъ. Нѣтъ, это ужасно. Ужасно то, что вдругъ душа моя перевернулась, и вмѣсто любви, нѣжности у меня къ нему одна злоба, да, злоба. Я бы убила его, ее...

Лицо Анны выражало такое страданье, сочувствіе, что Долли смягчилась, увидавъ ее. Она помолчала.

– Но чтоже дѣлать, придумай. Я все передумала и ничего не вижу.

Анна ничего не придумывала и не могла придумать, но сердце ее прямо и готово отзывалось на каждое слово, на каждое выраженіе лица невѣстки. Она видѣла, что воспоминанье о ней и въ особенности разговоръ о ней возбуждаютъ все болѣе и болѣе Долли и что надо дать ей наговориться.²²⁸ Теперь она наговорилась, и надо было говорить, но что? Анна прямо отдалась голосу сердца,²²⁹ и то, что она говорила, нельзя было лучше придумать.

– Чтоже я могу говорить тебѣ, я, вполнѣ счастливая²³⁰ жена? Я скажу тебѣ одно, что мы всѣ слабы и поддаемся впечатлѣнію минуты.

– Ну, нѣтъ.

– Да я не въ томъ смыслѣ говорю. Когда онъ говорилъ мнѣ, я, признаюсь тебѣ, рѣшительно не понимала всего ужаса положенія. Я видѣла только то, что семья разстроена. Мнѣ это жалко было, и мнѣ его жалко было, но, поговоривъ съ тобой, я, какъ женщина, вижу другое: я вижу твои страданія, и мнѣ, не могу тебѣ сказать, какъ жалко тебя. Долли, другъ мой, но если можно простить, – прости. – И сама Анна заплакала. – Постой, – она прервала ее, цѣлуя ея руку. – Я больше тебя, хоть и моложе, знаю свѣтъ. Я знаю этихъ людей, какъ Стива, какъ они смотрятъ на это. Ты говоришь, напримѣръ, что онъ съ ней говорилъ о тебѣ. Этаго не было. Эти люди *vènerent*²³¹ свой домашній очагъ и жену и, какъ хорошій обѣдъ, позволяютъ себѣ удовольствіе женщины, но какъ то у нихъ эти женщины остаются въ презрѣніи и не мѣшаютъ семьѣ. Они какую то черту проводятъ непреходимую между семьей и этимъ.

– Да, но онъ цѣловалъ ее...

– Долли, постой, душенька. Я видѣла Стиву, когда онъ былъ влюбленъ въ тебя, я помню это время, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ и плакать, и какая поэзія и высота была ты для него, и я знаю, что ты въ этомъ смыслѣ росла для него. Вѣдь мы смѣялись бывало надъ нимъ. «Долли – удивительная женщина», а это увлеченье не его души.²³²

– Но если это увлеченье повторится?

– Оно не можетъ, какъ я его понимаю.

– Да, но ты простила бы?

²²⁷ *Зач.*: Вѣдь они говорили

²²⁸ *Зачеркнуто*: и иначе самой говорить о ней и иначе дать понять ей.

²²⁹ *Зач.*: и стала говорить:

²³⁰ *Зач.*: спокойная за мужа, уважающая и уважаемая

²³¹ [уважают]

²³² *Зачеркнуто*: гадость

– Не знаю. Я не могу судить. Нѣтъ, могу, – сказала она, подумавъ, и, видимо, уловивъ мыслью положеніе и свѣсивъ его на внутреннихъ вѣсахъ, прибавила: – Нѣтъ, могу, могу. Нѣтъ, я простила бы. Я не была бы тою же, да, но простила бы, и такъ, что какъ будто этаго не было, совсѣмъ не было.

– Ну, разумѣется, – чуть улыбаясь, сказала Долли, – иначе бы это не было прощенье. Ну, пойдёмъ, я тебя проведу въ твою комнату, – сказала она вставая. И по дорогѣ Долли обняла Анну. – Милая моя, какъ я рада, что ты пріѣхала, какъ я рада. Мнѣ легче, гораздо легче стало.

–

Весь день этотъ Анна провела дома, т. е. у Алабиныхъ, и съ радостью видѣла, что Стива обѣдалъ дома, что жена говорила съ нимъ, что послѣ обѣда у нихъ было объясненіе, послѣ котораго Степанъ Аркадьичъ вышелъ красный и мокрый, а Долли, какъ она всегда бывала, вышла холодная и насмѣшливая. Кити въ этотъ день обѣдала у сестры, и она тотчасъ же нетолько сблизилась съ Анной, но влюбилась въ нее, какъ способны влюбляться молодыя дѣвушки въ²³³ замужнихъ и старшихъ дамъ. Она такъ влюбилась въ нее въ этотъ разъ (она прежде раза два видѣла ее), что сдѣлала ей свои признанія, переполнявшія ея сердце.

Въ то самое время, какъ Долли объяснялась съ Стивой въ его кабинетѣ, куда она нарочно пошла, Кити сидѣла съ Анной и тремя старшими дѣтьми въ маленькой гостиной. И оттого ли, что дѣти видѣли, какъ Кити полюбила Анну, или и имъ понравилась эта новая тетя, но у дѣтей сдѣлалось что то въ родѣ игры, состоящей въ томъ, чтобы какъ можно ближе сидѣть къ тетѣ и держать ее руку и конецъ оборки и ленты и играть ея кольцами. Всякая шутка, которую говорила тетя Анна, имѣла успѣхъ, и дѣти помирали со смѣху. Такъ они сидѣли въ гостиной до тѣхъ поръ, пока не подали чай и Англичанка не позвала дѣтей къ чаю.

Разговоръ шель о предстоящемъ балѣ у Генераль-Губернатора, на который Кити уговаривала Анну ѣхать.

– Ну, какже изъ за платья не ѣхать, – говорила она.

– У меня есть одно, и мы вамъ устроимъ съ М-me Zoe въ одинъ день.

– Да нельзя, мой дружокъ. Я толще васъ.

– Венеціанскія пришьемъ, я все сдѣлаю, только поѣдемъ.

– Да зачѣмъ вамъ хочется?

– Мнѣ хочется васъ видѣть на балѣ, гордиться вами. Одно можно бы мое бархатное перешить. Кружева отличныя, венеціанскія.

Но когда она позвала ихъ, Кити, оставшись одна съ Анной, невольно съ бала перешла на тѣ признанія, которыя наполняли ее со вчерашняго дня и которыя она чувствовала необходимость передать Аннѣ.

– Мнѣ этотъ балъ очень важень.

– О, какъ хорошо ваше время! милый другъ, – сказала Анна. – Помню и знаю этотъ синій туманъ. въ родѣ того, который на горахъ въ Швейцаріи. Этотъ туманъ, который покрываетъ все въ блаженное то время, когда вотъ-вотъ кончится молодость, и изъ этаго огромнаго круга, счастливаго, веселаго, дѣлается все уже и уже, и весело и жутко входитъ въ эту амфиладу, хотя она и свѣтлая и прекрасная.

– Да, да. Вы прошли черезъ это. Въ этомъ одно бываетъ тяжело – это знаете что? – Кити засмѣялась впередъ тому, что она скажетъ, – это то, что надо выбирать одну шляпу, а ихъ 2 и обѣ прекрасны, или даже одна прекрасная, другая тоже хорошая въ своемъ родѣ, а надо только одну.

– Когда я бывала въ дѣвушкахъ, я всегда бывала влюблена въ двухъ сразу, я и виноградъ не люблю ѣсть по одной ягодкѣ, а непременно двѣ сразу, – сказала она, такъ и дѣлая.

– Да, но выдти нельзя за двухъ сразу.

²³³ Зачеркнуто: очень красивыхъ

– Когда мнѣ было выходить замужъ, у меня было очень опредѣленно. Мужъ мой былъ такой особенный отъ всѣхъ.

– И у меня тоже. Ахъ, что я говорю!

– Я знаю, Стива мнѣ кое-что сказалъ, и поздравляю васъ, онъ мнѣ очень нравится, – сказала Анна, чувствуя, что она краснѣетъ, оттого что улыбки, которыми они обмѣнялись, совсѣмъ не должны были быть, совсѣмъ не нужны были.

– Но кто же другая шляпка, которую тоже хотѣлось бы взять? Нѣтъ, безъ шутокъ, я знаю, какъ это грустно бываетъ, и грустно потому, что нужно сдѣлать больно ему.

– Да, да, это²³⁴ Левинъ; это другъ и товарищъ брата Евгенія покойника. Это очень, очень милый человѣкъ, но странный. Онъ давно уже ѣздилъ къ намъ, но онъ никогда ничего не говорилъ, и тамап сердится, говоритъ, что ничего и не будетъ. Но мнѣ кажется, что онъ думалъ и думаетъ; но, знаете, онъ одинъ изъ не тронъ меня, гордый и отъ того до болѣзненности скромный.

– Что же онъ дѣлаетъ?

– И это тоже.²³⁵ Онъ ничего не дѣлаетъ. Нигдѣ не кончилъ курсъ, но умень, поэтиченъ и музыкаленъ, и пишетъ, и хозяинъ, и вѣчно то одно, то другое. Но онъ такъ милъ и такая чистота въ немъ, а между прочимъ, вы знаете, какъ это чувствуется. Я чувствовала, что вчера все между нами кончилось, и онъ понялъ это. Я по крайней мѣрѣ чувствую, что я могу быть за кѣмъ хотите замужемъ, но не за нимъ.

– Ну и Богъ съ нимъ, я его не знаю, но²³⁶ Вронскій мнѣ безъ шутокъ очень, очень нравится, и я знаю этотъ генге,²³⁷ очень рѣдкій и дорогой у насъ этихъ семей, строгихъ, честныхъ и аристократическихъ, я ѣхала вчера съ его матерью, и это ея любимецъ, и она всю дорогу пѣла мнѣ похвалы его. И храбръ, и правдивъ, и добръ, и умень, и ученъ, и скромнень. Что, пріятно слушать?

– Да, пріятно, – задумчиво сказала Кити, и глаза ея свѣтились счастьемъ.

– Какъ вы думаете, можетъ это быть, чтобъ молодой человѣкъ не смѣлъ сдѣлать предложеніе безъ согласія матери?

– Очень, именно онъ. Это такая строгая семья. Она очень просила меня поѣхать къ ней, и я рада повидать старушку и завтра поѣду къ ней и расскажу вамъ. Однако, слава Богу, Долли долго у Стивы въ кабинетѣ.

– Слава Богу, – сказала Кити, перемѣняя разговоръ. – Я думаю, обойдется. Папа правду говоритъ: вы всѣ дуры, только умѣете ихъ разстроивать, а вотъ умная женщина сейчасъ видна, пріѣхала и устроила.

– Нѣтъ, я прежде, нѣтъ я! – кричали дѣти, окончивши чай и бѣжавши къ тетѣ Аннѣ.

– Ну такъ поѣдемъ на балъ?

– Право, не знаю.

– Только поручите мнѣ, я такъ устрою и не дорого. Я такъ и вижу васъ въ черномъ бархатѣ и лиловыхъ цвѣтахъ.

Въ первый разъ въ этотъ вечеръ Долли говорила съ Степаномъ Аркадьичемъ, наливши ему чая, и онъ шутилъ съ Анной и съ дѣтьми, видимо только боясь быть слишкомъ веселымъ, чтобы не показать, какъ ребенокъ, что онъ, будучи прощенъ, забылъ свою вину.²³⁸

²³⁴ Зачеркнуто: Ордынцевъ

²³⁵ Рядом на полях написано: <Какъ она можетъ понимать любовь, когда она жена Михаила Михайловича.>

²³⁶ Зачеркнуто: Гагинъ

²³⁷ [род,]

²³⁸ Ниже поперекъ страницы написано: <Гагинъ по утру съ Ордынцевымъ.> <Стоюнинъ> <Ордынцевъ> <и обѣдъ.> Сбоку на полях написано: <Въ его взглядъ вдругъ выраженіе покорности лягавой собаки, и она не можетъ сердиться.> Там же, ниже, но позднее, судя по почерку, написано: <Въ началѣ бала веселость, смѣлость обуяла Гагина.> <Въ концѣ встрѣчаются глазами. У нихъ уже есть прошедшее.> <Я уѣду, признаюсь. Я глупо вела себя. Я уѣду, и все кончится.> <Гагинъ бодрый, твердъ и

*** № 6 (рук. № 7).**

**<АННА КАРЕНИНА.
РОМАНЪ.**

Отмищеніе Мое.

Степанъ Аркадьичъ Алабинъ, несмотря на вчерашнюю сцену съ женой послѣ того, какъ открылась его невѣрность, несмотря на то, что вчера вечеромъ горничная жены Параша не пустила его въ спальню и объявила, что Дарья Александровна больна, не хочетъ его видѣть и приказала укладывать свои и дѣтскія вещи, съ тѣмъ чтобы переѣхать къ матери, несмотря на все это и на 41 годъ жизни, здоровая натура Степана Аркадьевича взяла свое, и онъ спалъ крѣпко до привычнаго часа 8 часовъ утра, когда ему было время ѣхать въ присутствіе.²³⁹

— Ахъ! — вскрикнулъ онъ, когда проснулся и вспомнилъ все, что было. «Обойдется, пройдетъ», подумалъ онъ, спуская съ кровати²⁴⁰ бѣлыя жирныя, мускулистыя²⁴¹ стегны и отыскивая маленькими жилистыми ступнями шитыя женою и подаренныя къ прошлому рожденію на золотистомъ сафьянѣ щегольскія туфли. Надѣвъ щегольской халатъ работы французскаго портнаго, халатъ, который приписанъ былъ послѣдній разъ въ 80 рублей къ счету портнаго, чтобы составить ровно тысячу, Степанъ Аркадьичъ прошелся по комнатѣ, и, какъ ни не непріятно ему было на душѣ, легкая походка его сильныхъ ногъ, такъ легко носившихъ ожирѣвающее красивое тѣло и широкой грудной ящикъ, была также красива, и плечи держались также назадъ и грудь впередъ, и²⁴² румяное лицо, когда онъ взглянулъ на себя въ большое зеркало, было также красиво, и русыя бакенбарды съ серебряной сѣдиной также красиво вились по сторонамъ щекъ и скулъ,²⁴³ и волоса, несмотря на проведенную ночь, также курчавились по вискамъ и по плѣши красиво рѣдѣли на срединѣ головы.

²⁴⁴Вошелъ Матвѣй, лакей, старый другъ и товарищъ Степана Аркадьича, въ щегольскомъ пиджакѣ, съ золотой цѣпочкой на жилетномъ карманѣ и съ ринсе-pez на снуркѣ. Такой же щеголь цирюльникъ почтительно и весело шелъ за нимъ съ своимъ клеенчатымъ сверткомъ и бѣлыми полотенцами и парящейся серебряной кружкой. Цирюльникъ привычными глянцево-пухлыми руками раскладывалъ принадлежности на уложенномъ щеточками, бутылочками, коробочками съ серебряными съ вензелями крышечками и ручками, Матвѣй подаль два письма на серебряномъ подносѣ и телеграмму. Отвѣтъ заплаченъ. И положивъ руки въ карманы и разставивъ твердо ноги въ мягкихъ сапогахъ, съ боку²⁴⁵ насмѣшливо, успокоительно и вмѣстѣ съ тѣмъ уныло смотрѣлъ на своего барина. «Денегъ нѣтъ, долговъ куча, съ барыней разстройка, а въ ее имѣнь надо лѣсъ продать, плохо.²⁴⁶ Ничего, сударь Степанъ Аркадьичъ, и я не оставлю барина, и обойдется, все обойдется и образуется», говорилъ его взглядъ.

красавецъ.>

²³⁹ *Зачеркнуто:* суда

²⁴⁰ *Зач.*: сильныя

²⁴¹ *Зач.*: ноги

²⁴² *Зач.*: краснов[атое]

²⁴³ *В подлиннике:* скулы

²⁴⁴ *Зачеркнуто:* — Матвѣй! — крикнулъ онъ. — Цирюльникъ тутъ?

²⁴⁵ *Зач.*: добродушно

²⁴⁶ *Зач.*: Но все пустое на свѣтѣ, и все пройдетъ.

Одно письмо было изъ Петербурга²⁴⁷ отъ сестры Степана Аркадьича Анны Аркадьевны Карениной. Она писала, что мужъ уѣзжаетъ на ревизію и что ей скучно, несмотря на свѣтъ, скучно безъ мужа. Примутъ ли ее они къ себѣ? Она пріѣхала бы на недѣлю, и слухи и свѣтскія и шутки. «Вотъ женщина, – подумаль Степанъ Аркадьичъ про сестру. – И вѣрная жена, и свѣтская женщина, и всегда весела и терпима. Нѣтъ этаго какого то пуризма московскаго», подумаль онъ. Другое письмо было отъ Лидіи Ивановны, той самой особы, которая была причиной разстройства съ женой. Она ничего не знала или не хотѣла знать и звала обѣдать сегодня въ Эрмитажъ²⁴⁸ и сѣхаться въ Зоологическомъ саду въ 3 часа послѣ присутствія. Потомъ былъ чернѣй ящикъ служебныхъ бумагъ въ видѣ гармоніи.

– Ну а изъ Присутствія? – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, придерживая руку цирюльника.

– Гармонія полная, – отвѣчалъ Матвѣй, – прикажете принести?

Гармоніей жена Долли Александровна называла шутя огромный большой обитый кожей ящикъ, въ которомъ приносились служебныя бумаги.

– Нѣтъ, послѣ.

Дожидавшаяся рука цирюльника опять легко задвигалась въ кисти, сгребая щетину съ мыломъ и оставляя нѣжно-розовыя поляны. «Какъ нибудь обойдется», все спокойнѣе и спокойнѣе думаль Степанъ Аркадьичъ по мѣрѣ движенія впередъ своего туалета.> Два дѣтскія голоса – Степанъ Аркадьичъ узналъ голоса Гриши, старшаго мальчика, и Тани, дѣвочки любимицы – слышались за дверями.

– Нѣтъ, ты не можешь? – кричала по англійски дѣвочка. Степанъ Аркадьичъ²⁴⁹ подошелъ къ двери и кликнулъ:

– Таня!

8-лѣтняя дѣвочка вбѣжала въ столовую, обняла отца и повисла ему на шеѣ, такъ что и такъ красная толстая шея его побагровѣла, и поцѣловала его въ²⁵⁰ душистое лицо. Дѣвочка любила этотъ легкій запахъ духовъ, распространившійся, какъ отъ саше, отъ бакенбардъ отца и всегда соединявшійся съ впечатлѣніемъ ласки отца.

– Что мама?

– Мама давно встала.

«Значитъ, не спала всю ночь», подумаль Степанъ Аркадьичъ.

– Что, она весела?

Дѣвочка задумалась.

– Должно быть. Она не велѣла учиться, а велѣла идти гулять съ Мисъ²⁵¹ Гуль и къ бабушкѣ.²⁵²

«Правду говоритъ Матвѣй, образуется. Великое слово – образуется, – подумаль Степанъ Аркадьичъ. – И что тутъ такого ужаснаго?²⁵³ Вѣдь все то же, что было, вѣдь что же новаго? Ахъ, какъ ее жалко, ахъ, какъ ее жалко».

– Ну иди, постой.

Онъ досталь со стола, гдѣ вчера поставилъ; коробочку конфетъ и далъ ей двѣ, выбравъ ее любимыя – шоколадную и помадную. <Туалетъ его ужъ былъ конченъ, мундирныя панталоны, жилетъ, часы съ кучей брелокъ и двумя цѣпочками въ обоихъ карманахъ и крестъ на шеѣ маленькій форменный, но нарочно заказанный. Степанъ Аркадьичъ говариваль, что нѣтъ ничего болѣе дурнаго тона, какъ крестъ на шеѣ, а вмѣстѣ есть манера его носить такъ, что

²⁴⁷ *Зач.*: служебное, другое отъ Лидіи Ивановны

²⁴⁸ *Зачеркнуто*: съ Васей Красавцевымъ

²⁴⁹ *Зач.*: остановился въ выравниваніи тонкой рубашки изъ подъ помочей

²⁵⁰ *Зач.*: губы

²⁵¹ *Зач.*: Теборъ

²⁵² *Зач.*: «Обойдется, навѣрно обойдется».

²⁵³ *Зачеркнуто*: Главное, отчего не могутъ всѣ жить, не сердиться, не ссориться.

ничего нѣтъ порядочнѣе, и онъ зналъ эту манеру, и изъ подъ его щегольски красиваго добраго и веселаго лица, изъ подъ его бакенбардъ на его рубашкѣ и бѣломъ галстукѣ съ крошечными золотыми запонками крестъ былъ хорошъ. Онъ этаго ничего не думалъ. Нѣсколько разъ прежде онъ думалъ это, но по привычкѣ долго постоялъ передъ зеркаломъ, стирая батистовымъ платкомъ излишніе духи съ бакенбардъ. «Обойдется, обойдется», подумалъ онъ, оправляя свѣжіе манжеты, окаймлявшіе бѣлые отдѣланныя руки. Онъ надѣлъ сертукъ, расправилъ плечи и, привычнымъ движеніемъ разсовавъ²⁵⁴ по карманамъ спички, сигары, бумажникъ, кошелекъ, все щегольское, не блестящее, но элегантное, вышелъ²⁵⁵ въ столовую, легко ступая по ковру въ своихъ лайковыхъ, какъ перчатки, мягкихъ сапогахъ и потирая руки. Въ столовой стоялъ на кругломъ [?] столѣ серебряный приборъ съ кофеемъ на бѣлѣйшей, чуть крахмальной скатерти. Тутъ, за кофеемъ, онъ проглядѣлъ кое какія бумаги, привычными ловкими движеніями развертывая, переклады[вая], сдѣлалъ огромнымъ карандашомъ отмѣтки, тутже выдалъ на необходимое 50 рублей Матвѣю изъ 180, которые у него были въ бумажникѣ, и отказалъ долгу, обѣщанный хозяину извозчику и прикащику изъ магазина. Все время онъ кушалъ кофей съ любимымъ своимъ калачомъ съ масломъ, такъ красиво жуя своими румяными сочными губами и аппетитно и спокойно, что казалось неприлично, чтобы у этаго человѣка могло быть горе и неприятности. Но горе было, и нѣтъ нѣтъ – онъ останавливался жевать и прислушивался, перебирая пальцами окружность бакенбардъ. За затворенными дверьми онъ слышалъ шаги жены.>²⁵⁶

– Готова карета?

– Подаетъ.

И дѣйствительно, каретныя лошади съ громомъ выдвинулись подъ окно.

– Дай портфель, – сказалъ онъ и, взявъ шляпу, остановился, вспоминая, не забылъ ли что.

И онъ вспомнилъ, что ничего не забылъ, кромѣ того, что хотѣлъ забыть, – про жену.

«Ахъ да, – лицо его приняло тоскливое выраженіе, – не попробовать ли поговорить съ ней подъ предлогомъ пріѣзда Анны. Вѣдь когда нибудь нужно», сказалъ онъ себѣ,²⁵⁷ вынулъ папиросу, закурилъ, пыхнулъ два раза, бросилъ въ перламутровую раковину-пепельницу и быстрыми шагами пошелъ къ дверямъ гостиной къ женѣ. Сухая женщина съ костлявыми руками, въ кофточкѣ и съ зачесанными косою рѣдкими волосами, быстро шла черезъ гостиную и, увидѣвъ его, остановилась.²⁵⁸ Ненависть, стыдъ, зависть выразилась на лицѣ жены; она сжала руки, и голова ея затряслась.

– Долли! – сказалъ онъ тихимъ, не робкимъ и пріятнымъ голосомъ. – Долли, – повторилъ онъ уже робко.

– Что вамъ нужно?

– Долли! Анна пріѣдетъ нынче.

– Ну чтожъ мнѣ. Мнѣ ее не нужно.

– Но надо же...

– Зачѣмъ вы? Уйдите, уйдите, уйдите, все²⁵⁹ пронзительнѣе, неприятнѣе, неприличнѣе²⁶⁰ провизжала Долли Александровна, такъ, какъ будто крикъ этотъ былъ вызываемъ физической болью.

²⁵⁴ В подлиннике: рассоваль

²⁵⁵ Зач.: чуть постукивая каблуками,

²⁵⁶ Зач.: и останавливался жевать, чтобы прислушаться; другой разъ онъ слышалъ ее голосъ, приказывающій что то Англичанкѣ. Когда онъ всталъ отъ кофея съ пріятной теплотой въ тѣлѣ и поглядѣлъ въ окно на дворъ, освѣщенный солнцемъ, гдѣ карета чистая, блестящая на зимнемъ солнцѣ скрипѣла, подѣзжая къ крыльцу, онъ рѣшительнѣе еще, чѣмъ прежде

²⁵⁷ Зачеркнуто: обойдется

²⁵⁸ Зач.: Отвращеніе, злоба, презрѣніе

²⁵⁹ Зач.: громче и громче

²⁶⁰ Зач.: кричала она

Кто бы теперь, взглянув на это худое, костлявое тѣло съ рѣзкими движеніями, на это измозченное съ нездоровымъ цвѣтомъ и покрытымъ морщинами лицо, узналъ ту Княжну Долли Щербацкую, которая 8 лѣтъ тому назадъ составляла украшеніе московскихъ баловъ своей строгой фигуркой съ широкой высокой грудью, тонкой таліей и маленькой прелестной головкой на²⁶¹ нѣжной шеѣ.

– Долли, – продолжалъ Степанъ Аркадьичъ, – что я могу сказать. Одно – прости. Прости.²⁶² Вспомни, развѣ 8 лѣтъ жизни не могутъ искупить минуты увлеченія?

Она слушала до сихъ поръ съ злобой съ завистью, оглядывая нѣсколько разъ съ ногъ до головы его сіяющую свѣжестью и здоровьемъ фигуру, но она слушала, онъ видѣлъ, что она хотѣла, желала всей душой, чтобъ онъ нашель слова такіе, которые бы извинили его, и онъ не ошибался; но одно слово – *увлеченье* напомнило ей ту женщину; опять, какъ отъ физической боли, сморщилось изуродовалось ея лицо, и она закричала:

– Уйдите, уйдите. Развѣ вы не можете оставить меня одинъ день? Завтра я переѣзжаю.

– Долли!..

– Сжальтесь хотя надо мной, вы только мучаете меня, – и ей самой стало жалко себя, и она упала на диванъ и зарыдала.

Какъ электрической искрой, то же чувство жалости передалось ему. Сіяющее лицо его вдругъ расширилось, губы распухли, глаза налились слезами, и онъ заплакалъ.

– Долли! – говорилъ онъ, – вотъ я на колѣняхъ передъ тобой. Ради Бога, подумай, что ты дѣлаешь. Подумай о дѣтяхъ. Они не виноваты. Я виноватъ, и накажи меня, вели мнѣ, я... Ну чтожь? Ну чтожь дѣлать? – говорилъ онъ, разводя руками, – прости, прости.

– Простить. Чтожь тутъ прощать? – сказала она, удерживая слезы, но съ мягкостью въ голосѣ, подавшей ему надежду. – Нѣтъ словъ, чтобы выразить то положеніе, въ которое вы и я поставлены. У насъ дѣти. Я помню это лучше васъ, нечего мнѣ напоминать. Ты помнишь дѣтей, чтобы играть съ ними.

Она, забывшись, сказала ему «ты», и онъ уже видѣлъ возможность прощенія и примиренія; но она продолжала:

– Разойтись теперь – это разстроить семью, заставить дѣтей стыдиться, не знать отца; поэтому все въ мірѣ я сдѣлала бы, чтобы избавить ихъ отъ этаго несчастья.

Она не смотрѣла на него, голосъ ея смягчался все болѣе и болѣе, и онъ только ждалъ того, чтобы она перестала говорить, чтобы обнять ее.

– Но развѣ это возможно, скажите, развѣ это возможно, – повторяла она, – послѣ того какъ мой мужъ, отецъ моихъ дѣтей, пишетъ письмо моей гувернанткѣ, гадкой дѣвчонкѣ. – Она стала смотрѣть на него, и голосъ ея сталъ пронзительнѣе и все поднимался выше и выше по мѣрѣ того, какъ она говорила. – Вы мнѣ гадки, противны,²⁶³ – сказала она опять сухо и злобно. – Ваши слезы – вода, вы никогда не любили меня, вы могли уважать мать своихъ дѣтей. Дѣтямъ все лучше, чѣмъ жить съ развратнымъ отцомъ, чѣмъ видѣть мое презрѣніе къ вамъ и къ мерзкой дѣвчонкѣ. Живите съ ней.

Въ это время закричалъ грудной ребенокъ. Она прислушалась, лицо ея смягчилось, и она пошла къ нему.

– Если вы пойдете за мной, я позову дѣтей. Я уѣзжаю къ матери и уѣду, оставайтесь съ своей любовницей.

Она вышла. Степанъ Аркадьичъ остановился, опутивъ голову, и, глядя въ землю, тяжело вздохнулъ,²⁶⁴ <перебирая концами пальцевъ окруженія бакенбардовъ. «И тривіально и гадко,

²⁶¹ *Зач.*: бѣлой

²⁶² *Зач.*: Развѣ не могутъ быть увлеченія?

²⁶³ *Зачеркнуто*: Она открыла лицо

²⁶⁴ *Зачеркнуто*: «Ахъ, это ужасно. – Потому онъ обтеръ лицо и виски. – А можетъ быть и обойдется». – Карета стояла у подъѣзда.

точно Акимова въ Русской пьесѣ. Кажется, не слышали. Какъ это не имѣть чувства собственнаго достоинства».>

«Вѣдь любить же она ребенка, – подумаль Степанъ Аркадьичъ, замѣтивъ смягченіе ея лица при крикѣ ребенка. – Вѣдь любить же она ребенка, моего ребенка, какъ же она можетъ ненавидѣть меня? Неужели образуется? Да, образуется. Но не понимаю, не понимаю какъ», сказала себѣ Степанъ Аркадьичъ и вышелъ изъ гостиной, отирая слезы.²⁶⁵ «Одно ужасно – это что она беременная. Какъ она мучается и страдает! Чтобы я далъ, чтобы избавить ее отъ этихъ страданій, но кончено, не воротишь. Да вотъ несчастье, вотъ кирпичъ, – говорилъ онъ, – свалился на голову. – Онъ пошелъ тихими шагами къ передней. – Матвѣй говоритъ: образуется. Но какъ? Я не вижу даже возможности. Ахъ, ахъ! Какой ужасъ и какъ тривіально она кричала, какъ неблагоугодно, – говорилъ онъ себѣ, вспоминая ея крикъ и слово: любовница. – Можетъ быть, дѣвушки слышали. Ужасно, тривіально, подло».

Матвѣй встрѣтилъ въ проходной съ требованіемъ денегъ на расходы для повара и доложилъ о просителѣ. Какъ только Степанъ Аркадьичъ увидаль постороннихъ людей, голова его поднялась, и онъ опять пришелъ въ себя. Онъ быстро, весело выдалъ деньги, объяснилъ съ просителемъ и, вскочивъ въ карету, весело закричалъ, высовывая изъ окна свою красивую голову въ мягкой шляпѣ:

– ²⁶⁶На Николаевскую дорогу.²⁶⁷

* № 7 (рук. № 8).

АННА КАРЕНИНА. РОМАНЪ.

«Отмищеніе Мое».

I.

²⁶⁸Несмотря на то, что онъ спалъ уже 3-ю ночь вслѣдствіи ссоры съ женой²⁶⁹ не въ спальнѣ жены,²⁷⁰ а на сафьяновомъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ, сонъ Степана Аркадьевича Алабина

²⁶⁵ *Зач.*: Матвѣй ожидаль съ пальто.– Кушать дома не изволите?– Нѣтъ.Швейцаръ вынесъ гармонію съ казенными бумагами и захлопнулъ дверцу. По привычкѣ Степанъ Аркадьичъ закурилъ папироску и опустилъ окно.«Даже навѣрно обойдется», сказалъ онъ себѣ, когда карета покатила визжа по улицамъ, и онъ по привычкѣ, подѣзжая къ Присутствію, дѣлалъ программу дня.«Обѣдать съ ней нельзя, но надо заѣхать завтракать въ Зоологическій садъ и сказать ей; поѣду обѣдать въ клубъ, а вечеромъ посмотрю, что дома. Не можетъ же это такъ остаться».Вдругъ ему пришла счастливая мысль: «Анна. Да, сестра Анна устроить это. Анна – это такой тактъ, терпимость. Жена любитъ ее».Анна была любимая сестра Степана Аркадьича, замужемъ за Директоромъ Департамента въ Петербургѣ. Анна для Степана Аркадьича была идеаль всего умнаго, красиваго, граціознаго, прекраснаго, добраго «Анна все устроить, я напишу ей, и она устроить».Въ присутствіи еще, въ своемъ кабинетѣ, Степанъ Аркадьичъ написалъ письмо сестрѣ, умоляя ее пріѣхать и помирить его съ женою. Потомъ онъ весело, какъ бы покончивъ это дѣло, надѣлъ мундиръ и пошелъ въ присутствіе.Въ присутствіи были интересныя дѣла, и Степанъ Аркадьичъ, какъ всегда, былъ добръ, простъ, мягокъ съ подчиненными и просителями и толковъ, ясенъ, неторопливъ въ исполненіи дѣла. Когда ему въ 4-мъ часу сказали, что карета пріѣхала, онъ уже чувствовалъ аппетитъ и рѣшилъ, что можно не обѣдать съ Лидіей, а поговорить съ ней и хоть позавтракать <въ Зоологическомъ саду>. Можетъ быть, тамъ не очень уже гадко ѣдятъ въ ресторанѣ.

²⁶⁶ *Зачеркнуто*: – Въ присутствіе.

²⁶⁷ *На обороте листа написано*: Въ Присутствіи вызываютъ. Враждебность. Одинъ – Степанъ Аркадьичъ – не вникаетъ въ смыслъ жизни и спитъ. Другой – Ордынцевъ – ищетъ добра, устройства.Ордынцевъ былъ во всемъ разгарѣ объясненія. Купцы, когда явилась сіяющая фигура Степана Аркадьича.

²⁶⁸ *Зачеркнуто*: Степанъ Аркадьевичъ Алабинъ, несмотря на <41 годъ жизни, на сѣдьющія нити въ длинныхъ курчавыхъ бакенбардахъ, на одѣвающея уже откормленнымъ жиромъ расширѣвшее тѣло, спалъ сномъ ребенка, и спокойствіе его сна не нарушилось никакими нравственными причинами> 37 лѣтъ отъ роду, не потерялъ еще способности ребяческаго спокойнаго сна, несмотря ни на какія нравственные невзгоды.

²⁶⁹ *Зач.*: въ первый разъ послѣ 9 лѣтъ

²⁷⁰ *Зач.*: куда его не пустили вчера вечеромъ вслѣдствіи открывшейся его невѣрности

быль также²⁷¹ тихъ и сладокъ, какъ и обыкновенно,²⁷² и въ обычный часъ, 8 утра, онъ сталъ ворочать с боку на бокъ свое²⁷³ тѣло на пружинахъ дивана и тереться лицомъ о подушку, крѣпко обнимая ее, потомъ открылъ глаза,²⁷⁴ сѣлъ на диванѣ и, сладко улыбаясь, растянулъ,²⁷⁵ выставивъ локти, свою широкую грудь, и улыбающіеся румяныя губы перешли въ зѣвующія. «Да что бишь? – думалъ онъ, вспоминая сонъ. – Миша Кортневъ давалъ обѣдъ въ Нью Йоркѣ на стеклянныхъ столахъ, да и какія то маленькія женщины, а хорошо. Много еще что то тамъ было отличнаго, да не вспомнишь. А надо вставать»,²⁷⁶ сказала онъ себѣ, замѣтивъ кружки свѣта въ проѣденныхъ молью дыркахъ суконныхъ сторъ и ощущая²⁷⁷ холодъ на тѣлѣ отъ сбившейся простыни съ сафьяннаго дивана. «Вставать, такъ вставать». Онъ быстро скинулъ ноги съ дивана,²⁷⁸ отыскавъ ими шитыя женой – подарокъ къ прошлому рожденью – золотисто сафьянныя туфли и по старой, 9-лѣтней привычкѣ потянулся рукой къ тому мѣсту, гдѣ въ спальнѣ у него всегда висѣлъ халатъ, и тутъ вдругъ вспомнилъ, какъ и почему онъ спитъ не въ спальнѣ, а въ кабинетѣ, и улыбка исчезла съ его красиваго²⁷⁹ лица. Онъ²⁸⁰ сморщился. Лицо его приняло на мгновение выраженіе²⁸¹ испуганное и виноватое.

– АААА!, – промычалъ онъ, вспоминая все, что было.

Было то, что любовная записка его къ Лидіи Ивановнѣ Шеръ, бывшей у нихъ въ домѣ гувернанткой, попала въ руки женѣ однимъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ случаевъ, которые какъ нарочно придуманы для того, чтобы дѣлать людей несчастными, и началось то, чего

²⁷¹ *Зач.*: хороше

²⁷² *Зач.*: и онъ проснулся въ привычный часъ, 8 часовъ, время, когда ему надо было ѣхать въ одно изъ Московскихъ присутствій, гдѣ онъ былъ председателемъ, проснулся, потягиваясь, растягивая и вздымая свою геркулесовскую широкую грудь и сладко чмокая румяными улыбающимися губами. Зимній яркій свѣтъ уже проходилъ въ щели между тяжелыми гардинами, и сафьянъ охлаждалъ тѣло подъ сбившейся простыней.

²⁷³ *Зач.*: тяжелое, одѣтое жиромъ, откормленное

²⁷⁴ *Зач.*: кругло зѣвнулъ и улыбаясь

²⁷⁵ *Зач.*: разставивъ

²⁷⁶ *Зач.*: И несмотря на жиромъ одѣтое, откормленное тѣло, онъ скинулъ

²⁷⁷ *Зачеркнуто*: непривычный

²⁷⁸ *Зач.*: маленькими ступнями

²⁷⁹ *Зач.*: свѣжаго

²⁸⁰ *Зач.*: привычнымъ ему жестомъ въ минуты задумчивости сталъ <быстро перебирать и ощупывать кончиками тонкихъ бѣлыхъ и пухлыхъ пальцевъ съ овальными розовыми ногтями лѣвой руки верхнія волоски бакенбардъ, какъ бы повѣряя правильность ихъ формы.> потирать красивой пухлой рукой лобъ и выщипывая волосы на маковкѣ. Онъ вдругъ вспомнилъ все, что было вчера вечеромъ, когда онъ, веселый и ласковый, съ коробкой конфетъ вернулся изъ театра и вмѣсто милой <старой>, всегда тихой, ласковой подруги, жены и матери своихъ дѣтей, увидѣлъ блѣдную женщину съ оконченными, какъ будто дрожащими членами и смотрѣвшими прямо на него и остановившимися глазами, горѣвшими непримиримой злобой, даже ненавистью. Онъ, <такъ любившій любить всѣхъ и быть любимымъ, такъ любившій свою жену не какъ женщину, но какъ стараго друга и мать дѣтей, всегда ласковый, пріятный, добрый со всѣми> всегда гордившійся – если онъ чѣмъ нибудь гордился – тихой прелестью своей семьи, долго не могъ понять, что случилось. Хотя онъ зналъ себя въ отношеніи вѣрности давнымъ давно и сто разъ виноватымъ передъ женой, онъ такъ самъ привыкъ къ этому, что иногда думалъ, что и она знаетъ и привыкла; и ему въ голову не могло придти, чтобы послѣ 9 лѣтъ вдругъ такая счастливая жизнь сдѣлалась адомъ только потому, что она узнала одну изъ его послѣднихъ невѣрностей. Когда она показала ему его любовное письмо <къ бывшей у нихъ гувернанткѣ> <къ Лидіи Ивановнѣ>, попавшее самымъ страннымъ, несчастнымъ случаемъ ей въ руки, и когда она сказала ему, что теперь все кончено между ними и что она завтра уѣдетъ отъ него, онъ былъ такъ ошеломленъ, что ничего не отвѣтилъ <даже не измѣнилъ веселаго выраженія своего лица, какъ это часто бываетъ съ людьми, слишкомъ неожиданно пораженными. Самъ не зная зачѣмъ, онъ даже улыбнулся. Только уже послѣ понявъ весь ужасъ своего и ея положенія, понявъ, что она до этой минуты ничего не знала, что она считала его чистымъ, понявъ, какъ ужасно ей было вдругъ разочароваться, онъ попытался виниться, просить прощенія, обѣщать исправленія; но она не хотѣла его слышать и, еще разъ подтвердивъ свое намѣреніе разойтись, вышла изъ комнаты и не хотѣла его больше видѣть. Какъ ни невозможно ему казалось исполненіе ея угрозы – послѣ 10 лѣтъ <внѣшне> хорошей дружной жизни съ 5 человекъ дѣтьми и съ однимъ въ брюхѣ бросить мужа, онъ боялся жены; онъ зналъ ея кротость, характеръ тихій, холодный, честный и твердый. Какъ ни невозможно казалась ея угроза, онъ тоже не могъ себѣ представить того, чтобы, сказавъ что нибудь такъ рѣшительно, какъ она объявила свое рѣшеніе вчера вечеромъ, чтобы она измѣнила ему. Если онъ и хотѣлъ надѣяться, что она все таки проститъ его, онъ не могъ себѣ представить, какъ она это сдѣлаетъ. Онъ помнилъ ея лицо и не могъ вѣрить, чтобы она измѣнила своему рѣшенію; такъ не похоже было на нее, всегда благоразумную, спокойную и твердую, сказать и не сдѣлать.

²⁸¹ *Зач.*: испуганной и виноватой собаки.

никакъ и ожидать нельзя было. Оказалось то, чего еще меньше ожидалъ Степанъ Аркадьичъ, – что жена его теперь только, послѣ 9 лѣтъ, открыла, что онъ никогда не былъ ей вѣренъ. Онъ хотя и никогда не думалъ хорошенько объ этомъ, но предполагалъ, что она подозрѣваетъ и не хочетъ доходить до подробностей. Оказалось, что вслѣдствіи этой попавшейся записки²⁸² жена пришла въ неистовство и съ пятью человѣками дѣтей и съ 6-мъ въ брюхѣ объявила ему, что она жить съ нимъ не будетъ и разойдется. Если бы это сказала другая женщина, Степанъ Аркадьичъ, можетъ быть, и не обратилъ бы на эту угрозу вниманія, но жена его была (онъ признавалъ ее такою) твердая, рѣшительная, прекрасная женщина, которая не любила говорить фразъ, а что говорила, то и дѣлала. И вотъ прошло 3 дня. Она не²⁸³ пускала его себѣ на глаза, и онъ зналъ, она что то дѣлала, готовила съ своей матерью.

– Ие! Ие! – побряхивалъ онъ съ гадливымъ выраженіемъ лица, какъ будто онъ испачкался въ вонючую грязь, вспоминая самыя тяжелыя для себя впечатлѣнія изъ этой первой сцены, и легъ опять на диванъ. «Ахъ, если бы заснуть опять. Какъ тамъ все это въ Америкѣ безтолково, но хорошо было». Но заснуть уже нельзя было, и ему живо представилась эта первая минута, когда онъ, вернувшись изъ театра веселымъ и довольнымъ, увидалъ ее съ несчастнымъ письмомъ въ рукѣ и съ столь преобразовавшимъ ея всегда доброе, милое, хорошее лицо выраженіемъ отчаянія и ненависти во взглядѣ. И при этой встрѣчѣ, какъ это часто бываетъ, мучало его больше всего не самая неблаговидность своего поступка (онъ признавалъ ее), не та боль, которую онъ ей сдѣлалъ (онъ жалѣлъ ее всей душой), но его мучало болѣе всего та глупая роль, которую онъ сыгралъ въ эту первую минуту.

Съ нимъ случилось то, что случается съ людьми, когда они неожиданно уличатся въ чемъ нибудь слишкомъ неожиданно постыднымъ. Онъ не сумѣлъ приготовить свою физиономію къ тому положенію, въ которое онъ становился передъ женой послѣ открытія его связи. вмѣсто того чтобы оскорбиться, отречься, оправдываться, просить прощенья, остаться даже равнодушнымъ, его лицо, совершенно помимо его воли (видно, нервы не успѣли передать смысла впечатлѣнья), лицо его вдругъ очень мило и пріятно, хотя и нѣсколько насмѣшливо улыбнулось. Этаго онъ не могъ забыть и не могъ простить себѣ и чувствовалъ, что этимъ онъ погубилъ себя совершенно. Да, и тонъ ея и взглядъ, когда она сказала: «теперь мы чужіе, ни я, ни дѣти не могутъ оставаться съ вами»,²⁸⁴ былъ такой, что она не можетъ измѣнить своему рѣшенію. «И послѣ такой моей глупой улыбки чтожъ она могла сказать и сдѣлать».

<Степанъ Аркадьичъ нѣсколько разъ крикнулъ и ахнулъ, одѣваясь и живо вспоминая вчерашнее. Онъ не видѣлъ выхода, а между тѣмъ въ глубинѣ души его голосъ говорилъ ему, что пройдетъ и обойдется: «Несчастье – думалъ онъ, – вины тутъ моей нѣтъ почти никакой, невозможно же жить иначе, и никто (при этомъ онъ вспоминалъ своихъ сверстниковъ знакомыхъ) и не можетъ подумать, чтобы можно жить иначе. И она страдает, ее жалко, ужасно жалко, – говорилъ себѣ Степанъ Аркадьичъ, вспоминая лицо жены, исполненное выраженіемъ ненависти, но, несмотря на желаніе выразить ненависть, выражающее страшное страданіе. – Да, ее жалко, ужасно жалко».> «Да, несчастье, – думалъ онъ, – ужасное несчастье. Бываетъ же, что идетъ человѣкъ по улицѣ, и кирпичъ упадетъ ему на голову. Вотъ кирпичъ и упалъ мнѣ на голову. Но чтожъ дѣлать, чтожъ дѣлать. И какъ хорошо было все до этаго, какъ мы счастливо жили. И кому какой вредъ я сдѣлалъ этимъ? Никому.²⁸⁵ Правда, нехорошо, могутъ сказать что она была гувернанткой у насъ въ домѣ. Это правда, что нехорошо, – сказалъ онъ себѣ. – Что-то тривіальное, пошлое есть въ этомъ, но вѣдь пока она была у насъ въ домѣ, я не позволялъ себѣ ничего. Но все сдѣлала эта улыбка. Одно нехорошо – бѣдняжка страдает. И она

²⁸² *Зачеркнуто:* Дарья Александровна

²⁸³ *Зач.*: хотѣла его видѣть и

²⁸⁴ *Зачеркнуто:* «это рѣшено и кончено», подтверждалъ что кончено, когда она сказала это.

²⁸⁵ *Зач.*: <А главное то поражало его.> Это было и давно, и мы жили прекрасно, и она была счастлива. Вѣдь ничто же не измѣнилось.

беременная». И онъ опять видѣлъ передъ собой глаза, дышашіе ненавистью, и содрагающійся ротъ и выраженіе напрасно скрываемаго страданія и чувствовалъ свою глупую улыбку. «Что мнѣ дѣлать чтожъ мнѣ дѣлать?»,²⁸⁶ говорилъ онъ себѣ, и отвѣта не было, кромѣ того общаго отвѣта, который даетъ жизнь на всѣ сложные и неразрѣшимые вопросы. Отвѣтъ этотъ: надо жить потребностью дня, а тамъ видно будетъ. <И какъ сладкій, крѣпкій сонъ²⁸⁷ не оставлялъ Степана Аркадыча, несмотря ни на какія нравственныя потрясенія, такъ и сонъ жизни дневной, увлеченіе привычнымъ житейскимъ движеніемъ, независимымъ отъ душевнаго состоянія, и это увлеченіе сномъ жизни никогда не оставляло его.> И онъ поспѣшилъ отдаться²⁸⁸ этой потребности дня. «Тамъ видно будетъ», сказалъ онъ себѣ, надѣлъ халатъ, привычнымъ молодецкимъ шагомъ подошелъ къ окну, поднялъ стору и громко позвонилъ.

II.

И какъ только яркій свѣтъ зимняго утра освѣтилъ косыми лучами темные узоры ковра, изогнутое кресло и огромный письменный столъ, заставленный бездѣлушками и на краю котораго лежали пакеты и письма,²⁸⁹ Степанъ Аркадычъ сталъ, какъ кошка лапами засыпаетъ²⁹⁰ то, что ей не нравится, сталъ заваливать то, что мучало его.²⁹¹ Вошедшій старый другъ камердинеръ Матвѣй внесъ платье и сапоги и подаль новыя письма и одну телеграмму. Степанъ Аркадычъ схватилъ жадно письма и, разорвавъ ихъ, сѣлъ къ зеркалу и велѣлъ позвать цирюльника.

– Отъ хозяина извощика приходили, – сказалъ Матвѣй, положивъ руки въ карманы пиджака.

Степанъ Аркадычъ²⁹² ничего не отвѣтилъ и только взглянулъ на Матвѣя съ выраженіемъ соболѣзнованія къ самому себѣ. Матвѣй уныло, насмѣшливо и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоительно твердо молча посмотрѣлъ на своего барина.²⁹³

– Я приказалъ придти въ то воскресенье, а до тѣхъ поръ чтобы не беспокоили васъ и себя по напрасну, – сказалъ Матвѣй.

Степанъ Аркадычъ взглянулъ еще разъ на Матвѣя, и въ выраженіи лица его была благодарность и нѣжность. «Вотъ человекъ, который понимаетъ меня, вотъ истинный другъ», подумалъ онъ.

«Такъ ты думаешь ничего?», сказалъ его вопросительный взглядъ.

«Знаю, все знаю, – отвѣчалъ взглядъ Матвѣя, – знаю, что деньги нужны и долговъ много и что надо было лѣсъ продать въ имѣнны барыни. А теперь разстройство».

– Да ничего, сударь, образуется, – сказалъ онъ вслухъ.

Степанъ Аркадычъ, разорвавъ телеграмму, исправилъ своей догадкой перевранныя слова и понялъ, что сестра его, давно обѣщавшая пріѣхать къ нимъ изъ Петербурга, будетъ²⁹⁴ нынче.

²⁸⁶ *Зач.*: И что будетъ? Не простить, нѣтъ, не простить. А можетъ быть, и обойдется.

²⁸⁷ *Зач.*: настоящій ночной никогда

²⁸⁸ *Зач.*: ему

²⁸⁹ *Зачеркнуто*: и телеграммы. И съ входомъ камердинера Матвѣя съ новыми письмами и телеграммой сонъ жизни охватилъ Степана Аркадыча.

²⁹⁰ *Зач.*: землю и пепломъ

²⁹¹ *Зач.*: и заботы дня одна за другою живо представлялись ему.

²⁹² *Зач.*: оглянувшись на него съ удивленіемъ, какъ будто онъ не знаетъ, что денегъ нѣтъ. «Знаю, ну что жъ?»

²⁹³ *Зач.*: Видно было, что онъ хотѣлъ пошутить. «Не только знаю, что денегъ нѣтъ, – говорилъ взглядъ Матвѣя, – но знаю <и всѣ> ваши обстоятельства, сударь. Знаю, <что долговъ куча, что денегъ нѣтъ и> что съ барыней разстройка, а что въ ея имѣнны надо лѣсъ продать и что это васъ мучаетъ. Все знаю и понимаю и не совѣтую вамъ унывать, сударь, потому что не такія дѣла бывали и обходились».

²⁹⁴ *Зачеркнуто*: завтра

— Матвѣй, Анна Аркадьевна будетъ²⁹⁵ нынче, — сказалъ онъ, остановивъ на минуту глянцевою пухлую ручку цирюльника, считавшаго розовую дорогу между кудрявыми бакенбардами.

— Слава Богу, — сказалъ Матвѣй, этимъ отвѣтомъ показывая, что онъ понимаетъ также, какъ и баринъ, значеніе этаго прїѣзда, т. е. что Анна Аркадьевна сьумѣетъ помирить мужа съ женою. — Одни или съ супругомъ? — спросилъ онъ.

Степанъ Аркадьичъ не могъ говорить, такъ какъ цирюльникъ занялъ былъ верхней губой, и поднялъ одинъ палецъ. Матвѣй въ зеркало кивнулъ головой.

— Одни. Наверху приготовить?

— Барынъ доложи, гдѣ прикажутъ.

— Барынъ доложить? — повторилъ Матвѣй.

— Да, доложи, и вотъ возьми телеграму передай, что они скажутъ.

— Слушаю-сь.

И подвинувъ душистое обтираніе, употребляемое послѣ бритья, и осмотрѣвъ еще разъ порядокъ, въ которомъ лежали платья и помочи, и поправивъ замѣченную имъ неправильность въ постановкѣ свѣтящихся ботинокъ, Матвѣй надѣлъ *rinse-nez*, вдѣлъ большіе слоновой кости рѣзные запонки въ рукава и золотые въ воротъ тонкой, чистѣйшей рубашки и, на нѣкоторое отдаленіе отстранивъ, осмотрѣлъ ее, такъ какъ Степанъ Аркадьичъ былъ прихотливъ насчетъ бѣлья, и тогда только медленно вышелъ. Письма были хотя и незначительныя и не совсѣмъ прїятныя, но они исполняли то, что нужно было, они выставляли впередъ заботы дня и дальше и дальше застилали то, что было всегда нехорошо. Кромѣ писемъ были еще бумаги изъ того присутствія, въ которомъ Степанъ Аркадьичъ былъ членомъ и куда онъ сейчасъ долженъ былъ ѣхать. Онъ взглянулъ и на бумаги и, рѣшивъ, что особенно важныхъ не было, велѣлъ приготовить ихъ въ портфель, чтобы заняться ими въ кабинетѣ присутствія.

Степанъ Аркадьичъ, умывшись, оправивъ ногти и spryнувъ бакенбарды, въ чистой рубашкѣ, въ панталонахъ и помочахъ стоялъ, нагнувшись передъ зеркаломъ, и двѣ круглыя щетки погоняли одна другую, вычесывая его кудрявые волосы и бакенбарды (это энергическое движеніе болѣе всего возбуждало его), когда Матвѣй²⁹⁶ съ тѣмъ же унылымъ и непроницаемымъ лицомъ вернулся въ комнату.

— Барыня приказали доложить: пускай дѣлаютъ, какъ имъ — вамъ т. е. — угодно, — сказалъ Матвѣй, «а что это значить, понимаете, какъ знаете», сказалъ его взгляды.

Щетки на мгновеніе остановились, и волосы въ это время были зачесаны на лобъ, что придавало сконфуженному лицу Степана Аркадьича еще болѣе сконфуженное выраженіе. Онъ помолчалъ, остановивъ руки, вздохнулъ и вдругъ какъ бы сказавъ: «а чортъ съ ними со всѣми», еще рѣшительнѣе сталъ чесать волосы, не переставая, такъ что даже запыхался и покраснѣлъ, тѣми же щетками разчесалъ бакенбарды, перечесалъ волоса назадъ, бросилъ щетки, растянулъ рубашку подъ помочами, прыснулъ духами на рубаху и бороду, надѣлъ крестъ на шею особенный, маленькій, форменный, но нарочно заказанный, жилетъ, сертукъ, расправилъ плечи и привычнымъ движеніемъ разсвалъ по карманамъ папиросы, бумажникъ, спички, часы съ двумя цѣпочками и брелоками и, встряхнувъ батистовый платокъ, чувствуя себя чистымъ, душистымъ, здоровымъ и веселымъ, вышелъ, легко ступая, въ столовую, гдѣ уже ждалъ его серебряный кофейникъ и китайскій приборъ на слегка крахмальной бѣлѣйшей скатерти. Письма всѣ были прочтены, а съ самимъ собой оставаться ему не хотѣлось, какъ бы опять не пришли дурныя мысли, и потому за кофеемъ онъ развернулъ еще сырую поданную утреннюю газету и сталъ читать.

²⁹⁵ *Зач.*: завтра

²⁹⁶ *В подлиннике отписка:* Аркадій

Апетитъ у Степана Аркадьича всегда былъ также хорошъ, какъ и сонъ, и послѣ 2-хъ чашекъ кофе и калача съ масломъ и свѣденій, почерпнутыхъ изъ газетъ о томъ, что въ наше время возникаетъ новый вопросъ о томъ, квази-либеральная ли партія имѣетъ призваніе къ будущей формировкѣ высшаго слоя или тенденціозность традицій должна уже офиціозно, если можно такъ выразиться, выставить свое новое и честное непреварикаціонное знамя, вникнувъ въ смыслъ этихъ разсужденій, которые не лишены были для него интереса, Степанъ Аркадьичъ прочелъ про обѣщаніе уничтожить сѣдые волосы, про легкую продающуюся карету и молодую особу, ищущую мѣста, что было тоже не лишено интереса, и, ощущая пріятную теплоту въ тѣлѣ, онъ всталъ спокойный, отряхнулъ крошки калача съ жилета.

*** № 8 (рук. № 17).**

²⁹⁷ДВА БРАКА. РОМАНЪ.

Мне отмщеніе. Азъ воздамъ.

Первая часть.

I.

²⁹⁸ Дарья Александровна Облонская, считавшая 9 лѣтъ своего красавца мужа²⁹⁹ вѣрнымъ мужемъ, вдругъ открыла, что онъ былъ въ связи съ бывшей въ ихъ домѣ француженкой гувернанткой, и между мужемъ и женой произошла ужасная сцена и ссора, продолжавшаяся уже три дня и ничѣмъ еще не кончившаяся. То, что произошло и происходило еще теперь между мужемъ и женою, нельзя было назвать ссорой, а это было землетрясеніе, разрушившее всѣ основы ихъ жизни, смѣшеніе всего и хаосъ, который чувствовался и прислугой, и дѣтьми, и болѣе всего ими самими.

²⁹⁷ *Зачеркнуто:* Анна Каренина

²⁹⁸ *Зач.*: <Несмотря на то, что онъ спалъ уже 3-ю ночь вслѣдствіе ссоры съ женой не въ спальнѣ жены> Между мужемъ и женой произошла ссора. Жена не хотѣла оставаться въ домѣ мужа, который измѣнялъ ей, и съ 5-ю человѣками дѣтей хотѣла уѣхать отъ него къ матери.

²⁹⁹ *Зач.*: веселымъ, доброду[шнымъ]

пріятельницѣ, чтобы пріискать ей мѣсто, поварь ушелъ еще вчера со двора во время самага обѣда, кухарка и кучеръ просили расчета.

Степанъ Аркадьичъ, виноватый во всемъ, спалъ уже 3-ю ночь не въ спальнѣ жены, а на сафьянномъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ, и, несмотря на то что онъ былъ виноватъ и чувствовалъ свою вину, сонъ³⁰⁰ Стивы (какъ его звали въ свѣтѣ) былъ также³⁰¹ спокоенъ и крѣпокъ, какъ и обыкновенно; и въ обычный часъ, 8 часовъ утра, онъ³⁰² поверотился на пружинахъ дивана,³⁰³ съ другой стороны крѣпко обнялъ подушку, потерся о нее своимъ красивымъ, свѣже-румянымъ лицомъ и открылъ свои³⁰⁴ большіе, блестящіе влажнымъ блескомъ глаза.³⁰⁵ Онъ сѣлъ на диванъ, улыбнулся,³⁰⁶ красивой бѣлой рукой граціознымъ жестомъ провелъ по густымъ курчавымъ волосамъ, и во снѣ даже принявшимъ красивую форму.

«Ахъ, какъ хорошо было, – подумалъ онъ, вспоминая сонъ, – да, какъ это было? Да, Алабинъ давалъ обѣдъ въ Нью-Йоркѣ на стеклянныхъ столахъ, да, и какіе то маленькіе графинчики и они же женщины», вспоминалъ онъ, и красивые глаза его,³⁰⁷ становились болѣе и болѣе³⁰⁸ задумчивы.

– Да, хорошо было, очень хорошо. Много тамъ было еще отличнаго, да не вспомнишь... А, —³⁰⁹ сказалъ онъ и, замѣтивъ полосу свѣта, пробивавшуюся сбоку одной изъ³¹⁰ суконныхъ сторъ, и, ощущая холодъ въ тѣлѣ отъ сбившейся простыни съ сафьяннаго дивана,³¹¹ онъ весело скинулъ³¹² ноги съ дивана, отыскалъ ими шитыя женой (подарокъ къ прошлому рождению) обдѣланныя въ золотистый сафьянъ туфли и по старой, 9-ти лѣтней привычкѣ, не вставая, потянулся рукой къ тому мѣсту, гдѣ въ спальнѣ у него всегда висѣлъ халатъ, но тутъ онъ вдругъ вспомнилъ, какъ и почему онъ спитъ не въ спальнѣ жены, а въ кабинетѣ, улыбка исчезла съ его³¹³ красиваго лица, онъ³¹⁴ сморщилъ гладкій лобъ.

– Ахъ! Ахъ, Ахъ! Ааа...³¹⁵ – заговорилъ онъ, вспоминая все, что было.³¹⁶ – Какъ нехорошо...

И³¹⁷ его воображенію представились опять всѣ подробности³¹⁸ ссоры съ женою,³¹⁹ вся безвыходность его положенія.

³⁰⁰ *Зачеркнуто:* <Князя Михаила Андреевича> <Степана Аркадьича Облонскаго> <Мишуты> Мишиньки

³⁰¹ *Зач.*: тихъ и сладокъ

³⁰² *Зач.*: сталъ ворочаться съ боку на бокъ

³⁰³ *Зач.*: поверотилъ свое <начинавшее ожирѣвать> бѣлое откормленное тѣло и тереться бѣло-румянымъ невымытымъ лицомъ о подушку, крѣпко обнимая ее. Онъ

³⁰⁴ *Зач.*: маленькіе блестящіе глазки

³⁰⁵ *Зач.*: окруженные черными густыми рѣсницами.

³⁰⁶ *Зач.*: своей неотразимо-пріятной, дѣтски доброй улыбкой и, выставивъ локти, потянулся и, почмокавъ влажными улыбающимися губами, оглянулся. «Да, что бишь, – думалъ

³⁰⁷ *Зач.*: по мѣрѣ того какъ суживались,

³⁰⁸ *Зач.*: блестящи

³⁰⁹ *Зачеркнуто:* <надо вставать> что же нехорошо?

³¹⁰ *Зач.*: тяжелыхъ

³¹¹ *Зач.*: – Неужели? – вдругъ вскрикнулъ онъ, вскакивая. – Ахъ, да. Да. Вставать, такъ вставать.

³¹² *Зач.*: стройныя бѣлыя

³¹³ *Зач.*: сіяющаго добротой

³¹⁴ *Зач.*: сморщился и махнулъ рукой

³¹⁵ *Зач.*: промычалъ

³¹⁶ *Зач.*: И надо же было, чтобы эта записка къ <Лидіи> Лидинькѣ попала прямо въ руки жены, и именно тогда, когда я уже хотѣлъ прекратить съ ней связь. Надо же было случиться этому несчастью.

³¹⁷ *Зач.*: онъ сталъ въ сотый разъ припоминать все, что было. «Да, да, она сказала, что разойдется, да, да, она сказала, и она сдѣлаетъ, сдѣлаетъ... Она сдѣлаетъ, она такая женщина. Если бы это сказала другая, я бы зналъ, что это пугаетъ, но она! Если она сказала, она сдѣлаетъ! И вотъ уже три дня она не только не смягчается, но видѣть меня не хочетъ, И что то она дѣлаетъ, готовить съ своей матерью?»

³¹⁸ *Зач.*: произошедшей отъ этаго открытія

«Да, она³²⁰ не простить, да, она такая женщина», – думалъ онъ про жену.

– Ахъ! Ахъ, Ахъ! – приговаривалъ онъ съ³²¹ отчаяніемъ, вспоминая самыя тяжелыя для себя впечатлѣнія изъ всей этой ссоры.

«Ахъ, еслибъ заснуть опять! Какъ тамъ все въ Америкѣ безтолково, но хорошо было».

Но заснуть уже нельзя было; надо было вставать³²² бриться, одѣваться, дѣлать домашнія распоряженія, т. е. отказывать въ деньгахъ, которыхъ не было, дѣлать попытки примиренія съ женой, изъ которыхъ едва ли что выйдетъ, потомъ ѣхать въ Присутствіе,³²³ главное, надо было вспоминать все, что было. Изъ всего, что онъ вспоминалъ, непріятнѣ всего была та первая минута, когда онъ, вернувшись изъ театра веселымъ и довольнымъ, съ огромной грушей для жены въ рукѣ, увидалъ жену съ³²⁴ несчастной запиской въ рукѣ и съ³²⁵ выраженіемъ³²⁶ ненависти во взглядѣ. И при этомъ воспоминаніи, какъ это часто бываетъ, мучало³²⁷ Степана Аркадьича не самое событіе, но побочное обстоятельство, то, какъ онъ принялъ эту первую минуту гнѣва жены.

* № 9 (рук. №. 9).

III.

³²⁸Занимая 2-й годъ мѣсто начальника въ Москвѣ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ сослуживцевъ, подчиненныхъ, начальниковъ и всѣхъ, кто имѣлъ до него дѣло. Главный даръ³²⁹ князя Мишуты, заслужившій ему это общее уваженіе, состоялъ, кромѣ мягкости и веселаго дружелюбія, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ людямъ, преимущественно въ полной безстрастности и совершенной либеральности, состоящей не въ томъ, чтобы строже судить сильныхъ и богатыхъ, чѣмъ слабыхъ и бѣдныхъ, но въ томъ, чтобы совершенно ровно и одинаково относиться къ обоимъ.

³³⁰Князь Мишута, не считавшій себя совершенствомъ, былъ исполненъ снисходительности ко всѣмъ. И этимъ онъ нравился людямъ, имѣвшимъ до него дѣло. Кромѣ того, онъ умѣлъ ясно, легко и кратко выражать свои мысли письменно и изустно, и этимъ онъ былъ дорогъ для сослуживцевъ.

Войдя въ Присутствіе, Князь Мишута кивнулъ, проходя, головой почтительному швейцару, поздоровался съ Секретаремъ и товарищами³³¹ и взялся за дѣло. «Если бы они знали

³¹⁹ *Зач.*: ссоры, продолжавшейся уже 3 дня, во время которыхъ жена не хотѣла видѣть его и что то такое замышляла съ своей матерью.

³²⁰ *Зач.*: сдѣлаетъ эскландръ, чтонибудь ужасное, и вся эта исторія будетъ предметомъ <разговора> толковъ и хохота всего города.

³²¹ *Зач.*: гадливымъ выраженіемъ лица, какъ будто онъ испачкался <въ вонючую грязь> во чтонибудь.

³²² и жить, т. е. вспомнить все, что было, и исполнять всѣ тѣ условія, въ которыя онъ былъ поставленъ. Надо было

³²³ *Зачеркнуто*: гдѣ онъ былъ начальникомъ,

³²⁴ *Зач.*: несчастнымъ письмомъ

³²⁵ *Зач.*: столь преобразовавшимъ ея всегда милое лицо

³²⁶ *Зач.*: отчаянія и

³²⁷ *Зач.*: Князя <Мишуту> Мишиньку больше всего не самая неблагоприятность его поступка, хотя онъ и признавалъ ее, не та боль, которую онъ сдѣлалъ женѣ, хотя онъ жалѣлъ ее всей душой, но его мучала болѣе всего та глупая роль, которую онъ самъ сыгралъ въ эту первую минуту.

³²⁸ *Зач.*: Степанъ Аркадьичъ, благодаря протекціи своего [зятя] Алексѣя Александровича Каренина, одного изъ ближайшихъ лицъ въ Министерствѣ, мужа столь любимой имъ сестры Анны, занималъ почетное и съ хорошимъ жалованьемъ мѣсто въ одномъ изъ Московскихъ присутствій.

³²⁹ *Зач.*: Степана Аркадьича

³³⁰ *Зач.*: Кромѣ того, Степанъ Аркадьичъ

³³¹ *Зач.*: сонъ жизни, опьяняя, охватилъ его

только, – думаль онъ, когда Секретарь, почтительно наклоняясь, поднесъ ему бумаги, – какимъ мальчикомъ виноватымъ былъ нынче утромъ передъ женой ихъ³³² Начальникъ».

Просидѣвъ засѣданіе и отдѣлавъ первую часть дѣлъ, Степанъ Аркадьичъ, доставая папиросницу, шелъ въ кабинетъ, весело разговаривая съ товарищемъ по службѣ объ сдѣланной ихъ другимъ товарищемъ и исправленной ими ошибкѣ, когда швейцаръ, заслоняя своимъ тѣломъ входъ въ дверь и на носу входившаго затворяя ее, обратился къ Степану Аркадьичу:

– Господинъ спрашиваютъ ваше превосходительство.

Степанъ Аркадьичъ былъ еще Надворный Совѣтникъ, но занималь мѣсто дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, и потому его звали Ваше Превосходительство.

– Кто такой?

Швейцаръ подаль карточку.

Константинъ Николаичъ³³³ Ленинъ.³³⁴

– А! – радостно вскрикнулъ Степанъ Аркадьичъ. – Проси въ кабинетъ.

– Это³³⁵ Костя³³⁶ Ленинъ. Знаете: сынъ Николая Федорыча.

– Развѣ онъ въ Москвѣ живетъ?

– Онъ? Онъ вездѣ – въ Москвѣ и въ деревнѣ, что-то усвершенствуетъ – народъ что-то изучаетъ. Но прекрасный малый. Мы съ нимъ и по охотѣ друзья, да и такъ я его люблю, – говорилъ Степанъ Аркадьичъ съ тѣмъ обычнымъ заочнымъ пренебреженіемъ, съ которымъ всѣ обыкновенно говорятъ о людяхъ, къ которымъ лично мы относимся иногда не только не пренебрежительно, но подобострастно.

<Съ³³⁷ Ленинымъ, когда онъ вошелъ, Степанъ Аркадьичъ обращался тоже не съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ онъ говорилъ; и если не съ подобострастіемъ, котораго и не могло быть, такъ какъ Ордынцевъ былъ лѣтъ на 5 моложе Степана Аркадьича, но съ уваженіемъ и видимой осторожностью, которую, очевидно, вызывало съ разу бросающіеся въ глаза чувствительность, застѣнчивость и вообще несоразмѣрное самолюбіе³³⁸ Ленина. Ордынцевъ былъ красивый молодой человекъ лѣтъ 30³³⁹ съ небольшою черной головой и необыкновенно хорошо сложенный. Все въ его походкѣ, постановкѣ груди и движеніи рукъ говорило о большой физической силѣ и энергіи.

– Здравствуй, любезный другъ, ужасно радъ тебя видѣть, – сказала Степанъ Аркадьичъ, обнимая его.> – Ужасно, ужасно радъ всегда, а особенно теперь, – сказала онъ съ удареніемъ, – тебя видѣть. И спасибо, что отыскалъ меня здѣсь – въ этомъ вертепѣ; знаю твое отвращеніе ко всему административно, судебному, государственному и т. д. Ужъ извини меня за это, – и³⁴⁰ князь Мишута сталъ смѣяться застегивать мундиръ, какъ будто желалъ скрыть крестъ на шеѣ.

Лицо Ленина,³⁴¹ все подвижное, выразительное, сияло и удовольствіемъ и неудовольствіемъ за то, что швейцаръ грубо остановилъ его, и сдержанностью при видѣ чужихъ лицъ, товарищей³⁴² Облонскаго.

³³² *Зачеркнуто:* Юпитеръ

³³³ *Зач.*: Ордынцевъ

³³⁴ *Рядом на полях написано:* Просіялъ. Никого бы такъ не желалъ видѣть, какъ его.

³³⁵ *Зачеркнуто:* милѣйшій

³³⁶ *Зач.*: Ордынцевъ

³³⁷ *Зач.*: Ордынцевымъ

³³⁸ *Зач.*: Ордынцева

³³⁹ *Зач.*: высокій, стройный, хорошо одѣтъ,

³⁴⁰ *Зачеркнуто:* Степанъ Аркадьичъ

³⁴¹ *Зач.*: открытое, ясное,

³⁴² *Зач.*: Алабина

– ³⁴³Мое отвращеніе, съ чего ты взять? Смѣшно мнѣ иногда, – сказалъ онъ, оглядываясь на чужія лица.

– Да позвольте васъ познакомить: нашъ товарищъ ³⁴⁴ Никитинъ, Шпандовскій – Константинъ Дмитричъ Левинъ – гимнастъ и *двигатель* ←– Степанъ Аркадьичъ подчеркнувъ произнесъ это слово →, а главное, мой другъ Константинъ Николаичъ ³⁴⁵ Ленинъ – и мировой судья и земскій дѣятель.

И тотчасъ же Степану Аркадьичу замѣтно было, что этотъ тонъ шуточной рекомендаціи не понравился ³⁴⁶ Ленину, и онъ поспѣшилъ поправить, взявъ его за пуговицу. Ордынцевъ нахмурился и, какъ бы освобождаясь отъ чего-то, выпрямилъ грудь.

– Очень радъ, – сказалъ онъ сухо, подавая руку Борису и не глядя на него.

– Ну, когда же увидимся?

– А вотъ что. Въ 4 часа я свободенъ. Давай обѣдать. Гдѣ я найду тебя?

– Въ Зоологическомъ саду, я тамъ выставилъ скотину.

– Ну, и отлично. Я заѣду за тобой. Ну что же, хорошо идутъ дѣла?

– Послѣ расскажу. Ты какъ?

– Я скверно, какъ всегда. А живу.

– Ну, такъ прощай.

– Да посиди же, покури. Да ты не куришь, ну такъ посиди немножко. Какъ щука на мели; тебѣ, я вижу, тяжело.

– Да и что отрывать васъ отъ вашихъ важныхъ государственныхъ дѣлъ.

³⁴⁷– Ты видишь, какъ у насъ хорошо и удобно. А тебѣ противно.

– Не противно, ³⁴⁸ напротивъ, – внушительно сказалъ онъ улыбаясь.

– Что же вамъ смѣшно? – спросилъ Борисовъ.

– Да такъ, я увѣренъ, что если бы ничего этого не было, никакой разницы бы не было. Я увѣренъ, что настоящая жизнь и движеніе не здѣсь, а у насъ въ глуши.

Рѣчь его перебилъ вошедшій Секретарь съ бумагами. Секретарь съ развязной почтительностью и съ нѣкоторымъ общимъ секретарскимъ сознаниемъ своего превосходства подошелъ къ Алабину и сталъ подъ видомъ вопроса объяснять какое-то затрудненіе. ³⁴⁹ Князь Мишута, не дослушавъ, перебилъ Секретаря и, кратко объяснивъ ему, въ чемъ дѣло, отодвинулъ бумаги, сказавъ:

– Такъ и сдѣлайте, пожалуйста.

³⁵⁰Левинъ во время совѣщанія съ Секретаремъ стоялъ облокотившись обѣими руками на стулъ, и на ³⁵¹ лицѣ его остановилась насмѣшливая ³⁵² улыбка.

³⁵³Секретарь вышелъ.

³⁴³ *Зач.*: – Я пріѣхалъ не надолго на выставку скота, и хотѣлось тебя увидеть, – улыбаясь и выказывая бѣлые, какъ снѣгъ, сплошные крѣпкіе зубы изъ-за черныхъ, румяныхъ губъ и черныхъ усовъ и бороды, отвѣчалъ Ордынцевъ. – Я привелъ на выставку своихъ телятъ – удивительныхъ, – сказалъ Ленинъ.

³⁴⁴ *Зач.*: Борисовъ

³⁴⁵ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁴⁶ *Зач.*: Ордынцеву

³⁴⁷ *Зачеркнуто*: – Нѣтъ, серьезно, ужасно противно, я думаю, швейцаръ, бумаги, секре[тарь].

³⁴⁸ *Зач.*: а смѣшно

³⁴⁹ *Зач.*: Степанъ Аркадьичъ

³⁵⁰ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁵¹ *Зач.*: красивомъ

³⁵² *Зач.*: нѣсколько притворная

³⁵³ *Зач.*: – Ну какъ же я могу не быть пораженъ послѣ того, что я вижу и слышу, – сказалъ онъ. – Я только чувствую себя, съ одной стороны, подавленнымъ твоимъ величіемъ, отъ вида швейцара до креста на шеѣ, съ другой стороны, я горжусь тѣмъ, что на ты съ такимъ великимъ человѣкомъ. И хотя онъ говорилъ насмѣшливо, онъ говорилъ <правду> то, что немножко чувствовалъ.

– Не понимаю, не понимаю, – сказала Левинь, – какъ ты, честный, хорошій человекъ, можешь служить.

– Вотъ видишь, надо только не горячиться.

– Ну да, ты умѣешь, у тебя даръ къ этому.

– Т. е. ты думаешь, что у меня есть недостатокъ чего-то.

– Можетъ быть, и да, – весело засмѣявшись, сказала Левинь.

– Ну, хорошо, хорошо, погоди еще, и ты придешь къ этому. Хорошо, какъ у тебя 3000 десятинъ въ Ефремовскомъ уѣздѣ да такіе мускулы и свѣжесть, какъ у 12-лѣтней дѣвочки, а придешь и къ намъ.

³⁵⁴– Нѣтъ, ужъ я эту штуку кончилъ совсѣмъ, люблюсь на твое величіе и горжусь тѣмъ, что у меня другъ такой великій человекъ, и больше ничего. А моя общественная дѣятельность кончена.

– Ну, что Княгиня и Княжна, – сказалъ онъ и тотчасъ же покраснѣлъ.

– Здоровы, все то же. Ахъ, какъ жаль, что ты такъ давно не былъ.

– А что? – испуганно спросилъ Левинь.

– Поговоримъ послѣ. Да ты зачѣмъ собственно пріѣхалъ?

– Ахъ, тоже поговоримъ послѣ, – до ушей покраснѣвъ, сказалъ Левинь.

– Ну, хорошо. Такъ вотъ что, – сказалъ Мишута, – я бы позвалъ къ себѣ, но жена уѣхала къ своимъ обѣдать. Но завтра пріѣзжай вечеромъ къ тещѣ. Они по старому³⁵⁵ по четвергамъ принимаютъ. А нынче вотъ что. Да. Если ты хочешь ихъ видѣть, онѣ навѣрно нынче въ Зоологическомъ саду отъ 4 до 5. Кити на конькахъ катается. Ты поѣзжай туда, а я заѣду и вмѣстѣ куда нибудь обѣдать.

– Прекрасно.

– Ну, до свиданья.

– Мое почтенье, – весьма низко и сухо кланяясь, обратился³⁵⁶ Ленинъ къ³⁵⁷ Никитину и Шпандовскому съ тѣмъ дерзкимъ, крайне учтивымъ тономъ, который показываетъ, что я васъ знать не хочу, но прощаюсь съ вами потому, что, хотя я противъ своей воли познакомился съ вами, я благовоспитанный человекъ.

– Смотри же ты, вѣдь я знаю, забудешь или вдругъ уѣдешь въ деревню, – смѣясь прокричала князь Мишута.

– Нѣтъ, вѣрно.

– Очень странный господинъ, – сказалъ³⁵⁸ Шпандовскій, когда³⁵⁹ Ленинъ вышелъ.³⁶⁰

– Да,³⁶¹ но золотое сердце,³⁶² – сказала Князь Мишута. – И представьте, ему 29—30 лѣтъ, онъ какъ красная дѣвушка,³⁶³ да, да, какъ красная дѣвушка, а вмѣстѣ съ тѣмъ полонъ жизни.

– Неужели?

³⁵⁴ *Зач.*: – О да, – отвѣчала <Ордынцевъ> Ленинъ съ той же насмѣшкой. – Я только хотѣлъ спросить, здорова ли твоя жена и ваши. И странно: сдѣлавъ этотъ вопросъ, <красивое, самоувѣренное и свѣжее> лицо <Ордынцева> Ленина вдругъ <покрылось краской> покраснѣло, какъ лицо дѣвушки, и глубокіе голубоватые глаза опустились. – О, да, да, всѣ здоровы.

³⁵⁵ *Зачеркнуто*: живутъ у Николы Явленнаго и

³⁵⁶ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁵⁷ *Зач.*: Борисову

³⁵⁸ *Зач.*: Борисовъ

³⁵⁹ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁶⁰ *Зач.*: – А какой красавецъ– Да, очень

³⁶¹ *Зач.*: это новый типъ молодыхъ людей,

³⁶² *Зач.*: это дѣтская невинность и честность, – подтвердилъ Алабинъ.

³⁶³ *Зач.*: вина не пить, не курить, никакимъ страстямъ не предается,

<– Да вотъ, говорятъ, жениховъ въ Москвѣ нѣтъ: свѣжъ, уменъ, образованъ и тысячь 15 доходу; только немножко, – онъ помахалъ пальцами передъ собой.³⁶⁴

Степанъ Аркадьичъ думалъ именно о томъ, что давно ужъ онъ замѣчалъ, какъ Ордынцеву нравилась его свояченица Кити Щербацкая, и что краска, бросившаяся ему въ лицо, когда онъ спросилъ о ней, не показываетъ ли то, что онъ теперь пріѣхалъ въ Москву съ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе, чего давно ждали ужъ всѣ въ семьѣ Щербацкихъ. «Хорошо бы было, – думалъ Степанъ Аркадьичъ, – и Долли этаго желаетъ, и, можетъ быть, если бы это случилось, подъ веселую руку и я бы помирился съ ней. Да и славная партія. И нельзя ли у него занять. Ахъ, неприятно! У пріятелей, которыхъ я люблю, не люблю занимать, потому что не отдашь и тогда испортишь дружбу».>

– Да, батюшка, – сказалъ онъ вслухъ, – вотъ счастличикъ, все впереди, и силы сколько.

– Что же вы жалуетесь, Князь.

– Да скверно, плохо, – сказалъ³⁶⁵ Князь Мишута, которому натошакъ передъ ѣдой приходили всегда на короткое время мрачныя мысли,³⁶⁶ и поспѣшилъ приступить къ завтраку.

<III.

Зоологическій садъ былъ полонъ народа.

Около катка играла музыка. Съ горъ катались въ салазкахъ, въ креслахъ и на конькахъ, тѣснясь на лѣстницѣ и у входовъ. Молодцы катальщики измучались, скатывая и втаскивая салазки. Олѣни самоѣдовъ катали любителей. На каткѣ кружились дѣти, юноши, взрослые и нѣсколько дамъ. Вездѣ стояли рамки нарядныхъ зрителей въ соболяхъ и бобрахъ. По всѣмъ домикамъ звѣринцевъ и птичниковъ толпились зрители. У подѣзда стояли сотни дорогихъ экипажей и извозчиковъ. Стояли жандармы. За прудомъ, рядомъ съ медвѣдями и волками, въ вновь построенныхъ домикахъ, были выставки.>

IV.

³⁶⁷Степанъ Аркадьичъ ужъ находился въ полномъ заблужденіи сна жизни. Лицо его сіяло, какъ и его шляпа и какъ утреннее солнце на инеѣ, покрывавшемъ деревья.

– Зайдемъ на катокъ къ нашимъ – и обѣдать. Гдѣ хочешь?

– Мнѣ все равно. Ты знаешь, что для меня гречневая каша вкуснѣе всего; а такъ какъ ее нѣтъ ни въ Эрмитажѣ ни въ Новотроицкомъ, то мнѣ все равно.

– Ну, такъ въ Эрмитажъ, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, вспоминая, что въ Новотроицкомъ будутъ просить долгъ. – А Красавцева взять? Онъ милый малый.

– Если можно не брать, то лучше, – сказалъ Ордынцевъ улыбаясь.

– Можно и не брать. А Толстая [?] давно ли? А какова Собѣщанская? Прелестна. Что же Добре? Продулся? Завтра будешь обѣдать?

– А, Наталья Дмитриевна, и вы пришли посмотрѣть коровъ. Вотъ рекомендую – Ордынцевъ, скотоводъ.

Такъ переговаривался, раскланиваясь, Степанъ Аркадьичъ на право и на лѣво. И Ордынцевъ, къ удивленію, замѣчалъ, что на всѣхъ лицахъ, съ которыми говорилъ Алабинъ, отражалась таже ласковость, что и на лицѣ Алабина.

На каткѣ стояла толпа зрителей, и каталось челоуѣкъ 15.³⁶⁸ Онъ остановился, чтобы оправиться, и, когда уже подошелъ къ ступени, увидаль ее. Она была въ суконной, обшитой барашкомъ шубкѣ, съ

³⁶⁴ *Зач.*: вслухъ выражая продолженіе своей мысли объ <Ордынцевѣ> Ленине.

³⁶⁵ *Зачеркнуто*: Степанъ Аркадьичъ

³⁶⁶ *Зач.*: и что и дѣлало то, что онъ не любилъ быть натошакъ. Онъ закурилъ папиросу, тотчасъ же бросилъ ее.– Ну, пойдемте, кончимъ дѣла, – сказалъ онъ, стремясь душою къ завтраку и вину, – пойдемте.И онъ пошелъ досиживать присутствіе.

³⁶⁷ *На поляхъ противъ начала главы, написано*: Безобразовъ веселый, добрый. Съ Кити другъ, его брюскируютъ.Представляютъ Ордынцева на каткѣ, и обѣдаютъ всѣ втроемъ. О бракѣ – примѣръ Анны выставляетъ Алабинъ[?].

³⁶⁸ *Зачеркнуто*: но изъ всѣхъ, какъ муха въ молокѣ, видна была одна дама въ суконной, обшитой барашкомъ шубкѣ, съ такой же муфтой и шапочкой.

комъ шубкѣ, въ такой же шапочкѣ. Онъ узналъ ее не по тонкому стану, какого не было у другой женщины, не по длинной граціозной шеѣ, не по маленькой головкѣ съ бѣлокурой тяжестью волосъ, не по ножкамъ, тонкимъ и граціознымъ, въ высокихъ ботинкахъ, не по³⁶⁹ спокойной граціи движеній; но онъ узналъ ее по трепету своего сердца, когда глаза его остановились на ней. Онъ сошелъ внизъ и, поздоровавшись съ стоявшимъ у катка двоюроднымъ братомъ ея Гагинымъ, сталъ подлѣ него.³⁷⁰ Она каталась на противоположномъ концѣ и, тупо поставивъ ножки одну за другой, видимо робѣла, катясь на поворотѣ навстрѣчу отчаянно размахивавшему руками и пригибающемуся къ землѣ мальчику. Она каталась одна, но видно было, что всѣ, кто былъ на каткѣ, видѣли и помнили ее и, насколько приличіе позволяло, всѣ смотрѣли на нее и желали ея взгляда. Она вынула лѣвую руку изъ муфты и держала ее на одной правой рукѣ. Она улыбалась своему страху. Потомъ, узнавъ, вѣроятно,³⁷¹ Левина, она сдѣлала быстрое движеніе стегномъ и подбѣжала, катясь прямо къ³⁷² брату и хватаясь за него рукой и вмѣстѣ съ тѣмъ съ улыбкой кивая³⁷³ Левину.³⁷⁴

Если былъ недостатокъ въ этой несомнѣнной красавицѣ, то это былъ недостатокъ живости и цвѣта въ лицѣ. Теперь этаго недостатка не было. Лицо ея, строгое и прелестное, съ большими мягкими глазами, было покрыто румянцемъ, глаза свѣтились больше чѣмъ оживленіемъ физическаго движенія. Они свѣтились счастьемъ.

– Давно ли вы здѣсь? – сказала она, подавая³⁷⁵ Левину узкую въ темной перчаткѣ руку. – Ахъ, благодарствуйте.

Она уронила платокъ изъ муфты, который поднялъ³⁷⁶ Левинъ, краснѣя и не отвѣчая. Она отвернулась оглядываясь.

– Ахъ да. Я вчера пріѣхалъ. Я не думалъ васъ найти здѣсь. Я не зналъ, что вы катаетесь, и прекрасно катаетесь, – прибавилъ онъ.

– Ваша похвала особенно дорога. Здѣсь про васъ преданье осталось, что вы лучшій конькобѣжець. И съ горы какъ то задомъ.³⁷⁷

– Да, одно время, когда былъ Американецъ [?], я имѣлъ страсть...

– Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось васъ посмотреть.³⁷⁸

Левинъ улыбался и чувствовалъ, что глупо улыбается.

Къ³⁷⁹ Левину и Кити подбѣжалъ, ловко остановившись, молодой человекъ Московскаго свѣта, котораго оба знали.

– Вотъ я прошу побѣгать, – сказала она ему по французски.

– Ахъ, пожалуйста, тутъ гадость коньки, возьмите мои безъ ремней, очень хороши.

– Да я не заставляю себя просить, но, пожалуйста, не ждите отъ меня ничего, а позвольте просто съ вами побѣгать.

³⁸⁰– Какъ хотите, – отвѣчала Кити, и вдругъ, какъ бы солнце зашло за тучи, лицо Кити утратило всю ласковость и замѣнилось строгимъ, холоднымъ выраженіемъ, и³⁸¹ Левинъ узналъ

³⁶⁹ *Зач.*: лѣнливой и достойной

³⁷⁰ *На полях против последних строк написано:* Въ ихъ отношеніяхъ была поэзія дружбы къ умершему брату.

³⁷¹ *Зач.*: зятя и Ордынцева

³⁷² *Зач.*: <зятю> нему

³⁷³ *Зач.*: Ордынцеву

³⁷⁴ *Зач.*: Ордынцевъ, какъ награду и счастье, принялъ эту улыбку, онъ чувствовалъ, что мнѣ[?] завидуютъ.

³⁷⁵ *Зачеркнуто:* Ордынцеву

³⁷⁶ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁷⁷ *Зач.*: – Да вотъ и слѣды, – сказали Ордынцевъ, улыбаясь и показывая выбитый зубъ.

³⁷⁸ *Зач.*: – Я уже давно не катался. Молодой Алабинъ ушелъ къ дамѣ и о чемъ-то оживленно говорилъ съ ней.

³⁷⁹ *Зач.*: Ордынцеву

³⁸⁰ *Против начала абзаца на полях написано:* Съ мальчиками его полюбили. Онъ милъ всѣмъ, а думаетъ, что смѣшонъ. Все съ азартомъ. Опомнился, что глупо. Она ушла. Онъ думалъ отъ того, что смѣшонъ.

эту знакомую игру ея лица, когда она дѣлала усиліе мысли. На гладкомъ мраморномъ лбу ея чуть какъ бы вспухли морщинки.

– Пойдемте еще кругъ, – обратилась она къ молодому человѣку, подавая ему руку, и опять задвигались стройныя ножки.

– А коньки хотите мои? – сказалъ молодой человѣкъ.

– Нѣтъ, все равно.

– Давно не бывали, Николай Константиновичъ, сударь, – говорилъ катальщикъ, навинчивая ему коньки. – Послѣ васъ нѣту. Хорошо ли будетъ?

«Что значитъ эта перемѣна? – думаль Ордынцевъ. – Боялась она слишкомъ обрадовать меня, или я дуракъ и смѣшонъ.³⁸² Да, онъ говоритъ, съ радостью пойдетъ, – думаль онъ про слова брата. – Ему хорошо говорить, не видя ее. Но развѣ можетъ такая женщина любить меня, съ моимъ лицомъ и моей глупой застѣнчивостью. Я сейчасъ былъ точно дуракъ или хуже, точно человѣкъ, знающій за собой много дурнаго».

– Чтоже готово?

– Готово, сударь. Покажите имъ, какъ бѣгать надо.

Левинъ всталъ на ноги, снялъ пальто, выпрямился, сдѣлалъ шагъ, толкнулъ лѣвое плечо и выбѣжалъ изъ домика, стараясь какъ можно меньше махать руками, выпрямляться и вообще щеголять своимъ бѣганьемъ. Но давно не бѣгавши, послѣ своихъ непріятностей дома, это стояніе на конькахъ, это летящее ощущеніе, сознание силы, воспоминаніе веселости, которую онъ испытывалъ всегда на конькахъ, возбудили его, онъ сдѣлалъ два сильныхъ шага и какъ будто по своей волѣ полетѣлъ на одной ногѣ по кругу и догналъ Кити и, съ трудомъ удерживаясь, потихоньку пошелъ с ней рядомъ

– Вѣдь вотъ ничего особеннаго не дѣлаетъ, а совсѣмъ не то, что мы грѣшные.

– Да, очень хорошо.

– Я не знаю, чтоже хорошаго. Иду, какъ и всѣ.

Но чѣмъ больше онъ ходилъ, тѣмъ больше оживлялся,³⁸³ забывалъ удерживаться и сталъ естествененъ и красивъ въ своихъ движеніяхъ.

– Ну, а съ горы? – сказалъ молодой человѣкъ.

Она ничего на сказала, но посмотрѣла на него.

³⁸⁴– Попробовать, забылъ ли.

Онъ перебѣжалъ кругъ и пошелъ къ горамъ.

Всѣ смотрѣли на него и скоро увидали, какъ онъ, нагнувшись напередъ, на одной ногѣ скатился за дилижаномъ и смѣясь прибѣжалъ на кругъ.

– Ну вотъ всѣ штуки показалъ, – сказалъ онъ.

Онъ сталъ еще веселѣе и оживленнѣе отъ движеній; но на лицѣ Кити вдругъ опять остановилась холодность.

«Да, я воображаю, какъ я глупъ и смѣшонъ, щеголяя своими ногами», подумаль онъ, и опять ему стало стыдно и безнадежно.

Кити подбѣжала³⁸⁵ къ скамейкѣ и кликнула катальщика подкрѣпить конекъ.³⁸⁶ Левинъ хотѣлъ взять въ руки ея ножку; но она рѣшила, что не стоитъ того, и побѣжала въ домъ снимать

³⁸¹ *Зачеркнуто:* Ордынцевъ

³⁸² *Зачеркнуто:* «Но это хорошо, хорошій знакъ», думаль онъ и думаль несправедливо: эта перемѣна выраженія ея лица была для него самый дурной знакъ. Она знала, что изъ его отношеній съ нею ничего не можетъ и не должно выдти, и знала почему, и, увлекшись на минуту желаніемъ нравиться, попыталась остановиться. Счастливый и веселый, Ордынцевъ выбѣжалъ изъ домика, гдѣ надѣвали коньки, и, зная, что всѣ глаза устремлены на него, побѣжалъ за нею. Три шага сдѣлавъ сильныхъ, чтобы войти въ тактъ конькобѣжца, онъ пошелъ тихимъ шагомъ.

³⁸³ *Зач.*: и сталъ шалить, показывать рас, дѣлать круги, и все это легко, очевидно въ долю того, что онъ могъ сдѣлать,

³⁸⁴ *Зач.*: – Надо согрѣться.

³⁸⁵ *Зачеркнуто:* къ дамѣ, съ которой была, и скрылась въ домикѣ.

коньки.³⁸⁷ Левинъ снялъ и свои и, выходя, встрѣтилъ ее, когда она мелкимъ шажкомъ переходила черезъ ледь, и подаль ей руку до дорожки.

Мать встрѣтила ее.³⁸⁸

– Четверги, нынче, какъ всегда, мы принимаемъ, – сказала она сухо. – Скажите, пожалуйста, Мишѣ, вы съ нимъ, чтобъ онъ пріѣхалъ къ намъ нынче. Да вотъ и онъ самъ.³⁸⁹

Дѣйствительно, Князь Мишута въ оживленномъ разговорѣ съ извѣстнымъ кутилой Стивой Красавцевымъ, съ шляпой на боку и съ развѣвающимися и сливающимися съ сѣдымъ бобромъ бакенбардами, блестя звѣздочками глазъ, смѣясь и кланяясь направо и налево всѣмъ знакомымъ, какъ олицетвореніе спокойствія душевнаго и добродушнаго веселья, шель имъ навстрѣчу.

– Ну чтожъ, ѣдемъ, – сказалъ онъ Левину.

– Да, поѣдемъ, – уныло отвѣчалъ Левинъ, провожая глазами садившуюся въ карету красавицу.

– Къ Дюссо или въ Эрмитажъ?

– Мнѣ все равно.

– Ну, въ Англію, – сказалъ Князь Мишута, выбравъ Англію потому, что онъ въ ней былъ менѣе всего долженъ.

– У тебя есть извозчикъ? Ну, и прекрасно, а то я отпустилъ карету. Не взять ли Красавцева? Онъ добрый малый. Ну, не возьмемъ, какъ хочешь. Что ты унылый? Ну, да переговоримъ.

И они сѣли на извозника. Всю дорогу они молчали. Левинъ, сдавливаемый всю дорогу на узкомъ сидѣньи толстымъ тѣломъ Князя Мишуты, думалъ о томъ, говорить ли и какъ говорить съ Княземъ Мишутой о его свояченицѣ, а Князь Мишута дорогой сочинялъ меню обѣда.

– Ты вѣдь любишь тюрбо? – сказалъ онъ ему, подѣзжая.

V.

Въ характерѣ³⁹⁰ Князя Мишуты не было и тѣни притворства, но когда³⁹¹ Левинъ вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ Эрмитажъ, онъ не могъ не замѣтить нѣкоторой особенности выраженія сдержаннаго сіянія на лицѣ и во всей фигурѣ³⁹² Князя Мишуты, когда онъ снималъ пальто, въ шляпѣ на бекрень вошелъ въ столовую и отдавалъ приказанья липнувшему за нимъ Татарамъ во фракахъ и съ салфетками и когда онъ кланялся на право и на лѣво и тутъ нашедшимся знакомымъ и подошелъ къ буфету и мило по французски пошутилъ съ француженкой въ эквилибристическомъ шиньонѣ и всей казавшейся составленной изъ poudre[de] riz, vinaigre de toilette³⁹³ и лентъ и кружевъ.

– Сюда, Ваше Сіятельство, пожалуйста, здѣсь не беспокоятъ Ваше Сіятельство, – говорилъ особенно липнувшій старый, свѣтлый Татаринъ.

– Пожалуйста шляпу, Ваше Сіятельство, – говорилъ онъ³⁹⁴ Левину, въ знакъ почтенія къ³⁹⁵ Князю Мишутѣ ухаживая и за его гостемъ.

³⁸⁶ *Зач.*: Ордынцевъ сталъ на колѣно и

³⁸⁷ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁸⁸ *Зач.*: и поблагодарила <Ордынцева> Левина.

³⁸⁹ *Зач.*: Стало быть, нельзя было идти провожать ихъ. Онъ вернулся и скоро нашель Алабина въ оживленной бесѣдѣ съ старичкомъ и дамой.– Неправда ли, мила? Однако пора, пойдемъ. У тебя есть извозчикъ? Ну и прекрасно, а то я отпустилъ карету.

³⁹⁰ *Зачеркнуто*: Степана Аркадьича

³⁹¹ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁹² *Зач.*: Степана Аркадьича

³⁹³ [рисовой пудры, туалетного уксуса]

³⁹⁴ *Зач.*: Ордынцеву

³⁹⁵ *Зач.*: Степану Аркадьичу

И мгновенно растеливъ еще свѣжую скатерть на кругломъ столѣ подь бронзой и передь бархатными стульями и диванами и между зеркалами, со всѣхъ сторонъ отражавшими красивое, сіяющее, красноватое лицо³⁹⁶ Князя Мишуты, унылое³⁹⁷ будничное лицо Левина и вьющуюся фигуру Татарина съ его бѣлымъ галстукомъ, широкимъ тазомъ и развѣтвляющимися на задѣ фалдами фрака.

– Пожалуйте, – говорилъ Татаринъ, подавая карточку и не обращая вниманія на звонки изъ-за двери. – Если прикажете, Ваше Сіятельство, отдѣльный кабинетъ сейчасъ опростается, – говорилъ онъ. – Князь Голицынъ съ дамой. Устрицы свѣжія получены.

– А, устрицы. – Князь Мишута задумался. – Не измѣнить ли планъ, Левинъ?³⁹⁸

Онъ остановилъ³⁹⁹ палецъ на картѣ, и лицо его выражало напряженіе мысли.

– Хороши ли устрицы? Ты смотри.

– Вчера получены.

– Такъ чтожь, не начать ли съ устриць, а потомъ ужъ и весь планъ измѣнить, Левинъ?

– Мнѣ все равно. Мнѣ лучше всего щи и каша; но вѣдь здѣсь нѣтъ.

– Каша а ла Рюсъ. Прикажете? – сказала Татаринъ, нагибаясь надъ Левинымъ.

– Нѣтъ, без шутокъ, что ты выберешь, то и хорошо.⁴⁰⁰ Я побѣгалъ на конькахъ, и⁴⁰¹ ѣсть хочется. И не думай, – прибавилъ онъ, замѣтивъ грустное выраженіе на лицѣ Облонскаго, – чтобъ я не оцѣнилъ твой выборъ. Я съ удовольствіемъ поѣмъ хорошо.

– А, ну это такъ, – повеселѣвъ сказалъ Мишута. – Ну, такъ дай ты намъ, братецъ ты мой, устриць 5 дюжинъ, супъ съ кореньями.

– Принтаньертъ, – подхватилъ Татаринъ, но Степанъ Аркадьичъ, видимо, не хотѣлъ ему доставлять удовольствія называть по французски кушанья.

– Съ кореньями, знаешь? Потомъ Тюрбо подь густымъ соусомъ, потомъ... Ростбифу, да смотри, чтобъ хорошъ былъ, – да этихъ каплуновъ, ну и консервовъ.

– Слушаю-съ.

Татаринъ, вспомнивъ манеру Степана Аркадьича не называть по картѣ, не повторять всякій разъ за нимъ, но доставилъ себѣ удовольствіе повторить весь заказъ по картѣ:

– Тюрбо, Сось бомарше, Poularde à l'estragon, Macedoin[e] du fruit.

И тотчасъ, какъ на пружинахъ, положивъ одну переплетенную карту, подхвативъ другую – карту винъ, понесъ ее къ Мишутѣ.

– Что же пить будемъ?

– Я шампанское, – отвѣчалъ⁴⁰² Левинъ.

– Какъ, сначала? А впрочемъ правда, пожалуй.⁴⁰³ Ты любишь Oeil de Perdrix?⁴⁰⁴ Ну, такъ этой марки⁴⁰⁵ къ устрицамъ подай, а тамъ видно будетъ.

– Столоваго какого прикажете?

– Ньюи подай, вотъ это.

– Слушаю-съ. Сыру вашего прикажете?

– Ну да, пармезанъ. Ты другой любишь?

³⁹⁶ *Зач.*: Алабина, сдержанную, стройную фигуру Ордынцева съ его смуглымъ, красивымъ лицомъ

³⁹⁷ *Зач.*: простое

³⁹⁸ *Зач.*: Степанъ Аркадьичъ <задумчиво> радостно водилъ пальцемъ

³⁹⁹ *В подлиннике*: остановивъ

⁴⁰⁰ *Зачеркнуто*: Какъ я ни дикъ,

⁴⁰¹ *Зач.*: обвавилонился немножко. У меня и вкусы цивилизованные [?] развиваются.

⁴⁰² *Зач.*: Ордынцевъ

⁴⁰³ *Зач.*: Ну, потомъ надо же бургонскаго.

⁴⁰⁴ [Глаз куропатки?]

⁴⁰⁵ *Зач.*: двѣ– ну двѣ, – отвѣчалъ Ордынцевъ. – А мнѣ все таки мою бутылочку Марли.

И Татаринъ съ развѣвающимися фалдами надъ широкимъ тазомъ полетѣль и черезъ пять минутъ влетѣль съ блюдомъ открытыхъ устрицъ съ шаршавыми раковинами и съ бутылкой.⁴⁰⁶

Князь Мишута перекрестился маленькимъ крестикомъ надъ жилетной пуговицей, смявъ крахмаленную салфетку, засунулъ ее себѣ за жилетъ и взялся за устрицы.

– А не дурны, – говорилъ онъ, серебряной вилочкой сдирая съ перламутровой раковины и шлюпая, проглатывая ихъ одну за другой и вскидывая влажные и блестящіе глаза то на Левина, то на Татарина.⁴⁰⁷

Левинъ лѣниво ѣлъ непитательное блюдо, любуясь на Облонскаго. Даже Татаринъ, отвинтившій пробку и разливавшій игристое розоватое вино по разлатымъ тонкимъ рюмкамъ, поправляя свой бѣлый галстукъ, съ замѣтной улыбкой удовольствія поглядывалъ на Князя. «Вотъ это кушаютъ, служить весело».

– А ты скучень? – сказалъ Князь Мишута, выпивая свой бокаль. – Ты скучень.

И лицо Облонскаго выразило истинное участіе. Его мучало то, что пріятель и собесѣдникъ его огорченъ.⁴⁰⁸ Онъ видѣль, что⁴⁰⁹ Левину хочется говорить о ней, и онъ началъ, разчищая ему дорогу:

– Чтоже, ты поѣдешь нынче вечеромъ къ Щербацкимъ? – сказалъ онъ,⁴¹⁰ отодвигая пустыя раковины и придвигая сыръ.⁴¹¹

– Да, я думаю, даже непременно поѣду, хотя мнѣ показалось, что Княгиня неохотно звала меня.

– Что ты! Вздоръ какой! Это ея манера.⁴¹²

⁴⁰⁶ *Зачеркнуто:* Онъ, отвинтивъ, вынулъ съ дымомъ пробку и налилъ разлатые бокалы. И пріятель только что кончали устрицы, какъ онъ влетѣль съ дымящимъ

⁴⁰⁷ *Зач.*: Ордынцевъ сидѣль въ трактирѣ среди зеркаль, за дверьми слышались говоръ, бѣготня и шумъ послѣ 8 лѣтъ <уединенной> деревенской жизни; но онъ видѣль передъ собою не то, что было, а онъ видѣль ее лицо, улыбку, движенія ногъ и стана, ее особенное движеніе, и лицо его <сіяло улыбкой> было задумчиво. Степанъ Аркадьичъ видѣль это и догадывался почему и радовался, и ему хотѣлось сдѣлать пріятное другу и говорить о ней. За то то и любили всѣ Степана Аркадьича, что онъ съ людьми думалъ только о томъ, какъ бы имъ быть пріятнымъ. Тотъ, кто подумалъ бы о немъ съ точки зрѣнія его семейной жизни, тотъ сказалъ бы: это страшный, злой эгоистъ сдѣлалъ невѣрность женѣ, она мучается, страдаетъ, а онъ, веселый, довольный, сидитъ съ пріятелемъ и... и хлюпая устрицы, запивалъ *Oeil de perdrix* и спрашиваетъ, о чемъ скучень его пріятель. Но въ томъ то и дѣло, что Князь Мишута не признавалъ смысла въ жизни во всей ея совокупности и никогда не могъ устроиться такъ, чтобы быть въ жизни серьезнымъ, справедливымъ и добрымъ, и махнулъ давно на это рукой, но зато въ проведеніи этой жизни, во снѣ жизни, онъ былъ тѣмъ, чѣмъ его родила мать, – нѣжнымъ, добрымъ и милымъ человѣкомъ.

⁴⁰⁸ *Зач.*: и что ему хочется что то высказать.

⁴⁰⁹ *Зач.*: Ордынцеву

⁴¹⁰ *Зач.*: улыбаясь и улыбкой давая чувствовать, что онъ и не хочетъ скрывать всего смысла этаго вопроса.

⁴¹¹ *На поляхъ рядомъ написано:* <Теорія хозяйства. Коровъ. Жениться. «Я бы женился, но, прости меня, глупы очень». Земство – дурачье.> *Тамъ же, ниже, написано:* <– Ты скучень, и глаза блестятъ.– Я не могу быть покоенъ.– Скажи мнѣ.– Можно ли?– Я вѣрный другъ, и все очень просто.>

⁴¹² *Зачеркнуто:* А впрочемъ, можетъ быть, и есть причина.– Какая же?– Ты знаешь, это щекотливый вопросъ, особенно мнѣ, какъ родному; но я тебѣ только то скажу, что я часто думалъ. Въ нашемъ кругу отношенія мужчины и дѣвушки очень неопредѣленны. – <Степанъ Аркадьичъ> Князь Мишута не переставалъ улыбаться, говоря это. <Ордынцевъ> Левинъ смотрѣль на него во всѣ глаза, съ удовольствіемъ ожидая, что будетъ. – Я тебѣ про себя скажу: когда я хотѣль жениться на Долли, я рѣшительно не зналъ, къ кому я долженъ обратиться – къ матери, къ отцу, къ ней самой или къ свахѣ.– Я думаю, что всегда надо обратиться къ ней самой.– Почему ты думаешь? Позволь, нашъ народный обычай состоитъ въ томъ, что родители обращаются къ родителямъ.– И то нѣтъ. Родители черезъ сватовъ обращаются къ родителямъ.– Ну, хорошо, это все равно. Такъ вотъ нашъ обычай. Мы въ нашемъ кругу его не держимся. Французскій обычай состоитъ въ томъ, что родные устраиваютъ дѣло между собой или женихъ обращается къ родителямъ. Въ Англіи молодые люди знаютъ сами. Теперь мы свое бросили и не пристали ни къ Англіи, ни къ Франціи.– Да, но здравый смыслъ говорить, что жениться молодымъ людямъ, и потому это ихъ дѣло, а не родителей.– Да, это хорошо говорить, а выходитъ, что молодой человѣкъ – я положимъ – встрѣчаю Долли на балахъ, я хочу сблизиться съ нею, хоть не узнать ее, потому что это вздоръ – узнать дѣвушку нельзя, – но узнать самое важное – нравлюсь ли я ей. Что же мнѣ дѣлать? Я ѣду въ домъ. Ну, чтоже выходитъ? Тамъ разсуждай, какъ хочешь, а если ты ѣздилъ 10 разъ въ домъ и не сдѣлалъ предложеніе, ты компрометировалъ, ты виноватъ. А если ты не ѣздилъ въ домъ, то ты не можешь сдѣлать предложеніе, такъ что выходитъ: первый разъ ты поѣхалъ въ домъ, ты надѣль вѣнецъ.– Я не нахожу вовсе.– Какже ты находишь? Ну, а опять, если ты сдѣлалъ предложеніе матери или отцу, ты оскорбилъ дочь; если ты сдѣлалъ предложеніе дочери, ты оскорбилъ родителей, вообще путаница. Ты долженъ по телеграфу одновременно сдѣлать предложеніе родителямъ и дочери.– И потому я этаго ничего не соображаю и не хочу знать. Если я буду дѣлать предложеніе, то я сдѣлаю его той, на

- Ну, давай же, братецъ, супъ.
- Ну, такъ теперъ давай длинный разговоръ.
- Да только я не знаю, говорить ли. Ну да, – сказалъ онъ, кончивъ супъ, – отчего не сказать. Такъ вотъ что. Если бы у тебя была сестра любимая, и я бы хотѣлъ жениться. Посовѣтоваль ли бы ты ей выдти за меня?
- Я? Обѣими руками, но, къ несчастью, у меня нѣтъ сестры, а есть свояченица.
- Да я про нее и говорю, – рѣшительно сказалъ Левинъ. – Такъ скажи.
- Румянецъ дѣтской покрылъ лобъ, уши и шею Ордынцева, когда онъ сказалъ это.⁴¹³
- Про нее? – сказалъ Князь Мишута. – Но мнѣ нужно знать прежде твои планы. Ты, кажется, имѣлъ время рѣшить.
- Да, но я боюсь, ужасъ меня беретъ, я боюсь, что мнѣ откажутъ. Я всетаки надѣюсь, но тогда ужъ...
- Ну да, ну да,⁴¹⁴ – сіяя добродушной улыбкой, поддакивалъ Князь Мишута.
- И до сихъ поръ я не знаю, чего мнѣ ждать. Про себя я знаю.... да, это я знаю... – Онъ вдругъ сердито взглянулъ на вошедшаго Татарина и перемѣнилъ Русскую рѣчь на Французскую. – Я знаю, что я не любилъ другой женщины и, должно быть, не буду любить.⁴¹⁵
- Ну да, ну да, – говорилъ Степанъ Аркадьичъ, и лицо его сіяло⁴¹⁶ все больше и больше, и онъ, не спуская глазъ съ Левина, подвинулъ къ себѣ серебряное блюдо съ тюрбо.⁴¹⁷
- Ну что ты, какъ братъ, какъ отецъ, сказалъ бы мнѣ? Чего я могу ждать?
- Я? Я бы сказалъ, что я лучше ничего не желаю и что вѣроятности большія есть за то, что тебя примутъ.
- Ты думаешь? А если отказъ? Вѣдь это ужасно.
- Онъ свалилъ себѣ рыбу на тарелку, чтобы не развлекать Князя Мишуту, начавшаго было класть.
- Послушай однако, – сказалъ⁴¹⁸ Князь Мишута, кладя свою пухлую руку на локоть⁴¹⁹ Левина, хотѣвшаго ѣсть безъ соуса. – Пстой, ты соуса возьми. Пойми однако, что можетъ быть такое положеніе; я не говорю, что оно есть, но оно можетъ быть. Ты любишь дѣвушку и боишься поставить сразу судьбу на карту. Она любить и горда и тоже боится. И вы все выжидаете, и родители тоже ждутъ. Ну, подай другую, – обратился онъ къ слугѣ, доливавшему бокалы и вертѣвшемуся около нихъ именно тогда, когда его не нужно было.
- Да, если ты такъ говоришь,⁴²⁰ – бросая вилку, сказалъ⁴²¹ Левинъ.
- Я не говорю, что это есть, это можетъ быть. Но ты⁴²² кушай.
- Онъ⁴²³ подвинулъ ему блюдо.

комъ я хочу жениться. Но, признаюсь, прежде я хочу знать, могу ли рассчитывать на согласіе, и для этаго буду ѣздить въ домъ, и мнѣ все равно, скажутъ ли, что компрометирую, какъ ты говоришь, или нѣтъ. Я тебѣ скажу прямо, не стану beat about the bush [говорить обиняками]. Я желаю сдѣлать предложеніе твоей свояченицѣ.

⁴¹³ *Зачеркнуто:* – Ну да, ну да, – понимающе подчеркивалъ Степанъ Аркадьичъ. – Я ѣздилъ прошлую зиму къ нимъ въ домъ и нынче поѣду и не сдѣлаю предложенія, потому что я не умѣю, какъ другіе опытные въ этомъ дѣлѣ люди.

⁴¹⁴ *Зач.*: какъ нашъ братъ. – Не умѣю говорить обиняками такія рѣчи, изъ которыхъ бы я видѣлъ, чего мнѣ ждать.

⁴¹⁵ *Зач.*: Отъ этаго то мнѣ и трудно поставить, не зная, чего я могу ждать.

⁴¹⁶ *Зач.*: сочувствіемъ и добротой

⁴¹⁷ *Ниже на поляхъ написано:* Степанъ Аркадьичъ описываетъ Ордынцеву тещу, тестя и всю семью.

⁴¹⁸ *Зач.*: Степанъ Аркадьичъ

⁴¹⁹ *Зач.*: Ордынцева

⁴²⁰ *Зач.*: вскакивая съ мѣста и начиная ходить по 5-аршинной комнатѣ

⁴²¹ *Зач.*: Ордынцевъ

⁴²² *Зачеркнуто:* сядь

⁴²³ *Зач.*: сѣлъ

– Ты не въ присутствіи,⁴²⁴ Мишута, ты не ограждай своей рѣчи. А если ты меня любишь, чему я вѣрю, скажи прямо, просто. Сколько шансовъ у меня успѣха?

– Да ты вотъ какіе вопросы задаешь!⁴²⁵ На твоёмъ мѣстѣ я бы сдѣлалъ предложеніе, – сказалъ онъ.

– Ну, ты дипломатъ, я знаю. Ты не хочешь сказать прямо, но скажи, есть ли кто другой, котораго я могъ бы опасаться.

– Ну, это еще труднѣе задача; но я скажу тебѣ, что есть. Нынѣшнюю зиму Князь⁴²⁶ Усманской Алексѣй часто ѣздитъ, знаешь. И я бы на твоёмъ мѣстѣ рѣшалъ дѣло скорѣе.

– Ну и что?

– Да ничего, я только совѣтовалъ бы рѣшать дѣло скорѣе.⁴²⁷

– Но кто это такое и что такое этотъ Уворинъ, я понятія не имѣю. И что же, онъ очень ухаживаетъ?

– И да и нѣтъ. Уворинъ – это очень замѣчательный человѣкъ, и онъ долженъ нравиться женщинамъ.

– Отчего же, что онъ такое? – торопливо, горячо спрашивалъ Левинъ, дергая за руку Князя Мишуту, доѣдавшего свое блюдо.

– Ты нынче увидишь его. Впервыхъ, онъ хорошъ, вовторыхъ, онъ джентельменъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этаго слова, потомъ онъ уменъ, поэтъ и славный, славный малый.

Левинъ вздохнулъ. Какъ онъ любилъ борьбу въ жизни вообще, такъ онъ не допускатъ ея возможности въ любви.

– Такъ ты говоришь, что есть шансы, – сказалъ онъ, задумчиво выпивая свой бокаль.

– Вотъ что я тебѣ скажу: моя жена удивительная женщина. Ты вѣдь ее знаешь.⁴²⁸ Она не глупа, то, что называется умомъ въ свѣтѣ, но она необыкновенная женщина. —⁴²⁹ Князь Мишута вздохнулъ и помолчалъ минутку, вспомнивъ о своихъ отношеніяхъ съ женою. – Но у нее есть даръ провидѣнія. Не говоря о томъ, что она насквозь видитъ людей, она знаетъ, что будетъ, особенно въ отношеніи браковъ. Она, напримѣръ, предсказала, что N выдетъ за S.,⁴³⁰ и такъ и вышло, и она на твоей сторонѣ.

– Она меня любить.⁴³¹ О, она прелесть! Если бы я могъ любить больше Катерину Александровну, чѣмъ я ее люблю, то я любилъ бы ее за то, что она сестра твоей жены.

– Ну такъ она мало того что любить тебя, она говорить, что Кити будетъ твоей женой не премѣнно.

– Будетъ моей женой, – повторилъ⁴³² Левинъ, и лицо его вдругъ просіяло, расплылось улыбкой, той, которая близка къ слезамъ умиленія.

– Что бы тамъ не было, это будетъ, она говорить, и это будетъ хорошо, потому что онъ чистый человѣкъ.

Левинъ молчалъ. Улыбка расплылась до слезъ. Онъ сталъ сморкаться.

– Ну, какъ же я радъ, что мы съ тобой поговорили.

⁴²⁴ *Зач.*: Стива

⁴²⁵ *Зач.*: <Степанъ Аркадьичъ> Князь Мишута съ своей привычкой мягкости сказалъ, что онъ бы на мѣстѣ <Ордынцева> Левина сдѣлалъ бы предложеніе, но прямо не отвѣтилъ на вопросъ <Ордынцева> Левина.

⁴²⁶ *Зач.*: <Удашевъ> <Уворинъ> Гр. Уворинъ Сергѣй, онъ адъютантъ у Г. Г.

⁴²⁷ *Зач.*: – Ну, спасибо. Выпьемъ, – и опять онъ вскочилъ и не доѣлъ, сталъ ходить.

⁴²⁸ *Рядом на полях*: <Надо съѣздить къ ней и устроить. Разсужденіе съ нимъ, что и ее тоже жалко.>

⁴²⁹ *Зач.*: Степанъ Аркадьичъ

⁴³⁰ *Зачеркнуто*: В. былъ женихомъ А., а она сказала, что не бывать сватьбѣ,

⁴³¹ *Зач.*: Ахъ, это отлично! Я ее ужасно люблю.

⁴³² *Зач.*: Ордынцевъ, и всегда строгое, трудовое

– Да, такъ ты будешь нынче. И я прїѣду.⁴³³ Мнѣ только нужно съѣздить въ одно мѣсто, да, нужно.

– Я не умѣю говорить. Во мнѣ что-то есть непрїятное.

– Хочешь, я тебѣ скажу твой недостатокъ. Ты резонеръ. Ты оскорбился?

– Нѣтъ, можетъ быть, это правда.⁴³⁴ Это твоя жена говорить?

– Нѣтъ, это мое мнѣніе.

– Можетъ быть, эти мысли интересуютъ меня.

– Такъ прїѣзжай непременно и отдайся теченью, оно принесетъ тебя. Счетъ! – крикнулъ онъ, взглянувъ на часы.

⁴³⁵Левинъ съ радостью досталъ изъ своего полного бумажника тѣ 17 рублей, которые съ начаемъ приходились на его долю и которые бы привели его, какъ деревенскаго жителя, въ ужасъ прежде, и Степанъ Аркадьичъ отдѣлилъ 17 рублей отъ 60, которые были у него въ карманѣ, и уплата счета⁴³⁶ заключила, какъ всегда это бываетъ, прежній тонъ разговора.⁴³⁷

– Ну, теперь ты мнѣ скажи откровенно, – сказала Князь Мишута, доставая сигару и покойно усаживаясь, держась одной рукой за ручку бокала, а другой сигару. – Ты мнѣ дай совѣтъ. Я сказалъ, что мнѣ нужно съѣздить. Ты знаешь куда – къ женщинѣ. Не ужасайся. Я слабый, я дурной человѣкъ, но я человѣкъ. Ну, послушай. Положимъ, ты женатъ, ты любишь жену, но ты увлекся другой женщиной.⁴³⁸

– Извини, но я рѣшительно не понимаю этаго. Какъ бы... все равно, какъ не понимаю, какъ бы я теперь, наѣвшись здѣсь, пошелъ бы мимо калачной и укралъ бы калачъ.

Глаза Князя Мишуты совсѣмъ растаяли.

– Отчего же? Калачъ иногда такъ пахнетъ, что не удержишься. Ну, все равно, человѣкъ укралъ калачъ. Увлекся другой женщиной. Эта женщина милое, кроткое, любящее существо, бѣдная, одинокая и всѣмъ пожертвовала. Теперь, когда уже дѣло сдѣлано, ты пойми, неужели бросить ее? Положимъ, разстаться, чтобъ не разрушить семейную жизнь, но неужели не пожалѣть ее, не устроить, не смягчить?

– Ну ужъ извини меня, ты знаешь, я чудакъ, для меня всѣ женщины дѣлятся просто на два сорта, т. е. нѣтъ, вѣрнѣе, есть женщины и есть стервы. И я прелестныхъ падшихъ созданий не видаль и не увижу, а такія, какъ та крашенная Француженка у конторки съ завитками, это для меня гадина, и всѣ падшія такія же.⁴³⁹

– А Евангельская?

– Я тебѣ говорю не выдумку мою, а это чувство. Какъ то, что ты пауковъ боишься, такъ я этихъ гадинъ, и потому ты, вѣрно, не изучалъ пауковъ и не знаешь ихъ нравовъ, такъ и я.

– Зачѣмъ такъ строго смотрѣть на жизнь, зачѣмъ дѣлать себѣ трудности,⁴⁴⁰ зачѣмъ все натуживаться?

– Затѣмъ, чтобы не мучаться.

⁴³³ *Зач.*: послѣ театра. Мнѣ надо тамъ быть.

⁴³⁴ *Зач.*: рѣзко

⁴³⁵ *Зач.*: Ордынцевъ, всегда расчетливый и скупой, какъ всѣ люди, живущіе въ деревнѣ,

⁴³⁶ *Зач.*: и переговоры по Французски о немъ заключили

⁴³⁷ *Зач.*: Кромѣ того, зашелъ знакомый Степана Аркадьича – Черенинъ, полковникъ, полупьяный, и Ордынцевъ уѣхалъ домой.

⁴³⁸ *Поперек этого абзаца написано:* <Онъ полонъ жизни. Вотъ счастличикъ!>

⁴³⁹ *Зачеркнуто:* – Ты изъ всего дѣлаешь трудности; ты, стисну въ зубы и напряживаясь, поднимаешь соломинку.– Да, потому что все трудъ.– Но повѣрь, что все тоже самое будетъ, если и не будешь натуживаться.– Да это наше различіе. Ты видишь во всемъ удовольствіе, я – работу.– И я правъ, потому что мнѣ весело, а тебѣ тяжело.– Да, можетъ быть. – Онъ задумался.

⁴⁴⁰ *Зач.*: Жизнь и такъ трудна, а ты все натуживаешься.– Стало быть, надо готовить себя къ труду и что все не такъ просто, какъ кажется.

– Ахъ, повѣрь, все тоже самое будетъ, будешь ли или не будешь натуживаться. Послѣ мучаться, прежде мучаться...

– Да что же дѣлать? Въ этомъ разница нашихъ характеровъ. Ты на все смотришь легко и весело, видишь удовольствіе, а я работу.

– И я правъ, потому что, по крайней мѣрѣ, мнѣ весело, а тебѣ...⁴⁴¹

Левинъ усмѣхнулся и ничего не сказалъ.

– Ахъ, кабы ты зналъ, какая она женщина.

– Кто? Эта гадина?

Князь Мишута разсмѣялся.

– Прелестная женщина! И женщина, которая внѣ брака жертвуетъ тебѣ всѣмъ, та любить... Да. – Левинъ пожалъ плечами. – Но ты не думай, я теперь ѣду навсегда проститься съ ней.

Они вышли и разѣхались. Князь Мишута – къ прелестной женщинѣ, а Левинъ. – къ себѣ, чтобы переодѣться во фракъ и ѣхать къ Щербацкимъ.

* № 10 (рук. № 16).

Пріятно попыхивая изъ окна папиросу въ окно кареты, Князь Мишука ѣхалъ въ Присутствіе, съ каждымъ шагомъ лошадей, уносившихъ его отъ дома, чувствуя облегченіе отъ своего горя. Когда онъ пріѣхалъ въ Присутствіе и выскочилъ изъ кареты, кивая головой на поклонъ писца и швейцара, уже въ душѣ его было все свѣтло и весело.

Княгиня между тѣмъ, успокоивъ ребенка, сѣла опять на то же мѣсто, гдѣ онъ засталъ ее, также сжавъ костлявые руки, неподвижно сидѣла, перебирая въ воспоминаніи весь бывшій разговоръ.

«Но чѣмъ же кончилъ онъ *съ нею*, – думала она. Неужели онъ видитъ ее? Зачѣмъ я не спросила его, – думала она. – Нѣтъ, нѣтъ, сойтись нельзя. Если мы и останемся в одномъ домѣ, мы будемъ чужіе. А какъ я любила, Боже мой, какъ я любила его! Какъ я любила, какъ я любила его!» сказала она и заплакала.

П.

Князь Мишука, несмотря на то, что былъ не старъ (ему было подь 40) и не въ большихъ чинахъ, на то, что никогда ничѣмъ особеннымъ не отличался ни въ школѣ ни по службѣ, никогда не былъ интриганомъ и, несмотря даже на свою всегдашнюю разгульную жизнь, занималъ почетное и приносившее хорошее жалованье мѣсто начальника въ одномъ изъ Московскихъ присутствій.

Мѣсто это онъ получилъ черезъ мужа сестры Анны (ту самую, которую онъ ожидалъ къ себѣ) Каренина, занимавшаго одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ Министерствѣ, къ которому принадлежало Присутствіе; но если бы Каренинъ не назначилъ своего шурина на это мѣсто, то черезъ сотню другихъ лицъ – братьевъ, сестеръ, родныхъ, двоюродныхъ, дядей, тетокъ – Князь Мишука получилъ бы это мѣсто или всякое другое, подобное этому тысячъ въ 6 жалованья, на которое онъ считалъ себя имѣющимъ права. Половина Петербурга и Москвы были родня и пріятели Князя Мишуки, и всѣ знали его за добраго малаго, честнаго Князя Мишуку, который особеннаго пороха не выдумаетъ, но нигдѣ лицомъ въ грязь не ударить, и у котораго ничего нѣтъ и, несмотря на то, что онъ женился на богатой, дѣла разстроены, а которому нужны же наконецъ средства къ жизни.

Если бы челоуѣкъ, не имѣющій связей, хитростью, лестью пріобрѣлъ бы себѣ покровителей и черезъ этихъ покровителей пріобрѣлъ бы то самое мѣсто, которое имѣлъ князь Мишука, челоуѣкъ этотъ возбуждалъ бы отвращеніе всѣхъ хорошихъ людей; если бы челоуѣкъ, имѣю-

⁴⁴¹ Зам.: – И мнѣ очень – не весело, а пріятно бываетъ.

щій тѣ связи, которые имѣлъ Князь Мишука, воспользовался этими связями, чтобы пріобрѣсти такое мѣсто, изъ котораго онъ вытѣснилъ бы болѣе способнаго человѣка, онъ тоже былъ бы непріятенъ; но Князь Мишука родился и выросъ въ средѣ тѣхъ людей, которые⁴⁴² были или стали сильными міра сего. Одна⁴⁴³ треть государственныхъ людей, стариковъ, была пріятелями его отца и знали его въ рубашечкѣ, другая⁴⁴⁴ треть была съ нимъ на ты, а 3-я треть была хорошіе знакомые; слѣдовательно,⁴⁴⁵ раздаватели земныхъ благъ въ видѣ мѣстъ, арендъ, концессій, уставовъ и т. п. всѣ были пріятелями и не могли обойти своего, и Князю Мишукѣ нетолько не нужно было искать или подличать, а только не отказываться, не ломаться, не ссориться, не браниться, чего онъ никогда ни съ кѣмъ не дѣлалъ; кромѣ того, Князь Мишука и не желалъ и не требовалъ для себя особенныхъ большихъ земныхъ благъ, а самыхъ скромныхъ⁴⁴⁶ – жалованье, пособіе, денежную награду и т. п. На эти блага ужъ онъ считалъ свои права несомнѣнными, и ему бы даже невозможно до смѣшнаго показалось то, чтобы ему, напримѣръ, отказали въ мѣстѣ въ тысячь б жалованья, тѣмъ болѣе что онъ чувствовалъ, что онъ свою должность могъ исполнять и исполнять хорошо.

Занимая 2-й годъ мѣсто начальника Присутствія въ Москвѣ, Князь Мишука, и прежде пользовавшійся общимъ расположеніемъ, пріобрѣлъ еще большее уваженіе сослуживцевъ, подчиненныхъ, начальниковъ и всѣхъ, кто имѣлъ до него дѣло.

Главный даръ Князя Мишуки, заслуживавшій ему эту общую любовь и уваженіе даже, состоялъ, кромѣ мягкости и веселаго дружелюбія, съ которыми онъ относился ко всѣмъ людямъ, кромѣ точности и пунктуальности, преимущественно въ полной безстрастности, съ которой онъ относился къ дѣлу, и въ полнѣйшей природной либеральности, состоящей для него въ томъ, что онъ совершенно ровно и одинаково относился ко всѣмъ людямъ, какого бы состоянія и званія они ни были. Кромѣ того, князь Мишука, не считавшій себя совершенствомъ, былъ исполненъ снисходительности къ людямъ и этимъ нравился всѣмъ тѣмъ, кто имѣлъ до него дѣло. Сверхъ же всего этаго онъ имѣлъ даръ, обыкновенно независящій отъ ума или другихъ способностей, но какъ таланты, случайно розданные людямъ, – онъ имѣлъ даръ ясно, легко и кратко и все таки форменно выражать смыслъ дѣла письменно и изустно, и этимъ даромъ онъ законно первенствовалъ въ своемъ присутствіи.

Войдя въ присутствіе, провожаемый почтительнымъ швейцаромъ съ портфелемъ, Князь Мишука прошелъ въ свой маленькій кабинетъ и надѣлъ мундиръ. Писцы и служащіе всѣ встали, почтительно кланаясь. Князь Мишука поспѣшно привычно прошелъ къ своему мѣсту и сѣлъ, здороваясь, пожимая руки, съ членами.

Секретарь, почтительно наклоненный, подошелъ съ бумагами и, указывая на бумаги, проговорилъ тихимъ голосомъ:

– Журналъ вчерашняго присутствія и свѣденія отъ Пензенскаго Губернскаго Правленія по дѣлу о кражѣ...

– Хорошо, хорошо, благодарю, – проговорилъ Князь Мишука, закладывая жирнымъ пальцемъ бумагу и съ привычной скромной официальнойностью открылъ присутствіе.

«Если бы они знали, – думалъ онъ, слушая докладъ, – какимъ виноватымъ мальчикомъ полчаса тому назадъ былъ ихъ Предсѣдатель», и⁴⁴⁷ звѣздочки глазъ его весело заблестѣли. Колесо завертѣлось, Князь Мишука почувствовалъ, что вертится и самъ въ немъ, и забылъ все

⁴⁴² *Зачеркнуто*: въ его возрастѣ

⁴⁴³ *Зач.*: половина

⁴⁴⁴ *Зач.*: половина

⁴⁴⁵ *Зач.*: такъ называемая протекція для него была не протекція

⁴⁴⁶ *Зач.*: и простыхъ,

⁴⁴⁷ *Зачеркнуто*: ему смѣшно и весело стало.<– Такъ нынче, господа, мы> «Ну работать», подумалъ онъ и взялся привычными приемами за работу дня.

неприятное. Одно, что во время занятій приходило ему въ голову, – была пріятная мысль о томъ, что въ 2 часа надо сдѣлать перерывъ и позавтракать.

Еще не было 2-хъ часовъ, когда у большихъ стеклянныхъ дверей залы присутствія, у которыхъ стоялъ сторожъ,⁴⁴⁸ показалась фигура человѣка безъ мундира, и всѣ члены изъ подъ портрета и изъ за зеркала, обрадывавшись развлеченію, оглянулись на явившагося человѣка, но зазѣвавшійся сторожъ тотчасъ же изгналъ вошедшаго и заперъ за нимъ дверь.

Князю Мишукѣ, не переставая слушать дѣло, показалось, что вошедшій былъ пріятель его Левинъ, и онъ, нагнувшись къ сосѣду члену, проговорилъ:

– Кажется, Константинъ Левинъ. Кажется, онъ.

Князь Мишука любилъ Левина и еще по нѣкоторымъ соображеніямъ очень желалъ его видѣть теперь и радъ былъ, что онъ пріѣхалъ. Онъ окончилъ скорѣе обыкновеннаго дѣла и, сдѣлавъ перерывъ, пошелъ, доставая папиросу, въ свой кабинетъ. Два товарища его, мрачный не отъ характера, но отъ слабости, старичокъ Никитинъ и элегантный камеръюнкеръ Шпандовскій вышли съ нимъ же.

– Послѣ завтрака успѣемъ кончить, – сказала князь Мишука.

– Какъ еще успѣемъ, – сказала старичокъ.

– А какой мерзавецъ этотъ Фенинъ, – сказала Шпандовскій объ одномъ изъ лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, которое они разбирали.

Князь Мишука, поморщившись, промолчалъ на слова Шпандовскаго, давая этимъ замѣтить, что неприлично преждевременно составлять сужденіе.

– Кто это былъ? – спросилъ онъ у сторожа.

– ⁴⁴⁹Проситель, Ваше Сіятельство, безъ упроста⁴⁵⁰ лѣзетъ, я только отвернулся.

– Гдѣ онъ?

– Тутъ гдѣ то, – и сторожъ отворилъ дверь.

⁴⁵¹Некрасивый, но чрезвычайно статный, невысокій молодой человѣкъ съ маленькой бородкой, густыми бровями и блестящими⁴⁵² голубыми глазами, видимо не зная, что ему съ собой дѣлать, держа баранью шапку подъ мышкой, быстро ходилъ взадъ и впередъ передъ дверью.

Лицо Князя Мишуки просіяло не только радостью, но нѣжностью, какъ при видѣ любимой женщины, при видѣ этаго молодаго человѣка.

– Такъ и есть! Левинъ! – проговорилъ онъ. – Какъ хорошо! Наконецъ то ты! – И онъ, обнявъ, поцѣловался съ молодымъ человѣкомъ.

– Я не зналъ, гдѣ ты живешь и заѣхалъ сюда, – сказала Левинъ краснѣя.

Ему, видимо, неловко было то дружеское отношеніе на ты, въ которомъ онъ былъ съ начальникомъ, подчиненные котораго только что чуть не вытолкали его. Князь Мишука былъ на ты со всѣми почти своими знакомыми, онъ не былъ на ты только съ тѣми, которыхъ онъ считалъ подлецами; съ тѣми, съ которыми обыкновенно не подаютъ руки, съ тѣми онъ не былъ на ты. А то онъ былъ на *ты* съ веселыми старичками 60 лѣтъ, съ мальчиками 20 лѣтъ, съ актерами, съ министрами, съ купцами и съ генералъ адъютантами, такъ что очень многіе изъ людей, бывшихъ съ нимъ на ты, находились на 2-хъ крайностяхъ общественной лѣстницы и очень бы удивились, что они имѣютъ черезъ Мишуку что нибудь общее. Онъ былъ на ты со всѣми людьми, съ которыми онъ былъ знакомъ и пилъ шампанское, а пилъ онъ шампанское со всѣми. Съ Левинымъ, несмотря на то, что Левинъ былъ лѣтъ на 10 моложе его, онъ былъ на

⁴⁴⁸ *Зач.*: произошло какое то замѣшательство.

⁴⁴⁹ *Зачеркнуто*: А неизвѣстный человѣкъ

⁴⁵⁰ *Зач.*: вошелъ

⁴⁵¹ *Зач.*: Князь Мишука узналъ Левина, увидавъ русскаго широкостаго молодаго человѣка.

⁴⁵² *Зач.*: добрыми и умными

ты однако не по одному шампанскому. Левинъ былъ товарищемъ по университету и другомъ брата его жены, утонувшаго прекраснаго юноши Князя Щербацкаго, и вслѣдствіи этаго Князь Мишука сошелся съ нимъ и полюбилъ его,⁴⁵³ насколько могъ любить.

Шпандовскій, взглядываясь въ новое для него лицо Левина, котораго онъ зналъ по слухамъ и въ особенности по извѣстному всей Россіи старшему брату философу Левину, замѣтилъ, что этотъ Левинъ долженъ быть очень нервный, чувствительный и не свѣтскій человекъ, составлявшій совершенную противоположность ихъ Князю Мишукъ.

– Ну, пойдемъ въ кабинетъ. Мы тебя ждали, ждали, – говорилъ Князь Мишука, подъ словомъ «мы» разумѣя себя и семью жены, въ особенности ея сестру Кити, на которой Князю Мишукъ хотѣлось женить Левина. – Ужасно, ужасно радъ тебя видѣть, – говорилъ Князь Мишука, сіяя улыбкой и сжимая свои звѣздочки и похлопывая Левина по мускулистой, крѣпкой ляжкѣ. – Ахъ, зачѣмъ ты раньше не пріѣхалъ?

Лицо Левина, подвижное, выразительное, сіяло удовольствіемъ при видѣ человека, котораго, онъ, видимо, любилъ, и вмѣстѣ отражало досаду за неловкость столкновенія съ швейцаромъ и стѣсненіе при видѣ постороннихъ лицъ – мрачнаго отъ слабости старичка и элегантнаго Шпандовскаго съ такими бѣлыми, тонкими пальцами, такими длинными ногтями и такими въ рубль серебромъ огромными, блестящими запонками на рубашкѣ. Эти руки съ запонками не давали ему свободы мысли.

– Ахъ да, позвольте васъ познакомить, – сказалъ Облонскій. – Мои товарищи – Никитинъ, Шпандовскій, – и, обратившись къ Левину, – Земскій дѣятель, Мировой Судья, новый земскій человекъ, гимнастъ, поднимающій одной рукой 5 пудовъ, – и, замѣтивъ, что Левинъ нахмурился при этой шуточной рекомендаціи, – и мой другъ Константинъ Дмитричъ Левинъ.

– Очень пріятно, – сказалъ старичокъ, но отъ слабости сказалъ это такъ, что, очевидно, ему было въ высшей степени непріятно.

– Имѣю честь знать вашего брата, – сказалъ Шпандовскій,⁴⁵⁴ предоставляя къ пожатію свою необыкновенную руку совсѣмъ – съ перстнемъ, запонками и когтями.

Знакомство съ мрачнымъ старичкомъ и Шпандовскимъ не содѣйствовало развязности Левина. Несмотря на то, что имѣлъ обожаніе къ своему умному брату, онъ терпѣть не могъ, когда къ нему обращались не какъ къ Константину Левину, а къ брату знаменитаго Сергѣя Левина.

– Нѣтъ, ужъ и не Мировой Судья, и не главный, и ничто, – сказалъ онъ, обращаясь къ Облонскому. – И если когда нибудь моя нога будетъ...

– Какъ, ты вышель? – спросилъ Облонскій.

– Еще не вышель, но я подалъ въ отставку и подъ судомъ.

– Вотъ штука. Какъ такъ?

– Ахъ, длинная исторія, и я столько разъ рассказывалъ, что надоѣло, и когда нибудь послѣ, – говорилъ Левинъ, опять оглядываясь на чужихъ и продолжая сидѣть въ неловкой позѣ, не зная, куда дѣвать свою шапку.

– Да ты и въ европейскомъ платьѣ, а не въ русскомъ, – сказалъ Облонскій, обращая вниманіе на его новое, очевидно отъ французскаго портнаго платье.

Левинъ покраснѣлъ.

– Гдѣ же ты былъ въ это время?

– У себя въ Клекоткѣ и въ разѣздахъ, и дѣлъ конца нѣтъ, и мерзости, мерзости, гадости со всѣхъ сторонъ. Ты можешь себе представить, что я отданъ подъ судъ за рѣшеніе праваго дѣла, и отданъ кѣмъ же? Людьми, изъ которыхъ каждый есть по малой мѣрѣ мошенникъ.

⁴⁵³ *Зачеркнуто:* всей душой

⁴⁵⁴ *Зач.*: пожимая руку

Левинъ вдругъ оживился, видимо забывъ про чужія лица и про то, что онъ сейчасъ только объявилъ, что не станетъ рассказывать, бросилъ свою шапку на столъ, вся сильная⁴⁵⁵ фигура его распустилась, и онъ началъ рассказывать живо, съ юморомъ и съ желчью, длинную исторію о томъ, какъ его отдали подъ судъ за то, что онъ хотѣлъ только быть справедливымъ. Смысль исторіи былъ тотъ, что Левинъ, бывши Мировымъ Судьей, захотѣлъ дѣйствовать⁴⁵⁶ по совѣсти, предполагая, что цѣль его дѣятельности есть справедливость, и забылъ, что, главное, надо дѣйствовать по закону, и, обвинивъ очевидно виновнаго и выручивъ пострадавшаго, но не по закону, онъ попался въ руки шайки, какъ онъ называлъ, уѣздныхъ воровъ, которые жили жалованьями и опеками, и что эта шайка сердится на него давно за его борьбу съ ними по воровству земскихъ денегъ и другихъ, подвела его, перерѣшила его рѣшеніе, и его отдали подъ судъ. Для слушавшихъ его было очевидно, что дѣйствовалъ глупо и попался по дѣломъ; но только Князь Мишука, любившій его, видѣлъ, что, хотя и глупо, хотя такъ и нельзя дѣйствовать, онъ дѣйствовалъ честно, мило, такъ, какъ и слѣдовало дѣйствовать съ его характеромъ, тѣмъ самымъ, который и былъ особенно милъ для него.

Шпандовскій же изъ разсказа вывелъ только то заключеніе, что нѣтъ ничего вреднѣе для умнаго человѣка, какъ жить въ деревнѣ.

«Вотъ онъ, – думалъ онъ, – умный, хорошо воспитанный человѣкъ, и чѣмъ онъ занятъ, о чемъ говорить съ такимъ жаромъ, какъ о государственномъ дѣлѣ? Что у мужика украли 2-хъ клячь, и что ему хотѣлось старшину и кабатчика обвинить. Только деревня можетъ такъ загрузить человѣка».

Левинъ еще не кончилъ говорить, когда вошелъ Секретарь и съ развязной почтительностью и нѣкоторымъ общимъ секретарскимъ скромнымъ сознаніемъ своего превосходства знанія подошелъ съ бумагами къ Облонскому и сталъ подъ видомъ вопроса объяснять какое то затрудненіе.

* № 11 (рук. № 16).

III.

Когда Облонскій спросилъ у Левина, зачѣмъ онъ собственно пріѣхалъ, онъ покраснѣлъ до ушей, потому что онъ самъ себѣ не смѣлъ еще признаваться въ томъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ глубинѣ души онъ очень хорошо зналъ, что онъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобы окончательно рѣшить мучавшій его уже 2-й годъ вопросъ, будетъ или нѣтъ Кити Щербацкая его женой. Она росла дѣвочкой на его глазахъ. Когда онъ былъ товарищемъ по университету съ ея братомъ, онъ былъ даже немножко влюбленъ въ старшую сестру Долли, которая была⁴⁵⁷ съ нимъ однихъ лѣтъ и вышла за Облонскаго, и, когда онъ послѣ поѣздки за границу былъ у нихъ въ Москвѣ, онъ нашелъ дѣвочку Кити прелестной дѣвушкой.⁴⁵⁸ Казалось бы, ничего не могло быть проще того, чтобы ему, сыну хорошаго дома, прекрасно учившемуся, человѣку 27 лѣтъ, сдѣлать предложеніе княжнѣ Щербацкой; по всѣмъ вѣроятностямъ онъ долженъ былъ быть признанъ хорошей партіей, но Левину казалось, что Кити была такое совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, а онъ такое ничтожество, что не могло быть и мысли о томъ, что его другіе и она сама признали достойнымъ ея.

Онъ видѣлъ въ себѣ два главные недостатка, которые, по его понятію, лишали его права думать о ней. Первое – это было то, что онъ не имѣлъ никакой опредѣленной дѣятельности и

⁴⁵⁵ *Зачеркнуто:* энергическая

⁴⁵⁶ *Зач.*: не по законамъ

⁴⁵⁷ *Зачеркнуто:* старше его

⁴⁵⁸ *Зач.*: и первой невѣстой

положенія въ свѣтѣ, тогда какъ его товарищи теперь, когда ему было 30⁴⁵⁹ лѣтъ, были уже который Полковникъ и флигель-адъютантъ, который профессоръ, который почтенный предводитель, Директоръ банка и желѣзныхъ дорогъ; онъ же (онъ зналъ очень хорошо, какимъ онъ долженъ былъ казаться для другихъ) – онъ начиналъ разныя дѣятельности: былъ въ министерствѣ послѣ выхода изъ Университета, былъ Мировымъ Посредникомъ – поссорился, былъ Предсѣдателемъ Управы, былъ Мировымъ Судьей, написалъ книгу о политической экономіи, носилъ русскую поддевку и былъ славянофиломъ. И все это для него, въ его жизни бывшее столь законнымъ и послѣдовательнымъ, для посторонняго зрителя должно было представляться безтолковщиной безпокойнаго и бездарнаго малаго, изъ котораго въ 32 года ничего не вышло. Другой же недостатокъ, самый главный, который онъ зналъ за собой, состоялъ въ томъ, что онъ никогда не объяснялся ни въ какой любви женщинѣ – считалъ себя столь некрасивымъ, что ни одна женщина, тѣмъ болѣе столь красивая, какъ Кити, не могла любить его. Его отношенія⁴⁶⁰ прежнія дружескія съ Кити вслѣдствіи дружбы съ ея братомъ казались ему еще новой преградой въ возможности любви. Некрасиваго, добраго,⁴⁶¹ умнаго человѣка, какимъ онъ себя считалъ, онъ полагалъ, что можно любить какъ пріятеля, но чтобы любить той любовью, которою онъ любилъ красавицу Кити, нужно было быть красавцемъ, а онъ былъ дурень.

Слыхалъ онъ, что женщины любятъ часто некрасивыхъ людей, но не вѣрилъ этому. Онъ могъ любить только красивыхъ. Въ послѣднее время, въ бытность свою у знаменитаго умнаго брата, къ которому онъ ѣздилъ совѣтоваться о своихъ неприятностяхъ, онъ рѣшилъ сказать ему о своей любви къ Кити и, къ удивленію своему, услышалъ отъ брата, которому онъ вѣрилъ во всемъ, мнѣніе, обрадовавшее и удивившее его. Братъ сказалъ ему: «если ты хочешь жениться, что я одобряю, то Щербацкіе отдадутъ за тебя дочь обѣими руками и отслужатъ молебень, а если она не дура, а она славная дѣвушка, пойдетъ съ радостью».

Константинъ Левинъ вѣрилъ во всемъ брату и, какъ ни противно это было его внутреннему убѣжденію, заставилъ себя повѣрить настолько, чтобы поѣхать въ Москву и сдѣлать если не предложеніе, то попытку возможности предложенія.

Въ 4 часа, чувствуя свое бьющееся сердце, онъ слѣзъ съ извозчика у Зоологическаго Сада и съ толпой входившихъ пошелъ дорожкой къ горамъ и катку, на которомъ она была навѣрное, потому что онъ видѣлъ ихъ карету у подъѣзда.

*** № 12 (рук. № 103).**

Онъ, кончившій прекрасно курсъ, исполненный и физической и нравственной силы и энергіи человѣкъ, чувствовалъ, что онъ какъ бы даромъ хлѣбъ ѣстъ, не избравъ никакой общественной дѣятельности, и сознание того, что въ немъ чего то недостаетъ, тяготило его. Но онъ только на дняхъ бросилъ избранную имъ по совѣту брата Сергѣя Дмитрича земскую дѣятельность и, несмотря на все уныніе, которое онъ испытывалъ теперь, оставшись безъ общественной дѣятельности, онъ не могъ не бросить ее такъ, какъ не можетъ не бросить человѣкъ ассигнацію, которая по его опыту оказалась фальшивой. Были въ немъ какія то другія требованья, для которыхъ онъ жертвовалъ дѣятельностью.

Точно также бросилъ онъ службу въ министерствѣ по окончаніи курса, точно также онъ бросилъ два года тому назадъ мировое посредничество и судейство. Былъ онъ и славянофиломъ, тоже въ родѣ должности, былъ свѣтскимъ человѣкомъ, но бросилъ и это. И все это для него, въ его жизни бывшее столь законнымъ и послѣдовательнымъ, для посторонняго зрителя должно было представляться безтолковщиной безпокойнаго и бездарнаго малаго, изъ котораго

⁴⁵⁹ Исправлено на: 32

⁴⁶⁰ Зачеркнуто: братскія

⁴⁶¹ Зач.: неглупаго

въ 32 года ничего не вышло. И онъ чувствовалъ это, и, несмотря на то, что всѣ его опыты и исканія были искренни, онъ чувствовалъ, что нетолько онъ долженъ казаться, но что дѣйствительно онъ и есть безтолковый, бездарный малый. Особенно живо онъ чувствовалъ это, когда онъ бывалъ въ городѣ и сходилъ съ людьми, занятыми опредѣленной дѣятельностью, и видѣлъ всю эту кипящую со всѣхъ сторонъ опредѣленную, всѣми признанную и всѣми уважаемую общественную дѣятельность. Только онъ одинъ былъ безъ мѣста и безъ дѣла. Такъ онъ думалъ о себѣ въ городѣ. Въ деревнѣ же онъ успокоивался. Въ деревнѣ всегда было дѣло, и дѣло, которое онъ любилъ, и конца не было дѣль, и дѣло было такое, что еще вдвое болѣе, все таки не достигнешь того, что желательно. Но деревенское дѣло было глупое дѣло бездарнаго человѣка, онъ чувствовалъ это.

* № 13 (рук. № 12).

Въ гостиную, волоча ногами по ковру, вошла высокая фигура Князя.

– А, Константинъ Дмитричъ, Давно ли? – заговорилъ онъ съ притворствомъ радушія и, подойдя, обнялъ и подставилъ щеку, которая такъ и осталась, потому что Левинъ довольно неучтиво отстранил[ся] и пожалъ руку.

– Чтоже васъ такъ бросаютъ?⁴⁶²

– Да я пріѣхалъ не во время, рано; я вѣдь деревенщина.

– Ха ха ха, – громко захохоталъ Князь, только потому хохоча черезъ ха ха ха, а не черезъ ба ба ба, что онъ хохоталъ когда то и смутно помнилъ, какъ онъ смѣивался. – Ну, что хозяйство, дѣла скотныя? Я вѣдь всегда тебя очень радъ видѣть.⁴⁶³

Черезъ 5 минутъ вошла⁴⁶⁴ подруга Кити, прошлую зиму вышедшая замужъ, извѣстная умница и болтуня Графиня Нордстонъ.⁴⁶⁵

Вслѣдъ за ней вышла и Кити безъ слѣдовъ слезъ, но съ пристыженнымъ и тихимъ выраженіемъ лица. Пока Нордстонъ заговорила съ Княземъ, Кити подошла къ Левину.

– Какъ я вамъ благодарна, что вы не уѣхали. Не уѣзжайте, простите.>

* № 14 (рук. № 17).

Но Левинъ не то что былъ невеселъ, онъ былъ стѣсненъ. Несмотря на то, что онъ живалъ въ городахъ и въ свѣтѣ, эта обстановка бронзы, зеркаль, газа. Татаръ – все это ему послѣ деревенской жизни было стѣснительно.

– Я провинціалъ сталъ, меня все это стѣсняетъ.

– Ахъ да, помнишь, какъ мы разъ отъ цыганъ ѣхали, – вспомнилъ Степанъ Аркадьичъ (Левинъ одно время, увлеченный Облонскимъ, ѣздилъ къ цыганамъ) – и мы заѣхали ужинать въ 5-мъ часу утра въ *Bocher de lancala*?

– Что? не помню.

– Какже, ты отличился. Намъ не отворяли, и ты вызвался убѣдить ихъ. И говоришь: «намъ только кусочекъ жаркаго и сыра», и, разумѣется, намъ захлопнули дверь.

– Да, у меня въ крови деревенскія привычки, – смѣясь сказалъ Левинъ.

⁴⁶² *Зачеркнуто:* – Да, правда, рано.

⁴⁶³ *Зач.*: Пойдемъ ко мнѣ. Онъ позвонилъ и приказалъ лакею доложить барышнямъ, что гость. Левинъ не успѣлъ учтиво уйти отъ Князя, когда почти въ одно и тоже время

⁴⁶⁴ *Зач.*: въ гостиную пріѣхавшая молодая сухая дама Графиня Нордстонъ.

⁴⁶⁵ *Зач.*: и Княгиня

*** № 15 (рук. № 17).**

- Ну, теперь давай тотъ длинный разговоръ, который ты обѣщаль.
- Да только я не знаю, говорить ли, – краснѣя сказалъ Левинъ.
- Говорить, говорить и непременно говорить. О, какой ты счастливеецъ! – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, глядя въ глаза Левину.
- Отчего?
- Узнаю коней ретивыхъ по какимъ то ихъ таврамъ, юношей влюбленныхъ узнаю по ихъ глазамъ, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ.
- Ну, не очень юноша. Тебѣ сколько лѣтъ?
- Мнѣ 34. Я двумя годами старше тебя. Да не въ годахъ, у тебя все впереди, а...
- А у тебя уже назади?
- Нѣтъ, хоть не назади, у тебя будущее, а у меня настоящее, и настоящее такъ, въ пересыпочку.
- А что?
- Да нехорошо. Ну, да я не объ себѣ хочу говорить, и потомъ объяснить всего нельзя, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, который дѣйствительно не любилъ говорить, хоть ему хотѣлось теперь все рассказать именно Левину. Онъ зналъ, что Левинъ, хоть и строгій судья и моралистъ, какъ онъ зналъ его, пойметъ и съ любовью къ нему обсудитъ и извинитъ, можетъ быть.
- Не объ себѣ, ну, выкладывай. Эй, принимай! – крикнулъ онъ Татарину.
- Но Левину что то мѣшало говорить. Однако онъ, видимо сдѣлавъ усилие, началъ:
- Ты догадываешься?
- Догадываюсь; но не могу начать говорить. Ужъ по этому ты можешь видѣть, вѣрно или невѣрно я догадываюсь, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, и прекрасные глаза сіяли почти женской нѣжностью, глядя на Левина.⁴⁶⁶
- Ну чтожъ ты скажешь мнѣ? По крайней мѣрѣ, ты откровенно, пожалуйста, – говорилъ Левинъ, – какъ ты смотришь на это? Какъ на возможную и желательную для тебя?
- Я? – сказалъ Степанъ Аркадьичъ. – Я ничего такъ не желалъ бы, какъ этаго. Ничего. Это лучшее, что могло бы быть.
- Но возможная ли?
- Отчего жъ невозможная?
- Я и хотѣлъ просить тебя сказать мнѣ откровенно свое мнѣніе, и если меня ждетъ отказъ, какъ я думаю...
- Отчего?
- Если ждетъ отказъ, то избавить меня и ее отъ тяжелой минуты.
- Ну, это во всякомъ случаѣ для дѣвушки не тяжелая минута, а такая, которой онъ гордятся.
- Ну что ты, какъ братъ, какъ отецъ, сказалъ бы мнѣ? Чего я могу ждать?

⁴⁶⁶ *Зачеркнуто:* Говорить? – Опять Левинъ покраснѣлъ на первомъ словѣ. – Такъ вотъ что. Если бы у тебя была сестра любимая и я бы хотѣлъ жениться на ней. Посовѣтоваль ли бы ты ей выдти за меня? – Я? Обѣими руками. Но, къ несчастью, у меня нѣтъ сестры незамужней, а есть свояченица. И глаза Степана Аркадьича весело смѣялись. – Да я про нее и говорю, – рѣшительно сказалъ Левинъ. Краска, только что проходившая, опять при этихъ словахъ покрыла уши и шею Левина. – Я и не догадывался, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, также смѣясь глазами. – Но послушай, безъ шутокъ, – сказалъ, перемѣнивъ позу и выраженіе, – я отъ всей души желалъ бы, но мнѣ вмѣшиваться въ это дѣло и кому нибудь опасно. – То есть ты хочешь знать, рѣшилъ ли я? Да, но согласись, что получить отказъ... – Ну да, ну да, – сіяя улыбкой, поддакивалъ Степанъ Аркадьичъ. – Есть одна изъ ужаснѣйшихъ вещей. А я не знаю, чего мнѣ ждать! – Онъ сердито взглянулъ на вошедшаго Татарина и перемѣнилъ русскую рѣчь на французскую. – И потому я хотѣлъ просить тебя, какъ моего и ея друга, если ты смотришь на это дѣло какъ на возможность и желательную вещь. – Еще бы, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, и лицо его сіяло все болѣе и болѣе, и онъ, не спуская глазъ съ Левина, подвинулъ къ себѣ серебряное блюдо съ тюрбо.

– Я? Я бы сказалъ, что⁴⁶⁷ ты теперь выбралъ самое лучшее время для предложенія.

– Отчего? – сказалъ Левинъ и свалилъ себѣ рыбу на тарелку, чтобы не развлекать⁴⁶⁸ Степана Аркадьича, начавшаго было ему класть.⁴⁶⁹

– Оттого что послѣднюю зиму сталъ ѣздить къ нимъ Алексѣй Вронской, – сказалъ⁴⁷⁰ Степанъ Аркадьичъ, кладя свою⁴⁷¹ красивую бѣлую руку на локоть Левина, хотѣвшаго ѣсть безъ соуса.

– Постой, соуса возьми.⁴⁷²

– Ну и что же?

– Алексѣй Вронский есть, я думаю, лучшая партія въ Россіи, какъ говорятъ матушки. И какъ я вижу, онъ влюбленъ по уши. Но я тебѣ... И говорить нечего; несмотря на то, что Вронской отличный малый, для меня то, чтобы ты женился на Кити, было бы... Ну, я не стану говорить что, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, не любившій фразъ.

Но Левинъ видѣлъ по сіяющему и серьезному лицу Облонскаго, что это были не слова. Левинъ не могъ удержаться, чтобы не покраснѣть, когда Облонскій произнесъ наконецъ словами то, о чемъ они говорили.

– Ну, подай другую, – обратился Степанъ Аркадьичъ къ Татарину, доливавшему бокалы и вертѣвшемуся около нихъ именно тогда, когда его не нужно было.

– Да, да, ты правъ. Я говорилъ глупости.

– Нѣтъ, отчего, ты спрашивалъ моего совѣта.

– Но кто это такой и что такое этотъ Вронской, я понятія не имѣю.⁴⁷³

– Вронскій богачъ, сынъ графа Иларіона [*1 неразобр.*], кавалеристъ и отличный, точно отличный малый.

– Но что же онъ такое? Подробнѣе скажи мнѣ, – сказалъ Левинъ.

– Ты нынче увидишь его. Во первыхъ, это славный малый, во вторыхъ, не изъ тѣхъ классическихъ приличныхъ дурногвардейцевъ, а очень образованный человекъ, въ своемъ родѣ новый сортъ людей.

– Какой же новый сортъ?

⁴⁶⁷ *Зачеркнуто:* я лучше ничего не желаю и что вѣроятности большія есть за то, что тебя примутъ.– Вѣроятности! – заговорилъ онъ. – А если отказъ? Вѣдь это ужасно.

⁴⁶⁸ *Зачеркнуто:* князя Мишуту

⁴⁶⁹ *Зач.*: – Но а если ты ошибаешься, если меня ждетъ отказъ? Ты мнѣ скажи вѣрно. И онъ самъ улыбнулся, понявъ, что требуетъ невозможнаго.

⁴⁷⁰ *Зач.*: князь Мишута

⁴⁷¹ *Зач.*: пухлую

⁴⁷² *Зач.*: Ты хочешь, чтобы я былъ сватомъ. Чтобы тебѣ пріѣхать какъ жениху послѣ свахи.– Отчего жъ и не хотѣть? Очень бы хотѣлъ. Это въ тысячу разъ легче. Да и не легче, а разумнѣе, чѣмъ мое положеніе теперь. Идти на совершенно неизвѣстное и рисковать – чѣмъ? оскорбить ее и получить отказъ. Онъ вспыхнулъ, только представивъ себѣ живо это униженіе отказа.– Это гордость. Страшная гордость. Но ты кушай. Онъ подвинулъ ему блюдо.– Я и не говорю, что нѣтъ, – сказалъ, онъ, бросая вилку. – Я не говорю, что я не гордъ, и не говорю, что я хочу быть либераломъ. Я люблю дѣвушку, хочу на ней жениться и желаю какъ можно меньше мучать себя и ее.– Помилуй, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, – ты что – хочешь сватовства, какъ у купцовъ и въ комедіяхъ? Вѣдь ужъ въ наше время, – сказалъ онъ, этимъ аргументомъ окончательнo побивая противника, – въ наше время ужъ права женщинъ, я не говорю эти крайности, а все таки женщина можетъ и должна сама рѣшать свою судьбу.– И ты все таки не отвѣтилъ мнѣ на мой вопросъ: могу ли я надѣяться?– Да ты вотъ какіе вопросы задаешь? Ты знаешь, что я тебя люблю, но у тебя главный недостатокъ то, что ты изо всего дѣлаешь трудности и самъ себя мучаешь. Надо проще смотрѣть на жизнь. Все это очень просто. Ты любишь дѣвушку, и на твоёмъ мѣстѣ я бы сдѣлалъ сейчасъ предложеніе и все бы узналъ.– Да, это очень просто по твоему, а по моему совсѣмъ не просто, – сказалъ Левинъ, задумавшись и чувствуя, что изъ его бесѣды съ Облонскимъ ничего не выйдетъ.– Ну вотъ я скажу тебѣ, – продолжалъ Степанъ Аркадьичъ, – нынѣшнюю зиму къ Щербацкимъ часто ѣздитъ графъ Вронской Алексѣй, знаешь? Ну и очевидно родители думаютъ, что онъ имѣетъ намѣреніе, и оно такъ и должно быть. Но кто же ему можетъ сказать, любить ли его дѣвушка или нѣтъ? Ужъ это пускай онъ самъ отыскиваетъ.

⁴⁷³ *Зачеркнуто:* И что же, онъ влюбленъ... она влюблена въ него? Мишенька засмѣялся.– Кто тебѣ сказалъ? Но Вронскій ухаживаетъ и

– По моему, это вот какой новый сортъ:⁴⁷⁴ онъ либераленъ, понимаешь, въ своемъ родѣ и кругѣ. Разумѣется, онъ не социалистъ,⁴⁷⁵ но онъ какъ будто не дорожить тѣми преимуществами, которыя ему сами собой дались какъ сыну графа Вронскаго, а онъ⁴⁷⁶ страстный конскій охотникъ, спортсмѣнъ, живетъ внѣ Петербурга, за ремонтами, и хочетъ выдти въ отставку. Однимъ словомъ, пренебрегаетъ тѣми благами, за которыми всѣ бѣгаютъ, и совершенно, и притомъ⁴⁷⁷ славный малый и выпить не дуракъ.

– Ну такъ что же, – сказалъ Левинъ, задумчиво выпивая бокаль.

– А то, что на твоёмъ мѣстѣ я бы рѣшилъ дѣло какъ можно скорѣе, и если ты будешь выбранъ, какъ я надѣюсь и желаю...

– Ты надѣешься?

* № 16 (рук. № 103).

Кити испытывала послѣ обѣда и до начала вечера чувство подобное тому, которое испытываетъ юноша передъ сраженіемъ. Сердце ея билось сильно, и мысли не могли ни на чемъ остановиться, возвращаясь къ роковому вопросу: «который?»

Но какъ только она начинала думать объ этомъ, она или вспоминала разговоры и положеніе съ Левинымъ и съ⁴⁷⁸ Удашевымъ, или представляла себѣ положенія будущія замужемъ за Левинымъ и за⁴⁷⁹ Удашевымъ, но думать и рѣшать ничего не могла. Когда она думала о прошедшемъ, она съ удовольствіемъ, съ нѣжностью останавливалась на воспоминаніяхъ своихъ отношеній съ Левинымъ. Воспоминанія⁴⁸⁰ дѣтства и воспоминанія о дружбѣ его съ умершимъ братомъ придавали поэтическую грустную прелесть этимъ мыслямъ. Да и вообще ей легко, радостно было вспоминать про Левина. Въ воспоминанія же⁴⁸¹ объ Удашевѣ примѣшивалось что то⁴⁸² неловкое, несмотря на то, что онъ былъ въ высшей степени свѣтскій и спокойный человѣкъ, какъ будто фальшь какая то была не въ немъ, онъ былъ очень простъ и милъ, но въ ней самой, тогда какъ съ Левинымъ она чувствовала себя совершенно простою и ясною; но за то какъ только она думала о будущемъ съ⁴⁸³ Удашевымъ, все будущее представлялось прелестнымъ, блестящимъ, невѣдомо поэтическимъ, съ Левинымъ же ничего не представлялось радостнаго, но что то туманное, сѣрое.

Войдя навѣрхъ, чтобы одѣться для вечера, она, взглянувъ въ зеркало, съ радостью замѣтила, что она въ одномъ изъ своихъ хорошихъ дней и въ полномъ обладаніи всѣхъ своихъ силъ, что ей такъ нужно было для предстоящаго сраженія: она чувствовала въ себѣ внѣшнюю тишину и свободную грацію движеній и холодную мраморность, которую она любила въ себѣ. Въ половинѣ осьмаго, гораздо ранѣе обыкновеннаго приѣзда гостей, лакей доложилъ:

– Константинъ Дмитричъ Левинъ.

Княгиня еще была въ своей комнатѣ, и Князь не выходилъ.

⁴⁷⁴ *Зач.*: Ну, ты знаешь, покойный Вронской, его отецъ, это былъ замѣчательно умный и твердый человѣкъ. У него были враги, какъ у всѣхъ сильныхъ міра, но онъ рѣдкій типъ честолюбиваго, но честнаго человѣка. Онъ изъ ничего, изъ бѣдныхъ дворянъ сталъ графомъ и первымъ человѣкомъ одно время, но онъ оставилъ память въ исторіи. Теперь сынъ его вотъ этотъ старшій въ Петербургѣ командуетъ гвардейскимъ полкомъ, флигель-адъютантъ, обыкновенный типъ сына вельможи, но этотъ

⁴⁷⁵ *Зач.*: но и то, пожалуй, немножко,

⁴⁷⁶ *Зач.*: любить науки, искусства, подъ предлогомъ болѣзни живетъ за границей

⁴⁷⁷ *Зач.*: милая, открытая натура. Я думаю, что тутъ что нибудь кроется, и онъ мнѣ не совсѣмъ нравится, но женщинамъ онъ долженъ нравиться.

⁴⁷⁸ *Зачеркнуто*: Вронскимъ

⁴⁷⁹ *Зач.*: Вронскимъ

⁴⁸⁰ *Зач.*: о любимомъ умершемъ братѣ

⁴⁸¹ *Зач.*: о Вронскомъ

⁴⁸² *Зач.*: неприятное

⁴⁸³ *Зач.*: Вронскимъ

«Так и есть», подумала Кити, и вся кровь прилила ей къ сердцу. Она ужаснулась на свою блѣдность, взглянувъ въ зеркало. Она знала, что онъ затѣмъ и пріѣхалъ раньше, чтобы застать ее одну и сдѣлать предложеніе.⁴⁸⁴

«Боже мой, неужели это я сама должна рѣшить этотъ вопросъ? – подумала она. – Отчего ни мама, ни папа, отчего мнѣ не прикажутъ: дѣлай это или это. И потомъ такъ скоро. Ну, что я скажу ему? Неужели я скажу ему, что я его не люблю. Это будетъ неправда. Скажу, что люблю. И это неправда. А все-таки надо рѣшить,⁴⁸⁵ но зачѣмъ такъ вдругъ, такъ скоро! Но все-таки надо идти, пока не вышла мама».

Она⁴⁸⁶ уже подходила къ дверямъ большой гостиной и слышала его шаги, но рѣшительно не знала, что она скажетъ ему.

Онъ думалъ и чувствовалъ хотя не то же, что она, но столь же мучительное и тяжелое.

«Зачѣмъ, и неужели необходимо это страданіе нравственное, – думалъ онъ, – для чело-вѣка, который хочетъ сдѣлать самое законное простое дѣло – взять жену. А чтожь дѣлать? Ёздить въ домъ, выжидать. И такъ⁴⁸⁷ Облонскій далъ мнѣ замѣтить, что я долженъ былъ давно сдѣлать предложеніе, что я компрометировалъ. А мнѣ нужно знать, есть ли надежда? И вотъ теперь я, ничего не зная, не выдавъ ее 8 мѣсяцевъ, рѣшаюсь сказать это слово. Рѣшаюсь полу-чить отказъ – позоръ.⁴⁸⁸ И я долженъ самъ сдѣлать этотъ страшный вопросъ, отчего не другіе за меня?⁴⁸⁹ Все лучше, чѣмъ это мученіе нерѣшительности, – думалъ Левинъ, входя въ гости-ную. – И для нея это легче. Пускай же такъ и будетъ.⁴⁹⁰ Заикнусь ли, не заикнусь, я скажу».⁴⁹¹

Едва онъ вошелъ въ пустую гостиную, какъ услышалъ звукъ ручки двери и увидалъ ее въ сѣромъ⁴⁹² платьѣ, входившую въ гостиную.

– Вы не устали послѣ вашихъ⁴⁹³ подвиговъ на льду? – сказала она, съ улыбкой подавая ему руку.

– Я не во время, кажется? слишкомъ рано.⁴⁹⁴ Но я только того и хотѣлъ застать васъ одну, – сказала она,⁴⁹⁵ не садясь и не глядя на нее, чтобы не потерять смѣлости.

– Садитесь, Константинъ Дмитричъ, мы всегда рады вамъ,⁴⁹⁶ – говорила она, сама не зная, что говорятъ ея губы.

Онъ взглянулъ на нее,⁴⁹⁷ и она поняла по этому умному, все вдругъ понимающему взгляду, что нельзя было⁴⁹⁸ говорить пустяковъ теперь. Она покраснѣла,⁴⁹⁹ взяла альбомъ, лежавшій на столѣ, и стала открывать и закрывать застѣжку.

⁴⁸⁴ Зачеркнуто: и она знала, что она должна отказать ему. «Нѣтъ, это невозможно», подумала она и пошла къ матери. – Мама! вы выйдете къ Левину? – сказала она, стараясь говорить какъ можно проще. – Все, что ни сдѣлаешь, все глупо. – сердито сказала княгиня. – Разумѣется, – и пошла въ гостиную.

⁴⁸⁵ Зачеркнуто: и не мучать его. Но что я скажу ему?

⁴⁸⁶ Зач.: говорила это

⁴⁸⁷ Зач.: князь Мишута

⁴⁸⁸ Зач.: Боже мой, неужели это

⁴⁸⁹ Зач.: и не скажутъ мнѣ. Но

⁴⁹⁰ Зач.: какъ ни мучительно

⁴⁹¹ Зач.: Такъ думалъ Левинъ одѣваясь и дорогой, и отрывки этихъ мыслей, застланные ужасомъ приближенія минуты, бродили въ его головѣ, когда онъ входилъ

⁴⁹² Зач.: <простомъ, гладкомъ, сѣромъ платьѣ, съ улыбкой входившую съ другой стороны. – Мама сейчасъ выйдетъ, – сказала она садясь.> <въ темномъ, лиловатомъ съ чернымъ платьѣ съ че[пчикомъ?]> вмѣсто Кити старую Княгиню съ строгимъ и нѣсколько насмѣшливымъ лицомъ. – Очень мило съ вашей стороны, что вы насъ не забываете, Константинъ Дмитричъ, что

⁴⁹³ Зач.: <пруесь> коньковъ

⁴⁹⁴ Зач.: Княгиня посмотрѣла на часы. – О нѣтъ, и Кити сейчасъ выйдетъ.

⁴⁹⁵ Зач.: ни разу не заикнувшись и

⁴⁹⁶ Зачеркнуто: Я не знаю, ваша дружба съ <Сережей> Евгениемъ покойнымъ такъ связала насъ.

⁴⁹⁷ Зач.: сердито. Она покраснѣла, чувствуя

⁴⁹⁸ Зач.: теперь притворяется и мучать его. Но она сама не знала, что дѣлала и говорила. Она держала

⁴⁹⁹ Зач.: Такъ продолжался несвязный разговоръ. <Левину и въ голову не могло придти сдѣлать предложеніе матери, и

– Я сказала вам, что не знаю, надолго ли я приехала....

«Как он помнит все свои слова, – подумала она, – это неприятно».

– Что это от вас зависит....

Она все ниже и ниже склоняла голову и не знала, что она ответит на приближающееся. И еще ничего не случилось, но ей всей душой было жалко его – и себя.

– Может быть, я сумасшедший и надеюсь на то, чего нельзя. – Лицо его делалось все мрачнее и мрачнее. – Я приехал за тем, чтобы предложить вам себя, свою руку, свою любовь. – А ... быть моей женой.

Он поглядывал на нее из-под опущенных бровей так, как будто ждал только отказа. Она тяжело⁵⁰⁰ дышала, не глядя на него; но как только он замолк, она подняла свои⁵⁰¹ светлые, ясные глаза прямо на него и, увидав его⁵⁰² холодное, почти злое выражение, тотчас же отвечала то, что непосредственно пришло ей.

– Ах, зачем вы это говорите. Я не... Это нельзя, это невозможно, простите меня...

Он видел, что она с трудом удерживает слезы. «Как он сидит, так и остался, ухватясь обеими руками за ручки кресел и уставившись за угол висящего со стола ковра, и на лицо его остановилась злая усмешка над самым собой.

«Еще бы, как же это могло быть?»⁵⁰³ думал он, не поднимая глаз, сидя неподвижно перед ней и чувствуя, как, точно волны, наплывала и сплывала краска на его лице.

Молчание продолжалось с секунду. Наконец он поднял глаза. Он сказал:

– Простите меня, – и хотел встать, но она тоже начала говорить:⁵⁰⁴

– Константин Дмитрич, будьте великодушны,⁵⁰⁵ я так привыкла смотреть на вас как на друга...

– Не говорите, – проговорил отрывисто, встал⁵⁰⁶ и хотел уйти.

Но в это самое время вышла Княгиня,⁵⁰⁷ недовольная, но улыбающаяся своей четверговой улыбкой. Она села и тотчас же спокойно начала говорить о том, что ей не было интересно и потому не могло быть ни для кого интересно. Он сел опять, ожидая приезда гостей, чтобы уехать незаметно.⁵⁰⁸

Минуть через пять вошла приехавшая подруга Кити, прошлую зиму вышедшая замуж, известная умница и болтушка Графиня Нордстонь.

Графиня Нордстонь была сухая, желтая, с черными блестящими глазами,⁵⁰⁹ болтливая и нервная женщина. Она любила Кити всей силой своей души, восхищалась, гордилась

она и он видели» Левин догадывался, что Княгиня нарочно медлит выходить, чтобы избежать объяснения, и потому он понимал, что незачем делать предложение матери, и что кроме отказа он ничего ожидать не может. Красная и бледная, он сам не помнил, что говорил с матерью. Наконец

⁵⁰⁰ *Зач.*: даже громко

⁵⁰¹ *Зач.*: прелестные

⁵⁰² *Зач.*: сердитое

⁵⁰³ *Зачеркнуто*: Надо быть сумасшедшим гордецом, как я, чтобы думать, что это могло быть, – думал он. – Но все-таки это ужасно, это тяжело, этаго стыда, этаго унижения я никогда не забуду.– Вы простите меня, я очень, очень жалю, что доставил вам эту неприятную минуту.

⁵⁰⁴ *Зачеркнуто*: – Я вас люблю дружбой, но

⁵⁰⁵ *Зач.*: Он хотел спросить причину и замолчал, услышав, что она высказала ее. Он поднялся.

⁵⁰⁶ *Зач.*: не дослушав конца,

⁵⁰⁷ *Зач.*: весьма

⁵⁰⁸ *Зач.*: Только когда раздался звонок у подъезда и Кити вышла и вслед за ней вошла гостья Графиня Нордстонь, Левин понял, что все это было рассчитано. «И несвободный, сконфуженный, даже и холодный вид Кити подтвердил его в этом.» Левин взглянул на Кити и почувствовал на себе этот умный, быстрый, проникающий все мельчайшие подробности ее выражения [взгляд]; она смутилась и холодно поздоровалась с ним. «Да, я был сумасшедший, – сказал он сам себе. – И они все вралы – и брат и Облонский. Этаго не могло быть».

⁵⁰⁹ *Зач.*: элегантная

ею.⁵¹⁰ Любовь ея къ Кити, какъ всегда любовь замужнихъ къ дѣвушкамъ, выражалась только въ одномъ – въ желаніи выдать Кити по своему идеалу счастья замужъ. Левинъ, котораго она часто у нихъ видала, прежде былъ ей противень и непріятень, какъ⁵¹¹ что то странное и чуждое, но теперь, когда онъ мѣшалъ ея плану выдать Кити за Удашева, она еще болѣе не благоволила къ нему. Ея постоянное и любимое занятіе при встрѣчѣ съ нимъ состояло въ томъ, чтобы шутить надъ нимъ.

– Я люблю, когда онъ съ высоты своего величія смотритъ на меня и или прекращаетъ свой умный разговоръ со мной, потому что я глупа и мнѣ не по силамъ, или онъ снисходить до меня; я это очень люблю: снисходить. Я очень рада, что онъ меня терпѣть не можетъ.

Она была права, потому что дѣйствительно Левинъ терпѣть не могъ и презиралъ ее за то, чѣмъ она⁵¹² гордилась и что въ достоинство себѣ ставила, – за ея утонченное свѣтское образование.⁵¹³ «Какъ онѣ не понимаютъ, – думалъ онъ часто про нее, – что эту свѣтскую притворную манеру мы⁵¹⁴ любимъ въ женщинахъ привлекательныхъ. Это покровъ таинственности на красоту; а она, эта дура (Левинъ былъ всегда рѣзокъ въ своихъ мысляхъ), безъ красоты, безъ граціи, даже безъ здоровья, думаетъ этой то слабостью, свѣтскостью, безъ прелести, щеголять одною ею».

Между Нордстонъ и Левинымъ существовало то нерѣдко встрѣчающееся въ свѣтѣ отношеніе, что два человѣка, оба хорошіе и умные, презираютъ другъ друга всѣми силами души, презираютъ до такой степени, что не могутъ даже серьезно обращаться другъ съ другомъ и не могутъ даже быть оскорблены одинъ другимъ.

Графиня Нордстонъ тотчасъ же накинулась на Левина.

– А! Константинъ Дмитричъ! Опять пріѣхали въ нашъ развратный Вавилонъ, – сказала она, подавая ему крошечную желтую руку и вспоминая прошлогднія еще его слова, что Москва есть Вавилонъ. – Что, Вавилонъ исправился или вы⁵¹⁵ испортились, – прибавила она, съ⁵¹⁶ усмѣшкой оглядываясь на Кити.

– Я очень польщенъ, Графиня, тѣмъ, что вы такъ помните мои слова, – отвѣчалъ Левинъ, сейчасъ же по привычкѣ входя въ свое шуточное враждебное отношеніе къ Графинѣ Нордстонъ. – Вѣрно, они на васъ очень сильно дѣйствуютъ.

– Ахъ какже, я все записываю. Ну что, Кити, ты опять каталась, а я ѣздила утро къ своимъ друзьямъ.

И она начала разговоръ съ Кити. Левинъ собрался встать и уйти. Какъ ни неловко это было, ему все таки легче было сдѣлать эту неловкость, чѣмъ остаться весь вечеръ и видѣть Кити тоже мучающуюся, изрѣдка взглядывающую на него и избѣгающую его взгляда. Онъ хотѣлъ встать, но Княгиня замѣтила, что онъ молчитъ, и обратилась к нему.

– Чтожь, вы надолго пріѣхали въ Москву? Вѣдь вы, кажется,⁵¹⁷ мировымъ земствомъ занимаетесь, и вамъ нельзя надолго.

– Нѣтъ, Княгиня, я ужъ этимъ не занимаюсь, – сказалъ онъ безъ улыбки. – Я пріѣхалъ на нѣсколько дней.⁵¹⁸

⁵¹⁰ *Зач.*: и, какъ всѣ любящія барышени, думала только о томъ, какъ бы ее

⁵¹¹ *Зач.*: непріятень видъ куска хлѣба среди бездѣлушекъ туалетнаго столика.

⁵¹² *Зачеркнуто*: видимо

⁵¹³ *Зач.*: т. е., по понятіямъ Левина, изломанность.

⁵¹⁴ *Зач.*: переносимъ только и прощаемъ, какъ у Кити, за ея прелесть, грацію, красоту;

⁵¹⁵ *Зач.*: перемѣнились

⁵¹⁶ *Зач.*: злой

⁵¹⁷ *Зач.*: мировой судья

⁵¹⁸ *Зач.*: – Мнѣ вчера мужъ рассказывалъ, – начала Графиня Нордстонъ, – что его призывали въ свидѣтели къ мировому судѣ о томъ, что кондукторъ сказалъ ли купцу какое-то «волочи» или что то въ этомъ родѣ сказалъ или не сказалъ.

«Что то съ нимъ особенное, – подумала Графиня Нордстонъ, взглядываясь въ его строгое, серьезное лицо, – что то онъ не втягивается въ свои разсужденія. Но я ужъ выведу его. Ужасно люблю сдѣлать его дуракомъ передъ Кити и сдѣлаю»⁵¹⁹.

– Константинъ Дмитричъ, – сказала она ему, – растолкуйте мнѣ, пожалуйста, что это такое значить, вы все знаете. У насъ въ Калужской деревнѣ всѣ мужики и всѣ бабы все пропили, что у нихъ было, и теперь ничего намъ не платяты. Вы такъ хвалите всегда мужиковъ.

Въ это время еще дама входила въ комнату, и Левинъ всталъ. Онъ сверху внизъ посмотрѣлъ на Графиню Нордстонъ и тихо и грустно отвѣчалъ:

– Извините меня, Графиня, но это не можетъ быть⁵²⁰ и даже нехорошо выдуманно.

И, разсердивъ ее ужасно и этимъ взглядомъ и этимъ отвѣтомъ, онъ отвернулся, взглядываясь въ лицо входившаго вслѣдъ за дамой⁵²¹ военного.

«Это долженъ быть⁵²² Удашевъ», подумалъ Левинъ, и, чтобы убѣдиться въ этомъ, Левинъ взглянулъ на Кити.

Кити уже успѣла взглянуть на Удашева и оглянулась на Левина, и ея невольно счастливые глаза встрѣтили грустный, но всетаки полный любви взглядъ Левина. Кити опустила глаза⁵²³ и покраснѣла. Левинъ понялъ, что она любила этаго человѣка, такъ же вѣрно, какъ еслибы она сказала ему это словами. Но кто же такой былъ⁵²⁴ онъ?

Теперь, хорошо ли, дурно ли, ужъ Левинъ не могъ не остаться, чтобы не узнать, что за человѣкъ былъ тотъ, котораго она любила.

⁵²⁵Есть люди, которые, встрѣчая своего счастливаго соперника въ чемъ бы то ни было, готовы сейчасъ же отвернуться отъ всего хорошаго, что есть въ немъ, и видѣть одно дурное; есть люди, которые, напротивъ, болѣе всего желаютъ найти въ этомъ счастливомъ соперникѣ тѣ качества, которыми онъ побѣдилъ ихъ, и ищутъ съ щемящей болью въ сердцѣ одного хорошаго. Левинъ принадлежалъ къ такимъ людямъ. Но ему не трудно было отыскивать хорошее и привлекательное въ⁵²⁶ Удашевѣ. Оно сразу бросалось ему въ глаза.⁵²⁷

Удашевъ – невысокій брюнетъ съ красивымъ и чрезвычайно чистымъ лицомъ (какъ съ иголочки мундиръ его, такъ и лицо, курчавые съ преждевременной лысиной волоса, черные усы – все лоснилось). Удашевъ вошелъ съ тѣми рѣдко встрѣчающимися уже въ свѣтѣ приемами скромности, учтивости и вмѣстѣ спокойнаго достоинства. «Сынъ хорошаго семейства, благовоспитанный и красивъ, очень красивъ», сказалъ себѣ Левинъ, наблюдая его въ то время, какъ онъ, давъ дорогу дамѣ, послѣ нея подошелъ къ княгинѣ и къ Кити.

⁵¹⁹ *Зачеркнуто:* – Мнѣ кажется, что Мировому Судьѣ бываетъ скучно, – продолжала она, – и онъ выдумываетъ себѣ дѣло и приглашаетъ къ себѣ въ свидетели всѣхъ, съ кѣмъ имъ хочется видѣться. Можетъ это быть, Константинъ Дмитричъ?

⁵²⁰ *Зач.*: и выдуманно

⁵²¹ *Зач.*: офицера

⁵²² *Зач.*: Вронскій

⁵²³ *Зач.*: и смотрѣла на всѣхъ, но только не на вошедшаго, хотя она знала навѣрное, что онъ тутъ. До тѣхъ поръ не смотрѣла, пока офицеръ Вронскій не подошелъ къ ней, особенно почтительно кланяясь и подавая ей нервную съ длинными пальцами руку. Для Левина уже стало несомнѣнно, что это былъ онъ и что она отказала ему, потому что любила Вронскаго.

⁵²⁴ *Зач.*: тотъ человѣкъ, котораго она любила?

⁵²⁵ *Зач.*: Онъ ожидалъ его совсѣмъ не такимъ по описанію <князя Мишуты> Облонскаго, но онъ тотчасъ же узналъ его и понялъ, что Кити должна была предпочитать его.

⁵²⁶ *Зачеркнуто:* Вронскомъ

⁵²⁷ *Зач.*: Онъ необыкновенно понравился ему. <Скорѣе> Невысокая, <стройная,> коренастая <хотя и немного сутуловатая> фигура, <очень быстрая,> <медлительная, твердая, но чрезвычайно граціозная въ движеніяхъ, утонченная элегантность въ одеждѣ, прекрасное, открытое, румяное и немного смуглое лицо, мягкіе, рѣдкіе, вьющіеся волосы, очень гладкій и бѣлый лобъ и большіе блестящіе, необыкновенно добрые, почти наивные глаза,> круглое, съ здоровыми, какъ жернова, зубами и челюстями лицо <небольшіе тонкіе черные усы, румяныя губы, большіе бѣлые зубы>, круглая, хорошо обстриженная курчавая на затылкѣ и преждевременно плѣшивая голова, каріе, круглые глаза съ дѣтски наивнымъ и вмѣстѣ твердымъ выраженіемъ и необыкновенно твердый и спокойный складъ губъ. «Но Стива ошибался: онъ не былъ честолюбивъ, – рѣшилъ [Левинъ], – онъ добрый, скучающій человѣкъ».

«Но любить ли онъ ее такъ, какъ я люблю ее, такъ, какъ ее должно любить», подумаль онъ.

Одна черта его характера, тотчасъ же выразившаяся при его входѣ въ гостиную, особенно рѣзко, пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывая зависть поразила Левина. Эта черта была очевидная привычка къ спокойствію и счастію. Сейчасъ видно было, что онъ одинъ изъ тѣхъ балованныхъ дѣтей судьбы, которые не знаютъ лишений, стѣсненій, неловкости отношеній. Со всѣми поздравившись, со всѣми сказавъ нѣсколько словъ, онъ сѣлъ⁵²⁸ опять съ той же нѣжной осторожностью, какъ показалось Левину, подлѣ Кити и взглянулъ на Левина. Но тотчасъ же быстро всталъ и проговорилъ:

– Княжна, представьте меня, пожалуйста, – вмѣстѣ съ тѣмъ уже протягивая⁵²⁹ руку Левину. Видно было, что ему неловко было быть въ гостиной съ незнакомымъ человѣкомъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ Левинъ ему нравился и что онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, чтобы ктонибудь не былъ радъ съ нимъ познакомиться.

– Графъ Алексѣй Васильичъ⁵³⁰ Удашевъ, Константинъ Дмитричъ Левинъ, – проговорила Кити, глядя на нихъ, когда Удашевъ по своей привычкѣ крѣпко, крѣпко пожималъ руку, наивно и дружелюбно прямо своими открытыми глазами глядя въ лицо Левину.

«Какъ бы хорошо было, если бы они были дружны между собой и со мною», пришло ей въ голову, и смѣшна и страшна ей показалась эта мысль, когда она вспомнила то, что сейчасъ только было.

⁵³¹Удашевъ не сказалъ ничего про знаменитаго брата.

– Я много слышалъ про васъ⁵³² отъ Княжны, но удивляюсь, что ни раза не встрѣчалъ. Очень радъ, – прибавилъ онъ излишне радушно.

Это не понравилось Левину.

– Константинъ Дмитричъ⁵³³ ненавидитъ и презираетъ городъ и насъ, горожанъ, – сказала Графиня Нордстонъ.

– Точно также, какъ Графиня насъ, провинціаловъ, – сказалъ Левинъ.

⁵³⁴Удашевъ взглянулъ на Левина и Графиню Нордстонъ и, очевидно понявъ ихъ отношенія, улыбнулся.

«Да, его должны любить женщины», подумаль Левинъ, чувствуя эту улыбку.

– А вы всегда въ деревнѣ? – спросилъ⁵³⁵ Удашевъ. – Вотъ чему я завидую.

– Я слыхалъ, что бѣдные люди завидуютъ тѣмъ, которые могутъ жить въ городѣ, но не наоборотъ, – отвѣчалъ Левинъ.

– Да, потому что всякій можетъ жить въ деревнѣ, – подхватилъ⁵³⁶ Удашевъ, но я не могу.

«Едва ли онъ любитъ деревню, – подумаль Левинъ. – Видно, что онъ говоритъ для гостинной, т. е. что говоритъ что попало, признавая ту невмѣняемость, которая составляетъ главное условіе удобнаго разговора въ гостиныхъ. Онъ не искренній человѣкъ, – подумаль Левинъ, – но долженъ нравиться».

– Но надѣюсь, Графъ, что вы бы не всегда жили в деревнѣ, – сказала Графиня Нордстонъ.

– Не знаю, я не пробовалъ, но люблю деревню. Я испыталъ странное чувство, – началъ онъ. И у него была такая пріятная дикція и по русски и въ особенности по французски, что

⁵²⁸ *Зач.*: съ какой то особенной

⁵²⁹ *Зач.*: свою бѣлую, нервную

⁵³⁰ *Зач.*: Вронскій

⁵³¹ Вронскій

⁵³² *Зачеркнуто*: по гимнастикѣ. Я тоже любилъ, но доктора запретили мнѣ.

⁵³³ *Зач.*: въ городѣ, кажется, только любить что гимнастику,

⁵³⁴ *Зач.*: Вронскій

⁵³⁵ *Зач.*: Вронскій

⁵³⁶ *Зач.*: а это, – онъ показалъ на мундиръ, – и другое не позволяетъ.

невольно его слушали и не перебивали. – Я нигдѣ такъ не скучаль по деревнѣ, русской деревнѣ съ лаптями⁵³⁷ и мужиками, какъ когда прожилъ съ матушкой зиму въ⁵³⁸ Ницѣ, – сказалъ онъ.

– Вы знаете – Ница скучна сама по себѣ. Да, но и Неаполь,⁵³⁹ Соренто, даже они хороши на короткое время. Неправда ли,⁵⁴⁰ Графиня, что...

Онъ говорилъ, обращаясь и къ Кити и къ Левину, глядя на нихъ⁵⁴¹ своимъ твердымъ, открытымъ взглядомъ, очевидно то, что ему приходило въ голову.⁵⁴²

Замѣтивъ, что Графиня Нордстонъ начала рассказывать свое впечатлѣніе пріѣзда въ Венецію, онъ остановился, съ интересомъ слушая ее и не досказавъ того, что началъ. <Рассказывая про свое впечатлѣніе Венеции, Графиня Нордстонъ упомянула объ Аннѣ Карениной, съ которой она тогда провела зиму въ Римѣ, и разговоръ перешелъ на Каренину и на ея ожидаемый пріѣздъ.⁵⁴³ Всѣ начали съ похвалъ тому лицу, <о которомъ говорили,> и понемногу изъ похвалъ, которыя даютъ мало пищи разговору, естественно перешли въ болѣе или менѣе остроумное осужденіе.

– Я очень люблю Анну, – говорила Графиня Нордстонъ, – но я всегда удивлялась ея способности не только поддѣлываться, но совершенно сживаться съ тѣмъ кругомъ, въ которомъ она живетъ. Въ Римѣ она была въ непроходящемъ восторгѣ отъ искусства, потомъ я ее нашла въ Петербургѣ⁵⁴⁴ влюбленной во дворъ и большой свѣтъ.

Кити, какъ всякая женщина, не безъ удовольствія слушавшая осужденіе другой⁵⁴⁵ женщины, пришла на помощь сестриной золовкѣ.

– Но она⁵⁴⁶ необыкновенно религіозна, добра.

– Да, но эта религіозность и добро – принадлежность grande dame извѣстнаго круга, – вмѣшался Вронскій.⁵⁴⁷

– Все таки она⁵⁴⁸ очень милая женщина⁵⁴⁹ и дѣлаетъ много добра.

Вронскій замолчалъ улыбаясь. Кити обратилась къ Левину, чтобы и его ввести въ разговоръ.

– А вы, Константинъ Дмитричъ, вѣрите, чтобы придворная женщина могла дѣлать добро?

– Придворность, по моему, не мѣшаетъ добру, – отвѣчалъ Левинъ. – Богатство и роскошь мѣшаютъ. И я потому только не вѣрю въ добродѣтельность свѣтскихъ дамъ, что онѣ, раздавая фуфайки по 20 копеекъ людямъ, умирающимъ отъ холода, сами носятъ 4000 рублевыхъ собольи шубы.

⁵³⁷ *Зач.*: колеями земляныхъ дорогъ

⁵³⁸ *Зач.*: Соренто

⁵³⁹ *Зачеркнуто*: да вся Италія, она такая блестящая, какъ эти мотивы романсовъ, пѣсень, canzonetto, которые въ восторгъ васъ приводятъ, но тотчасъ надоѣдаютъ.

⁵⁴⁰ *Зач.*: вы испытывали это. Но я любилъ эту дождливую...

⁵⁴¹ *Зач.*: своими большими наивными глазами

⁵⁴² *Зач.*: <и Левину нравился и его тонъ, и манера говорить, и, главное то, что всѣмъ было понятно, на уровнѣ каждаго, и никому не могло быть непонятно, и что онъ не спускался ни до кого, а если спускался, то такъ незамѣтно, тогда какъ Левинъ зналъ самъ за собой, что какъ онъ только начиналъ говорить въ гостиной, онъ или увлекался въ разсужденія, непонятныя для слушателей, или оскорблялъ когонибудь совершенно нечаянно и не давалъ другимъ говорить.– Я любилъ дождливую... – продолжалъ Вронскій. – Но> Левина поразила только слишкомъ свободная и спокойная, хотя и почтительная его манера обращенія съ Кити. Онъ не былъ смущенъ передъ ней. «Едва ли онъ любилъ ее – подумалъ онъ. – И какъ любить?»

⁵⁴³ *Зач.*: Какъ всегда бываетъ въ хорошемъ обществѣ,

⁵⁴⁴ *Зач.*: самой чопорной и холодной grande dame [светской дамой],

⁵⁴⁵ *Зач.*: красивой

⁵⁴⁶ *Зач.*: не только grande dame, она

⁵⁴⁷ *Зач.*: – И, если я не ошибаюсь, Анна Аркадьевна Каренина составляетъ украшеніе того добродѣтельно-сладкаго, хомяковско-православно-дамско-придворнаго кружка, который имѣетъ такое вліяніе въ Петербургѣ.

⁵⁴⁸ *Зачеркнуто*: удивительная

⁵⁴⁹ *Зач.*: и пріятная

«А какой славный, умный человекъ, и наружность какая милая», подумалъ Вронскій на Левина.

Разговоръ⁵⁵⁰ не умолкалъ ни на минуту, такъ что старой Княгинѣ, всегда имѣвшей про запасъ, въ случаѣ отсутствія тѣмы, два тяжелыя орудія: классическое и реальное образование и общую воинскую повинность, не пришлось выдвигать свои запасныя орудія, и графинѣ Нордстонъ некогда и нельзя было дразнить Левина.

⁵⁵¹Разговоръ зашелъ о вертящихся столахъ и духахъ,⁵⁵² и Графиня Нордстонъ, вѣрившая въ спиритизмъ, стала рассказывать тѣ чудеса, которыя она видѣла.

– Ахъ, Графиня, непременно свезите, ради Бога свезите меня къ нимъ. Я никогда ничего не видалъ необыкновеннаго, хотя вездѣ отыскиваю, – сказалъ⁵⁵³ Удашевъ.

– Хорошо, въ будущую субботу, но вы, Константинъ Дмитричъ, вѣрите? – спросила она Левина.

– Зачѣмъ вы меня спрашиваете? Вы, вѣрно, знаете, что я скажу.

– Но я хочу слышать ваше мнѣніе.

Левинъ пожалъ плечами.

– Я долженъ быть неучтивъ.

– Чтожъ, вы не вѣрите?

– Чтобы вамъ сказать, Графиня? Еслибы почтенная старушка дама, которую вы должны уважать, рассказывала бы вамъ, что у ней каждый день на носу цвѣтутъ померанцы?

– Я бы сказала, что съумасшедшая старушка. Такъ вы меня называете и старушкой и съумасшедшей, – и она не весело засмѣялась.

– Да нѣтъ, Маша, Константинъ Дмитричъ говоритъ, что онъ не можетъ вѣрить, – сказала Кити.

Но⁵⁵⁴ Удашевъ съ своей открытой веселой улыбкой сейчасъ же пришелъ на помощь разговору, угрожающему сдѣлаться неприятнымъ.

– Вы совсѣмъ не допускаете возможность? – спросилъ онъ. – Почему же? Мы допускаемъ существованіе электричества, котораго мы не знаемъ, почему же не можетъ быть новая сила, еще намъ неизвѣстная, – сказалъ онъ.

– Когда найдено было электричество, – отвѣчалъ Левинъ, – то только было открыто явленіе и неизвѣстно было, откуда оно происходитъ и что оно производитъ, и вѣка прошли послѣ того, какъ подумали о приложеніи его, а спириты, напротивъ, начали съ того, что столики имъ пишутъ, и духи приходятъ, а потомъ уже стали говорить, что это есть сила неизвѣстная.

⁵⁵⁵Удашевъ съ чуть замѣтной улыбкой посмотрѣлъ на Левина, и, очевидно, понялъ его, но не отвѣчалъ, а продолжалъ свое.

– Да, но спириты говорятъ: теперь мы не знаемъ, что это за сила, но сила есть, и вотъ при какихъ условіяхъ она дѣйствуетъ. А ученые пускай разбираютъ. Нѣтъ, я не вижу, почему это не можетъ быть новая сила.

– А потому, – сказалъ Левинъ, – что при электричествѣ всякій разъ, какъ вы потрете смолу о шерсть, будетъ искра, а здѣсь не всякій разъ, стало быть, это не природное явленіе.

Вѣроятно, чувствуя, что разговоръ принимаетъ для гостини слишкомъ серьезный характеръ,⁵⁵⁶ Удашевъ тотчасъ же постарался переменить его.

⁵⁵⁰ *Зач.*: оживленный, пріятный для всѣхъ,

⁵⁵¹ *Зач.*: Отъ Карениной

⁵⁵² *Зач.*: <такъ какъ та добродѣтель, о которой говорили, имѣла что-то общее съ спиритизмомъ,> въ которыхъ вѣрилъ братъ Каренина.

⁵⁵³ *Зач.*: Вронскій

⁵⁵⁴ *Зачеркнуто*: Вронской

⁵⁵⁵ *Зачеркнуто*: Вронской

⁵⁵⁶ *Зачеркнуто*: Вронской

– Давайте попробуемъ, – началъ онъ, но Левинъ не могъ никогда привыкнутьъ къ тому, что въ гостиной не слѣдуетъ говорить толково и послѣдовательно. Ему всегда казалось, что ежели соберутся люди, ничего не дѣлая, то, очевидно, для того, чтобы разговаривать, высказывать свои мысли, и, всегда увлекаясь разговоромъ, говорилъ серьезно то, что думалъ, забывая то, что въ гостиной неприличнѣе всего толковый разговоръ, потому что онъ мѣшаетъ общественности.

Онъ началъ говорить то, что думалъ, и тотчасъ же почувствовалъ, что онъ глупо дѣлаетъ,⁵⁵⁷ и что⁵⁵⁸ Удашевъ гораздо умнѣе его, но онъ не могъ удержаться, тѣмъ болѣе что онъ чувствовалъ себя раздраженнымъ.

⁵⁵⁹– Я думаю, – говорилъ онъ, – что попытка спиритовъ объяснять свои чудеса какой-то новой силой – самая неудачная. Они прямо говорятъ о силѣ духовной и хотятъ ее подвергать опыту.

Всѣ ждали, когда онъ кончить, и онъ чувствовалъ, что онъ глупъ.

– А я думаю, что вы будете отличный medium, – сказала Графиня Нордстонъ, – въ васъ есть что то восторженное.

Левинъ⁵⁶⁰ покраснѣлъ и замолчалъ.

– Давайте сейчасъ, Княжна, испытаемъ столъ, пожалуйста, – сказалъ⁵⁶¹ Удашевъ. – Княгиня, вы позволите?

И⁵⁶² Удашевъ, вставъ, отыскивалъ глазами столикъ.

Кити⁵⁶³ встала⁵⁶⁴ за столикомъ и проходя взглянула на раздраженное лицо Левина и опять встрѣтилась съ нимъ глазами.

Только что хотѣли устроиваться около столика, какъ⁵⁶⁵ вошелъ старый князь. Молодые люди встали, здороваясь съ нимъ.

– А! – сказалъ он, увидавъ Левина, – радъ васъ видѣть! – и онъ обнялъ его. – Какъ дѣла, на долго ли?

Здравствуйте, Графъ, – сказалъ онъ холодно и сѣлъ въ кресло.⁵⁶⁶ И бѣгло вопросительно взглянувъ на Кити, обратился къ Левину, спрашивая его о хозяйствѣ.

Какъ только отецъ вошелъ, Кити покраснѣла; она одна знала, какъ отецъ ревниво относился къ ея искателямъ⁵⁶⁷ и какъ онъ подъ своимъ важнымъ и глуповатымъ даже видомъ былъ пронизателенъ и насквозь все видѣлъ то, что его интересовало. Кити взглядывала на Левина. Она понимала⁵⁶⁸ все, что онъ переживалъ въ этотъ вечеръ. Она понимала, какъ тяжело, неловко ему теперь съ ея отцомъ. И ей всей душой было жалко его. И вмѣстѣ съ тѣмъ ей пріятно было жалѣть его въ несчастьи, которое сдѣлала она.

⁵⁵⁷ *Зач.*: увлекаясь разговоромъ въ гостиной,

⁵⁵⁸ *Зач.*: Вронской

⁵⁵⁹ *Зач.*: – «Я совѣтую всемъ интересующимся этимъ, – началъ Левинъ». Я не могу интересоваться, потому что не могу допустить возможности, – сказалъ онъ. – Но я совѣтую попросить духовъ отвѣтить на какойнибудь вопросъ изъ высшей математики или на вопросъ, сдѣланный по санскритски тамъ, где medium'ы не знаютъ математики и по санскритски. – Отчего же? вы думаете, что духи не знаютъ математики? – сказала Графиня Нордстонъ, – навѣрное лучше васъ знаютъ. – Да, это вопросъ, – смѣясь сказалъ Вронской. – Это прекрасно, – сказала Кити Левину, – задайте Мари математический вопросъ, и она привезетъ намъ отвѣтъ.

⁵⁶⁰ *Зачеркнуто*: не обращая вниманія на ея слова, продолжать:– Надо

⁵⁶¹ *Зач.*: Вронской

⁵⁶² *Зач.*: Вронской

⁵⁶³ *Зач.*: улыбаясь

⁵⁶⁴ *Зач.*: и принесла отъ окна столикъ.

⁵⁶⁵ *Зач.*: волоча ноги,

⁵⁶⁶ *Зач.*: «А! нынче два тютяка», сказалъ онъ самъ себѣ, такъ неуважительно называя про себя молодыхъ людей.

⁵⁶⁷ *Зач.*: называя ихъ тютяками и перепелами,

⁵⁶⁸ *Зач.*: его спокойный видъ, его шутки съ Нордстонъ, его любезность съ Вронскимъ.

– Такъ-то, такъ-то, мой милѣйшій Константинъ Дмитричъ, обмолотили, продали хлѣба, да и въ Москву, – говорилъ старый Князь.

– Князь, отпустите намъ Константина Дмитрича, – сказала графиня Нордстонъ. – Мы хотимъ опытъ сдѣлать.

– Какой опытъ, столы вертѣть? И, извините меня, дамы и господа, но, по моему, въ колечко веселѣе играть, по крайней мѣрѣ есть смыслъ.

⁵⁶⁹Удашевъ посмотрѣлъ съ удивленьемъ на князя своими открытыми глазами и, чуть улыбнувшись, тотчасъ же заговорилъ съ Графиней Нордстонъ о предстоящемъ на будущей недѣлѣ большомъ балѣ.

– Я надѣюсь, что вы будете? – обратился онъ къ Кити.

Отпущенный старымъ Княземъ, Левинъ незамѣтно вышелъ, и послѣднее впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этаго вечера, было улыбающееся счастливое лицо Кити, отвѣчавшей⁵⁷⁰ Удашеву на его вопросъ о балѣ.

На большой лѣстницѣ Левинъ встрѣтился съ Облонскимъ, входившимъ наверхъ.

– Чтожь такъ рано, сказалъ Степанъ Аркадьичъ, хватая его за руку.

Левинъ нахмурился и, высвобождая схваченную Облонскимъ руку, сердито проговорилъ:

– Мнѣ нужно еще...

– Что же, что? – съ участіемъ проговорилъ по французски Облонскій.

⁵⁷¹– Да ничего особеннаго. Я тороплюсь.....

Онъ не договорилъ, глотая что то оставшееся въ горлѣ, и сбѣжалъ съ лѣстницы.

* № 17 (рук. № 21).

⁵⁷²Удашевъ между тѣмъ, выѣхавъ въ 12 часовъ отъ Щербацкихъ съ тѣмъ выносимымъ всегда отъ нихъ пріятнымъ чувствомъ чистоты, свѣжести и невинности съ присоединеніемъ поэтическаго умиленія за свою любовь къ Кити и ея любовь, про которую онъ зналъ, – чувство, которое отчасти зависѣло и отъ того, что не курилъ цѣлый вечеръ, – закурилъ папиросу и, сѣвъ въ сани, задумался, куда ѣхать коротать вечеръ. Онъ стоялъ у Дюссо и, зайдя въ столовую, ужаснулся на видъ Туровщина, Игнатьева и Кульмана, ужинавшихъ тамъ.

«Нѣтъ, я не могу съ ними сидѣть нынче». Онъ чувствовалъ, что между имъ и Кити, хотя и ничего еще не было сказано, установилась⁵⁷³ опредѣленная и сознаваемая ими обоими связь и что она почему то особенно усилилась нынѣшній вечеръ.⁵⁷⁴

«Прелестная дѣвушка! И тронулся, тронулся вешній ледокъ», думалъ онъ о ней.

Онъ вернулся въ свой номеръ, велѣлъ себѣ принести ужинать и, открывъ французскій романъ, разстегнувшись, сѣлъ за столъ. Но книга не читалась. Онъ видѣлъ ея, ея румянецъ, ея улыбку, ея робость ожиданія, что вотъ вотъ онъ скажетъ, и боязнь вызвать это слово.

⁵⁶⁹ *Зачеркнуто:* Вронской

⁵⁷⁰ *Зач.*: Вронскому

⁵⁷¹ *Зач.*: – Твоя жена – дурной пророкъ. Ну, прощай, надолго...

⁵⁷² *Зач.*: Вронскій долго не спалъ, ходя взадъ и впередъ по небольшой занимаемой имъ комнатѣ въ огромномъ материнскомъ домѣ. «Надо, надо кончить эту жизнь. А то такъ скучно». На него находила тоска и уныніе и прежде; но теперь нашло еще съ большей силой, чѣмъ когда нибудь. И съ тоской соединялось чувство влеченія къ этой милой дѣвушкѣ съ ея маленькой головкой, такъ удивительно поставленной на тонкой шеѣ и прелестномъ станѣ, и тоска соединялась съ этимъ влеченіемъ. Ему хотѣлось плакать и любить и быть любимымъ. Надо было подумать и рѣшить.

⁵⁷³ *Зачеркнуто:* твердая и важная

⁵⁷⁴ *Зач.*: О чемъ же было думать? Чѣмъ волноваться? Тѣмъ, что онъ счастливъ, что любимъ прелестнѣйшимъ существомъ? Странно сказать, что не останавливало, но задерживало Вронскаго – это то, что это не была большая страсть, на которую онъ такъ давно былъ готовъ,

«Ну и что же? – спросил он себя. – Неужели жениться?» Это было слишком легко и слишком просто. Да и зачем?»

⁵⁷⁵Удашев был ⁵⁷⁶скромный человек, но он не мог не знать, что он был один из лучших женихов в России и что в светском отношении родные Щербацких должны быть более довольны этим браком, чем его родные. Хотя он знал, что ни один Русский человек не сдѣлал бы *mesaillance*,⁵⁷⁷ женившись на Кити, и он знал, что мать его одобряет этот брак, но он чувствовал, что ему не хочется, потому что это слишком легко и просто и вмѣстѣ серьезно.⁵⁷⁸ Удашев никогда не знал⁵⁷⁹ семейной жизни. Самый брак, самая семейная жизнь, помимо той женщины, которая будет его женой, не только не представляли для него никакой прелести, но он по своему взгляду на семейную жизнь видѣл до сих пор, что на мужѣ лежит отпечаток чего то смѣшнаго. Он никогда и не думал жениться до нынѣшней зимы в Москвѣ, когда он влюбился в Кити.⁵⁸⁰ Только теперь, чем дальше и дальше заходили его отношенія съ нею, ему приходила эта мысль; но она приходила ему только по отношенію къ нему самому. По отношенію же къ ней, о томъ, что она, любя его, будет несчастлива, если онъ не женится, эта мысль никогда не приходила ему в голову. И потому онъ только спрашивалъ себя, необходимо ли для его счастья жениться на ней, и былъ въ нерѣшительности. Онъ былъ уменъ и добръ. Но потому ли, что всякое чувство слишкомъ сильно овладѣвало имъ, или потому, что онъ не задумывался надъ жизнью, у него в головѣ никогда не помѣщалась вмѣстѣ мысль о томъ, что ему нужно отъ человека и что человеку нужно отъ него.

Выйдя очень молодымъ блестящимъ офицеромъ изъ школы, онъ сразу попалъ въ колею богатыхъ петербургскихъ военныхъ и, хотя и ѣздилъ в свѣтъ изрѣдка, не имѣлъ в свѣтѣ ни связей и ни разу по тому тону, царствующему в его кругѣ, не ухаживалъ за дѣвушкой. Тутъ, в Москвѣ, это случилось съ нимъ в первый разъ, и в первый разъ онъ испытывалъ всю прелесть, послѣ роскошной, утонченно грубой петербургской жизни, сближенія съ невиннымъ прелестнымъ существомъ, которое полюбило его. Онъ не зналъ, что это заманиваніе барышень безъ намѣренія жениться есть одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ дурныхъ и пріятныхъ поступковъ блестящихъ молодыхъ людей, какъ онъ. Онъ думалъ, что онъ самъ первый открылъ его, и наслаждался своимъ открытіемъ. Онъ видѣлъ, какъ онъ говорилъ себѣ, что ледокъ весенній таятъ и она была переполнена любви къ нему, что изъ нея, какъ изъ налитаго яблочка, готова была брызнуть эта любовь. Стоило ему только сказать слово. Онъ не говорилъ этаго слова, и упрекать ему себя не за что было. Онъ говорилъ, что всегда говорятъ в свѣтѣ, всякій вздоръ, но вздоръ такой, которому онъ умѣлъ придавать для нея смыслъ. Онъ ничѣмъ не связалъ себя, онъ только в Москвѣ, какъ в деревнѣ, веселился невинными удовольствіями (онъ часто думалъ, какъ посмѣялись бы ему его товарищи), но послѣднее время его честная

⁵⁷⁵ *Зач.*: Вронской

⁵⁷⁶ *Зач.*: одинъ изъ самыхъ скромныхъ людей

⁵⁷⁷ [неравного брака,]

⁵⁷⁸ *Зачеркнуто*: Вронской

⁵⁷⁹ *Зач.*: и не любилъ

⁵⁸⁰ *Зач.*: Выйдя на волю в своемъ Петербургскомъ блестящемъ гвардейскомъ кругѣ, онъ тотчасъ же попалъ на актрисъ и кокетокъ, но натура его была слишкомъ честная, простая и вмѣстѣ тонкая, чтобы увлечься этими женщинами. Онъ имѣлъ эти связи также, какъ пилъ в полку не оттого, что любилъ, а оттого же самаго, отчего люди курятъ. Всѣ дѣлаютъ, навязываются эти женщины, и питье само собой, и дурнаго тутъ ничего нѣтъ; напротивъ, есть что то пріятное, хорошее, состоящее в томъ, чтобы, чувствуя в себѣ силы на все лучшее, дѣлать самое ничтожное. Это сознание того, что я всегда выше того, что я дѣлаю, и удовольствіе в этомъ сознаніи было главное руководящее послѣднее время чувство всей жизнью Вронскаго. Онъ говорилъ по англійски, какъ Англичанинъ, по французски, какъ Французъ, жилъ в Лондонѣ и Парижѣ, но онъ былъ вполнѣ русскій человекъ. Онъ не могъ переносить фальши и такъ боялся того, чтобы имѣть видъ человека, полагающаго, что онъ дѣлаетъ важное дѣло, а дѣлаетъ пустяки, что онъ всегда дѣлалъ пустяки и имѣлъ такой видъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ чувствовалъ и другіе чувствовали, что в немъ сидѣлъ запасъ чего то. Теперь ему надо было разстаться съ этимъ чувствомъ, и это не останавливало, но задерживало его; надо было излить этотъ запасъ силы любви, и ему жалко было.

натура подсказывала ему, что надо предпринять что то, что что то может быть нехорошо. Но какъ только онъ говорилъ себѣ – жениться? – ему чего-то совѣстно становилось и казалось, что этаго нельзя. Нынѣшній вечеръ онъ однако почувствовалъ, что надо рѣшить вопросъ.

«Ну, что же – жениться? Ахъ, все бы, только не жениться», наивно отвѣчалъ онъ себѣ. Мало того, что это было слишкомъ просто и легко [*1 неразобр.*] мало того, что онъ никогда не думалъ о женитьбѣ и семьѣ и не могъ представить себѣ жизни внѣ условій холостой свободы, – главная причина была та, что онъ, женившись, выпускалъ тотъ зарядъ чего то, который онъ держалъ въ запасѣ и который онъ не считалъ нужнымъ выпускать.

Онъ ничего не дѣлалъ путнаго, онъ это зналъ, но онъ не представлялъ изъ себя человѣка, который дѣлаетъ важное дѣло, а, напротивъ, онъ имѣлъ видъ человѣка, всѣмъ пренебрегающаго и не хотящаго дѣлать ничего. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ и другимъ давалъ чувствовать, что если бы онъ захотѣлъ, то онъ многое бы могъ сдѣлать. И в этомъ была его роль, къ которой онъ привыкъ и которой гордился. Женись онъ, и кончено.

«Да, прелестная дѣвушка и милая! Какъ она любитъ невинно, – думалъ онъ.⁵⁸¹ – Ну, а потомъ? Впрочемъ, все видно будетъ. Еще времени много, и я ничѣмъ не связалъ себя».

№ 18 (рук. № 17).

Онъ кончилъ первымъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ и имѣлъ большую способность къ математикѣ, но не бралъ, кромѣ какъ на ночь, книги – романа – въ руки; онъ былъ любезный, блестящій, свѣтскій человѣкъ и предпочиталъ женщинъ и не ѣздилъ въ общество. Онъ по положенію и примѣру брата могъ бы идти по дорогѣ честолюбія. Успѣхами онъ пренебрегалъ и былъ во фронтѣ; онъ былъ богатъ и отдалъ все состояніе брату, женатому, оставивъ себѣ 30 тысячъ въ годъ. Отъ лѣни ли, отъ того ли, что онъ хотѣлъ уберечь свѣжесть запаса, не растративъ его кое-какъ, но въ этой жизни спустя рукава онъ находилъ удовольствіе.

* № 19 (рук. № 13).

VII.

На другой день былъ морозъ еще сильнѣе, чѣмъ наканунѣ. Иней начиналъ спадать. И туманъ стоялъ надъ городомъ.

Въ 11 часовъ утра Степанъ Аркадьичъ, выѣхавъ встрѣчать сестру, неожиданно столкнулся на подъѣздѣ станціи съ Вронскимъ, пріѣхавшимъ съ старымъ лакеемъ въ ливреѣ, въ огромной старинной съ гербами каретѣ.⁵⁸²

– А, Ваше сіятельство! – вскрикнулъ Степанъ Аркадьичъ, только что выйдя изъ кареты, стоя на приступкахъ большой лѣстницы и дожидаясь, пока отѣдетъ его карета и подъѣдетъ карета, изъ которой выглядывалъ Вронскій. – А каковъ морозъ? Ты за кѣмъ?

Степанъ Аркадьичъ, какъ и со всѣми, былъ на ты съ Вронскимъ, но почему то, особенно со стороны Вронскаго, это было непрочно и неловко.

– За матушкой. Она нынче должна быть изъ Петербурга, – отвѣчалъ Вронскій, поддерживая саблю, выходя изъ кареты. – Я думаю, ужъ нѣтъ другаго такого экипажа въ Москвѣ. А

⁵⁸¹ *Зачеркнуто:* «Да, я люблю ее, выйду въ отставку. Да и потомъ, она любитъ меня, и я не могъ, если бы и хотѣлъ, бѣжать теперь. Конецъ пьянству и полковой прежней жизни, и пора. А какая будетъ будущая – убей Богъ, не знаю и представить не могу. Но рѣшено, такъ рѣшено», сказалъ онъ, и когда у него было что рѣшено, то это было рѣшено совсѣмъ; это зналъ всякій, знавшій его, и сказалъ всякій, кто только видѣлъ его простое, твердое лицо. «Главное, грустно, ужасно грустно».

⁵⁸² *Зач.*: «Вронскій былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, съ которыми Алабинъ не былъ [на] ты.» Несмотря на то, что Алабинъ познакомился съ нимъ только мѣсяцъ тому назадъ, онъ ужъ былъ съ нимъ на ты, хотя это ты, видимо, неловко было Вронскому.

вы кого встрѣчаете? – И⁵⁸³ вспомнив, что онъ на ты, что ему всегда было неловко, прибавилъ, пожимая руку: – Ты кого встрѣчаешь? – И они пошли въ большую дверь.

– Я? Я хорошенькую женщину, – сказалъ онъ улыбаясь. – Я думаю, что самую хорошенькую и самую нравственную женщину Петербурга – сестру Анну, – сказалъ онъ, – Каренину, – разрѣшая недоумѣвающій наивный взглядъ агатово-черныхъ глазъ Вронскаго. – Ты ее, вѣрно, знаешь?

– Къ⁵⁸⁴ сожалѣнію нѣтъ. Я встрѣтилъ разъ Анну... – онъ задумался... – Аркадьевну давно у дяди, но едва ли она помнитъ меня.

– Ну а Алексѣя, моего могущественнаго зятя, вѣрно знаешь? Вотъ человѣкъ, который пойдетъ далеко!

– Алексѣя Александровича я⁵⁸⁵ знаю. Онъ не только пойдетъ, но ужъ и пошелъ далеко. Это вполне государственный человѣкъ.

– Уу! – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, выражая этимъ восклицаніемъ способность зятя къ дѣятельности государственнаго человѣка. – И отлично живутъ, примѣрная семья, – сказалъ онъ, выражая этимъ, какъ понималъ Вронскій, свое удивленіе къ тому, что счастливая семейная жизнь можетъ существовать даже при такой некрасивой и жалкой наружности, какъ наружность Алексѣя Александровича.

– Да, но очень уменъ, – отвѣчалъ Вронскій и,⁵⁸⁶ кажется, хорошій очень человѣкъ.

– Я не спорю, я его очень люблю, отличный малый, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ про зятя такимъ тономъ, который показывалъ, что онъ не любилъ его, на сколько могъ Степанъ Аркадьичъ не любить когонибудь. – Но Анна – это такая прелесть. Я не знаю женщины лучше, добрѣе ее.

Вронскій смотрѣлъ прямо на Алабина своими большими прекрасными глазами и, такъ какъ нечего было сказать на это, ничего не сказалъ; но въ душѣ онъ удивлялся этой нѣжности брата къ сестрѣ, тѣмъ болѣе, что⁵⁸⁷ онъ особенно не любилъ тотъ петербургскій кружокъ, котораго Анна Аркадьевна составляла украшеніе. Если онъ бѣжалъ подъ предлогомъ болѣзни отъ почестей, которыя его ждали въ Петербургѣ, то преимущественно вслѣдствіи отвращенія къ тому могущественному кружку, котораго главнымъ лицомъ былъ Алексѣй Александровичъ и который казался ложнымъ, фальшивымъ, напыщеннымъ Вронскому. Это былъ тотъ кружокъ, который Вронскій называлъ шуточно: утонченно-хомяковско-православно-женско-придворно-славянофильски добродѣтельно изломанный. И ему много лжи, притворства, скромности и гордости казалось въ этомъ тонѣ, и онъ терпѣть не могъ его и лицъ, какъ Каренины, мужа, жену и сестру, которыя составляли его. Отъ этаго онъ ничего не отвѣтилъ Алабину.

– Ты взойди сюда, Михайла, – сказалъ Вронскій къ высокому старому материному лакею, пріѣхавшему съ нимъ. – Для матушки вѣдь переѣздъ изъ Петербурга въ Москву теперь кажется труднѣе, чѣмъ на лошадахъ, – улыбаясь своей кроткой и тихой улыбкой, сказалъ Вронскій. – Тамъ братъ посадилъ ее въ вагонъ съ дѣвушкой и съ Джипомъ, приказалъ кондуктору дѣлать такъ, чтобы какъ можно было похоже на карету, здѣсь мы съ Михайлой встрѣтимъ.

– Вѣрно, въ особомъ отдѣленіи?

– Ну, разумѣется. Чтобъ она была довольна, надо, чтобы провезти ее изъ Петербурга въ Москву такъ, чтобы она не чувствовала, что смѣшалась съ другими, чтобы ее мірокъ, атмосфера ѣхали съ нею...

⁵⁸³ *Зачеркнуто*: слегка покраснѣвъ

⁵⁸⁴ *Зач.*: удивленію

⁵⁸⁵ *Зач.*: давно

⁵⁸⁶ *Зач.*: прекрасный

⁵⁸⁷ *Вслед за этимъ написано*: то, что онъ зналъ объ Карениной. Слова эти, какъ явствуетъ изъ контекста, не зачеркнуты Толстымъ, видимо, по рассеянности.

– Ну да, ну да, – говорил Степань Аркадьичъ, сіяя глазками. – Что, скоро ли? Лучше бы пройти туда на платформу.

Такъ говорили они, ходя взадъ и впередъ по залъ и ожидая прихода поѣзда.⁵⁸⁸

⁵⁸⁹Приближеніе время прихода поѣзда все болѣе и болѣе обозначалось движеніемъ, приготовленіемъ⁵⁹⁰ на станціи, бѣганьемъ артельщиковъ, прислуги, отпираниемъ шкапчиковъ, съ газетами, появленіемъ жандармовъ, служащихъ и подѣздомъ встрѣчающихъ. Степань Аркадьичъ и⁵⁹¹ Вронскій⁵⁹² были не только пропущены, но приглашены на платформу за тѣ самыя двери, отъ которыхъ⁵⁹³ отгоняли другихъ, желавшихъ пройти туда же.

Морозный паръ лежалъ на всемъ. Холодно было смотрѣть на рельсы. Рабочіе въ шубахъ съ обиндѣвшими усами дѣлали что то. Закутанный стрѣлочникъ пробѣжалъ. Какой то паровикъ свистя проѣхалъ по дальнимъ рельсамъ. Наконецъ засвистѣлъ вдали паровозъ, загудѣла труба, задрожала платформа и, пыхая сбиваемымъ книзу паромъ, сталь подкатываться огромный тендеръ съ своимъ кланяющимся начальнику станціи крѣпышомъ машинистомъ, обиндѣвшимъ и обвязаннымъ, въ курткѣ, и медленно и мѣрно насупливающимся и растягивающимся рычагомъ средняго колеса, и за тендеромъ, все медленнѣе и медленнѣе и болѣе колебля платформу, стали проходить почтовый вагонъ, вагоны съ багажами и съ визжавшей собакой, потомъ классы съ высывающимися [?] изъ-за оконъ пассажирами – коричневые 2-го, потомъ синій 1-го класса. Молодцоватый кондукторъ, на ходу давая свистокъ, соскочилъ сзади, и вслѣдъ за

⁵⁸⁸ *На верхнем крае поля написано:* Степань Аркадьичъ убить всегда натошакъ, а нынче особенно, и завидуеть.

⁵⁸⁹ *Зачеркнуто:* Извоищичья карета Степана Аркадьича задержалась у подѣзда станціи другой темной старомодной каретой на парѣ бѣлыхъ перекормленныхъ лошадей съ свалившимися шлеями и желобами по спинамъ и съ старымъ кучеромъ и толстымъ лакеемъ на козлахъ. Изъ кареты необходимо должна была выдти старая московская барыня, <какъ изъ желтой гусеницы шелковичнаго червя должна выдти бѣлая бабочка.> Но совершенно неожиданно Степань Аркадьичъ увидаль, что въ то время, какъ старикъ, толстый лакей, только закопошился на козлахъ, собираясь слѣзть, дверца, какъ выстрѣлила, отворилась, стукнувшись въ размахъ о колесо, и изъ кареты выпрыгнулъ знакомый конногвардеецъ Алабина Гагинъ, жившій эту зиму въ отпуску въ Москвѣ и такъ пристально ухаживавшій за свояченицей Алабина, за Кити Щербацкой, что каждый день ожидалось объявленіе о ихъ обрученіи. – А, Алабинъ! Вы за кѣмъ? – проговорилъ Гагинъ, пожимая руку знакомому, и, не дожидаясь отвѣта, указывая улыбаясь на слѣзавшаго, съ козель старика лакея, по французски сказалъ: – А я за матушкой, ѣдетъ изъ Петербурга отъ брата. Вы видѣли, я думаю, ея пару въ каретѣ. Такой классической пары, я думаю, ужъ не осталось въ Москвѣ. Это матушкина гвардія. Ей кажется, что безъ него переѣздъ на Пречистенку не совсѣмъ безопасенъ. Матушка пріѣзжаетъ нынче, – прибавилъ онъ. – Да, а вы за кѣмъ? – За сестрой. – Анна Аркадьевна Каренина, слышалъ; но никогда не имѣлъ чести быть представленнымъ. Я вчера не засталъ васъ въ театрѣ, а нельзя было раньше. Кузьмичъ, ты войди сюда, чтобъ Княгиня сейчасъ увидѣла тебя, – обращался онъ къ старому лакею. – Ахъ да, виноватъ, вы что-то говорили. Обѣдать? Пожалуй, давайте обѣдать гдѣнибудь вмѣстѣ; только я приведу съ собой своего чудака Удашева Костю; онъ вчера пріѣхалъ и у меня остановился. А вечеромъ я у вашихъ. Впрочемъ, не знаю, матушка отпуститъ ли меня. Какъ бы, голубчикъ, отпереть эту дверь, – обратился онъ къ служащему на желѣзной дорогѣ, – вѣдь скоро придетъ? Да вотъ какъ мы сдѣлаемъ. Мнѣ нужно на Прѣсно, на проѣздку, мой Беркутъ бѣжить, и ваши, т. е. Княгиня съ дочерью, будутъ въ Саду на конькахъ, я обѣщался зайти Княгинѣ. Такъ тамъ сойдемся и рѣшимъ, обѣдаемъ ли вмѣстѣ и гдѣ. Хорошо? Такъ говорилъ Гагинъ, молодой, красивый юноша, ни громкимъ, ни тихимъ голосомъ, спрашивая и не дожидаясь отвѣта, не дослушивая того, что ему говорили, перебивая въ срединѣ рѣчи, очевидно не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что сотни постороннихъ глазъ видятъ и ушей слышатъ его, и двигаясь среди людей, вниманіе которыхъ онъ, очевидно, обращалъ на себя своей красивой, самоувѣренной, элегантной и счастливой фигурой, также свободно, какъ бы онъ былъ одинъ съ своимъ пріятелемъ. Не смотря на то, что въ разговорѣ онъ спрашивалъ и не дослушивалъ отвѣта, перебивая въ срединѣ рѣчи, онъ дѣлалъ все это такъ живо и безсознательно и когда замѣчалъ, что сдѣлалъ неучтивость, толкнувъ ли кого нечаянно, или перейдя дорогу дамѣ, или перебивъ рѣчь, такъ охотно, видимо отъ всей души, извинялся, и такое еще съ дѣтства очевидно нетронутое веселье жизни и свѣжесть были во всѣхъ его чертахъ и движеніяхъ, что въ большинствѣ людей, которые видѣли его, двигаясь по залъ станціи, онъ возбуждалъ чувство зависти, но зависти безъ желчи. «Вотъ счастливый, неломанный, не мученый человѣкъ!» говорилъ всякій, кто видѣлъ его. И это самое, вспоминая бывшую дома сцену, думалъ, глядя на него, Степань Аркадьичъ. «Вотъ счастливый человѣкъ! – думалъ Степань Аркадьичъ, поутру, до завтрака, особенно нынче, послѣ сцены съ женою, находившійся въ меланхолическомъ расположеніи духа. – Богатъ, что дѣвать некуда денегъ, и свободенъ, какъ птица. Чего ему еще?» Въ томъ, что онъ красивъ и здоровъ, Степань Аркадьичъ не завидовалъ ему: эти качества, имѣя ихъ въ высшей степени, Степань Аркадьичъ не считалъ за благо, такъ какъ не зналъ, что такое ихъ отсутствіе. – Хорошо, послѣ Суда я заѣду въ садъ, – сказалъ Степань Аркадьичъ, – и пообѣдаемъ.

⁵⁹⁰ *Зачеркнуто:* въ буфетѣ и

⁵⁹¹ *Зач.*: Гагинъ

⁵⁹² *Зач.*: въ числѣ 2-хъ, 3-хъ нѣкоторыхъ избранныхъ

⁵⁹³ *Зачеркнуто:* какъ безумныхъ,

нимъ стали по одному на останавливающемся ходу сходить нетерпѣливые пассажиры – Гвардейскій офицеръ, прямо держась и строго оглядываясь, и купчикъ съ сумкой, весело улыбаясь.

⁵⁹⁴Навстрѣчу выходявшимъ толпились встрѣчающіе и влѣзали въ вагоны въ фартукахъ и съ бляхами на грудяхъ артельщики. Толпа, все увеличиваясь и увеличиваясь, загромодила платформу.⁵⁹⁵ Вронскій стоялъ рядомъ съ Алабинымъ, и оба оглядывали вагоны, отыскивая тѣхъ, кого они встрѣчали.⁵⁹⁶

III

– Графиня Вронская въ этомъ отдѣленіи, пожалуйста, – сказалъ молодой кондукторъ, прикладывая руку къ шапкѣ, подходя къ Вронскому.⁵⁹⁷ Видно было, что хотя онъ и шутилъ только что о привычкахъ своей матери, свиданье съ ней занимало его всего.

Онъ, никого не видя, быстро пошелъ за кондукторомъ. Въ самыхъ дверяхъ вагона онъ почти столкнулся съ невысокой дамой въ бархатномъ платьѣ, обшитомъ мѣхомъ, съ необыкновенно тонкой таліей и широкими плечами. Остановившись, чтобы извиниться и дать ей пройти, онъ взглянулъ въ ея лицо, скромно выглядывавшее изъ овальной рамки бѣлаго платка, которымъ была обвязана ея голова и шея.⁵⁹⁸ Задумчивые сѣрые глаза изъ-подъ необыкновенно длинныхъ рѣсницъ смотрѣли на него дружелюбно внимательно. И дама отстранилась, давая ему дорогу. Онъ поклонился и прошелъ къ своей матери, которая, сбросивъ съ колѣнъ собачку, съ трудомъ поднимала свое одѣтое въ малиновую бархатную шубку тяжелое старческое тѣло съ диванчика и радостно улыбалась ему и съ своей одышкой уже тяжело дышала отъ всего того, что она хотѣла только сказать любимому сыну.

– Получилъ телеграмму? Здоровъ? Ну, слава Богу.

– Хорошо доѣхали? – слушалъ и говорилъ онъ, цѣлуя пухлую руку матери и вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ: «Ахъ, это вѣдь Каренина, а я и не узналъ». И онъ оглянулся.

Каренина стояла у двери, слегка улыбаясь красными, изогнутыми губами, и глядѣла тѣми же задумчивыми глазами въ дверь, ожидая, вѣроятно, брата и, очевидно, стараясь не мѣшать свиданію сына съ матерью.

– Анна! А вашъ братъ? Неужели его нѣтъ, – сказала старуха, за взглядомъ сына перенеся свои глаза на Каренину.

Каренина поразила въ первую минуту Вронскаго своими таинственными глазами и особеннымъ страннымъ, но сильнымъ и вмѣстѣ граціознымъ сложеніемъ; теперь, когда онъ

⁵⁹⁴ *Зач.*: Оставалось 5 минутъ до прихода поѣзда, когда Степанъ Аркадьичъ вошелъ въ залу 1-го класса, гдѣ ужъ толпились нѣсколько встрѣчающихся и буфетчики готовились къ пріѣзду. Степанъ Аркадьичъ зналъ всѣхъ почти, и всѣ его знали, такъ что, когда онъ вошелъ въ залу, его блестяще вычищенная шляпа безпрестанно приподнималась съ его кудрявой головы и опять всякій разъ попадала на тотъ же слѣдъ, немного на бокъ. Въ числѣ знакомыхъ Степану Аркадьичу была особенно пріятна, какъ казалось, встрѣча красавца конногвардейскаго Поручика Князя Гагина. Гагинъ пріѣхалъ встрѣчать мать. И такъ какъ Алабинъ и Гагинъ были однаго круга и близкіе знакомые, они все время до прихода поѣзда ходили вмѣстѣ.

⁵⁹⁵ *Зач.*: Гагинъ

⁵⁹⁶ *Зач.*: <Гагинъ> Вронскій ужъ собирался войти въ вагонъ, когда онъ увидалъ – прямо передъ нимъ на крылечко вагона вышла невысокая дама въ черной шубкѣ и, перегнувшись по направленію къ Алабину, проговорила:– Стива! Онъ не слыхалъ и не видалъ ее, оглядывая другіе вагоны. Дама улыбнулась. И по этой улыбкѣ Гагинъ тотчасъ узналъ ее за сестру Степана Аркадьича. Замѣтивъ на себѣ внимательный взглядъ молодаго человѣка, она перестала улыбаться и, вернувшись въ дверь, сказала что-то и вслѣдъ за тѣмъ опять вышла и внимательно посмотрѣла на него, какъ будто ей нужно было признать его. Въ это время Степанъ Аркадьичъ прошелъ на другую сторону вагона и опять отыскивалъ сестру тамъ, гдѣ ея не было, и не видалъ и не слыхалъ, какъ она опять звала его:– Стива! Стива! И опять она улыбнулась, и опять Гагинъ, забывъ про мать, полюбовался на ея быстрыя движенія, на прекрасное лицо и добрую, веселую улыбку.– Алабинъ! – крикнулъ Гагинъ, – здѣсь, здѣсь васъ ищутъ. Анна Аркадьевна чуть наклонила голову, благодаря Гагина, и легкимъ шагомъ сошла съ крылечка. Гагинъ въ то же время увидалъ изъ окна вагона старушку въ лиловой шляпѣ съ сѣдыми буклями и красивымъ морщинистымъ лицомъ. Старушка, его мать, манила его къ себѣ, и Гагинъ побѣжалъ въ вагонъ, но на крылечкѣ оглянулся, чтобы видѣть, какъ она встрѣтится съ братомъ. Хоть это и неловко было, онъ остановился, глядя на ихъ встрѣчу, и невольно чему-то улыбался.

⁵⁹⁷ *Зачеркнуто*: Вронскій быстро пошелъ въ вагонъ.

⁵⁹⁸ *Зач.*: Большеіе

посмотрѣлъ еще разъ на нее, его поразило необыкновенное спокойствіе граціи въ ея позѣ. Она ждала и не торопилась.

Улыбка, какъ будто много знающая и относящаяся къ нему и немного насмѣшливая, почему то тревожила Вронскаго.

– Братъ вашъ здѣсь.

– Да, онъ всегда ищетъ тамъ, гдѣ не надо, – сказала она, – онъ 2 раза пробѣжалъ мимо нашего вагона, – сказала она, и звуки ея голоса, густаго, нѣжнаго и чрезвычайно естественнаго (что, къ несчастью, онъ слышалъ такъ рѣдко), опять, какъ неожиданностью, поразили его.

– Извините меня, я не узналъ васъ въ первую минуту, да и вы, вѣроятно, не помните меня.

– О нѣтъ, – сказала она, – я бы узнала васъ, потому что мы съ Графиней, кажется, всю дорогу говорили про васъ, – и она улыбнулась опять, и опять въ этой улыбкѣ ему показалась насмѣшливость, и онъ подумалъ: «Вѣроятно, матушка рассказывала ей и мои планы женитьбы», и почему то это ему непріятно показалось.

Онъ быстро вышелъ на крылечко и крикнулъ:

– Алабинъ, твоя сестра здѣсь!⁵⁹⁹

И Степанъ Аркадьичъ, толкая народъ, улыбаясь, быстрымъ шагомъ прошелъ мимо оконъ, но опять, къ удивленію Вронскаго, Каренина не дождалась его, а быстрой, легкой походкой подошла навстрѣчу брату и, просіявъ лицомъ, какъ будто попавъ подъ лучъ свѣта, обхватила его правой рукой за шею, крѣпко и быстро притянула къ себѣ и, громко чмокнувъ, поцѣловала.⁶⁰⁰

Что то въ быстрыхъ, но всегда граціозныхъ въ своей простотѣ движеніяхъ и въ походкѣ, такъ странно легко носившей довольно полное тѣло, было опять особенно ново и поразительно для Вронскаго.⁶⁰¹

– Прелестъ! – сказала старушка про Каренину. – Ее мужъ со мной посадилъ, и я такъ была рада, такая милая, добрая. Прелестная женщина, – продолжала старушка, не прерывая своихъ похвалъ, несмотря на то, что предметъ ихъ, Каренина, опять вошла въ вагонъ, чтобы проститься съ Графиней.

– Ну, вотъ вы, Графиня, встрѣтили сына, а я брата, и теперь прощайте, благодарю васъ очень, очень, – сказала она по французски. – И всѣ исторіи мои пришли къ концу, а то бы нечего ужъ рассказывать.

– Ну, нѣтъ, милая, – сказала старушка, трепля и глядя руку сына, которую она держала въ своей рукѣ. – Я бы съ вами объѣхала вокругъ свѣта и не соскучилась. Вы однѣ изъ тѣхъ милыхъ женщинъ, съ которыми и поговорить и помолчать пріятно. А объ сынѣ, пожалуйста, не думайте. Нельзя такъ не разлучаться никогда. У Анны Аркадьевны – сказала Графиня, объясняя сыну, – есть сыночекъ 8 лѣтъ, кажется, и она никогда съ нимъ не разставалась и все мучается, что оставила его.

– Да, мы всю дорогу съ Графиней говорили – я о своемъ, она о своемъ сынѣ, – сказала Каренина, поправляя неловкое положеніе, въ которое ихъ ставила старушка, и опять насмѣшливая улыбка показалась на ея губахъ.

«Зачѣмъ мама ей рассказывала про мою любовь», подумалъ онъ.

– Ну, прощайте, прощайте, милая. Дайте поцѣловать ваше хорошенькое личико. Безъ васъ бы я пропала.

⁵⁹⁹ *Зачеркнуто:* и черезъ минуту въ вагонъ съ трескомъ <ввалился> вошелъ Степанъ Аркадьичъ.– А, наконецъ то, – закричалъ онъ.

⁶⁰⁰ *Зач.*: «Какая странная и милая», подумалъ Гагинъ.

⁶⁰¹ *Зач.*: Старушка ждала ужъ его.– Получилъ телеграмму? Здоровъ? Ну, слава Богу.– Хорошо доѣхали? Чтожъ, можно выходить.– Анисья моя пропала.– Это ваши вещи?Выходя изъ вагона подъ руку съ матерью, онъ опять отыскалъ глазами сестру и брата, которые стояли, задержанные толпой у двери.Когда старушка догнала Анну Аркадьевну, Анна Аркадьевна опять улыбнулась ей.

– Ваша матушка слишком добра. Я благодаря ей не видѣла времени, – сказала Каренина и, наклонивъ съ улыбкой голову, подала руку Вронскому и вышла.

«Такъ вотъ онъ, этотъ необыкновенный сынъ! этотъ герой, этотъ фениксъ, который влюбленъ и котораго всетаки не можетъ стоять ни одна женщина, – думала Каренина, вспоминая хвалы матери своему сыну. – Ахъ, Боже мой, да что мнѣ за дѣло».

– Ну, Аннушка, ты ужь устрой багажъ и приѣзжай, – сказала она подошедшей дѣвушкѣ, доставая билетъ, и положила руку на руку брата.

– Послушай, любезный, вещи сестры, – сказалъ онъ служащему, кивнувъ пальцемъ, и прошелъ съ ней въ дамскую комнату.

– Ну что жъ, какъ ты, Анна? Алексѣй Александровичъ, твой Сережа?

– Все⁶⁰² хорошо, очень хорошо.

– Впрочемъ и спрашивать нечего. Ты сіяешь, – сказалъ Стива, какъ будто издалека вглядываясь въ нее, – и пополнѣла ровно на столько, чтобы не подурнѣть, а похорошѣть.

⁶⁰³– Право? Ну, мнѣ все равно. Но что жъ это? – сказала она съ грустнымъ выраженіемъ. – Неужели? Ахъ, Стива, Стива! – сказала она, покачивая головой. – Это ужасно. Женщины не прощаютъ этаго.

Онъ зналъ, что она говорила про его невѣрность. Онъ писалъ ей. Онъ съ виноватымъ лицомъ стоялъ передъ нею.

– Послѣ, послѣ. Да, ужасно, я негодяй, но помоги, но пойми.

⁶⁰⁴Старый⁶⁰⁵ дворецкій, ѣхавшій съ Графиней, явился въ вагонъ доложить, что все готово. И Графиня прервала свой рассказъ о внукѣ, крестникѣ, о милости Государя и др. и со страхомъ поднялась, чтобы идти сквозь столь ненавистную ей толпу станціи желѣзной дороги.

– Пойдемте, мама, теперь мало народа, и мы васъ проведемъ прекрасно, – сказалъ сынъ.

Дѣвушка несла мѣшекъ и собачку, артельщикъ другіе мѣшки. Вронскій велъ подъ руку, дворецкій поддерживалъ за другую руку. Съ трудомъ перебравшись черезъ мучительный для старыхъ людей порогъ, шествіе тронулось дальше и подходило уже къ⁶⁰⁶ залѣ. Молодая дама въ блестящей атласной шубкѣ, съ краснымъ чѣмъ то на подолѣ, съ блестящими ботинками съ пуговицами и кисточками и съ лиловой вуалью до половины нарумяненного лица, громко⁶⁰⁷ говоря что-то, съ испуганнымъ лицомъ почти пробѣжала навстрѣчу и чуть не толкнула старуху и привела ее въ ужась.⁶⁰⁸ Еще пробѣжалъ артельщикъ. Очевидно что-то случилось на станціи. Послышались шаги, голоса, и народъ отъ подѣзда хлынулъ назадъ, и ужась чего-то случившагося распространился на всѣхъ лицахъ.

– Что такое? что, гдѣ? Бросился? Раздавили?

Вронскій посадилъ мать на кресло рядомъ съ Карениной и быстрыми шагами пошелъ за Степаномъ Аркадьичемъ, пошедшимъ узнавать, что такое.

⁶⁰² *Зачеркнуто:* прекрасно, прекрасно, такъ прекрасно, какъ никогда не было въ жизни. Весело.

⁶⁰³ *Зач.*: Да знаешь, – говорила она улыбаясь, – я какъ то освободилась отъ всего. Я спокойна съ Алексѣемъ Александровичем, и наши отношенія самыя лучшія, твердыя: нѣтъ ни ревности, ни холодности. На Сережу радуюсь, и самой <весело> легко жить. Особенно Москва и ты на меня дѣйствуютъ, точно въ дѣтствѣ воскресенье послѣ уроковъ, весело.

⁶⁰⁴ *Зачеркнуто:* Такъ они говорили, дожидаясь, когда въ комнату вошелъ

⁶⁰⁵ *Зач.*: лакей

⁶⁰⁶ *Зач.*: выходнымъ дверямъ, у которыхъ, еще не уѣхавъ, а дожидаясь вещей, разговаривая стояли Алабинъ съ сестрой, когда вдругъ что-то, очевидно, произошло гдѣ то на станціи. Пробѣжалъ одинъ артельщикъ, потомъ жандармъ съ ужасомъ на лицахъ, и толпа съ подѣзда хлынула назадъ навстрѣчу Графинѣ.– Ахъ, матушки! Что такое, что такое? – задыхаясь говорила старушка. Пока ее усаживали въ сторонѣ на лавочкѣ, Алабинъ подошелъ къ Графинѣ. Но она не видала его и не отвѣчала его поклону, она слишкомъ <испуганно> занята была своимъ <шествіемъ>

⁶⁰⁷ *Зач.*: смѣясь съ молодымъ челоѣкомъ, чуть

⁶⁰⁸ *Зач.*: Каренина смотрѣла на него. Вронскій чувствовалъ это и улыбался. Уже старуха выходила въ выходныя двери, какъ вдругъ

Стрѣлочникъ попалъ подъ отодвигаемый поѣздъ, и его раздавило на смерть. Еще прежде чѣмъ вернулись Вронскій и Алабинъ, лакей разсказалъ это Графинѣ.

Степанъ Аркадьичъ вернулся прежде и разсказалъ ужасныя подробности.

– Но гдѣ же Алеша? – задыхаясь и трясясь, спрашивала мать, какъ будто боясь, съ нимъ бы не случилось чего.

– Вотъ онъ идетъ.

⁶⁰⁹Вронскій шелъ торопливо, застегивая сертукъ, и лицо его было блѣдно, какъ платокъ.

– Поѣдемте, мама.

– Чтожь, неужели ты видѣлъ его?

– Да,⁶¹⁰ видѣлъ.

– Совсѣмъ убить, умеръ? – спросила Анна Аркадьевна.

Онъ взглянулъ на нее⁶¹¹ строго, какъ ей показалось.

– Да, – отвѣчалъ онъ холодно.

– Ужасно то, что осталось несчастное семейство, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ. – Какая ужасная смерть.

– Напротивъ, мгновенная, – сказалъ Вронскій.

– Мгновенная, – повторила она задумчиво, и красота ея таинственныхъ, въ глубь смотрящихъ глазъ поразила его. – Ну, прощайте еще разъ, Графиня, – сказала она.

– Ну, поѣдемте, мама, – сказалъ сынъ.

Но только что онъ взялъ ее за руку, какъ подошелъ Начальникъ Станціи.

– Вы пожертвовали для семейства убитаго 200 рублей, потрудитесь записать.

Вронскій оглянулся на Анну, она пристально смотрѣла на него. Онъ покраснѣлъ и отошелъ съ Начальникомъ Станціи, что то живо говоря ему.⁶¹²

– Что съ тобой, Анна? – спросилъ братъ, когда они отѣхали уже нѣсколько сотъ сажень.

Анна молчала и тряслась вся, какъ въ лихорадкѣ.

– Ничего, – сказала она, насильно улыбаясь.

– Вотъ ты говоришь, что я здорова. А ужасно нервна стала. Эта дорога и это страшное событіе и твое положеніе – все это меня ужасно взволновало. Ничего, это пройдетъ. Ну, а Долли ужасно убита, ты говоришь? – «Я думаю», сказала она про себя, не глядя на брата.

– Анна, ты пойми, – началъ Степанъ Аркадьичъ, снимая шляпу отъ волненія, – ты пойми, что я чувствую себя виноватымъ до такой степени, что я не нахожу словъ. Съ такой женщиной, какъ Долли. Но, другъ мой, я вѣдь признаю свою вину. Неужели все погибло? – Онъ всхлипнулъ и помолчалъ. – Дѣвушка эта...

– Ахъ, ради Бога не разсказывай подробности, – положивъ свою маленькую ручку на рукавъ его шубы, сказала Анна Аркадьевна.

– Но, Анна, ты всегда была моимъ ангеломъ хранителемъ, ты вся живешь для добра. Спаси меня.... Ты, я знаю, утѣшишь, успокоишь, устроишь, она любить тебя, вѣрить тебѣ....

– Да, но почему ты думаешь, что я могу сдѣлать что нибудь? Ахъ, какъ вы гадки, всѣ мужчины, – сказала она.

Подѣхавъ къ своему дому, Степанъ Аркадьичъ высадилъ сестру, значительно вздохнувъ, пожалъ ей руку и поѣхалъ въ Присутствіе.

⁶⁰⁹ *Зачеркнуто:* Дѣйствительно,

⁶¹⁰ *Зач.*: ужасно

⁶¹¹ *Зач.*: и въ встрѣтившемся ихъ взглядѣ, несмотря на ужасъ минуты, онъ почувствовалъ что то

⁶¹² *Зач.*: У поѣзда они еще разъ простились, и Анна Аркадьевна сказала:– Надѣюсь видѣть васъ у себя, – и только что она сказала <и увидала его сконфу[женное]>, <она застыдилась>, она подумала: «точно я награждаю его. Ахъ, да что мнѣ за дѣло». – Ну, Стива, теперь разскажи мнѣ свое горе, – сказала она, когда сѣла съ братомъ въ карету.

* № 20 (рук. № 17).

– Графиня Вронская въ этомъ отдѣленіи, пожалуйста, – сказалъ молодцоватый кондукторъ, подходя къ Вронскому.

Лицо Вронскаго выражало волненіе, и видно было, что, хотя онъ шутилъ только что о привычкахъ своей матери, свиданье съ ней волновало его. Онъ непривычно быстро пошелъ за кондукторомъ. Въ самыхъ дверяхъ вагона онъ почти столкнулся съ⁶¹³ дамой въ⁶¹⁴ темносинемъ суконномъ платьѣ съ пелеринкой, обшитомъ мѣхомъ.⁶¹⁵

Тотчасъ же по простотѣ этаго платья и манерѣ дамы, узнавъ, что это была дама, Вронскій остановился, чтобы извиниться.⁶¹⁶ Взглянувъ на простое⁶¹⁷ лицо дамы,⁶¹⁸ обвязанной кругомъ по шляпѣ большимъ платкомъ, и встрѣтившись взглядомъ съ глазами, дружелюбно внимательно смотрѣвшими на него, Вронскому вспомнилось что то знакомое и милое, но что была эта дама, онъ не могъ вспомнить. Дама эта, очевидно, старалась отдѣлаться, и не знала какъ, отъ другой дамы, прощавшейся съ ней и о чемъ то просившей. Проходя, Вронскій услышалъ:

– Что вамъ стоитъ? А можетъ быть, это Богъ свелъ меня съ вами. Вы слово скажете мужу.

– Я все готова сдѣлать, что отъ меня зависить, но повѣрьте, что это не въ моей власти, – сказалъ нѣжный густой голосъ.

* № 21 (рук. № 17).

Въ дверяхъ зашумѣло, и вмѣсто женскаго полушалія – мужской голосъ.

– Пришелъ проститься съ вами, Анна Аркадьевна, – говорилъ голосъ. – Хоть немножко насладиться вашимъ обществомъ, и за то спасибо.

Вронской оглянулся. Просительница дама ушла, и въ дверяхъ стоялъ старикъ въ собольей шапкѣ, знаменитый ученый, котораго Вронской зналъ съ вида.

– Надѣюсь встрѣтиться съ вами въ Москвѣ и продолжать нашъ споръ и доказать – вы знаете, мы, женщины, смѣлы – доказать, что въ нигилистахъ не можетъ быть ничего честнаго.

– Петербургскій взглядъ, – сударыня.

– Не Петербургскій, а человѣческій, – сказалъ нѣжный, чистый голосъ.

– Ну съ, позвольте поцѣловать вашу ручку.

– До свиданья, Иванъ Петровичъ. Да посмотрите – если братъ тутъ, пошлите его ко мнѣ.

– А вашего брата нѣтъ? Неужели его нѣтъ? – сказала старуха, за взглядомъ сына переноса свои глаза на даму въ пелеринѣ, обшитой мѣхомъ.

«Ахъ, вѣдь это Каренина», подумалъ Вронской, теперь совершенно разсмотрѣвъ ее. Она была похожа на брата – то же красивое, цвѣтное и породистое лицо и сложеніе, но совершенно другія глаза.⁶¹⁹ Глаза ея казались⁶²⁰ малы отъ густыхъ черныхъ рѣсницъ, окаймлявшихъ ихъ.⁶²¹

⁶¹³ *Зачеркнуто:* <невысокой> молодой, довольно полной и элегантной

⁶¹⁴ *Зач.*: бархатномъ

⁶¹⁵ *Зач.*: съ необыкновенно тонкой таліей и широкими плечами.

⁶¹⁶ *Зач.*: и дать ей пройти.

⁶¹⁷ *Зач.*: <некрасивое,> свѣжее, румяное, неправильное и чрезвычайно привлекательное

⁶¹⁸ *Зач.*: скромно выглядывавшее изъ овальной рамки бѣлаго платка, которымъ была обвязана <голова> шея. Задумчивые, небольшіе, странные сѣрые глаза, окруженные необычно длинными рѣсницами, смотрѣли на него дружелюбно и внимательно.

⁶¹⁹ *Зачеркнуто:* и выраженіе. Вмѣсто свиныхъ, по мнѣнію Вронскаго, глазокъ Степана Аркадьича, у нея были большіе

⁶²⁰ *Зач.*: велики

⁶²¹ *Зач.*: и вмѣсто поверхностно добродушнаго, веселаго обычнаго выраженія лица Степана Аркадьича глаза выражали <большую> серьезность и впечатлительность.

Но⁶²² главная черта ея, бросавшаяся въ глаза, были черные, какъ вороново крыло, волоса, которые не могли быть приглажены и вездѣ выбивались и вились.

* № 22 (рук. № 17).

«– Ну такъ скажи же мнѣ все про себя. Прежде чѣмъ я ее увижу, мнѣ нужно понять ваше положеніе.

– Что мнѣ сказать, – началъ Облонскій, снимая шляпу отъ волненія.⁶²³ – Я погубилъ себя и семью,⁶²⁴ я пропалъ, и семья, и она, и дѣти – все пропало,⁶²⁵ если ты не поможешь.

– Отчего жъ ты такъ отчаиваешься?

– Надо знать Долли, какая она женщина. И она беременная.⁶²⁶ Какъ она можетъ простить меня, когда я самъ не могу простить.⁶²⁷

– Но что она говорить?

– Она говорить, что не можетъ жить со мной, что она оставитъ меня, и она это сдѣлаетъ.

– Но какъ? Вѣдь надо же жить какънибудь, надо устроить судьбу дѣтей.

– Анна, ты всегда была моимъ Ангеломъ-хранителемъ, спаси меня.

– Да, но почему ты думаешь, что я могу сдѣлать чтонибудь?⁶²⁸ Ахъ, какъ вы гадки, всѣ мужчины, – сказала она.

– Нѣтъ, она не проститъ, – сказалъ онъ.

– Если она тебя любила, то проститъ непременно.

– Ты думаешь, проститъ? Нѣтъ, не проститъ, – повторялъ онъ черезъ минуту.>

* № 23 (рук. № 17).

«Общественныя условія такъ сильно, неотразимо на насъ дѣйствуютъ, что никакія разсужденія, никакія, даже самыя сильныя чувства не могутъ заглушить въ насъ сознание ихъ.> Долли была убита своимъ горемъ, вся поглощена имъ, но, несмотря на то, она помнила, что Анна золовка была жена одного изъ важнѣйшихъ лицъ Петербурга и Петербургская grande dame, и это то обстоятельство сдѣлало то, что она не исполнила того, что обѣщала мужу, т. е. не забыла то, что пріѣдетъ золовка. Будь ея золовка неизвѣстная деревенская барыня, она можетъ быть, и не захотѣла бы знать и видѣть ее, но Анна – жена Алексѣя Александровича – этаго нельзя было сдѣлать. «Кромѣ того, Анна ни въ чемъ не виновата, – думала Долли. – Я объ ней кромѣ нетолько самаго хорошаго, но не знаю ничего кромѣ общаго восторга и умиленія, и въ отношеніи себя я видѣла отъ нея только ласку и дружбу – правда, нѣсколько приторную, съ афектаціей какого-то умиленія, но дружбу. За что же я не приму ее?»

Но все таки Долли съ ужасомъ и отвращеніемъ представляла себѣ тѣ религіозныя утѣшенія и увѣщанія прощенія христіанскаго, которыя она будетъ слышать отъ золовки.

⁶²² *Зач.*: главную прелесть составл[яли]

⁶²³ *Зач.*: Я негодай

⁶²⁴ *Зач.*: Да. Она не проститъ мнѣ, нѣтъ, не проститъ. Но

⁶²⁵ *Зач.*: Ты – послѣдняя надежда...<– Но другъ мой, надо же жить, надо же подумать о дѣтяхъ.> Что же я сдѣлаю?

⁶²⁶ *Зачеркнуто*: Это ужасно. Я такой негодай, я мерзавецъ, – и Мишенька заплакалъ.

⁶²⁷ *Зач.*: – Ты скажи мнѣ про Долли. Что она? Какъ она приняла это? Ахъ, несчастная!– Долли, кажется, сама не знаетъ, на что она рѣшилась.

⁶²⁸ *Зач.*: Одинъ Тотъ, Кто знаетъ наши сердца, можетъ помочь намъ. Облонскій замолчалъ. Онъ зналъ этотъ <выспренній> нѣсколько притворный, восторженный тонъ <религіозности> въ сестрѣ и никогда не умѣлъ продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ. Но онъ зналъ тоже, что подъ этой напыщенной религіозностью въ сестрѣ его жило золотое сердце.

* № 24 (рук. № 103)

Цѣлый день этотъ, особенно занятой прїѣздомъ матери, разговорами съ ней,⁶²⁹ Удашевъ совершенно неожиданно и не кстати въ серединѣ разговоровъ, постороннихъ мыслей вдругъ слышалъ нѣжный и густой голосъ, говорившій: «ваша матушка про своего, а я про своего сына», и вмѣстѣ съ голосомъ и словами передъ воображеніемъ⁶³⁰ Удашева являлись⁶³¹ глубокіе глаза и полный, крѣпкій станъ, и легкія, быстрыя граціозныя движенія, тщетно удерживаемая улыбка,⁶³² и онъ цѣлый день былъ какъ не свой, а потерянный. Какъ только онъ оставался одинъ, самъ съ собой, голосъ этотъ пѣлъ эти простыя слова, и⁶³³ Удашеву становилось на душѣ радостно, и онъ улыбался чему то. Когда онъ задумывался о томъ, что бишь ему нынче дѣлать, что предстоитъ прїятнаго или тяжелаго въ этотъ день, онъ находилъ въ своей душѣ⁶³⁴ воспоминаніе о Карениной, которую онъ видѣлъ одну минуту.

«Отчего же мнѣ не поѣхать къ⁶³⁵ Облонскимъ?» вдругъ пришло ему въ голову въ серединѣ 3-го акта, въ самую торжественную минуту драмы.

Онъ всталъ и пошелъ черезъ ноги 1-го ряда.⁶³⁶ Выйдя изъ театра, онъ взялъ извощика и поѣхалъ къ Облонскимъ. Но войдя въ сѣни, на него вдругъ нашель страхъ неловкости, сомнѣніе, чего онъ никогда еще въ жизни не испытывалъ. «Не поздно ли? Не странно ли будетъ, что я войду? Что сказать, если и войду? И зачѣмъ я прїѣхалъ?»

Увидавъ въ передней лакея Щербацкихъ, сомнѣніе его еще болѣе усилилось.⁶³⁷ Онъ рѣшилъ, что не взойдетъ, и придумалъ предлогъ предполагаемаго обѣда. Онъ доставалъ бумажникъ, чтобы написать два слова Облонскому, когда вдругъ какая то странная сила потянула его взгляды кверху, и онъ увидалъ⁶³⁸ съ косами на головѣ легкимъ, граціознымъ шагомъ шедшую гдѣ то въ вышинѣ женщину. И это была она. Она наклонила голову.⁶³⁹ Онъ понялъ, что войти къ Облонскимъ нельзя, что она можетъ быть недовольна, но онъ видѣлъ ее и, поговоривъ на лѣстницѣ съ Степаномъ Аркадьичемъ, онъ уѣхалъ домой.

⁶⁴⁰Когда онъ нынѣшній вечеръ ложился спать, онъ, какъ обыкновенно это послѣднее время, вспомнилъ о Кити Щербацкой и задалъ себѣ вопросъ, что же дѣлать; онъ услышалъ только голосъ: «Я про своего, а ваша матушка про своего сына», и глаза, и наклонъ головы съ косами и съ выбившимися колечками на шеѣ, и дѣвичій образъ съ таинственными глазами представились ему.

И вслѣдъ за этимъ вопросъ измѣнился. Вопросъ уже былъ не о томъ,⁶⁴¹ жениться или нѣтъ, но о томъ, чѣмъ онъ далъ поводъ думать, что онъ намѣренъ жениться.

⁶²⁹ *Зачеркнуто:* Вронской

⁶³⁰ *Зач.*: Вронскаго

⁶³¹ *Зач.*: <таинственные, прелестные> ясные и добрые

⁶³² *Зач.*: кривая, нѣсколько на бокъ, но прелестная, тихая и свѣтлая

⁶³³ *Зач.*: Вронской чувствовалъ, какъ счастіемъ наполнялось его сердце.

⁶³⁴ *Зач.*: только одинъ этотъ голосъ, эти глаза, весь этотъ образъ. И изъ самой глубины его души смотрѣли на него эти глаза. Они были тамъ, въ глубинѣ его души.

⁶³⁵ *Зач.*: Алабинымъ

⁶³⁶ *Зач.*: – Куда вы, Вронскій? – Ахъ, я совсѣмъ забылъ одну вещь, – сказалъ онъ, радостно улыбаясь. – Мнѣ и нельзя было быть нынче въ театрѣ, – и онъ поѣхалъ къ <Алабину> Облонскому.

⁶³⁷ *Зач.*: и онъ вслухъ говорилъ самъ съ собою,

⁶³⁸ *Зач.*: въ одномъ сѣромъ платьѣ

⁶³⁹ *Зач.*: для него. И этотъ поклонъ ея головы, когда она проходила, была первая радость, которую онъ получилъ въ этотъ день. И онъ, переговоривъ съ Степаномъ Аркадьичемъ, неловко и странно уѣхалъ домой.

⁶⁴⁰ *Зачеркнуто:* Возвратившись въ нынѣшній вечеръ къ часто послѣднее время занимавшей его мысли о томъ, какъ и когда сдѣлать предложеніе Княжнѣ Щербацкой, на что онъ уже давно рѣшился, вдругъ совершенно неожиданно запѣлъ голосъ:

⁶⁴¹ *Зач.*: какъ и когда сдѣлать предложеніе,

⁶⁴²«Рѣшительно ничѣмъ, – отвѣчалъ онъ себѣ. – Я какъ будто предчувствовалъ это. Да, я ничѣмъ не связанъ, и это кончено».

Онъ говорилъ это себѣ, но чувствовалъ, что къ испытываемой имъ радости примѣшивалось невольное сознание какого то дурнаго поступка. Но такъ или иначе рѣшилъ онъ самъ [съ] собою.

«Я не могу больше ѣздить къ Щербачкинымъ, и моя идилия кончена. И надо уѣхать отсюда. Ремонтъ приметъ Федченко все равно».

* № 25 (рук. № 14).

Х.

У⁶⁴³ одного изъ главныхъ лицъ Москвы былъ большой балъ.⁶⁴⁴ Танцовали въ большой залѣ.⁶⁴⁵ Балъ былъ великолѣпенъ, но, какъ и всегда въ Москвѣ, бѣденъ мущинами.

Кити пріѣхала съ матерью рано и застала уже половину залъ полными, только что начинали танцовать. Въ толпѣ, но отдѣляясь отъ толпы не только для Кити, но и для постороннихъ, стоялъ Вронскій, очевидно ожидая и отдѣляясь отъ толпы не одной своей красивой наружностью, но и той особенной граціей и скромной свободой обращенія, которыя отличали его отъ всѣхъ.

Кити была въ голубомъ платьѣ съ бѣлымъ вѣнкомъ на головѣ и если бы она не знала, что она хороша, она бы увѣрилась въ этомъ потому, какъ она встрѣчена была въ залахъ. Опять, какъ и въ тотъ день, какъ Левинъ видѣлъ ее на конькахъ, въ строгомъ и спокойномъ по складу своему лицѣ ея было красящее ее оживленіе, сдержанное волненіе, скрываемое рѣшительностью, которую бы можно назвать отчаянностью, если бы это настроеніе не было скрыто привычкой свѣтскаго приличія.

Съ самага того вечера, въ который она отказала Левину, 8 дней она не видала больше Вронскаго. Даже въ обычный пріемный четвергъ онъ не былъ у нихъ. Но она знала, что онъ былъ въ городѣ, знала, что онъ будетъ на балѣ. Она знала это отъ Анны, которая ѣздила на другой день своего пріѣзда къ старухѣ Вронской и тамъ встрѣтила сына и рассказывала, что просидѣла тамъ болѣе часа⁶⁴⁶ и что онъ будетъ на балѣ, потому что приглашалъ Анну танцовать съ нимъ.⁶⁴⁷ Китти страшно было подумать о томъ, чтобы ея отношенія съ нимъ могли прекратиться именно тогда, когда она такъ рѣшительно отказала Левину. Это было хуже чѣмъ ужасно, это было глупо и смѣшно, и она еще не позволяла себѣ вѣрить этому. Должны были быть непонятными для нея причины, которыя помѣшали ему видѣть ее впродолженіи 8 дней. «Мать не желаетъ. Онъ дѣлаетъ окончательныя приготовленія», думала она и съ одинаковымъ страхомъ отгоняла и утѣшительныя и безнадежныя мысли. Балъ долженъ рѣшить все. Она уви-

⁶⁴² *Зач.*: Слово не было сказано, но честная натура его не могла лгать самому себѣ; онъ зналъ, что хоть и не было ничего сказано, бросить ее теперь было бы дурно. Но вдругъ онъ почувствовалъ ужасъ, страхъ, стыдъ раскаянія.

⁶⁴³ *Зачеркнуто*: Генераль Губернатора

⁶⁴⁴ *Зач.*: одинъ изъ тѣхъ баловъ, которые такъ поражаютъ въ Москвѣ своей непривычной роскошью.

⁶⁴⁵ *Зач.*: Москва все таки провинція, и Московскіе балы имѣютъ все таки тотъ провинціальный характеръ, что всѣ знаютъ и часто видятъ другъ друга и всѣмъ весело и странно видѣть другъ друга въ парадѣ. Анна исполнила желаніе Кити и перешла свое черное бархатное платье, одѣлала его желто грязнымъ кружевомъ и пріѣхала на балъ. Она даже и не могла не сдѣлать этаго. Такъ всѣ пристали къ ней, и самъ Генераль Губернаторъ былъ у нее и уѣхалъ съ общаніемъ, что она будетъ. Въ знаменитой красавицахъ Москвѣ красавицъ было много, и Анна не затмила никого. Она въ своемъ бархатномъ, срѣзанномъ для бала, платьѣ не поразила никого. Платье такъ опоздало и еще болѣе такъ опоздалъ Шарль, что она пріѣхала на балъ уже въ 12-мъ часу, когда танцовали вальсъ послѣ 2-й кадрили. – Я уже думалъ, что вы не пріѣдете, – сказала ей Генераль Губернаторъ, встрѣчая ее у двери. – Балъ былъ бы испорченъ. Она прошла къ хозяйкѣ, и не успѣла <поздороваться> она кончить начатую рѣчь, какъ Ник[олаевъ]

⁶⁴⁶ *Зачеркнуто*: и что Вронскій ей очень и очень понравился.

⁶⁴⁷ *На поляхъ рядомъ и ниже написано*: [1] Глаза не таинствен[ны] болѣе, но свѣтъ лучезар[енъ], petillant [сверкающий]. [2] Она счастлива и жда[ла]. Ей стыдно. А. – «Я ожила съ вами», спрашиваетъ, отчего. Онъ не слу[шаетъ], и слушаетъ его рѣчи.

дить его, она танцуетъ съ нимъ 1-ю кадрили и, вѣроятно, мазурку, которую она рѣшила отдать ему. Глаза ея встрѣтились съ его глазами. «Да, онъ ждалъ меня!» подумала она, и, здороваясь съ хозяйкой и знакомыми, она ждала его и услышала его шаги и увидала даже, не глядя на него, черную тѣнь его мундира. Онъ стоялъ подлѣ нее и напоминалъ о 1-й кадрили, къ которой уже оркестръ игралъ призывъ. Она спокойно положила свою прелестную формой обнаженную руку съ однимъ тонкимъ браслетомъ съ изумрудомъ, подаркомъ Степана Аркадьича, и счастливая голубая и нарядная пошла съ нимъ по скользкому паркету подъ яркимъ свѣтомъ свѣчей въ середину шумно устанавливавшихся паръ. Онъ говорилъ, какъ всегда, просто и спокойно. Объяснилъ дѣлами то, что не пріѣхалъ въ четвергъ, и Кити такъ хотѣлось вѣрить ему, что она не сомнѣвалась въ томъ, что прежнія ихъ отношенія нисколько не измѣнились. Даже разсѣянность, съ которой онъ отвѣчалъ на нѣкоторые вопросы, и взглядъ, обращаемый постоянно на входныя двери, не обратилъ на себя ея вниманія. Тѣ же были его прекрасные, прямо и честно смотрѣвшіе наивные агатовые глаза, и тоже было ея чувство къ этимъ глазамъ, что она не допускала возможности, чтобы что нибудь измѣнилось; а вмѣстѣ съ тѣмъ какая то змѣя не переставая сосала ея сердце; она какъ будто предчувствовала большое несчастье, и волненіе ея не утихло.

Въ то самое время какъ Вронскій, отведя ее къ толпѣ нетанцующихъ дамъ, кланяясь отходилъ отъ нея, въ залу вошла⁶⁴⁸ Анна въ черномъ обшитомъ кружевами Долли (Кити узнала ихъ) бархатномъ платьѣ съ⁶⁴⁹ лиловыми цвѣтами на головѣ.⁶⁵⁰ Анна остановилась на мгновеніе у входа, спокойно отыскивая хозяйку своими странными отъ рѣсницъ, несвѣтящимися глазами. И увидавъ ее, слегка кланяясь знакомымъ, пошла къ ней своей легкой, какъ бы летящей походкой. Хозяинъ и хозяйка поспѣшили къ ней навстрѣчу.⁶⁵¹ Она улыбнулась своей добродушной свѣтлой улыбкой. Она подходила ужъ къ Кити, когда Корнилинъ [?], знаменитый церемонимейстеръ, дирижеръ баловъ, съ своимъ быстрымъ взглядомъ, оглядывающимъ свое хозяйство, увидаль ее и подошелъ къ ней той особенной ловкой, свободной походкой, которой ходятъ только⁶⁵² дирижирующіе балами.

– Анна Аркадьевна, какъ я счастливъ, – сказалъ онъ, улыбаясь, наклоняясь и предлагая руку, – туръ вальса.

Она посмотрѣла, кому передать вѣеръ и, отдавъ⁶⁵³ его съ улыбкой К[орнилину?], положила привычнымъ⁶⁵⁴ и особеннымъ, ей одной свойственнымъ жестомъ руку на его плечо.

– Вы давно ли тутъ? А Лидія гдѣ? – спросила она его про его жену.

– Мы вчера пріѣхали, мы были на выставкѣ въ Вѣнѣ, теперь я ѣду въ деревню оброки собирать, – говорилъ онъ, продолжая вальсировать. – Да, – сказалъ онъ, – отдыхаешь, вальсируя съ вами, прелесть, *précision*.⁶⁵⁵ А тутъ ни одной нѣтъ хорошей для вальса. Нечто маленькая Щербацкая.

– Да, мы съ вами уже спѣлись, – сказала Анна, напоминая, какъ часто они вальсировали на Петербургскихъ балахъ. – Отведите меня къ Лидіи, – сказала она.

Кор[нилинъ] сдѣлалъ еще туръ и прямо завальсиров[алъ], укорачивая шагъ и приговаривая «*pardon, mesdames*», прямо на народъ и прямо къ своей женѣ, которую хотѣла видѣть

⁶⁴⁸ *Зачеркнуто:* невысокая дама

⁶⁴⁹ *Зач.*: простой прической

⁶⁵⁰ *Зач.*: Она не могла обратить ничего вниманія, но Кити не спуская глазъ смотрѣла на нее, и та боль и волненіе, которыя она ощущала въ глубинѣ сердца, стали сильнѣе.

⁶⁵¹ *Зач.*: <что то говоря.> – Я боялась, что вы не пріѣдете. Балъ былъ бы испорченъ.

⁶⁵² *Зач.*: молодые люди

⁶⁵³ *Зач.*: хозяйкѣ

⁶⁵⁴ *Зач.*: граціознымъ

⁶⁵⁵ [точность.]

Анна. <Еще войдя на балъ, Анна невольно замѣтила Гагина, только что кончившаго вальсъ и⁶⁵⁶ отводившаго хорошенькую свѣтлую, сіяющую голубую Кити къ матери. Глаза ихъ встрѣтились тогда же и, странно, Анна, столь привычная къ свѣту, ко всѣмъ возможнымъ положеніямъ, замѣтила, что глаза ихъ встрѣтились, и отвернулася, такъ что онъ не успѣлъ поклониться. Теперь, проходя черезъ толпу къ Лидіи Корсаковой, она еще, странно, не видѣла его, но чувствовала, что онъ шель за нею и смотрѣлъ на нее.> Едва она подошла къ красавицѣ Лидіи Корсаковой, прелестной брюнеткѣ съ чрезмѣрно открытыми плечами и руками, какъ Вронскій ужъ подошелъ и, низко кланяясь, сказалъ, что онъ пришелъ поклониться, такъ какъ не имѣлъ времени, и просить на тѣ танцы, которые она можетъ дать ему.⁶⁵⁷

Она не замѣтила или не хотѣла замѣтить его поклон[а] въ то время, какъ она проходила мимо его. Она повернулася къ нему, холодно⁶⁵⁸ улыбаясь.

– Сейчасъ я къ вашимъ услугамъ, – сказала она ему, я не видѣлась еще съ старымъ другомъ. И вотъ на балѣ. . .

– Я думаю, Лидію Ивановну легче всего встрѣтить на балѣ, – сказалъ онъ улыбаясь.

– А вы знакомы?

– Съ кѣмъ мы не знакомы, – сказала Лидія Корсакова. – Насъ съ мужемъ знаютъ, какъ бѣлаго волка.

И она обратилась къ Аннѣ съ вопросомъ о ея мужѣ, о ней; она говорила съ ней и чувствовала его взглядъ. И взглядъ этотъ непріятно смущалъ ее. Подъ его взглядомъ она чувствовала свою наготу и стыдилась ея, – чувство, котораго она не испытывала съ давней дѣвичьей поры.⁶⁵⁹ <Взглядъ его былъ странный, она представилась ему прелестной, когда онъ въ первый разъ увидалъ ее. Но этихъ плечъ, этой груди и рукъ онъ не видѣлъ. Онѣ были лишнія, они ослѣпляли его.> Это ей тяжело, непріятно стало, она чуть, съ свойственнымъ ей движеніемъ, топнула ногой съ вопросомъ и упрекомъ во взглядѣ: «Ну что вамъ отъ меня надо? И развѣ можно такъ смотрѣть на людей?» Но сердитое выраженіе ея лица вдругъ смягчилось, когда она увидала въ его взглядѣ не смѣлость, не дерзость, но виноватую⁶⁶⁰ покорность лягавой собаки. «Что хочешь дѣлай со мной, – говорилъ его взглядъ. – Но не оскорбитель тебя я хочу, а себя хочу спасти и не знаю какъ».

Поговоривъ съ Лидіей, она обратилась къ нему, и ей самой на себя досадно было, что она не могла быть вполне натуральна съ нимъ. Она взглянула на свои таблетки, хотя этаго вовсе не нужно было дѣлать.

– Кадриль, слѣдующую, да еще.

Молодой человѣкъ подбѣжалъ, прося на кадриль.

– Мазурку? – сказалъ Гагинъ.

– Я думала, что вы танцуете съ Кити, – сказала она, и опять въ глазахъ у нихъ промелькнуло что-то такое, что говорило о томъ, что между ними уже было прошедшее – неясное, но сильное.

– Теперь могу я васъ просить на туръ вальса? – сказалъ онъ, оттирая молодого человѣка, который, видимо, только что собрался это сдѣлать.

Она улыбнулась молодому человѣку и опять своимъ быстрымъ жестомъ занесла обнаженную руку – Гагинъ увидалъ въ первый разъ эту руку – на его эполетъ. Онъ обнялъ ея полную талию; лицо ея съ подробностями вьющихся волосъ на шеѣ, родинки подъ щекой, лицо

⁶⁵⁶ *Зачеркнуто:* стоявшаго въ серединѣ круга

⁶⁵⁷ *Зач.*: Странный взглядъ его опять поразилъ ее, странный тѣмъ, что онъ смущалъ ее.

⁶⁵⁸ *Зач.*: однако

⁶⁵⁹ *Поперекъ полей написано:* <Подъ его взглядомъ ей совѣстно было за свою наготу.>

⁶⁶⁰ *В подлиннике:* виноватая

это, странное, прелестное, съ⁶⁶¹ таинственными глазами и блестящими изъ подъ длинныхъ рѣсницъ и смотрящими мимо его, было въ разстояніи поцѣлуя отъ него. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, сдѣлалъ первое движеніе, какъ вдругъ Корсаковъ на бѣгу захопалъ въ ладоши, и звуки вальса остановились.

– Ахъ, виновать! – закричалъ онъ, рысью подбѣгая къ нимъ, – я не видалъ. Вальсъ, опять вальсъ, – закричалъ онъ.

<Гагинъ все это время держалъ ее талию и при первыхъ звукахъ пошелъ съ ней туръ. Когда онъ опять взглянулъ ей въ глаза, глаза эти не только блестяли, но дрожали, вспыхивали страннымъ блескомъ, который какъ бы ослѣпилъ его.

Въ тѣснотѣ кадрили Гагинъ досталъ стулъ, но она не хотѣла сѣсть, и стоя они разговаривали о⁶⁶² четѣ Корсаковыхъ. Они говорили о пустякахъ, но ослѣпительный блескъ не потухалъ въ ея глазахъ.

– Я его давно знаю, – говорилъ Гагинъ, – это самая милая чета, которую я знаю. Вотъ люди, которые легко берутъ жизнь. Она – это товарищъ мужа. Одна цѣль – веселиться.

– Да и хорошо честно веселиться.

– И какъ Богъ устроилъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей, такъ это нейдетъ имъ.

– Я думаю, напротивъ, что они оттого такъ устроились, что у нихъ нѣтъ дѣтей.

– Нѣтъ, а отчего жъ, они оба богаты, красивы, неревнивы.

– О нѣтъ, я знаю даже случай, гдѣ онъ былъ ревнивъ; впрочемъ, я начинаю сплетничать.

Но все это у нихъ такъ мило. Ну что, Княгиня отдохнула съ дороги?

– Напротивъ, она готова сейчасъ ѣхать опять съ вами. Она безъ ума отъ васъ.

Она подняла глаза и посмотрѣла на него, какъ бы говоря: «не скажите глупаго комплимента». Но глаза его отвѣтили: «зачѣмъ говорить, вы сами знаете, что я безъ ума отъ васъ», и опять виновато покорно смотрѣли его⁶⁶³ агатовые наивные глаза изъ его⁶⁶⁴ красиваго лица.

Кити была въ голубомъ платьѣ съ голубымъ вѣнкомъ на головѣ, и голубое настроеніе было въ ея душѣ, когда она вошла въ залу. И первое лицо, встрѣтившее ее, былъ Гагинъ. Она танцевала съ нимъ 1-ю кадрили, но онъ былъ покоенъ странно и смотрѣлъ на дверь. Она видѣла его тоже, когда Анна вошла въ залу, и выраженіе лица его, серьезное, строгое даже, выраженіе лица, похожее на выраженіе человѣка, готовящегося на дѣло, долженствующаго рѣшить его жизнь.> Весь балъ, весь свѣтъ – все закрылось туманомъ въ душѣ Кити. Только привычка свѣта поддерживала ее и заставляла дѣлать все, что отъ нея могло требоваться. По этой же привычной способности она поняла, что мазурку, которую она оставляла до сихъ поръ для⁶⁶⁵ Вронскаго, нужно отдать, и она отдала ее Корсакову. Передъ мазуркой она вышла въ гостиную и опустилась въ кресло. Воздушная юбка платья поднялась облакомъ вокругъ ея тонкаго стана. Она держала вѣеръ и обмахивала свое разгоряченное лицо.

– Кити, что же это такое! – сказала Графиня Нордстонъ, по ковру неслышно подходя къ ней. – Я не понимаю этаго.

У Кити дрогнула нижняя губа, она быстро встала.

– Нечего понимать. Очень весело, – сказала она и вышла въ залу.

– Онъ при мнѣ звалъ ее на мазурку. Она сказала: «вы развѣ не танцуете съ Кити Щербацкой?»»

⁶⁶¹ *Зачеркнуто:* маленькими

⁶⁶² *Зачеркнуто:* впечатлѣніяхъ бала

⁶⁶³ *Зач.*: каріе

⁶⁶⁴ *Зач.*: мужественнаго, твердаго, наивнаго

⁶⁶⁵ *Зач.*: Гагина

⁶⁶⁶– Ахъ, мнѣ все равно, – сказала Кити, чувствуя ужъ не горе, а ужасъ и отчаяніе передъ своимъ положеніемъ.

Ей хорошо было танцовать въ 1-й парѣ съ Корсаковымъ, потому что не надо было говорить, онъ все бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто. Гагинъ съ Анной танцовали въ серединѣ и сидѣли почти противъ нея. Она видѣла ихъ своими дальнорюкими глазами, видѣла ихъ и вблизи, когда они сталкивались въ парахъ, и она видѣла, что они по своему чувствовали одни во всемъ залѣ.⁶⁶⁷ Мало того, она видѣла, что на лицѣ Гагина, всегда столь твердомъ и независимомъ, было только то выраженіе, которое было на лицѣ Анны. И странно, Кити ужаснулась этому чувству, но что то ужасно жестокое въ своемъ оживленіи было въ лицѣ Анны въ ея простомъ черномъ платъи съ ея прелестными плечами и руками. Она⁶⁶⁸ любовалась ей больше, чѣмъ прежде, но теперь она ненавидѣла ее и себя за то, что она ненавидѣла ее. Она считала себя подавленной, убитой, и лицо ея выражало это.⁶⁶⁹

Когда Гагинъ увидалъ ее, столкнувшись съ ней въ мазуркѣ, онъ былъ пораженъ ея некрасивостью. Онъ почти не узналъ ее.⁶⁷⁰

– Прекрасный балъ, – сказала она ему.

– Да, – отвѣчалъ онъ, – надѣюсь, что вы веселитесь.

В серединѣ мазурки, повторяя сложную фигуру, вновь выдуманную Корсаковымъ, Анна, разойдясь съ кавалеромъ, вышла на середину круга, взяла двухъ кавалеровъ, потомъ подозвала къ себѣ одну даму и Кити. Кити испуганно смотрѣла на нее, подходя. Анна, прищурившись смотрѣла на нее, не видя ее, и вдругъ сказала виновато:

– Мнѣ нужно одну, кажется, одну, – и она равнодушно отвернулась отъ⁶⁷¹ вопросительнаго взгляда Кити. «Да, что то чуждое, бѣсовское и прелестное было въ ней», сказала себѣ Кити.

Анна не хотѣла остаться ужинать, но хозяинъ сталъ просить ее:

– Полноте, Анна Аркадьевна, – заговорилъ Корсаковъ, почти насильно забирая ее обнаженную руку подъ рукавъ своего фрака. – Какая у меня идея котильона! Un bijou!⁶⁷²

И онъ тянулъ ее настолько, насколько позволяло приличіе.⁶⁷³

Хозяинъ улыбался одобрительно.⁶⁷⁴ Вронскій стоялъ подлѣ и ничего не говорилъ, но встрѣтился съ ней глазами, и она почувствовала, что между нимъ и ею уже было прошедшее, длинное, сложное, котораго не было.

– Успѣете отдохнуть завтра въ вагонѣ, – говорилъ Корсаковъ.

– А вы ѣдете завтра? – сказалъ⁶⁷⁵ Вронскій.

– Да, – отвѣчала она,⁶⁷⁶ съ неудержимымъ дрожащимъ блескомъ глазъ и улыбкой взглянувъ на него.

XI.

⁶⁶⁶ *Зачеркнуто:* <Зачѣмъ> Кто ее

⁶⁶⁷ *Зач.:* что они ничего и никого не видятъ и что имъ очень весело.

⁶⁶⁸ *Зач.:* любила ее

⁶⁶⁹ *Рядом на полях написано:* petillement du regard [сверкание взгляда]

⁶⁷⁰ *Зачеркнуто:* Ему показалось, что это была изуродованная, жалкая Анна, что прежде она была Анна, а теперь перестала ей быть и стала чужая.

⁶⁷¹ *Зач.:* умоляющаго

⁶⁷² [Прелестъ!]

⁶⁷³ *Рядом на полях написано:* <Аннѣ было весело, и она говорила не то, что хотѣла.>

⁶⁷⁴ *Зачеркнуто:* Гагинъ

⁶⁷⁵ *Зачеркнуто:* Гагинъ

⁶⁷⁶ *Зач.:* и знала что онъ будетъ на желѣзной дорогѣ. Но она не боялась, не радовалась этому, ей было весело, – было весело, какъ бываетъ весело послѣ сомнѣній о томъ, не пришло ли уже время веселья.

– Я не знаю что со мной сдѣлалось, – говорила она на другой день Долли, сидя въ ея гостиной передъ обѣдомъ, послѣ котораго она должна была ѣхать. – Мнѣ было весело, какъ 18 лѣтней дѣвчкѣ, я не думала, чтобы я, мать семейства, могла еще такъ веселиться. Но одно, – она вдругъ покраснѣла до корней выющихся волосъ на шеѣ, до слезъ, – одно, Долли, душенька, помоги мнѣ. Я не знаю, какъ это сдѣлалось, но Алексѣй Гагинъ не отходилъ отъ меня, и я боюсь, я кокетничала съ нимъ, сама не зная этаго. Я не знаю, что нашло на меня, я забыла Кити и все, и мнѣ просто было весело. По правдѣ тебѣ сказать, я отъ этаго не остаюсь до завтра, хотя могла бы. Михайль Михайловичъ пріѣдетъ послѣ завтра. Долли, ты не повѣришь, мнѣ на Кити смотрѣть стыдно, и оттого она не пріѣдетъ обѣдать. Но право, право, я не виновата или виновата немножко.⁶⁷⁷

– О какъ я узнаю Стиву, – засмѣялась Долли и, чтобы смягчить, поцѣловала Анну. – Я узнаю.

– О нѣтъ, о нѣтъ. – Анна нахмурилась. – Я даже не позволю себѣ усумниться въ самой себѣ. Все это новыя лица, я на минутку все забыла.

– А они чувствуютъ это, – сказала Долли. – Впрочемъ, правду сказать тебѣ, я и не очень желаю Гагина для Кити. Мое сердце на стороне Ордынцева; да если онъ могъ влюбиться въ тебя въ одинъ день, то и лучше, чтобы онъ не женился.

Анна задумалась радостно. «Влюбленъ въ меня, – думала она. – Можетъ».

Кити, правда, не пріѣхала. Степанъ Аркадьичъ простился еще утромъ, и они обѣдали одни, и Долли никогда не могла забыть этого милаго часа, который она провела съ Анной. Анна, какъ будто для того чтобы жалѣли о ней, была еще милѣе, дѣти не отходили отъ нея, и мальчика обманули и услали внизъ, а то онъ рыдалъ, какъ только заговаривали объ ея отъѣздѣ.

– Ну, прощай, милый, милый другъ, – говорила Долли, обнимая ее при прощаньи. – То, что ты сдѣлала, я не забуду никогда.

– Да чтожь я, – застѣнчиво улыбнулась [Анна].

– Ты меня поняла, ты меня поняла, и ты прелестъ.

«Ну, все кончено, и слава Богу, – подумала Анна какъ только она сѣла одна съ Аннушкой въ вагонъ, – все кончено, и слава Богу, а я дурно поступила, и я могла увлечься, да, могла».

Ни знакомыхъ, ни пріятныхъ лицъ никого не было. Попробовала почитать, бросила, и началось то волшебное тяжелое состояніе – полусвѣтло, чужія лица, шопоть, вздрагиванье, то тепло, то холодно, а тамъ отворенная дверь, мракъ, буря, снѣгъ и подтянутый кондукторъ съ слѣдами бури на воротникѣ.

Барыня больна жаромъ. Анна сняла шубу, все жарко, и нервы натянуты; воздуха, дышать, дышать. Она надѣла шубку и на первой станціи вышла на крылечко. Аннушка бросилась. «Нѣтъ, я подышать». Буря, свистъ, стукотня. «Депеша дан[а]. Сюда, пожалуйста», и тѣни. Страшно, жутко, кто себя знаетъ, что будетъ. – Вдругъ фигура мужская. Она посторонилась пройти, но онъ къ ней.

– Не нужно ли вамъ чего? – съ низкимъ поклономъ.

– Какъ вы! – и она поблѣднѣла. – Вы зачѣмъ ѣдете?

– Чтобы быть съ вами.

– Не говорите этаго, это гадко, дурно для васъ, для меня.

– О если это чтонибудь для васъ.

Она задыхалась отъ волненія.

– Зачѣмъ? Кто вамъ позволилъ говорить мнѣ это?

– Я не имѣю права, но моя жизнь не моя, а ваша и навсегда.

Она закрыла лицо руками и шла въ вагонъ. Всю ночь она не спала, старушка сердилась; колеблющійся свѣтъ, тряска, свистъ, стукъ остановки и буря, бѣснующаяся на дворѣ.

⁶⁷⁷ Поперек страницы написано: – Я слышала, что Вронскій не отходилъ отъ тебя.

* № 26 (рук. № 15).

<У одного изъ главныхъ лицъ Москвы былъ большой балъ. Кити уговорила Анну ѣхать на этотъ балъ, и хоть не въ лиловомъ, какъ Кити непремѣнно воображала, а въ черномъ бархатномъ сръзанномъ платьѣ, на которое Долли дала свои венеціанскіе гипюра-кружева. Анна ѣхала, и Кити была довольна.

Балъ этотъ долженъ былъ рѣшить ея судьбу, и она теперь, принеся въ жертву Левина, не сомнѣвалась ни минуты въ томъ, что она рѣшится по ея желанію.>

Кити не видала Вронскаго съ самаго того дня, когда она отказала Левину, но знала, что онъ въ городѣ и будетъ на балѣ.

Анна ѣздила на другой день своего приѣзда къ старухѣ Вронской, застала тамъ сына, провела съ нимъ болѣе часа и вернулась еще съ большей увѣренностью въ томъ, что онъ очень, очень хорошій молодой человѣкъ и будетъ прекрасный мужъ для Кити.

– Одно, что мнѣ не понравилось въ немъ, – говорила Анна, – это то, что онъ хочетъ выходить въ отставку, а въ его положеніи это значить искать немилости, бравировать. Я его, кажется, убѣдила не дѣлать этаго, а понемногу, если онъ не хочетъ жить въ Петербургѣ, удалиться отъ двора и перейти въ штатскую номинальную должность. Это все гордость, – говорила Анна.

Анна же рассказывала, что она будетъ на балѣ. Кити ѣхала на балъ все съ тѣмъ же чувствомъ юноши, идущимъ на сраженіе, не покидавшимъ ее съ четверга; но успѣхъ сраженія казался ей несомнѣннымъ, и она чувствовала себя сильной и красивой, какъ никогда. Костюмъ ея былъ голубое платье съ бѣлымъ тюникомъ, и голубые цвѣты на головѣ вѣнкомъ шли къ ней. Если бы она и сомнѣвалась въ своемъ успѣхѣ, первыя минуты входа ея на балъ подтвердили ей ея увѣренность въ томъ, что она хороша.

Она не успѣла дойти до 2-й залы, какъ таблетки ея уже были наполнены именами тѣхъ, съ которыми она танцуетъ, и улыбающіяся при встрѣчѣ ея лица подругъ, очевидно подъ улыбкой скрывающія зависть, говорили ей про ея успѣхъ.

* № 27 (рук. № 15).

Какъ ни любовалась Кити Анной, она не ожидала ее найти столь красивою. Въ особенности простота и спокойствіе ее манеры въ этой бальной суетѣ и бальномъ туалетѣ придавали Аннѣ особенную красоту въ глазахъ Кити. Анна улыбкой встрѣтила Кити, и улыбка эта сказала, что она тоже любитъ ея, и пожала ей руку.

Кити видала прежде Анну въ Москвѣ и Петербургѣ въ гостиныхъ и любовалась граціей и ловкостью ея ума, всегда добродушнаго, но эти прелести ума Кити мало цѣнила. Въ этотъ приѣздъ она особенно полюбила Анну, потому что увидала ее въ совершенно новомъ, задушевномъ быту у сестры; но она никогда не видала ее на балѣ и теперь увидала ее совершенно новою и неожиданною для себя. Она ждала ее въ лиловомъ и теперь, увидавъ ее, поняла, что она не могла быть въ лиловомъ, а что ея прелесть состояла въ томъ, что она всегда выступала изъ своего туалета, что туалетъ никогда не могъ быть видѣнъ на ней. И черное платье съ кружевомъ не было видно, была видна одна она.

И Кити, подумавъ о себѣ, побоялась, не давить ли ее самою ея розовый воздушный туалетъ, не замѣтенъ ли онъ. Но это было не справедливо. И улыбка Анны сказала ей это. «Charmant»,⁶⁷⁸ говорила эта улыбка. Но, кромѣ того, въ бальной, совершенно новой Аннѣ Кити увидала еще новую прелесть – то, что Анна⁶⁷⁹ не видѣла, очевидно, ничего веселаго и ничего

⁶⁷⁸ [«Восхитительно».]

⁶⁷⁹ *Зачеркнуто*: была вполнѣ женщина на балѣ, приѣхавшая для того, чтобы было весело ей и другимъ.

неприятнаго на балѣ. Не было въ ней ни этаго сіянія, готовности, которое бываетъ у очень молодыхъ выѣзжающихъ и рѣжетъ немного, ни этаго старанія стать выше толпы, этой глупой философіи бальной, которая такъ свойственна некрасивымъ и не *recherchées*⁶⁸⁰ женщинамъ.. Она была спокойна и весела. Тѣмъ, которые хотѣли затѣвать съ ней тонкіе и глубокомысленные разговоры, она легко и весело перерѣзывала нить разговора.⁶⁸¹

Хозяинъ дома говорилъ съ ней, когда Кити подошла къ ней.

Кипарисовъ наклонился, прося на туръ вальса.

– Давно ли вы здѣсь? – спросила она.

– Мы 3-го дня пріѣхали.

– А Лидія тутъ?

– Да, мы были въ Вѣнѣ, а теперь я ѣду собирать оброки.

– А вы знакомы? – спросилъ хозяинъ.

– Съ кѣмъ мы не знакомы? Мы какъ бѣлые волки, насъ всѣ знаютъ. Туръ вальса.

– Я не танцую, – сказала она, – когда могу не танцовать.

– Надѣюсь, что нынче вы не можете не танцовать.

Въ это время подходилъ Вронскій. Кити замѣтила, что онъ смотрѣлъ на Анну и поклонился ей, но что Анна, хотя и могла видѣть его, быстро подняла руку на плечо Кипарисова и не отвѣтила на его поклонъ, не выдавъ его.⁶⁸²

Вронскій подошелъ къ ней, напоминая о первой кадрили, и пригласилъ на вальсъ. Приведя ее назадъ, Вронскій опять подошелъ къ Аннѣ и предложилъ вальсъ. Опять Кити показалось странно то, что Анна какъ будто сердито повернулась къ нему и неохотно занесла свойственнымъ ей быстрымъ жестомъ на плечо обнаженную полную руку. Едва они сдѣлали первое движеніе, какъ вдругъ Кипарисовъ на бѣгу захлопалъ въ ладоши, и звуки вальса остановились.

– Ахъ, виновать, – закричалъ онъ, увидавъ ихъ, и, рысью выбѣжавъ на середину, закричалъ: – вальсъ!

Вронскій покраснѣлъ, чего никогда еще не видала Кити, а Анна съ тѣмъ же холоднымъ и недовольнымъ лицомъ поспѣшно отстранилась отъ него.

«За что она недовольна имъ?» подумала Кити.

Послѣ вальса началась 1-я кадрили. И для Кити примѣты сбывались. Она танцевала не переставая. Первая кадрили съ нимъ прошла просто и весело. Онъ объяснилъ нездоровьемъ то, что не былъ въ четвергъ. Въ тѣснотѣ кадрили она и не ждала серьезнаго разговора; но она ждала мазурки и не отдавала ее. Въ одной изъ тѣхъ скучныхъ кадрилей, которыя она танцевала то съ танцующими старыми людьми, не представляющими никакого интереса, то съ юношами, представлявшими еще меньше интереса, она танцевала *vis-à-vis* съ Вронскимъ и Анной.

* № 28 (рук. № 103).

⁶⁸³ XIII ... слѣдующая по порядку.

Прямо отъ Щербацкихъ послѣ⁶⁸⁴ мучительнаго вечера Левинъ заѣхалъ на телеграфъ и далъ знать къ себѣ въ деревню, чтобы за нимъ выѣхали лошади. Вернувшись къ брату, у кото-

⁶⁸⁰ [утонченным]

⁶⁸¹ *Зачеркнуто*: Но кромѣ того, Кити замѣтила въ ней неожиданную, но столько знакомую самой Кити черту радостнаго возбужденія отъ успѣха. Она видѣла, что она была немного пьяна тѣмъ женскимъ пьянствомъ <восторга> любованья толпы. Вокругъ изогнутыхъ румяныхъ губъ ея чуть замѣтно порхала улыбка возбужденія, глаза свѣтились ярко, и она вся была въ нервномъ веселомъ раздраженіи.

⁶⁸² *Зач.*: Кити замѣтила это.

⁶⁸³ *Зачеркнуто*: Глава VIII. Деревня.

⁶⁸⁴ *Зач.*: отказа и

раго онъ стоялъ, онъ зашелъ къ кабинетъ брата,⁶⁸⁵ чтобы объявить ему, что онъ завтра ѣдетъ, и прервалъ его въ его занятіяхъ. Братъ сидѣлъ съ двумя свѣчами у письменнаго стола⁶⁸⁶ и быстро писалъ. Вокругъ него лежали открытыя книги. Онъ откинулся на спинку кресла и, поднявъ глаза, остановилъ эти свои всегда пронизательные глаза на разстроенномъ лицѣ меньшаго брата. Пронизательные глаза на этотъ разъ ничего не видали. Лицо старшаго брата было совсѣмъ другое, чѣмъ оно было утромъ: оно осунулось и какъ бы похудѣло; но глаза блестяли, какъ звѣзды, блестяли, ничего не видя и не наблюдая.

– Что, ѣдешь? – сказалъ онъ. – Что же такъ? – Онъ, очевидно, забылъ о томъ, когда пріѣхалъ братъ, за чѣмъ, на долго ли, и съ трудомъ старался вспомнить. – Что же, ты кончилъ свои дѣла...

Константинъ Левинъ понялъ, что брату будетъ стоить перерыва мыслей разговоръ его съ нимъ, и потому поспѣшно отвѣтилъ:

– Да, кончилъ. Такъ я соберу оброкъ и пришлю, – сказалъ онъ.

Сергѣй Левинъ вдругъ нагнулся и приписалъ два слова на полъ бумаги.

– Да, да, благодарствуй, – сказалъ онъ. – Ну, прощай, Костя. Извини меня.

Константинъ Левинъ всталъ и направился къ двери.

– Ахъ да, – сказалъ онъ, останавливаясь. – Гдѣ стоитъ Николинъка?

Сергѣй Левинъ нахмурился.

– Не знаю, право, впрочемъ у Прохора лакея есть адресъ. Развѣ ты хочешь его видѣть?

Вѣдь ничего не выйдетъ.

– Да, можетъ быть.

– Ну, какъ знаешь. Прощай.

И Константинъ Левинъ ушелъ въ свою комнату укладываться. «Да, что то есть во мнѣ противное, отталкивающее, – думалъ онъ про себя. – И не гожусь я для другихъ людей. Гордость, говорятъ. Нѣтъ, у меня нѣтъ и гордости. – И онъ представлялъ себѣ Удашева, счастливаго, добраго, умнаго и наивнаго, никогда ни въ чемъ не сомнѣвающагося. – Она должна была выбрать его. И такъ и надо».⁶⁸⁷

И онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, и съ сознаниемъ своего несчастія, по какому то тайному для него родству чувствъ, соединилось воспоминаніе о братѣ Николаѣ и желаніе видѣть его и помочь ему.⁶⁸⁸ «Поѣздъ отходитъ утромъ. Я успѣю съѣздить къ нему». Онъ спросилъ у Прохора адресъ брата Николая и велѣлъ привести извозчика.⁶⁸⁹

Утромъ, когда Константинъ Левинъ узналъ о томъ, что братъ Николай здѣсь въ Москвѣ, онъ испыталъ неприятное чувство стыда за погибшаго брата и забылъ о немъ. Онъ зналъ, что дѣйствительно ничего нельзя было сдѣлать. Что двѣ доли состоянія были уже промотаны Николаемъ Левинымъ и что, давая ему еще, братья только бы лишали себя и ему бы не помогли, какъ не наполнили бы бездонную бочку. Кромѣ того Николай Левинъ считалъ себя обиженнымъ братьями и, казалось, ненавидѣлъ братьевъ, и въ послѣднее свиданье, гдѣ ссора произошла преимущественно между Сергѣемъ и Николаемъ (Константинъ только держалъ сторону Сергѣя), Николай, выходя, сказалъ рѣшительно: «Теперь между нами все кончено, и я обоихъ васъ не знаю».⁶⁹⁰ Утромъ, когда онъ чувствовалъ себя полнымъ надеждъ,⁶⁹¹ Константинъ Лев-

⁶⁸⁵ *Зач.*: и прервалъ его въ его занятіяхъ.

⁶⁸⁶ *Зач.*: обложенный книгами и бумагами,

⁶⁸⁷ *Зачеркнуто*: И чѣмъ яснѣе онъ признавалъ это, тѣмъ больше ему щемило сердце. Онъ легъ спать и сейчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ, какъ спится послѣ несчастья.

⁶⁸⁸ *Зач.*: а теперь опять ему не хотѣлось

⁶⁸⁹ *Зач.*: Николай Левинъ стоялъ въ подворьѣ за Москвой рѣкой.

⁶⁹⁰ *Зач.*: Теперь, вѣроятно, онъ былъ въ тяжкомъ положеніи, если прислалъ къ Сергѣю своего человѣка съ часами. Константинъ Левинъ, такъ легко принявшій извѣстіе объ этомъ,

⁶⁹¹ *Зач.*: на лучшее счастье

инь рѣшили самъ съ собою, что вслѣдствіи этаго всего дѣла съ братомъ Николаемъ и ѣздить къ нему нѣтъ никакой надобности. Онъ испытываль утромъ только чувство гадливости, какъ будто его изъ свѣта и ясности тянуль кто то въ нечистоту и грязь, и онъ только отряхнулся и пошелъ своей дорогой; но теперь, вечеромъ, чувствуя себя несчастнымъ, мысль о братѣ Николаѣ, пришедшая ему еще въ снѣяхъ дома Щербацкихъ, не покидала его, и онъ рѣшился употребить нынѣшній вечеръ на то, чтобы отыскать его и попытаться сойтись съ нимъ. Онъ зналь, что братъ Николай не любилъ Сергѣя, но что его онъ всегда любилъ и что слова его (съ его перемѣнчивымъ характеромъ) ничего не значать. А, не смотря на его паденье, Константинъ Левинъ не только любилъ, но уважалъ своего брата Николая и считаль его однимъ изъ умнѣйшихъ и добрѣйшихъ людей, которыхъ онъ зналь. Отыскавъ Троицкое подворье, Константинъ Левинъ вошелъ чрезъ грязную дверь съ блокомъ въ грязный корридоръ, и пропитанный табакомъ, вонючій теплый воздухъ охватилъ его.

– Кого вамъ? – спросила развращенная и сердитая женщина.

– Левина.

– 21-й нумеръ.

Дверь 21 № была полуотворена, и оттуда въ полосѣ свѣта выходилъ густой дымъ дурнаго и слабаго табака и слышался не знакомый Константину Левину голосъ; но Константинъ Левинъ тотчасъ же узналь, что братъ тутъ, онъ услыхаль его кашель – тонкій, напряженный и сердитый. Онъ вошелъ въ дверь, голосъ неприятный продолжалъ говорить, рассказывая какое то судебное дѣло, какъ добыты слѣдствіемъ улики какія то.

– Ну, чортъ его дери, – сквозь кашель проговорилъ голосъ брата. – Маша! Добудь ты намъ не улики, а поѣсть и водки.

Женщина молодая, рябоватая и не красивая, но очень пріятная, въ простомъ шерстяномъ платьѣ безъ воротничковъ и рукавчиковъ, открывавшихъ пухлую шею и локти, вышла за перегородку и увидала Левина.

– Какой то баринъ, Николай Дмитричъ, – сказала она.

– Кто еще тамъ? – сердито закричалъ голосъ.

– Это я, – сказалъ Константинъ Левинъ, выходя на свѣтъ.

– Кто я?

– Можно тебя видѣть?

– А! – проговорилъ Николай Левинъ, вставая и хмуря свое и такъ мрачное и сердитое лицо. – Константинъ! Что это тебѣ вздумалось. Ну, входи же. Это мой братъ Константинъ меньшій, – сказалъ онъ, обращаясь къ господину старому, но крашеному и молодящемуся съ стразовой булавкой въ голубомъ шарфѣ.

Константинъ Левинъ съ перваго взгляда получилъ отвращеніе къ этому господину, да и кромѣ самыхъ дрянныхъ людей онъ не ожидалъ никого встрѣтить у брата, и ему, какъ оскорбленіемъ, кольнуло въ сердце, что этому господину братъ, вѣрно, рассказываль про ихъ отношенія.

– Это мой адвокатъ, – онъ назвалъ его, – дѣлецъ. Ну, садись, – сказалъ Николай Левинъ, замѣтивъ неприятное впечатлѣніе, произведенное на брата его знакомымъ.

И годъ тому назадъ, когда послѣдній разъ Константинъ видѣль брата, Николай былъ не хорошъ и даже страшень, но теперь и некрасивость и мрачность, особенно когда онъ былъ золь, еще увеличились. Маленькій, нескладный ростъ, растрепанная, грязная одежда, не вьющіеся⁶⁹² густые висящіе на морщинистый лобъ взлохмаченные волосы, короткая борода, не растущая на щекахъ, усы и брови длинные и висящіе внизъ на глаза и губы, худое, желтое лицо и блестящіе, неприятные по своей пронизательности глаза.

– Я нынче пріѣхаль, узналь, что ты тутъ, и хотѣль...

⁶⁹² *Зачеркнуто:* прямо торчащіе, взлохмаченные, рѣдкіе

– Да,⁶⁹³ отъ лакея Сергѣя Дмитриевича. Ну, да чтобъ ты такъ не бѣгалъ глазами, я тебѣ въ двухъ словахъ объясню, зачѣмъ я здѣсь и кто это. Изъ Кіева я убѣжалъ отъ долговъ, сюда пріѣхалъ получить долгъ съ Васильевскаго, онъ мнѣ долженъ 40 тысячъ по картамъ. Это дѣлецъ, – сказалъ онъ, указывая на господина, – адвокатъ, по мнѣ, понимаешь. Порядочные адвокаты ходятъ къ порядочнымъ, а къ нашему брату такіе же, какъ мы. А это, – сказалъ онъ по французски, указывая на женщину, – моя жена, т. е. не бойся, знаменитое имя Левиныхъ не осрамлено, мы не крутились, а вокругъ ракитаго куста. Я ее взялъ изъ дому, но желаю всѣмъ такихъ жень. Ну, ступай, Маша. Водки, водки, главное. Ну, теперь видишь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. И если ты считаешь, что компрометировался, то вотъ Богъ, а вотъ порогъ.

Константинъ Левинъ слушалъ его, но понималъ не то, что ему говорилъ братъ, а все то, что заставляло его говорить такъ, и внимательно смотрѣлъ ему прямо въ глаза. Николай Левинъ понималъ это; онъ зналъ, какъ братъ одной съ нимъ породы, одного характера, ума, понималъ насквозь значеніе его словъ, и, видимо,⁶⁹⁴ сознание того, что онъ слишкомъ понять, стало неприятно ему. Онъ повернулся къ адвокату.

– Ну, батюшка, видите, какіе у меня братья, у него 3 тысячи да земель не заложенныхъ, и, видите, мною не брезгаютъ.

– А что же, есть надежда получить эти деньги? – спросилъ Константинъ Левинъ, чтобы вести разговоръ общій, пока не уйдетъ этотъ господинъ.

– Когда я пьянъ, то чувствую надежду, – отвѣчалъ Николай Левинъ, – и потому стараюсь быть всегда пьянъ.

– Полная, Константинъ Дмитричъ, – отвѣчалъ адвокатъ улыбаясь. – Я принялъ мѣры и полагаю...

Константинъ Левинъ не слушалъ адвоката, а оглядывалъ комнату. За перегородкой въ грязной конуркѣ, вѣроятно, спалъ онъ – братъ. На диванчикѣ лежала ситцевая подушка, и, вѣроятно, спала она. На ломберномъ столѣ въ углу былъ его мѣръ умственный. Тутъ Константинъ Левинъ видѣлъ тетради, исписанныя его почеркомъ, и книги, изъ которыхъ онъ, къ удивленію, узналъ Библию.⁶⁹⁵

– Ну, ему не интересно, – перебилъ его Николай Левинъ, – а вотъ водки – это лучше, – прибавилъ онъ, увидѣвъ входившую Машу съ графинчикомъ и холоднымъ жаркимъ. – Ну что жъ ты дѣлаешь, расскажи, – сказалъ онъ, сдвигая карты и патроны со стола, чтобы опростать мѣсто для ужина, и повеселѣвъ уже при одномъ видѣ водки.

– Я все въ деревнѣ живу.

– Ну а Амалія наша (онъ такъ называлъ мачиху) – чтоже, бросила шалить или все еще соблазняется? Какая гадина!

– За что ты ее ругаешь? Она, право, добрая и жалкая старуха.

– Ну, а Сергѣй Дмитричъ все философіей занимается? Вотъ пустомеля то. Я при всей бѣдности издержалъ 3 рубля, взялъ его послѣднюю книгу. Удивительно мнѣ, какъ эти люди могутъ спокойно говорить о философіи. Вѣдь тутъ вопросы жизни и смерти. Какъ за нихъ возьмешься, такъ вся внутренность переворачивается, и видишь, что есть минуты, особенно съ помощью вотъ этаго, – онъ взялъ графинчикъ и сталъ наливать водку, – что есть минуты, когда не то что понимаешь, а вотъ, вотъ поймешь, откроется завѣса и опять закроется, а они, эти пустомели, о томъ, что ели ели на мгновенье постигнуть можно, они объ этомъ пишутъ, это то толкуютъ, то есть толкуютъ, чего не понимаютъ, и спокойно безъ⁶⁹⁶ любви, безъ уваженія даже къ тому, чѣмъ занимаются, а такъ, изъ удовольствія кощунствовать.

⁶⁹³ *Зач.*: по часамъ узналъ

⁶⁹⁴ *Зач.*: разсердился на это.

⁶⁹⁵ *Зачеркнуто:* и Гомера.

⁶⁹⁶ *Зач.*: стѣснения, безъ сердца

– Не говори этого. Ты знаешь, что это неправда, – сказала Константинъ Левинъ и, видя въ немъ все то же раздраженіе и зная, что онъ ни отъ чего такъ не смягчается, какъ отъ похвалы, чтобы смягчить его, захотѣлъ употребить это средство. – Ты знаешь, что это не правда. Разумѣется, есть люди, какъ ты, которыхъ глубже затрагиваютъ эти вопросы и они глубже ихъ понимаютъ.

Но только что онъ сказалъ это, глаза, смотрѣвшіе другъ на друга, запрыгали, замелькали, и Николай Левинъ понялъ, что онъ съ умысломъ сказалъ это. И Константинъ Левинъ замолчалъ.

– Ну и ладно. Хочешь водки? – сказала Николай Левинъ и вылилъ жадно одну рюмку водки въ свой огромный ротъ и, облизывая усы, съ такою же жадностью, нагнувшись всѣмъ тѣломъ, взялся за жаркое, глотая огромными кусками, какъ будто у него отнять сейчасъ или что оттого, что онъ съѣсть или не съѣсть, зависитъ вся судьба его. Константинъ Левинъ смотрѣлъ на него и ужасался. «Да, вотъ онъ весь тутъ, – думалъ онъ. – Вотъ эта жадность ко всему – вотъ его погибель. Какъ онъ ѣсть теперь эту спинку сухаго тетерева, такъ онъ все брать отъ жизни».

– Ну, да что говорить о другихъ. Ты что же дѣлаешь въ деревнѣ? – сказала Николай Левинъ. Онъ выпилъ еще водки, и лицо его стало менѣ мрачно. – Ну съ, Михайль Вакулычъ, прощайте. Приходите завтра, а я съ нимъ поболтаю, – сказалъ онъ адвокату и, вставъ, еще выпилъ водки и вышелъ съ нимъ за дверь.

Слѣдующая по порядку XIII.

– Что, вы давно съ братомъ? – спросилъ Константинъ Левинъ Марью, сидѣвшую у окна и курившую папиросу.

– Второй годъ, – сказала она вспыхнувъ и поторопилась сказать, откуда онъ взялъ ее. – Здоровье ихъ не хорошо, а вонъ все, – она показала глазами на водку.

И Константинъ Левинъ, не смотря на то, что онъ только нынче утромъ говорилъ, что для него нѣтъ падшихъ созданий, а с....., онъ почувствовалъ удовольствіе отъ того, что эта с..... чутьемъ поняла, что онъ любитъ брата, и какъ бы приняла его въ свои сообщники. Въ ней было такъ много простоты⁶⁹⁷ и любви къ этому человѣку, что ему пріятно было съ нею понимать другъ друга.

– Что, съ моей женой знакомишься? Славная дѣвка, – сказала Николай Левинъ, ударивъ ее по плечу. – Ну, теперь мы одни. Рассказывай про себя. Не велятъ намъ наши умники признавать родство по роду, а я вотъ⁶⁹⁸ тебя увидалъ, что то іокнуло. Выпей же. Въ этомъ не одна veritas,⁶⁹⁹ а мудрость вся. Ну, рассказывай про себя, что ты дѣлаешь.

Константинъ Левинъ рассказалъ свои занятія хозяйствомъ, потомъ земствомъ и свои разочарованія. Николай Левинъ расхохотался дѣтскимъ смѣхомъ.

– Это хорошо. Это значить, что ты лгать не можешь. Вѣдь все это вранье, игрушки и перетасовка все того же самаго, самаго стараго и глупаго. Одинъ законъ руководить всѣмъ міромъ и всѣми людьми, пока будутъ люди. Сильнѣе ты другаго – убей его, ограбь, спрячь концы въ воду, и ты правъ, а тебя поймаютъ, тотъ правъ. Ограбить одного нельзя, а цѣлый народъ, какъ нѣмцы французовъ, можно. И тотъ, кто видитъ это, чтобы пользоваться этимъ, тотъ негодяй, а тотъ, кто видитъ это и не пользуется, а смѣется, тотъ мудрецъ, и я мудрецъ.

Но странное дѣло, Константинъ Левинъ, слушая его, слушая то самое, что онъ самъ иногда думалъ, не только не утверждался въ этихъ мысляхъ, но, напротивъ, убѣждался, что смотрѣть на міръ такъ нельзя, что это болѣзнь. Въ глазахъ его брата весь міръ было такое безоб-

⁶⁹⁷ Зачеркнуто: смиренія

⁶⁹⁸ Зач.: часы нынче послалъ Сергѣю, жалко, совѣстно какъ то, и вотъ

⁶⁹⁹ [истина,]

разіе, что страшно было жить въ немъ, и понятно, что спастись отъ него можно было только въ забвеніи. Онъ сталъ возражать ему, но Николай Левинъ не далъ говорить ему.

– Нѣтъ, братъ, не портъ себя, вѣдь не увѣришь себя въ томъ, чему не вѣришь. Не знаю, что изъ тебя выйдетъ, – продолжалъ онъ съ улыбкой (онъ рѣдко улыбался, но улыбка его была чрезвычайно пріятна), – не настолько у тебя запаса есть, что пустомелей ты не будешь, а это хуже всего. Спитъся, какъ я, тоже не хорошо, противно, какъ я самъ себѣ бываю, и рѣшительно не знаю, куда тебя вынесетъ. Нечто вотъ эта, – сказалъ, онъ указывая на Машу. – Эти умѣютъ жить во всемъ этомъ сумбурѣ, у нихъ все глупо и ясно. Выпей, Маша. Или нѣтъ, не пей.

– Ты думаешь? – сказалъ Константинъ Левинъ краснѣя, – что женитьба...

– Да, на міру смерть красна. Выводить людей, чтобы вмѣстѣ горе дѣлать на этомъ дурацкомъ свѣтѣ.

– Но ты мнѣ про себя расскажи, – сказалъ Константинъ Левинъ. Константину тяжело было это воззрѣніе на міръ, а онъ не могъ не раздѣлять его. – Про себя скажи, что ты дѣлалъ и дѣлаешь? Не могу ли я?

Онъ не договорилъ, потому что блѣдное лицо Николая покраснѣло.

– Ты ужъ не любезничай, пожалуйста, дружокъ. Я васъ ограбилъ, ужъ это я знаю, и сказалъ и скажу, что больше я гроша отъ васъ не возьму, да я и по природѣ бездонная кадка. Это я сказалъ и скажу, – заговорилъ онъ съ злостью, – что если бы мнѣ дали тогда мою часть, когда мнѣ нужна была, вся бы жизнь моя была другая.

Эта мысль и упрекъ, который онъ дѣлалъ Сергѣю Левину за то, что ему не дали его части, когда онъ ее требовалъ, было его больное мѣсто. Константинъ Левинъ зналъ, что это было несправедливо и что онъ всегда, раздражаясь, говорилъ про это. И теперь все выраженіе лица его измѣнилось, и онъ не замѣчалъ, что то, что онъ говорилъ, было непослѣдовательно и не логично, потому что какая же могла быть его жизнь, когда онъ вообще считалъ всякую жизнь бессмыслицей и себя по природѣ бездонной кадкой. Но, напавъ разъ на эту тему, онъ много и долго и желчно говорилъ, особенно упрекая брата Сергѣя въ его безсердечности.⁷⁰⁰

– Ты знаешь, за что онъ ненавидитъ меня.

– Впервыхъ, не только не ненавидитъ, но любить.

– Ужъ позволь мнѣ знать, ненавидитъ за то, что я нахожу, что всѣ его сочиненія написаны прекраснымъ языкомъ, но вода, и за то, что говорилъ ему это. – Но Константинъ Левинъ съ трудомъ могъ сбить его съ этой темы. – Ну, хорошо, оставимъ. Чтоже тебѣ про меня знать? Таже исторія. Въ Кіевѣ проигралъ все, занялъ, не отдалъ.

– Но сколько?

– Ахъ, все равно, и если заплачу и если не заплачу. Я давно сказалъ, что вы за меня не отвѣтчики. Ну, имя ваше я въ грязи таскаю. Ну, это не бѣда. Пожалуй, я назовусь Левинскимъ. Одно утѣшительно – это то, что когда мы оба умремъ и на томъ свѣтѣ вспомнимъ съ Сергѣемъ Дмитриевичемъ, какъ онъ обижался на меня за то, что я имя его въ грязи таскаю. Ну вотъ увидишь, что мы тамъ никакъ не будемъ въ состояніи понять, что такое это должно означать, – сказалъ онъ, какъ и всегда отвлекая разговоръ отъ себя.

– Да этакъ, пожалуй, мы тамъ и не поймемъ, что такое значить, что мы братья.

– Нѣтъ, – визгливо и широко раскрывая ротъ, прокричалъ Николай Левинъ, – Нѣтъ, это мы поймемъ, и многое еще поймемъ. Мы поймемъ все настоящее, коренное, – заговорилъ онъ восторженно, блестя глазами изъ лица, которое теперь было совершенно другое, чѣмъ то, которое увидалъ Константинъ Левинъ, войдя въ комнату. Теперь это было вдохновенно-прелестное лицо, каждое движеніе этаго лица приковывало къ себѣ вниманіе. Вообще въ эту минуту, послѣ 5-ти рюмокъ водки, Николай Левинъ находился въ самомъ выгодномъ моментѣ своего пьянства. Мысли еще своимъ обиліемъ не затемняли слова, и языкъ дѣйствовалъ еще послушно.

⁷⁰⁰ Рядом на полях написано: про брата, авторское самолюбіе

Нѣтъ, все das Echte⁷⁰¹ мы и тамъ поймемъ, оно вездѣ одно. Мы поймемъ то, что насъ съ тобою связываетъ, то, зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда ко мнѣ, да, вотъ этотъ твой взглядъ, old boy,⁷⁰² – сказалъ онъ, замѣтивъ, какъ слезы выступали на глаза брата, – вотъ это, – сказалъ онъ, указывая на Машу, – то, что насъ связываетъ, связало съ ней. Вотъ съ этой б....., да.

– Вы бы поменьше пили, Николай Дмитричъ, – сказала Маша, вызванная этимъ обращеніемъ.

– Да ты думаешь, она ничего непонимаетъ? Она все это понимаетъ лучше всѣхъ насъ. А что, вѣдь не похожа она на б....., и правда, что есть въ ней что то хорошее, милое, – сказалъ онъ.

– Вы, я думаю удивляетесь на него, – сказалъ Константинъ Левинъ, чтобы сказать чтонибудь.

– Да не говори ей «вы». Она боится. Ей, кромѣ Мироваго Судьи, когда ее судили за воровство, котораго она не крала, кромѣ Мироваго Судьи, никто не говорилъ «вы». Да, братъ, то, что меня съ ней связываетъ, то, что мы съ ней при свѣтѣ нашей любви видимъ другъ въ другѣ, это останется. Останется то, что меня связываетъ вотъ съ этимъ, – онъ указалъ на книги. – Ты знаешь, я что дѣлаю. Я перевожу Библію. Вотъ книга.

И онъ сталъ объяснять свой взглядъ на нѣкоторыя любимыя его книги, особенно книгу Іова. Но скоро языкъ его сталъ мѣшаться, и онъ сталъ перескакивать съ одного предмета на другой, и Константинъ Левинъ уѣхалъ отъ него, попросивъ Машу извѣщать его о состояніи его здоровья и, главное, если нужны будутъ деньги. Онъ и теперь хотѣлъ передать ей тайно отъ него 100 рублей, но она не взяла, сказавъ, что утаить нельзя, а сказать – онъ рассердится.

* № 29 (кор. №109).

И въ воображеніи Левина мгновенно одно за другимъ возникли тѣ отмѣченныя въ его воспоминаніи «сомнительными» событія изъ жизни брата Николая.

Онъ избилъ до полусмерти мальчика, котораго онъ взялъ изъ деревни и воспитывалъ, готовя въ университетъ, такъ что мать мальчика подала жалобу на Николая Левина.

Это гадко, но надо знать страстность, неудержимость его характера и вмѣстѣ всегда единственный двигатель всѣхъ его дѣйствій – безкорыстное увлеченіе добромъ.

Онъ проигралъ деньги шулеру и, не платя денегъ, подалъ прошеніе на шуллера, доказывая, что тотъ его обманулъ, и, разумѣется, не доказалъ. Все это было гадко, глупо. Но надо было знать брата Николая, чтобы понимать, какъ въ его понятіи нельзя было отдать плуту деньги, которыя онъ желалъ употребить не для себя, а съ пользой для другихъ. Онъ попадался полиціи въ безобразныхъ кутежахъ и буйствахъ, которыя были отвратительны; но Константинъ Левинъ зналъ, что въ эти кутежи и буйства Николая увлекали окружавшіе его люди, а что Николай Левинъ былъ лишенъ способности понимать разницу между хорошими и дурными людьми. У него всѣ были хороши. И зналъ, что кутежи эти вытекали изъ потребности забыться. А забыться нужно было отъ того, что жизнь не удовлетворяла тѣмъ требованіямъ, которыя мучали его. А требованія были самыя высокія. Онъ неправильно обвинялъ Сергѣя Ивановича въ томъ, что тотъ не далъ ему продать общее имѣніе и взять свою половину для какой то химической фабрики, которую онъ хотѣлъ завести и которая должна была осчастливить и обогатить цѣлую губернію.

Константинъ Левинъ зналъ, что Николай былъ кругомъ виноватъ въ этомъ столкновеніи, несправедлив, озлобленъ, но Константинъ Левинъ зналъ тоже, что счеты между двумя старшими братьями велись давнишніе и что логически Николай Левинъ былъ кругомъ виноватъ и не правъ въ томъ, въ чемъ онъ обвинялъ Сергѣя Иваныча, но вообще онъ имѣлъ основаніе

⁷⁰¹ [настоящее]

⁷⁰² [дружище,]

для озлобленія и только потому былъ неправъ, что не могъ, не умѣлъ или не хотѣлъ указать, въ чемъ именно виноватъ Сергѣй Иванычъ передъ нимъ, а винъ этихъ было много – маленькихъ, ничтожныхъ, но жестокихъ оскорбленій – насмѣшки, умышленнаго непониманія и презрѣнія. Константинъ Левинъ помнилъ, какъ въ то время, когда Николай былъ въ періодъ внѣшней набожности, постовъ, монаховъ, службъ церковныхъ, Сергѣй Иванычъ только смѣялся надъ нимъ, какъ потомъ, когда Николай кончилъ курсъ и поѣхалъ въ Петербургъ служить, по адресному календарю выбравъ мѣсто – Отдѣленіе составленія законовъ, какъ самую разумную дѣятельность, какъ Сергѣй Иванычъ, имѣвшій связи и вѣсь уже тогда,⁷⁰³ выставлялъ своего брата какъ чудака и младенца. Была и доля зависти Николая къ успѣху Сергѣя Иваныча, думалъ Константинъ Левинъ и понималъ, что, какъ честная натура, не признавая въ себѣ этой зависти, Николай придумывалъ причины озлобленія противъ Сергѣя Иваныча. Болѣе же всего – это очень хорошо понималъ Константинъ Левинъ – братъ Николай былъ озлобленъ и на Сергѣя Иваныча и на общество за то, что и Сергѣй Иванычъ и весь міръ были логически правы, отвергая и презирая его; а вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на свою нелогичность, онъ чувствовалъ, что онъ въ душѣ своей, въ самой основѣ своей души, и правѣе и лучше⁷⁰⁴ Сергѣя Иваныча и тѣхъ, кто составляютъ общественное мнѣніе. Ту высоту, съ которой погибавшій братъ Николай презиралъ общество и Сергѣя Иваныча, Константинъ Левинъ особенно живо понималъ и чувствовалъ теперь. Разсужденіе его началось съ униженія, съ признанія себя недостойнымъ и дурнымъ, и кончилось тѣмъ, что онъ хотѣлъ примкнуть къ той точкѣ зрѣнія брата Николая, съ которой можно презирать тѣхъ, передъ которыми онъ считалъ себя дурнымъ.

Узнавъ отъ Прокофья адресъ брата, Левинъ пріѣхалъ въ 11-мъ часу въ⁷⁰⁵ гостинницу, гдѣ стоялъ его братъ. Левинъ замѣтилъ, что швейцаръ измѣнилъ тонъ почтительности, когда онъ спросилъ Левина.

– Наверху, 12-й и 13-й, – сказалъ швейцаръ.

– Дома?

– Должно, дома.

Дверь 12 нумера была полуотворена, и оттуда въ полосу свѣта выходилъ густой дымъ дурнаго и слабаго табака, и слышался незнакомый Левину голосъ; но Левинъ тотчасъ же узналъ, что братъ тутъ, онъ услышалъ его покашливанье, и при этомъ звукѣ передъ его воображеніемъ возникъ образъ брата, какимъ онъ его видѣлъ въ послѣдній разъ съ его большимъ, нескладнымъ ростомъ и большими, наивными и дикими глазами, которые могли смотрѣть такъ соблазнительно нѣжно и такъ страшно жестоко.

Онъ вошелъ въ дверь, незнакомый голосъ говорилъ:

– Наша артель только потому не могла дать желаемыхъ результатовъ, что капиталы старались задавить ее, какъ враждебное явленіе...

Константинъ Левинъ заглянулъ въ дверь и увидалъ взѣрошеннаго молодого человѣка въ поддевкѣ, который говорилъ, брата, сидѣвшаго спиной, и какую то женщину. У него больно сжалось сердце при мысли о томъ, въ средѣ какихъ чужихъ людей живетъ его братъ, и еще больнѣе стало, когда онъ изъ разговора человѣка въ поддевкѣ понялъ, что это былъ социалистъ. Онъ не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что⁷⁰⁶ этотъ социалистъ былъ самымъ рѣзкимъ признакомъ гибели брата, что, какъ воронья надъ тѣломъ, такъ близость этаго рода людей показываетъ смерть, но онъ почувствовалъ это. Онъ стоя слушалъ.

– Ну, чортъ ихъ дери, – прокашливаясь проговорилъ голосъ брата. – Маша! Добудь ть намъ поѣсть и водки.

⁷⁰³ *Зачеркнуто:* не помогъ

⁷⁰⁴ *Зач.*: всего міра

⁷⁰⁵ *Зач.*: одну изъ малоизвѣстныхъ московскихъ гостинницъ

⁷⁰⁶ *Зачеркнуто:* ему особенно грустно стало отъ сознанія того, что

Молодая женщина, рябоватая и некрасивая, въ простомъ шерстяномъ платьѣ безъ воротничковъ и рукавчиковъ, открывавшихъ пухлую шею и локти, вышла за перегородку и увидала Левина.

– Какой-то баринъ, Николай Дмитричъ, – сказала она.

– Кого нужно? – сердито закричалъ Николай Левинъ.

– Это я, – сказалъ Константинъ Левинъ, выходя на свѣтъ, и хотѣлъ еще сказать что то, но остановился, увидавъ брата. Онъ не ожидалъ его такимъ.⁷⁰⁷

– Кто я? – еще сердитѣе вскрикнулъ Николай Левинъ, не узнавая еще брата, и сдѣлалъ столь знакомое Константину Левину судорожное движение головой и шеей, какъ будто галстукъ жаль его.

Константинъ Левинъ зналъ, что это движеніе есть признакъ самаго дурнаго расположенія духа, и со страхомъ ждалъ, какъ приметъ его братъ, когда узнаетъ.

– А, Костя! – вдругъ неожиданно радостно вскрикнулъ онъ, глаза его засвѣтились нѣжностью, и [онъ] двинулся къ нему, чтобы его обнять. Но потомъ опять оглянулся на молодого человѣка, сдѣлалъ опять судорожное движеніе головой и остановился, и совсѣмъ другое, дикое и⁷⁰⁸ страдальческое и жестокое выраженіе остановилось на его худомъ лицѣ.

– Я писалъ вамъ и Сергѣю Иванычу, что я васъ не знаю. Вы меня стыдитесь и ненавидите, и я васъ не хочу знать. Что тебѣ, что вамъ нужно?

Какъ онъ совсѣмъ не такой былъ, какимъ его воображалъ Константинъ Левинъ! Какъ многое изъ его характера, изъ того, что дѣлало столь труднымъ общеніе съ нимъ, какъ все это забылъ Константинъ Левинъ и какъ онъ все это мучительно вспомнилъ, когда увидалъ его лицо и въ особенности это судорожное поворачиванье головы. Но Левинъ не думая отвѣтилъ, что ему пришло въ голову.

– Мнѣ нужно тебя видѣть, потому что ты мой братъ, и я тебя не стыжусь и не ненавижу, а я тебя... – Онъ остановился, съ радостью увидавъ, что слова эти подѣйствовали на брата.

Николай дернулся губами.

– А, ты такъ, – сказалъ онъ смутившись. Ну, входи, садись. Хочешь ужинать? Маша, 3 порціи принеси. Пстой, Маша. Ты знаешь, – сказалъ онъ, указывая на господина въ поддевкѣ съ лохматой шапкой волосъ. – Это г-нъ Крицкій, мой сосѣдь по номеру и мой другъ. Очень замѣчательный человѣкъ. Его, разумѣется, преслѣдуетъ полиція, потому что онъ не подлець. А это мой братъ – не Кознышевъ, quasi-философъ, а Константинъ.

– Я пойду, – робко прошептала женщина отъ дверей.

– Нѣтъ, пстой, я сказалъ, – крикнулъ онъ.

И съ тѣмъ практическимъ неумѣньемъ и съ той нескладностью разговора, которую такъ зналъ Константинъ, онъ, не отпуская Машу, сталъ рассказывать Константину Левину всю исторію Крицкаго; какъ его выгнали изъ университета за то, что⁷⁰⁹ онъ завелъ общество вспомоществованія бѣднымъ студентамъ и воскресныя школы, и какъ потомъ онъ поступилъ въ народную школу учителемъ и его оттуда выгнали, и какъ онъ завелъ производительную артель и его за это то судили. Всѣ молчали. Онъ одинъ говорилъ. И Константинъ Левинъ видѣлъ, что онъ сердится за то, что и ему, и Крицкому, и Машѣ неловко.

– Да, я слышалъ, вы рассказывали сейчасъ про артель, – сказалъ онъ Крицкому.

⁷⁰⁷ *Зач.*: – Что вамъ угодно?<– Мнѣ угодно видѣть тебя.> – Я нынче приѣхалъ, – отвѣчалъ Левинъ, – узналъ, что ты тутъ, и хотѣлъ... – Да, отъ лакея Сергѣя Иваныча. Сергѣй Иванычъ прислалъ тебя.<– Полно, пожалуйста, – началъ Левинъ, но голосъ его дрогнулъ, и онъ остановился.> – Ну войдите, коли вамъ <угодно меня видѣть> дѣло есть, – сказалъ онъ, <опуская глаза, – только не понимаю зачѣмъ.> Это <г-нъ господинъ>, – сказалъ онъ, указывая на молодого господина въ поддевкѣ съ <крашенными усами, <– помѣщикъ> – адвокатъ> лохматой шапкой волосъ, – Крицкій, мой сосѣдь по номеру, котораго преслѣдуетъ полиція за то, что онъ честный человѣкъ. Можете при немъ все говорить. Онъ мой другъ

⁷⁰⁸ *Зачеркнуто*: холодное

⁷⁰⁹ *Зач.*: съ товарищами требовалъ свободы отношеній къ профессорамъ и

– Я ничего не рассказывалъ, – насупившись, сердито проговорилъ Крицкій.

– Ну, постой, – перебилъ Николай Левинъ, – а эта женщина, – сказалъ онъ брату, указывая на Машу, – моя подруга жизни. Я взялъ ее изъ дома. – Онъ покраснѣлъ, говоря это. – Но люблю ее и уважаю и всѣхъ, кто меня хочетъ знать, прошу любить и уважать ее. Она все равно что моя жена. Все равно. Такъ вотъ ты знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. И если думаешь, что ты унизишься, то вотъ Богъ, а вотъ порогъ.

– Отчего же я унижусь, я не понимаю.

– Ну, хорошо.

Николай перевелъ глаза съ Крицкаго на брата и улыбнулся своей дѣтской, наивной улыбкой.

– Вы не дичитесь его, – сказалъ онъ Крицкому. – Онъ это можетъ понять, расскажите ему нашъ планъ.

– Да я нисколько не дичусь, а только не вижу надобности рассказывать то, что можетъ быть неинтересно.

– Ты видишь ли, – заговорилъ Николай, съ усиленіемъ морща лобъ и подергиваясь. Ему, видимо, трудно было сообразить все, что нужно и хотѣлось ему сказать брату. – Вотъ видишь ли, – онъ указалъ въ углѣ комнаты какіе то желѣзные брусья, завязанныя бичевками въ бумагѣ, очевидно изъ лавки. – Видишь ли это? – Это матерьялъ для нашей артели. Комунисты – пошлое слово, а, какъ я ихъ понимаю, это апостолы. Они то самое, что были первые христіяне. Они проповѣдуютъ равенство.

– Да, но только съ той разницей – отвѣчалъ Константинъ Левинъ, которому не нравился вообще Крицкій⁷¹⁰ и въ особенности не нравился потому, что его сближеніе съ братомъ показывало ему очевиднѣе всего паденіе брата, – да, но съ той разницей, что первые христіяне признавали одно орудіе – любовь и убѣжденіе; а, сколько я понимаю,⁷¹¹ проповѣдники комунисты признаютъ и требуютъ насиліе,⁷¹² – нѣсколько сердито заговорилъ братъ. – Свобода и равенство.

Константинъ Левинъ замолчалъ, видя, что возраженіе раздражаетъ брата. Притомъ вопросъ комунизма не интересовалъ его вообще и теперь еще менѣе, чѣмъ когда либо. Онъ вглядывался въ наружность брата и думалъ, какъ бы сойтись и помочь ему. Для него было несомнѣнно, что братъ не могъ интересоваться комунизмомъ, но что это была та высота, съ которой онъ, презираемый всѣми, старался презирать всѣхъ.

– Я съ своей стороны, – сказалъ Крицкій, – вовсе не утверждалъ, чтобы *мы* были подобны первымъ христіанамъ. Я, признаюсь вамъ, и не знаю, что они проповѣдывали, да и не хочу знать, – сказалъ онъ съ улыбкой, злой и враждебной, напоминавшей выраженіе собаки, показавшей зубы. – И мы предоставляемъ проповѣдывать любовь тѣмъ, которые довольны существующимъ порядкомъ вещей. А мы признаемъ его прямо уродливымъ и знаемъ, что насиліе побѣждается только насиліемъ.⁷¹³

Константинъ Левинъ смотрѣлъ на Крицкаго и перемѣнилъ объ немъ свое мнѣніе. Онъ понравился ему: было что то напряженно честное и искреннее и, главное, огорченное и въ его выраженіи и въ его тонѣ. Но онъ не сталъ возражать ему. Самый вопросъ не интересовалъ его. Его интересовало только отношеніе къ нему брата.

⁷¹⁰ *Зачеркнуто:* (онъ видѣлъ въ немъ неискренность и желаніе казаться)

⁷¹¹ *Зач.:* (вѣдь я знаю это)

⁷¹² *Зач.:* – Да, это правда. Это я имъ говорю, – сказалъ Николай, обращаясь къ Крицкому.

⁷¹³ *Зачеркнуто:* – Положимъ, – сказалъ Константинъ Левинъ, съ раздраженіемъ обращаясь къ нему, – но позвольте узнать, какого же порядка вы хотите.– Это слишкомъ долго объяснять, и я не знаю, насколько нужно доказывать. Есть у васъ еще папиросы, Николай Дмитрич?– Да я вамъ помогу. Вы думаете, что я, принадлежа къ привилегированнымъ сословіямъ, не знаю вашей точки зрѣнія и не признаю ее отчасти. Я вамъ скажу главныя ваши положенія:

* № 30 (рук. № 103).

XVIII.

Утромъ Константинъ Левинъ выѣхаль изъ Москвы и къ вечеру приѣхаль. Дорогой, въ вагонѣ, онъ разговариваль съ сосѣдями о политикѣ, о послѣднихъ книгахъ, о знакомыхъ, и тоска и недовольство собой все точно также мучали его, какъ и въ Москвѣ, но когда онъ вышелъ на своей станціи, увидалъ криваго кучера Игната съ поднятымъ воротникомъ кафтана, когда увидалъ въ неяркомъ свѣтѣ, падающемъ изъ оконъ станціи, свои ковровыя сани, своихъ лошадей съ подвязанными хвостами, въ сбруѣ съ кольцами и махрами, когда кучеръ Игнатъ, еще въ то время, какъ укладывались, разсказаль ему важнѣйшія деревенскія новости о перевозѣ изъ сушилки гречи и о томъ, что отелилась Пава, онъ почувствовалъ, что понемногу переносится въ другой міръ, въ такой, въ которомъ совсѣмъ другая оцѣнка радостей и горестей. Это онъ почувствовалъ при одномъ видѣ Игната и лошадей, но когда онъ надѣль привезенный ему тулупъ и сѣль, закутавшись, въ сани, когда тронулся, поглядывая на пристяжную, знакомую ему, бывшую верховой, донскую, надорванную, но лихую лошадь, онъ вдругъ почувствовалъ успокоеніе и совершенно иначе сталъ понимать то, что съ нимъ случилось. Онъ не чувствовалъ болѣе униженія, стыда, недовольства собой. Онъ чувствовалъ себя собой и другимъ не хотѣль быть.

По славной дорогѣ прокативъ въ 40 минутъ 11-ть верстъ до деревни, онъ засталъ еще старушку мачиху, жившую съ нимъ въ деревнѣ, не спящей. Изъ оконъ ея комнаты падалъ свѣтъ на снѣгъ площадки передъ домомъ. Кузьма, услыхавъ колокольчикъ, выбѣжалъ на крыльцо. Левинъ вошелъ. Лягавая сука Ласка визжала, терлась, поднималась и хотѣла и не смѣла положить переднія лапы ему на грудь.

Мачиха вышла на площадку лѣстницы и, удивленная неожиданнымъ скорымъ возвращеніемъ пасынка, спросила, что случилось:

– Отъ чего ты такъ скоро?

– Ничего, тамап, соскучился. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, – отвѣчалъ онъ ей. – Сейчасъ приду, все вамъ разскажу, только переодѣнусь.

Мачиха вернулась къ себѣ и съ своей сожительницей Натальей Петровной, ожидая Костю, по своему принялась обсуждать причину его скорого возвращенія.

Не смотря на то, что Левинъ не говорилъ своей мачихѣ о своихъ намѣреніяхъ, она съ Натальей Петровной почти всякій разъ предполагала, что онъ ѣдетъ въ Москву жениться, и со страхомъ ожидала новой хозяйки.

– Можетъ быть, все покончилъ и образовался, да и приѣхаль все собирать.

– Вы вѣчно все глупости выдумываете, – отвѣчала мачиха. – Просто кончилъ дѣло.

Между тѣмъ Левинъ прошелъ въ кабинетъ. Кабинетъ медленно освѣтился принесенной свѣчой, выступили знакомыя подробности: олени рога, полки съ книгами, зеркало печи съ отдушниками, которую давно надо починить, диванъ, большой столъ, на столѣ начатая открытая книга, сломанная пепельница, тетрадь съ его почеркомъ. Онъ прочелъ: «Тепло есть сила, но сила есть тепло. Чтоже мы выиграли?» Прочелъ онъ свои замѣтки о книгѣ, которую онъ читаль. Потомъ онъ подошелъ къ углу, гдѣ у него стояли двѣ пудовыя гири и гимнастически поднятъ ихъ, разминаясь. За дверью закрипѣли женскіе шаги. Онъ поспѣшно поставилъ гири. Вошла дѣвушка отъ мачихи, предлагая чаю. Онъ покраснѣль, увидавъ ее.

«Я думаль, что это кончено», сказалъ онъ себѣ.

– Сейчасъ приду на верхъ, – отвѣчалъ онъ.

И быстро переодѣлся и побѣжалъ на верхъ, но по дорогѣ встрѣтилъ его прикащикъ.

Прикащикъ принесъ письма, бумаги и разсказаль, что гречу не привезли изъ сушилки, не смотря на то, что это было приказано сдѣлать въ день отъѣзда. Левину стало досадно, и

онъ сдѣлать выговоръ прикащику. Но было одно важное и радостное событіе: это было то, что отелилась Пава, лучшая, дорогая корова (Игнатъ не умѣлъ сказать, бычка или телку отелила Пава). Она отелила телку.

– Кузьма, дай тулупъ. А вы велите-ка взять фонарь, я пойду взгляну, – сказалъ онъ прикащику.

Скотная конюшня для дорогихъ коровъ была сейчасъ за домомъ. Пройдя черезъ дворъ мимо сугроба у сирени, онъ подошелъ къ конюшнѣ. Пахнуло навознымъ теплымъ паромъ, когда отворилась примерзшая дверь, и коровы, удивленные непривычнымъ свѣтомъ фонаря, зашевелились по свѣжей соломѣ. Мелькнула гладкая, чернопѣгая, широкая спина Голландки; Беркутъ, быкъ, лежалъ съ своимъ кольцомъ въ губѣ и хотѣлъ было встать, но раздумалъ и только пыхнулъ раза два, когда проходили мимо. Красная красавица, громадная, какъ гипопотамъ, Пава, задомъ повернувшись, заслоняла отъ входившихъ теленка и стала обнюхивать его. Левинъ вошелъ въ денникъ по свѣжей соломѣ, оглядѣлъ Паву и поднялъ краснопѣгаго теленка на его шатающіяся длинныя ноги. Взволнованная Пава замычала было, но успокоилась, когда Левинъ подвинулъ къ ней телку, тотчасъ же начавшую снизу вверхъ поталкивать подъ пахъ мать, и стала лизать ее шаршавымъ языкомъ.

– Да сюда посвѣти, Федоръ, сюда фонарь, – говорилъ Левинъ, оглядывая телку. – Въ мать, даромъ что мастью въ отца. Очень хорошо! Вотъ это будетъ корова! Василій Федоровичъ, вѣдь хороша? – обращался онъ къ прикащику, совершенно примирясь съ нимъ за гречу подъ вліяніемъ радости за телку.

– Въ кого же дурной быть?

– Ну, хорошо, теперь ступайте, и я домой пойду.

Онъ⁷¹⁴ вернулъся домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа.⁷¹⁵ Онъ подсѣлъ къ мачихѣ, рассказалъ ей про брата Сергѣя, про Николая не говорилъ, зная, что она не любитъ его; потомъ посмѣшили ее, зная, что она это любила, сдѣлать съ ней 12-ть спящихъ дѣвъ, любимый ея пасьянсъ, принимая въ немъ живѣйшее участіе, и усѣлся на большемъ креслѣ въ ея комнатѣ съ книгой и стаканомъ чая на маленькомъ столикѣ, то читая, то вступая въ разговоръ, который вела мачиха съ Натальей Петровной.

Кромѣ дѣла по своему и братниному хозяйству, у Левина всегда бывало свое умственное дѣло. Онъ кончилъ курсъ по Математическому факультету, и одно время страстно занимавшая его математика давно уже ему опротивѣла, но естественныя, историческія и философскія науки попеременно интересовали его. Безъ всякой связи и послѣдовательности онъ бросался съ страстью, съ которой онъ все дѣлалъ, то въ изученіе одной, то другой стороны знанія. Учился, читалъ, доходилъ то того, что все это вздоръ, и бросалъ и брался за другое. Теперь онъ былъ въ періодъ физическихъ занятій. Его занимали вопросы электричества и магнетизма. Онъ читалъ Тиндаля и, взявъ книгу, вспомнилъ весь свой ходъ мыслей, свои осужденія Тиндаля за его самодовольство, ловкость и усовершенствованія произведенія опытовъ и отсутствіе философской подкладки. «И потомъ онъ все вреть о кометахъ, но красиво. Да, – вдругъ всплывала радостная мысль, – черезъ два года, можетъ быть, вотъ что у меня въ стадѣ: двѣ голландки, сама Пава еще можетъ быть жива, 12-ть молодыхъ Беркутовыхъ дочерей. Да подсыпать на казовый конецъ этихъ трехъ – чудо!»

Онъ опять взялся за книгу.

«Ну, хорошо, электричество и тепло – одно и то же, но возможно ли въ уравненіи для рѣшенія вопроса подставить одну величину вмѣсто другой? Нѣтъ. Ну, такъ что же! Связь между всѣми силами природы чувствуется инстинктомъ.⁷¹⁶ А всетаки пріятно. Да, особенно пріятно,

⁷¹⁴ *Зачеркнуто:* былъ въ томъ веселомъ дѣтскомъ

⁷¹⁵ *Зач.*: за которое его такъ любили и всѣ знавшіе его

⁷¹⁶ *Зачеркнуто:* Я всему знаю опредѣленное мѣсто.

какъ Павина дочь будетъ уже краснопѣгой коровой, и все стадо, въ которое подсыпать этихъ трехъ. Отлично! Да, что то тяжко было въ Москвѣ. Ну, что же дѣлать. Я не виновать».

Старая Ласка, еще несовсѣмъ переварившая радость его приѣзда и бѣгавшая, чтобы полаять на дворѣ, вернулась, махая хвостомъ, и, внося съ собой запахъ воздуха, подошла къ нему, подсунула голову подъ его руку, жалобно подвизгивая, требуя, чтобы онъ поласкалъ ее. И когда онъ поласкалъ, она тутъ же, у ногъ его, свернулась кольцомъ, положивъ голову на заднія пазанки. И въ знакъ того, что теперь все хорошо и благополучно, слегка раскрыла ротъ, почмокала губами и, лучше уложивъ около старыхъ зубъ липкія губы, затихла въ блаженномъ спокойствіи.

Левинъ внимательно слѣдилъ за этимъ послѣднимъ ея движеніемъ.

«Такъ то и я!» сказалъ онъ себѣ, думая о томъ, что было въ Москвѣ, и дѣйствительно онъ чувствовалъ успокоеніе. Онъ въ первый разъ теперь былъ въ состояніи ясно понять и прочувствовать то, что съ нимъ было, все, что онъ потерялъ, и ему было грустно, очень грустно, но грусть эта была спокойная.

Левинъ едва помнилъ свою мать, память о ней была для него самымъ священнымъ воспоминаніемъ, и будущая жена его должна была быть въ его воображеніи повтореніемъ того прелестнаго священнаго идеала женщины, которымъ была для него мать.

Для Левина любовь была совсѣмъ не то, что она была для Степана Аркадьича и для большинства его знакомыхъ. Первое отличіе его любви уже было то, что она не могла быть запрещенная, скрывающаяся и дурная. У него было то запрещенное и скрываемое, что другіе называли любовь. Но для него это было не любовь, но стыдъ, позоръ, вѣчное раскаяніе. Его любовь, какъ онъ понималъ ее, не могла быть запрещенною, но была высшее счастье на землѣ, поэтому она должна стоять выше всего другаго. Все другое, мѣшающее любви, могло быть дурное, но не любовь. И любовь къ женщинѣ онъ не могъ представить себѣ безъ брака. Его понятія о женитьбѣ поэтому не были похожи на понятія Степана Аркадьича и другихъ, для которыхъ женитьба была одно изъ многихъ общежительныхъ дѣлъ; для Левина это было одно высшее дѣло, отъ котораго зависѣло все счастье жизни.

Въ юности его мечты о женитьбѣ были общія, неопредѣленные, но съ того времени, какъ онъ, вернувшись изъ-за границы, узналъ Кити взрослой дѣвушкой, мечты эти слились съ любовью къ одной женщинѣ, которая одна отвѣчала его требованіямъ и сама собой становилась на то мѣсто идеала женщины, которое занимала мать. Чувство это, несмотря на сомнѣнія въ себѣ, страхъ отказа, росло и росло и достигло своей высшей ступени въ то время, какъ онъ поѣхалъ въ Москву. У чувства этаго была уже длинная исторія. Тысячи сценъ съ нею, самыхъ чистыхъ и невинныхъ (его любовь такъ была далека отъ чувственности, что онъ часто боялся, что у него не будетъ дѣтей), тысячи сценъ, гдѣ она то утѣшала и ласкала его (воображеніе его постоянно путало будущую жену съ бывшей матерью), то была веселой подругой и товарищемъ, то была матерью его дѣтей (онъ представлялъ себѣ уже взрослыхъ, не менѣе 5-ти лѣтъ, дѣтей и много мальчиковъ и дѣвочекъ), то была, и это чаще всего, благодѣтельница крестьянъ и образецъ добродушія и кротости для всѣхъ окружающихъ. Тысячи такихъ сценъ были прожиты съ нею и прожиты имъ съ нею по нѣскольку разъ этой жизнью воображенія. Нѣкоторыя слова даже по нѣскольку разъ уже были сказаны (все въ этой воображаемой жизни имъ и ею). Много сновъ съ нею повторялись уже. И теперь со всѣмъ этимъ должно было разстаться.

⁷¹⁷И несмотря на то, ⁷¹⁸услыхавъ чмокание уложившей губы собаки, сидя на своемъ креслѣ съ книгой и слушая лепетъ мачихи съ Натальей Петровной, онъ сказалъ себѣ: «такъ то и я», и почувствовалъ успокоеніе.

⁷¹⁷ *Зачеркнуто:* И разстаться нельзя было, и сверхъ того надо было нести предъ собою весь позоръ полученнаго отказа.

⁷¹⁸ *Зач.*: вступивъ въ свои законныя формы и привычки жизни, онъ чувствовалъ дѣйствительное успокоеніе.

* № 31 (рук. № 16).

На другой день бала Анна Аркадьевна рано утром послала мужу телеграмму, извѣщающую о своемъ выѣздѣ въ тотъ же день, несмотря на то что она⁷¹⁹ намѣревалась пріѣхать только на другой день.

– Я соскучилась о Сережѣ, – объясняла она⁷²⁰ невѣсткѣ перемѣну своего намѣренія, – нѣтъ, ужъ лучше нынче.

Мишенька, какъ всегда, не обѣдалъ дома и обѣщаль только пріѣхать проводить сестру въ 7 часовъ. Кити тоже не пріѣхала, приславъ записку, что у нее голова болитъ, и Долли съ Анной обѣдали одни съ дѣтьми и Англичанкой. И Анна, какъ будто нарочно, для того чтобы больше жалѣли о ней, когда она уѣдетъ, была, особенно мила и задушевна съ Долли и дѣтьми. Дѣти опять не отходили отъ нее, и надо было обмануть ихъ, чтобы они пустили ее уѣхать. Тѣ послѣдніе полчаса, которые Долли провела съ Анной въ ея комнатѣ, когда Анна уже пошла одѣваться и Долли пошла за ней, Долли никогда потомъ не могла забыть. Анна была весь этотъ день, особенно эти послѣдніе полчаса, въ томъ размягченномъ припадкѣ чувствительности, которые иногда находили на нее. Любовь, нѣжность ко всѣмъ и ко всему, казалось, переполняли ея сердце, и сердце это было такъ открыто въ эти минуты, что она высказывала всѣ свои тайныя мысли, и всѣ эти мысли были⁷²¹ прекрасны. Глаза ея блестяли лихорадочнымъ блескомъ и безпрестанно подергивались слезами умиленія.

– Что бы было со мной, съ нимъ, съ дѣтьми безъ тебя, – сказала ей Долли.

Анна посмотрѣла на нее, и глаза ее подернулись слезами.

– Не говори этаго, Долли. Не я, а ты. У тебя въ сердцѣ нашлось столько любви, чтобы ты простила...

– Да, простила, но...

Она не договорила.

– Долли! У каждого есть свои skeletons⁷²² въ душѣ, какъ Англичане говорятъ.

– Только у тебя нѣтъ.

– Есть, – вдругъ сказала Анна, и какая [-то] смѣшная, хитрая улыбка сморщила ея губы.

– Ну, такъ они смѣшные skeletons, а не мрачныя, – улыбаясь сказала Долли.

– Нѣтъ, мрачныя. Ты знаешь, отчего я ѣду нынче, а не завтра? Это признанье, которое меня давило, и я хочу его тебѣ сдѣлать.

И, къ удивленію своему, Долли увидала, что Анна покраснѣла до ушей, до выющихся черныхъ колець волосъ на шеѣ.

– Да, – продолжала Анна. – Ты знаешь, отчего Кити не пріѣхала обѣдать. Она ревнуетъ ко мнѣ. Я испортила, т. е. я была причиной того, что балъ этотъ былъ для нея мученьемъ, а не радостью. Но, право, право, я не виновата или виновата немножко, – сказала она, тонкимъ голосомъ протянувъ слово «немножко».

– О, какъ ты похожа на Мишеньку, – смѣясь сказала Долли.

Анна какъ будто оскорбилась и нахмурилась.

– О нѣтъ, о нѣтъ! Я не Мишенька. Я оттого говорю тебѣ, что я ни на минуту даже не позволяю себѣ сомнѣваться въ себѣ.

– Да, Мишенька мнѣ говорилъ, что ты съ Вронскимъ танцевала мазурку и что онъ...

⁷¹⁹ *Зач.*: обѣщала.

⁷²⁰ *Зачеркнуто*: золовкѣ

⁷²¹ *Зач.*: чисты и ясны и исполнены

⁷²² [скелеты, *иносказательно* – серьезные неприятности]

– Ты не можешь себѣ представить, какъ это смѣшно вышло. Я только думала сватать, и вдругъ я почувствовала себя польщенной...

– О, они это сейчасъ чувствуютъ, – сказала Долли.

– Но я бы была въ отчаяніи, если бы онъ точно сталъ ухаживать за мной. Это глупо и ни къ чему не ведетъ.

– Впрочемъ, Анна, по правдѣ тебѣ сказать, я не очень желаю для Кити этаго брака. Мое сердце на сторонѣ Левина. И лучше, чтобы это разошлось, если онъ, этотъ Вронскій, могъ влюбиться въ тебя въ одинъ день.

– Ахъ, Боже мой, это было бы такъ глупо, – сказала Анна, и опять густая краска выступила на ея лицо. – Такъ вотъ я и уѣзжаю, сдѣлавъ себѣ врага въ Кити, которую я такъ полюбила. Ахъ, какая она милая! Но ты поправишь это, Долли. Да?

– Какія мысли! Это не можетъ быть.

– Да, но я такъ бы желала, чтобы вы меня всѣ любили, какъ я васъ люблю и еще больше полюбила, – сказала Анна съ слезами на глазахъ. – Ахъ, какъ я нынче глупа!

Она провела платкомъ по лицу и стала одѣваться.

Уже передъ самымъ отѣздомъ пріѣхалъ, опоздавши, Степанъ Аркадьичъ съ краснымъ, веселымъ лицомъ и запахомъ вина и сигары.

Чувствуя, что чувствительность Анны сообщилась и ей, Долли съ слезами на глазахъ въ послѣдній разъ обняла золовку и прошептала:

– Помни, Анна, что то, что ты сдѣлала, я никогда не забуду и что я люблю и всегда буду любить тебя какъ лучшаго друга.

– Я не понимаю, за что, – проговорила Анна.

– Ты меня поняла и понимаешь. Ты прелесть.

И такъ онѣ разстались.

–

«Ну, все кончено, и слава Богу, – была первая мысль, пришедшая Аннѣ Аркадьевнѣ, когда она, простившись послѣдній разъ съ братомъ, стоявшимъ въ вагонѣ до 3-го звонка, сѣла на свой диванчикъ рядомъ съ Аннушкой. Она оглядѣлась въ полусвѣтѣ спальнаго вагона. – Слава Богу, завтра увижу Сережу и Алексѣя Александровича, и пойдетъ моя жизнь, уже тѣмъ хорошая, что привычная, по старому. Утро визиты, иногда покупки, всякій день посѣщеніе моего пріюта, обѣдъ съ Алексѣемъ Александровичемъ и къмъ нибудь и разговоры о важныхъ придворныхъ и служебныхъ новостяхъ. Avant soirée⁷²³ съ Сережей, потомъ укладывать его спать и вечеръ или балъ, а завтра тоже».

Какая то больная дама укладывалась ужъ спать. Двѣ другія дамы говорили, очевидно, не столько для себя, сколько для нея, на дурномъ французскомъ языкѣ, и толстая старуха укутывала ноги и выражала замѣчанія о топкѣ. Аннѣ не хотѣлось ни съ кѣмъ говорить, она попросила Аннушку достать фонарикъ, прицѣпила его къ ручкѣ кресла и достала англійскій романъ. Но не читалось, сначала мѣшала возня и ходьба; потомъ, когда тронулись, нельзя было не прислушаться къ звукамъ; потомъ снѣгъ, бившій въ лѣвое окно и налипавшій на окно, и видъ закутаннаго прошедшаго кондуктора, занесеннаго снѣгомъ съ одной стороны, и разговоры о томъ, что страшная метель на дворѣ, развлекали ея вниманіе. Но потомъ все было тоже и тоже: таже тряска съ постукиваніемъ, тотъ же снѣгъ въ окно, тѣже быстрые переходы отъ пароваго жара къ холоду и опять къ жару, то же мерцаніе тѣхъ же лицъ въ полумракѣ и тѣже голоса. Аннушка ужъ дремала, держа свои узлы широкими руками въ прорванной одной перчаткѣ. Анна Аркадьевна не могла и думать о снѣ, она чувствовала себя столь возбужденною. Она попробовала опять читать, долго не понимала того, что читаетъ, но потомъ вчиталась было, какъ вдругъ она почувствовала, что ей стыдно чего то, что точно она сдѣлала дурной, низкій поступокъ,

⁷²³ [Перед вечером]

и ей стыдно за него. «Чего же мнѣ стыдно?» спросила она себя. Стыднаго ничего не было. Она перебрала всѣ свои московскія воспоминанія. Всѣ были хорошія, пріятныя. Вспомнила балъ. Вспомнила Вронскаго и его влюбленное, покорное лицо, вспомнила всѣ свои отношенія съ нимъ – ничего не было стыднаго. А вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ самомъ мѣстѣ воспоминаній чувство стыда усиливалось, какъ будто какой-то внутренній голосъ именно тутъ, когда она вспоминала о Вронскомъ, говорилъ ей: тепло, очень тепло, горячо, чѣмъ ближе она подходила къ Вронскому. Опять она повторила себѣ: «Ну, слава Богу, все кончено», и опять взялась за книгу. Она взялась опять за книгу, но рѣшительно уже не могла читать. Какое то странное возбужденіе все болѣе и болѣе усиливалось въ ней. Она чувствовала, что нервы ея натянуты, какъ струны, готовые порваться, особенно въ головѣ, что глаза ея раскрываются больше и больше, что пальцы на рукахъ и ногахъ нервно движутся, что въ груди что то давить дыханье и что всѣ звуки въ этомъ колеблющемся полумракѣ съ болѣзненной яркостью воспринимаются ею. Что она не знаетъ хорошенько, ѣдетъ ли она или стоитъ. Аннушка ли подлѣ нея или чужая, что тамъ на ручкѣ – салопъ ли это или звѣрь, и что она сама не знаетъ, гдѣ она и кто она. И что ей странно отдаваться этому волшебному забытью, и что то тянетъ къ нему. Она поднялась, чтобы опомниться, и сняла теплый капотъ. На минуту она опомнилась и поняла, что вошедшій худой мужикъ былъ истопникъ и что это вѣтеръ и снѣгъ ворвались за нимъ въ дверь; но потомъ опять все смѣшалось, что то странно заскрипѣло и застучало, какъ будто раздирали кого то, потомъ красный свѣтъ ослѣпилъ глаза, и потомъ все закрылось стѣной, и ей казалось, что она провалилась, и вдругъ голосъ окутаннаго человѣка и занесеннаго снѣгомъ прокричалъ что то. Она опять поднялась и опомнилась. Она поняла, что подѣхали къ станціи. Она попросила Аннушку подать опять снятый капотъ, надѣла его и направилась къ двери.

– Выходить изволите, – сказала Аннушка.

– Нѣтъ, я только подышать, мнѣ что то нехорошо.

И она отворила дверь. Метель и вѣтеръ рванулись ей на встрѣчу. Она вернулась назадъ, ужаснувшись. Но потомъ опять отворила дверь и рѣшительно вышла на крылечко, держась за перилы. Ей хотѣлось понять, что дѣлалось на дворѣ, для того чтобы разогнать это⁷²⁴ забытье, которое томило ее.

Вѣтеръ былъ силенъ на крылечкѣ, но на платформѣ за вагонами должно было быть затишье. Она сошла и стала,⁷²⁵ дыша снѣжнымъ морознымъ воздухомъ и оглядываясь въ полусвѣтѣ.

Страшная буря рвалась и свистѣла⁷²⁶ между колесами вагоновъ по столбамъ на углѣ станціи. Все: и вагоны, и столбы, и люди – все было съ одной стороны занесено снѣгомъ. Но какіе то люди бѣгали, скрыпя на доскахъ платформы по снѣгу. Какая то согнутая тѣнь человѣка проскользнула подъ ея ногами, и послышались знакомые звуки молотка по желѣзу.

– Дешу дай! – послышался голосъ.

– Сюда пожалуйте, № 108, – кричалъ кто-то, и занесенный снѣгомъ пробѣжалъ обвязанный человѣкъ.

Хотя голова ея стала и свѣжѣе нѣсколько, чувство⁷²⁷ жуткости и тоски⁷²⁸ не покидало ее. Она вздохнула полной грудью и уже вынула руку изъ муфты, чтобы взяться за перила и входить, какъ вдругъ какая то⁷²⁹ тѣнь подлѣ самой ее заслонила ей слабый свѣтъ, падающій отъ фонаря. Она оглянулась и въ ту же минуту узнала Вронскаго. Онъ, приложивъ руку къ козырьку, наклонился передъ нею и спросилъ, не нужно ли ей чегонибудь. Не можетъ ли онъ служить. Появ-

⁷²⁴ *Зачеркнуто:* чувство

⁷²⁵ *Зач.:* положивъ обѣ руки въ муфту,

⁷²⁶ *Зач.:* занося снѣгомъ рельсы и вагоны. Освѣщенный фонаремъ вагонъ на другомъ пути былъ до половины бѣлый.

⁷²⁷ *Зач.:* страха

⁷²⁸ *Зач.:* усиливалось

⁷²⁹ *Зач.:* высокая фигура человѣка

леніе его тутъ было слишкомъ неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ было такъ ожиданно, что она довольно долго ничего не отвѣчала и, держась рукой за холодный столбикъ, молча смотрѣла на него, и, несмотря на тѣнь, въ которой онъ былъ, она видѣла, или ей казалось, что она видѣла, его лицо и глаза, выраженіе ихъ до малѣйшихъ подробностей. Это было опять то выраженіе испуганнаго восхищенія, которое такъ подѣйствовало на нее вчера.

– Какъ вы? Зачѣмъ вы? – сказала она и въ ту же минуту вспомнила, что ей надо было только сказать: «нѣтъ, ничего, благодарю васъ». Она пустила руку и остановилась, обдумывая, чтобы сказать ему простое. Но онъ уже отвѣчалъ на ея вопросъ:

– Я ѣду для того, чтобы быть тамъ, гдѣ вы, – сказалъ его нѣжный голосъ, и она ясно видѣла теперь, хотя и въ темнотѣ, выраженіе его всей фигуры, склоненной головы, какъ бы ожидавшей удара, и лица, робкаго и раскаивающагося за то, что онъ смѣлъ говорить.

И въ это же время буря, какъ бы одолѣвъ препятствіе, засыпала снѣгъ съ крышъ вагоновъ, затрепала какимъ то желѣзнымъ оторваннымъ листомъ, и гдѣ то впереди плачевно и мрачно заревѣлъ густой свистокъ вагона.

– Не говорите этаго, – сказала она, – это дурно для васъ, для меня.

– О, если бы это чтонибудь было для васъ.

– Но что же это! – почти вскрикнула она, тяжело переводя дыханіе, и,⁷³⁰ взявшись за столбикъ, хотѣла уйти, но, какъ бы обдумавъ, опять остановилась.

– Какое право вы имѣете говорить мнѣ это?

– Мое право, – сказалъ онъ вдругъ,⁷³¹ какъ будто слова эти, давно готовыя, сами вырвались изъ его устъ, – то, что моя жизнь не моя, а ваша и навсегда.

Она, тяжело дыша, стояла подлѣ него.

– Но простите меня. Я не буду больше говорить этаго. Мнѣ нужно было сказать это вамъ, чтобы объяснить...

– Я ничего не хочу слышать.

И она быстро вошла в вагонъ. Но въ маленькихъ сѣняхъ она остановилась и закрыла лицо руками. Когда она вошла въ вагонъ и сѣла на свое мѣсто, то волшебное напряженное состояніе, которое ее мучало и сначала, продолжалось еще съ большею силою. Она не спала всю ночь. И всю ночь въ странномъ безпорядкѣ и въ самыхъ странныхъ сочетаніяхъ она видѣла и слышала дѣйствительные и воображаемые предметы и звуки. Блѣдное морщинистое лицо старушки в чепцѣ подъ колеблющимся свѣтомъ фонаря, Вронскій, просящій прощенія и предлагающій царство и отбирающій билеты, занесенный снѣгомъ съ одной стороны Аннушка, храпящая звуками молотка о желѣзо, и буря, уносящая все, и толчки красныхъ огней, скрипящихъ подъ давленіемъ колесъ, и красные огни глазъ Вронскаго, рѣжущіе глаза до тѣхъ поръ, пока ихъ не заноситъ снѣгомъ, и стыдъ, стыдъ не совершеннаго постыднаго дѣла.

Къ утру она задремала, сидя въ креслѣ, и когда проснулась, то уже было бѣло, свѣтло, и поѣздъ подходилъ къ Петербургу. И тотчасъ же мысли о домѣ, мужѣ, о сынѣ толпою пришли ей, и она съ удивленіемъ вспомнила вчерашній ужасъ и стыдъ. Да, было одно – это признаніе Вронскаго. Да, это было не во снѣ, но это была глупость, которой она легко положить конецъ. «Такъ чего же мнѣ стыдно?» опять спросила она себя и не находила отвѣта.

Въ Петербургѣ, только что остановился поѣздъ, она вышла. Первое лицо,⁷³² обратившее ея вниманіе, было лицо мужа. Онъ стоялъ, невольно обращая на себя вниманіе почтительно-служашихъ и полиціи, не подпуская къ нему народъ.⁷³³

⁷³⁰ *Зачеркнуто:* топая ногой

⁷³¹ *Зач.*: выпрямляясь

⁷³² *Зачеркнуто:* встрѣтившееся ей,

⁷³³ *Зач.*: <Высокая, полная фигура его съ шляпой, прямо надвинутой на широкій умный лобъ, и круглое <румяное> бритое лицо съ остановившейся на немъ невеселой, но спокойной улыбкой и такъ обращало на него вниманіе, но не наружностью>. Небольшая, слабая фигура его въ круглой шляпѣ съ большими полями и бритое все лицо въ очкахъ и съ доброй, безвырази-

– Какъ ты милъ, что самъ пріѣхаль, – сказала она.

– Это меньшее, что я могъ сдѣлать за то, что ты дала мнѣ лишній день, – отвѣчалъ онъ, цѣлуя ея руку съ спокойной сладкой улыбкой.

– Сережа здоровъ?

– ⁷³⁴Онъ, здоровъ, – сказалъ онъ и, взявъ ее подъ руку, повелъ къ каретѣ, также улыбаясь и переноса свои глаза выше толпы, чтобы никого не видѣть.

Въ дверяхъ Вронскій поклонился Аннѣ Аркадьевнѣ и спросилъ, какъ она провела ночь.

– Благодарю васъ, очень хорошо.

Она взглянула на мужа, чтобы узнать, знаетъ ли онъ Вронскаго. Алексѣй Александровичъ смотрѣлъ на Вронскаго, вспоминая, кто это.

Вронскій ⁷³⁵ между тѣмъ смотрѣлъ на Каренина, ⁷³⁶ какъ будто въ первый разъ увидѣлъ его: ⁷³⁷ изучалъ всѣ малѣйшія подробности его лица, сложенія, одежды даже.

«Да, онъ уменъ, – думалъ онъ, ⁷³⁸ глядя на его высокій лобъ съ горбинами надъ бровями, – и твердый, сильный человѣкъ, это видно по выдающемуся подбородку, съ характеромъ, несмотря на физическую слабость. Глаза его маленькіе не видятъ изъ подъ очковъ, когда не хотятъ, но онъ долженъ быть и тонкій наблюдательный человѣкъ, когда онъ хочетъ, онъ добрый даже, но онъ ⁷³⁹ не привлекательный человѣкъ, и она не можетъ любить и не любить его, я видѣлъ это по ея взгляду».

– Графъ Вронскій.

– А, очень радъ, – равнодушно сказалъ Алексѣй Александровичъ, подавая руку. – Туда ѣхала съ матерью, а *назадъ* съ сыномъ, – сказалъ онъ, ударяя, какъ имѣлъ привычку, безъ причины на одно слово и, какъ бы отпустивъ Вронскаго, пошелъ дальше, глядя выше людей, но Вронскій шелъ подлѣ и спрашивалъ у Анны, позволено ли ему будетъ пріѣхать къ ней.

– Очень рады будемъ, – сказалъ Алексѣй Александровичъ, все также улыбаясь, – по понедѣльникамъ, – и теперь уже, отпустивъ совсѣмъ Вронскаго, обратился къ женѣ.

– Мари вчера была у ⁷⁴⁰ Великой Княгини.

– А, – сказала Анна.

Она думала въ это время о томъ, что замѣтила особенный, какъ бы чахоточный румянецъ на щекахъ Вронскаго и складку между бровей. И ей жалко стало его. Но въ ту же минуту она подумала: «но что мнѣ», замѣтила и стала спрашивать о томъ, что ея *belle soeur* ⁷⁴¹ дѣлала у Курковыхъ.

– Что, этотъ Вронскій тотъ, что за границей былъ? – спросилъ ее мужъ.

– Да, братъ нашего.

– Онъ, кажется, одинъ изъ такихъ, что слышали *звонъ*, – сказалъ съ своей той же улыбкой и ударяя любовно на словѣ *звонъ*, – но не знаютъ, гдѣ онъ. Но еще разъ мерсі, мой другъ, что подарила мнѣ день, тебѣ карету подастъ Кондратій, а я ѣду въ Министерство.

И онъ, пожавъ ей руку, отошелъ отъ нея.

тельной улыбкой не имѣло ничего привлекательнаго.

⁷³⁴ *Зач.*: Какъ новый мостъ,

⁷³⁵ *Зач.*: встрѣчалъ и прежде

⁷³⁶ *Зач.*: и зналъ его, но теперь онъ

⁷³⁷ *Зач.*: съ такимъ вниманіемъ и интересомъ онъ смотрѣлъ на него и

⁷³⁸ *Зач.*: вспоминая

⁷³⁹ *Зачеркнуто*: холодный

⁷⁴⁰ *Зач.*: Курковыхъ

⁷⁴¹ [золовка]

* № 32 (рук. № 21).

<Онъ уѣзжалъ изъ Москвы неожиданно, не объяснивъ матери, для чего онъ уѣзжаетъ. Нѣжная мать огорчилась, когда узнала отъ сына, что онъ никогда и не думалъ жениться, и разсердилась на него (что съ ней рѣдко бывало) за то, что онъ не хотѣлъ объяснить ей, почему онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, не дождавшись⁷⁴² ремонта, который онъ собиралъ въ Москвѣ, и именно тогда, когда она поторопилась вернуться изъ Петербурга, чтобы быть съ нимъ.

– Простите меня, папан, но я, право, не могу оставаться уже по одному тому, – сказалъ онъ съ улыбкой, —⁷⁴³ что отъ меня ожидается то, чего я не могу сдѣлать, и мнѣ лучше уѣхать.

– Но отчего же такъ вдругъ?

Онъ не объяснилъ матери другой причины⁷⁴⁴ и уѣхалъ. Неловкость объясненія товарищамъ и начальникамъ того, что онъ уѣзжаетъ, не дождавшись ремонта, тоже ни на минуту не заставила его задуматься.>

* № 33 (рук. № 22).

⁷⁴⁵Первое лицо, встрѣтившее ее дома, былъ сынъ. Онъ выскочилъ къ ней по лѣстницѣ, несмотря на крикъ Mariette, не пускавшей его, и повисъ ей на шеѣ.

– Мама! Мама! – кричалъ онъ. – Мама! Мама!

Анна не ожидала такой радости, и эта радость сообщилась ей. Она на рукахъ внесла его на лѣстницу и, только съ улыбкой кивнувъ головой Mariette, убѣжала съ нимъ въ свою комнату и стала цѣловать его.

«О, какихъ пустяковъ я боялась!» подумала она.

Когда Mariette вошла въ комнату, они уже нацѣловались, и Анна рассказывала сыну, какая въ Москвѣ есть дѣвочка Таня и какъ Таня эта умѣетъ читать и учить даже брата.

– А рисовать умѣетъ? – спрашивалъ Сережа.

Mariette жаловалась, но упрекать нельзя было. Анна пошла въ свою комнату, и Сережа пошелъ за ней.

Еще Анна не успѣла выпить кофе, какъ ей доложили о приѣздѣ Лидіи Ивановны [1 *неразобр.*]. Пыхтя вошла съ мягкими глазами кубышка.

– Я не могла дождаться.

Анна любила ее, но въ это свиданіе она какъ будто въ первый разъ увидела ее со всѣми ея недостатками. Ей показалось что то ненатуральное и излишнее въ тонѣ Графини Лидіи Ивановны.

– Ну, что мой другъ, снесли оливковую вѣтвь? – спросила она.

– Да, когда я уѣхала, они сошлись опять. Но вы не повѣрите, какъ это тяжело и какъ они оба жалки.

⁷⁴² *Зачеркнуто:* конца отпуска

⁷⁴³ *Зачеркнуто:* первое, что мнѣ нужно, а, второе, потому, что то, чего вы такъ желаете, не можетъ сдѣлаться,

⁷⁴⁴ *Зач.*: и, видя <неловкость объясненія товарищамъ и начальникамъ>, что онъ огорчилъ ее, простился

⁷⁴⁵ *Зач.*: Сережа былъ здоровъ и милъ и обрадовался матери <особенно потому, что могъ показать сдѣланную имъ самимъ коробочку>. Анна была рада видѣть сына, но также какъ подѣйствовалъ на нее мужъ при первой встрѣчѣ съ нимъ, также подѣйствовалъ и сынъ, и въ отношеніи сына она почувствовала разочарованіе. Она ждала большей радости. Въ это утро Графиня Лидія Ивановна заѣхала къ Аннѣ, чтобы узнать о <ея здоровьи и о> результатахъ ея поѣздки, цѣль которой была извѣстна Графинѣ Лидіи Ивановнѣ, какъ ближайшему другу Алексѣя Александровича и его жены. Графиня Лидія Ивановна была высокая, полная, очень толстая женщина съ прекрасными выразительными глазами и съ усталымъ выраженіемъ когда то красиваго лица.....

– Да, много, много горя и зла на свѣтъ, и я такъ измучена нынче, – сказала Графиня Лидія Ивановна.⁷⁴⁶

– А что? – спросила Анна.

– Я начинаю уставать отъ тщетнаго ломанія копій за правду. И иногда совсѣмъ развиваюсь. Дѣло сестричекъ (это было филантропическое, религіозное, патриотическое учрежденіе) подвигалось бы, но съ этими господами ничего невозможно дѣлать, – сказала она съ насмѣшливой покорностью судьбѣ. – Они ухватились за мысль, изуродовали ее и потомъ обсуждаютъ такъ мелко и ничтожно.⁷⁴⁷ Два-три человѣка, вашъ мужъ въ томъ числѣ, понимаютъ значеніе этаго дѣла, а другіе только роняютъ. Вчера мнѣ пишетъ Гжадикъ (это былъ извѣстный панславистъ за границей), – и Графиня Лидія Ивановна рассказала содержаніе письма Гжадика. Послѣ Гжадика Графиня рассказала еще непріятности и козни, дѣлаемые противъ дѣла соединенія церквей, и уѣхала, торопясь, такъ какъ ей въ этотъ день надо было быть еще на засѣданіи одного общества и на славянскомъ комитетѣ.⁷⁴⁸

«Вѣдь все это было и прежде, но отчего я не замѣчала этаго прежде, – сказала себѣ Анна. – Или она раздражена очень нынче; что же ей дѣлать, бѣдной, дѣтей нѣтъ. Правда, что смѣшно, что ея цѣль религія и добродѣтель, а она все сердится и все враги у нее... Но все таки она милая».

Послѣ Графини Лидіи Ивановны пріѣхала кузина Алексѣя Александровича, старая дѣвушка, унылая и скучная, но торжественная, потому что она знала Жуковского и Мойера. Въ 3 часа и она уѣхала.

* № 34 (рук. № 26).

– Ну что, Долинька, твой козырь что подѣлываетъ?

– Ничего, папа, – отвѣчала Долли, понимая, что рѣчь идетъ о мужѣ, – все ѣздитъ. Я его почти не вижу, – не могла она не прибавить съ насмѣшливой улыбкой.

– Что жъ, онъ не уѣхалъ еще въ деревню лѣсъ продавать?

– Нѣтъ, все собирается.

– Вотъ какъ? – промычалъ Князь. – Ну, всетаки у тебя больше шансовъ встрѣтить его гдѣ-нибудь. Если встрѣтишь, скажи ему, что мнѣ нужно его видѣть и переговорить съ нимъ.

Княгиня и Кити съ любопытствомъ взглянули на Князя. «О чемъ ему могло быть нужно переговорить съ Стивой?» Княгиня думала, что она догадалась.

– Да и мнѣ жалко этотъ лѣсъ, – сказала она про лѣсъ, который продавалъ Степанъ Аркадьичъ въ имѣнныя ея дочери. – Но что же дѣлать, если необходимо. Я сама думаю, какъ бы онъ не продешевилъ. Ты, вѣрно, про это хочешь переговорить съ нимъ?

⁷⁴⁶ *Зачеркнуто*: которая всегда была занята самыми благими добродѣтельными цѣлями, но которую исполненіе этихъ цѣлей всегда приводило въ раздраженіе.

⁷⁴⁷ *Зач.*: Графиня Лидія Ивановна просидѣла съ часъ и для приличія спрашивала иногда Анну о ней, но, не въ силахъ слушать внимательно ее, всякій разъ опять начинала рассказывать то о своихъ сестричкахъ, то о соединеніи Церкви, о интригахъ и препятствіяхъ, и Анна, вслушиваясь въ ея рѣчь, уже не имѣла того чувства неловкости, которое она испытала при первой встрѣчѣ съ мужемъ.

⁷⁴⁸ *Зач.*: Послѣ нея пріѣхала княгиня Бетси, очень высокая, съ длиннымъ, блѣднымъ и красивымъ [лицомъ] дама, одна изъ блестящихъ по знатности и роскоши дамъ Петербурга. Она была представительницей другаго совсѣмъ Петербургскаго круга. Она любила Анну и, узнавъ о ея пріѣздѣ, тотчасъ же пріѣхала рассказать кучу новостей свѣтскихъ, браковъ, ухаживаній. Въ этихъ рассказахъ и разговорахъ Анна уже совершенно нашла себя. Особенно новость, что N выходитъ за Б, живо заняла ее. Разговоръ зашелъ о братѣ Удашева, и Анна сказала, что она познакомилась съ нимъ. – Неправда ли, это мужчина! Это человѣкъ страстей, – сказала Бетси. – Онъ мнѣ двоюродный. Послѣднее время онъ пересталъ ѣздить въ свѣтъ. Мнѣ говорили, что онъ женится. – Да, кажется, – сказала Анна и покраснѣла, и ей показалось, что Бетси поняла, почему она покраснѣла. – Я ему всегда предсказывала большую страсть. Такъ онъ здѣсь теперь. Непремѣнно пошлю за нимъ мужа, чтобы онъ рассказалъ мнѣ про невѣсту.

– Да, да, про это самое, – сказала Князь, съ своимъ непроницаемымъ видомъ взглянувъ на Кити, и Кити поняла, что ему нужно было видѣть Степана Аркадьича, чтобы переговорить не о лѣсѣ, а о ней. Что – она не знала, но вѣрила, что любовь отца не обманетъ его.

Долги очень скоро удалось въ этотъ день встрѣтить Степана Аркадьича. Онъ обѣдалъ у Генерала-Губернатора и пріѣхалъ домой переодѣть фракъ. И до обѣда еще заѣхалъ къ тестю.

– Ну что, когда ты ѣдешь совершать условія на лѣсѣ? – прямо приступилъ онъ къ дѣлу.

– Да все некогда, Князь, – отвѣчалъ Степанъ Аркадьичъ.

Онъ все время находился въ холодныхъ отношеніяхъ съ тестемъ, но эта холодность со стороны стараго Князя нисколько не мѣшала неизмѣнному добродушію и веселому спокойствію Степана Аркадьича.

«Вы меня не любите, тѣмъ хуже для васъ, а мнѣ все равно. Я и съ вами пріятель, какъ и со всѣми моими пріятелями».

– Что жъ, вы думаете, что я продешевлю?

– Это-то я думаю. Мы съ тобой не такіе мастера наживать, какъ проживать; но въ томъ дѣло, что я бы просилъ тебя ѣхать скорѣе. И заѣхать къ Константину Левину.

– Я и хотѣлъ.

– Такъ, пожалуйста, Стива, поѣзжай къ нему, и вы пріятели. И ты знаешь, между разговоромъ сондируй его о Кити. Я того мнѣнія, что онъ робѣетъ сдѣлать предложеніе, а она любить его.

Степанъ Аркадьичъ былъ очень удивленъ этой непривычной заботливостью отца, онъ рассказалъ все, что зналъ о намѣреніяхъ Левина, и обѣщалъ ѣхать.

Князь, прося его, чтобы это было тайной, опять впалъ въ свое видимое равнодушіе и, подставивъ небритую щеку, отпустилъ его.

* № 35 (рук. № 18).

Часть вторая.

Глава I. Дьяволь.

Прошло два мѣсяца. Вернувшись въ Петербургъ, жизнь Анны пошла по старому. Все было то же: тотъ же мужъ, тотъ же сынъ, тѣ же наполняющіе жизнь выѣзды, тѣ же три свѣтскіе круга, въ которые три ѣздила Анна; но все это со времени пріѣзда ея изъ Москвы измѣнилось. Прежде свѣтская жизнь съ толками о новомъ бракѣ, о повышеньи, перемѣшеньи, съ заботами о туалетѣ для бала, для праздника, съ мелкими досадами за первенство того или другаго, той или другой, мелкими тщеславными радостями успѣха спокойно наполняла ея время. Свѣтская жизнь эта, казавшаяся Аннѣ, пока она не вступила въ эту жизнь, такимъ страшнымъ водоворотомъ, опаснымъ, раздражающимъ, оказалась, какъ она испытала это въ эти послѣдніе два года своей Петербургской жизни, такой смирной и тихой. Затрогивали только самые мелкіе интересы, и Анна часто испытывала среди визитовъ, обѣдовъ, вечеровъ, баловъ чувство усталости и скуки однообразнаго исполненія долга. Теперь все это вдругъ перемѣнилось. Не стало этой середины. Или ей было несносно, противно въ свѣтѣ, или она чувствовала, что ей было слишкомъ не весело, а радостно быть въ свѣтѣ. Весь свѣтскій кругъ одинъ, всѣ знаютъ другъ друга и ѣздятъ другъ къ другу, но въ этомъ большомъ кругѣ есть свои подраздѣленія.

Анна имѣла друзей и близкіе связи въ трехъ различныхъ кругахъ. Одинъ – это былъ⁷⁴⁹ служебный, офиціальнй кругъ ея мужа, сослуживцевъ, подчиненныхъ, и нѣкоторыя жены ихъ считались достойными. Другой кругъ – это былъ тотъ кругъ, черезъ который Алексѣй Александровичъ сдѣлалъ свою карьеру, кругъ, близкій къ двору, внѣшне скромный, но могущественный. Центромъ этаго кружка была Графиня А.; черезъ нее то Алексѣй Александровичъ

⁷⁴⁹ Зачеркнуто: кругъ ея мужа и его друга Мери

сдѣлать свою карьеру. Въ кружкѣ этомъ царствовалъ постоянно восторгъ и умиленіе надъ своими собственными добродѣтелями. Православіе, патріотизмъ и славянство играли большую роль въ этомъ кругѣ. Алексѣй Александровичъ очень дорожилъ этимъ кругомъ, и Анна одно время, найдя въ средѣ этаго кружка очень много милыхъ женщинъ и въ этомъ кружкѣ не чувствуя себя принужденной къ роскоши, которая была имъ не по средствамъ,⁷⁵⁰ сжилась съ этимъ кружкомъ и усвоила себѣ ту нѣкоторую утонченную восторженность, царствующую въ этомъ кружкѣ. Она, правда, никогда не вводила этотъ тонъ, но поддерживала его и не оскорблялась имъ. Теперь же, вернувшись изъ Москвы, кружокъ этотъ ей сталъ невыносимъ, она видѣла все притворство, на которомъ замѣшанъ онъ, и скучала и сколь возможно менѣе ѣздила къ⁷⁵¹ Графинѣ N.

Другой кругъ, въ которомъ появлялась Анна, былъ собственно⁷⁵² свѣтъ. Кругъ огромныхъ домовъ, баловъ, экипажей, посланниковъ, [1 неразобр.] театровъ, маскарадовъ, кругъ людей и знатныхъ и громадно богатыхъ. Связь ея съ этимъ кругомъ держалась черезъ Бетси Курагину, жену ея двоюроднаго брата, у которой было 120 тысячъ дохода и которая съ самага начала появленія Анны въ свѣтъ влюбилась въ нее и ухаживала за ней и втягивала ее въ свой кругъ, смѣясь надъ тѣмъ кругомъ и называя его композиціей изъ чего-то славянофильско-хомяковско-утонченно православно-женско-придворно подленькаго.⁷⁵³

– Это богадѣльня. Когда стара и дурна буду, я сдѣлаюсь такая же, – говорила Бетси, – но вы la plus jolie femme de Petersbourg.⁷⁵⁴

Этого круга Анна избѣгала прежде сколько могла, такъ какъ онъ требовалъ расходовъ выше ея средствъ, да и по душѣ предпочитала первый. Теперь же сдѣлалось наоборотъ. И она избѣгала восторженныхъ друзей своихъ и ѣздила въ большой свѣтъ. И тамъ она встрѣчала Удашева и испытывала волнующую радость при этихъ встрѣчахъ. Особенно часто встрѣчала она Удашева у Бетси, которая была урожденная Удашева и ему двоюродная. Удашевъ былъ вездѣ, гдѣ только онъ могъ встрѣтить ее, и онъ говорилъ ей, когда могъ, о своей любви. Всякій разъ она запрещала ему это, она ему не подавала никакого повода, но всякій разъ, какъ она встрѣчалась съ нимъ, въ душѣ ея загоралось то самое чувство оживленія, которое нашло на нее въ тотъ день въ вагонѣ, когда она въ первый разъ встрѣтила его. Она сама чувствовала, что радость свѣтилась въ ея глазахъ и морщила ея губы, и она не могла затушить ее. И онъ видѣлъ это, и онъ покорялся ей, но также упорно⁷⁵⁵ преслѣдовалъ ее. Но онъ не преслѣдовалъ ее,⁷⁵⁶ онъ только чувствовалъ и зналъ это, что не могъ жить внѣ лучей ея, и онъ старался видѣть ее, говорить съ ней. Его полковая жизнь шла по старому – тѣ же манежи, выходы, смотры, только онъ рѣже ѣздилъ въ ягть клубъ, меньше принималъ участія въ полковыхъ дѣлахъ и кутежахъ и больше ѣздилъ въ свѣтъ, въ тотъ большой роскошный свѣтъ; въ маленькій кружокъ Графини⁷⁵⁷ А. онъ не былъ допущенъ, да и не желалъ этаго. Одинъ разъ обѣдалъ у Удашевыхъ⁷⁵⁸ и раза 3 былъ съ визитомъ. Въ свѣтѣ Удашевъ устроилъ себѣ ширмы, чтобы не компрометировать Каренину. Онъ видимо ухаживалъ за выѣзжавшей первый годъ княжной Бѣлосельской, и въ свѣтѣ поговаривали о возможности этаго брака. Удашевъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ о своемъ чувствѣ; но если бы онъ высказалъ кому нибудь, онъ бы высказалъ то, что онъ думалъ: т. е. что онъ не имѣетъ никакой надежды на успѣхъ, что онъ злится на себя и свою страсть,

⁷⁵⁰ *Зачеркнуто:* очень

⁷⁵¹ *Зач.*: къ Мери и др.

⁷⁵² *Зач.*: блестяще и роскошно свѣтскій кругъ.

⁷⁵³ *В подлиннике:* подленькимъ

⁷⁵⁴ [самая красивая женщина в Петербургѣ.]

⁷⁵⁵ *Зачеркнуто:* какъ ей казалось,

⁷⁵⁶ *Зач.*: не ждалъ ничего,

⁷⁵⁷ *Зач.*: N.

⁷⁵⁸ *Очевидная описка, вместо:* Карениныхъ

которая изломала всю его жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ глубинѣ души гордился своей страстью и зналъ очень хорошо, что въ несчастной любви къ дѣвушкѣ, которая свободнѣ женщины, вообще есть что-то жалкое, смѣшное; но въ любви къ замужней женщинѣ, чтобы ни пѣли моралисты, есть что-то грандіозное, доказывающее силу души.

Удашевъ одинъ разъ обѣдалъ у Карениныхъ. Алексѣй Александровичъ позвалъ его, встрѣтивъ; но больше его не звали, – на этомъ настояла Анна, – и бывалъ съ визитами, но Анна не принимала его, когда могла. Поэтому онъ могъ видѣть ее только въ свѣтѣ и сталъ опять ѣздить повсюду въ свѣтѣ, который онъ было оставилъ. Въ свѣтѣ, для того чтобы имѣть предлогъ, а отчасти и потому, что первую зиму выѣзжавшая княжна Бѣлосельская была очень милая дѣвушка, Удашевъ ухаживалъ будто бы за Княжной Бѣлосельской, и вездѣ, гдѣ бывала Анна, былъ и онъ.

Страсть страстью; но день, имѣющій 24 часа, долженъ быть наполняться. Удашевъ не могъ не продолжать свою холостую и полковую товарищескую жизнь, хотя и старался избѣгать товарищескихъ пооекъ.

* № 36 (рук. № 24).

⁷⁵⁹Вронскій поѣхалъ во Французскій театръ, гдѣ ему дѣйствительно нужно было видѣть Полковаго Командира, не пропускавшаго ни одного представленія французскаго театра, съ тѣмъ чтобы переговорить съ нимъ о своемъ миротворствѣ, о томъ дѣлѣ, которое занимало и забавляло его уже 3-й день. Въ дѣлѣ этомъ былъ замѣшанъ и Петрицкій, котораго онъ любилъ, и другой, недавно поступившій, славный малый, товарищъ, молодой князь Кадровъ, главное же, были замѣшаны интересы полка. <Дѣло затѣялось на завтракъ, который давалъ ихъ выходявшій изъ полка офицеръ. Князь Кадровъ и Петрицкій въ 1-мъ часу, уже поѣвши устрицъ и выпивши бутылку Шабли, громко разговаривая и смѣясь, ѣхали на извозчикъ⁷⁶⁰ къ товарищу, дававшему завтракъ, когда мимо нихъ пролетѣлъ лихачъ извозчикъ съ молоденькой, хорошенькой дамой, въ бархатной шубкѣ. Дама оглянулась на ихъ говоръ и смѣхъ.

– Смотри, смотри, прелесть какая хорошенькая! Пошелъ, извозчикъ, догоняй! Рубль на водку.

Извозчикъ навскачь сталъ гнать за лихачемъ. Дама оглянулась другой, третій разъ. Офицеры смѣясь покрикивали ей и ѣхали за нею. Сворачивать не приходилось, такъ какъ дама ѣхала нетолько по тому же направленію, по которому нужно было ѣхать офицерамъ, но остановилась даже и вышла передъ тѣмъ самымъ домомъ, въ который ѣхали офицеры. Она вышла прежде ихъ. Извозчикъ, видно, былъ заплаченъ и отѣхалъ; а хорошенькая дама, оглянувшись на офицеровъ, вошла на то самое крыльцо, на которое имъ надо было входить, и офицеры только видѣли ее мелькомъ, какъ она еще разъ оглянулась, входя на лѣстницу. Она вошла выше той площадки, на которой жилъ тотъ товарищъ, къ которому они ѣхали, и скрылась.

Петрицкій и Кадровъ опоздали, и уже человѣкъ 30 офицеровъ шумѣли за виномъ.⁷⁶¹ Вронской былъ тутъ же. Петрицкій и Кадровъ, перебивая одинъ другаго, принялись рассказывать о красотѣ встрѣченной дамы и о⁷⁶² необыкновенномъ случаѣ, что она живетъ въ этомъ самомъ домѣ. Приѣхавшіе, чтобы догнать другихъ, выпили залпомъ нѣсколько бокаловъ и успѣшно догнали, даже перегнали другихъ.⁷⁶³ Вронскій, занятый другимъ разговоромъ, и не замѣтилъ, какъ эти два молодца, чрезвычайно пораженные красотой этой лореточки и заманчи-

⁷⁵⁹ *Зачеркнуто:* Удашевъ

⁷⁶⁰ *Зачеркнуто:* на Пантелеймоновскую

⁷⁶¹ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁶² *Зач.*: скрытности хозяина, который ничего не сказалъ про это.

⁷⁶³ *Зач.*: Удашевъ

вымъ оглядываніемъ ея на нихъ, отправились въ кабинетъ къ хозяину и, призвавъ туда хозяйскаго лакея и наведя справки о томъ, живеть ли мамзель наверху, и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, написали неизвѣстной посланіе, что они оба влюблены, умирають отъ любви къ ней, и сами понесли это письмо наверхъ.

⁷⁶⁴Вронской узналъ все это уже тогда, когда въ комнату ворвались оба молодые люди съ лицами, разстроенными чѣмъ то особеннымъ кромѣ пьянства. Изъ ихъ разсказовъ ⁷⁶⁵Вронскій понялъ, что, когда они позвонили, къ нимъ вышла дѣвушка. Узнавъ, что тутъ живеть дама, которая часъ тому назадъ пріѣхала на извошикѣ въ бархатной шубкѣ, они просили передать письмо, прося отвѣта. Но пока дѣвушка переговаривалась и спрашивала, отъ кого записка, выскочилъ какой то человѣкъ съ бакенбардами колбасиками, какъ они разсказывали, бросилъ письмо и ткнулъ въ грудь Кадрова. Это разсказывалъ Петрицкій.

– Нѣтъ, не толкнулъ, а грубо заперъ дверь, – оправдывался Кедровъ.

– Ну, не толкнулъ, – продолжалъ Петрицкій, – но все таки чортъ знаетъ что такое! А Василій (лакей) говорилъ, что мамзель. Мы спрашивали у него. Онъ говорилъ: много ихъ мамзелей.

Всѣ посмѣялись этой исторіи, но ⁷⁶⁶Вронской и нѣкоторые другіе поняли, что исторія эта не хороша, но дѣлать и говорить теперь нечего было.

На другой день Полковой Командиръ позвалъ ⁷⁶⁷Вронскаго къ себѣ и, такъ какъ и ожидалъ ⁷⁶⁸Вронской, дѣло шло объ исторіи вчерашней мамзели и Петрицкаго съ Кедровымъ. > Оба были въ эскадронѣ ⁷⁶⁹Вронскаго. Къ полковому командиру пріѣзжалъ чиновникъ комиссіи прошеній титулярный совѣтникъ Вендень съ жалобой на его офицеровъ, которые оскорбили его жену. Молодая жена его, какъ разсказывалъ Вендень, – онъ былъ женатъ полгода, – была въ церкви съ матушкой и вдругъ почувствовала нездоровье, происходящее отъ извѣстнаго положенія, не могла больше стоять и поѣхала домой на первомъ попавшемся ей лихачѣ – извошикѣ. Тутъ за ней погнались офицеры, она испугалась и, еще хуже разболѣвшись, прибѣжала на лѣстницу домой. Самъ Вендень, вернувшись изъ присутствія, услыхалъ звонокъ и какіе то голоса, вышелъ и увидалъ пьяныхъ офицеровъ съ письмомъ, вытолкалъ ихъ и просилъ строгаго наказанія.

– Нѣтъ, какъ хотите, а Петрицкій, вы его защищаете, совсѣмъ онъ становится невозможень, – сказалъ Полковой командиръ. – Нѣтъ недѣли безъ исторіи. Вѣдь этотъ чиновникъ не оставитъ дѣла, онъ поѣдетъ дальше.

⁷⁷⁰Вронской видѣлъ всю неблаговидность этаго дѣла, въ особенности то, что кто то изъ товарищей получилъ ударъ въ грудь и что удовлетворенія требовать нельзя, а, напротивъ, надо все сдѣлать, чтобы смягчить этаго титулярнаго совѣтника и замять дѣло. Полковой командиръ призвалъ ⁷⁷¹Вронскаго именно потому, что зналъ его за рыцаря чести, твердости, умнаго человѣка и, главное, человѣка, дорожащаго честью полка. Они потолковали и рѣшили, что надо ѣхать имъ: Петрицкому и Кедрову къ этому титулярному совѣтнику извиняться, и ⁷⁷²Вронскій самъ вызвался ѣхать съ ними, чтобы смягчить это дѣло сколько возможно. Полковой командиръ и ⁷⁷³Вронскій оба понимали, что имя ⁷⁷⁴Вронскаго и флигель-адъютантскій вен-

⁷⁶⁴ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁶⁵ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁶⁶ *Зачеркнуто*: Удашевъ

⁷⁶⁷ *Зач.*: Удашева

⁷⁶⁸ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁶⁹ *Зач.*: Удашева

⁷⁷⁰ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁷¹ Удашева

⁷⁷² *Зачеркнуто*: Удашевъ

⁷⁷³ *Зач.*: Удашевъ

зель должны много содѣйствовать смягченію титулярнаго совѣтника. И дѣйствительно, эти два средства оказались отчасти дѣйствительными, но результат примиренія остался сомнительнымъ, какъ и рассказывалъ это⁷⁷⁵ Вронскій.

Вотъ этимъ то дѣломъ миротворства и занимался⁷⁷⁶ Вронской въ тотъ день, какъ кузина его ждала обѣдать. Молодые люди, несмотря на свои товарищескія, запанибратскія отношенія съ⁷⁷⁷ Вронскимъ, уважали его и покорились его рѣшенію ѣхать извиниться съ нимъ вмѣстѣ, тѣмъ болѣе что свое рѣшеніе онъ высказалъ имъ строго и рѣшительно, объявивъ, что если это дѣло не кончится миромъ, то имъ обоимъ надо выдти изъ полка. Одна уступка, которую онъ сдѣлалъ, состояла въ томъ, что Кедровъ могъ не ѣхать, такъ какъ онъ тоже считалъ себя оскорбленнымъ.

Въ назначенный часъ⁷⁷⁸ Вронской повезъ Петрицкаго къ титулярному совѣтнику. Титулярный совѣтникъ принялъ ихъ, стоя, въ вицмундирѣ, и румяное лицо его съ бакенбардами колбасиками, какъ описывалъ Петрицкій, было торжественно, но довольно спокойно.

⁷⁷⁹Вронской видѣлъ, что они съ Полковымъ Командиромъ не ошиблись, предполагивъ, что имя и эполеты будутъ имѣть свое вліяніе.

Титулярный совѣтникъ поклонился⁷⁸⁰ Вронскому и подаль ему руку, но чуть накло-неніемъ головы призналъ существованіе Петрицкаго.⁷⁸¹ Вронской началъ говорить:

– Два товарища мои были вовлечены цѣлымъ рядомъ несчастныхъ случайностей въ ошибку, о которой они отъ всей души сожальютъ, и просятъ васъ принять ихъ извиненія.

Титулярный совѣтникъ шевелилъ губами и хмурился.

– Я вамъ скажу,⁷⁸² Графъ, что мнѣ очень лестно ваше посредничество и что я бы готовъ признать ошибку и раскаянье, если оно искренно, но, согласитесь...

Онъ взглянулъ на Петрицкаго и поднялъ голосъ.⁷⁸³ Вронской замѣтилъ это и поспѣшилъ перебить его.

– Они просятъ вашего извиненія, и вотъ мой товарищъ и пріятель Петрицкій.

Петрицкій промывчалъ, что онъ сожальетъ, но въ глазахъ его не было замѣтно сожалѣнія, напротивъ, лицо его было весело, и титулярный совѣтникъ увидаль это.

– Сказать: извиняю,⁷⁸⁴ Графъ, очень легко, – сказалъ титулярный совѣтникъ, но испытать это никому не желаю, надо представить положеніе женщины.....

– Но согласитесь, опять перебилъ⁷⁸⁵ Вронской. – Молодость, неопытность, и потомъ, какъ вы знаете, мы были на завтракѣ, было выпито.... Я надѣюсь, что вы, какъ порядочный человекъ, войдете въ положеніе молодыхъ людей и великодушно извините. Я съ своей стороны, и Полковой командиръ просилъ меня, будемъ вамъ искренно благодарны, потому что я и прошу за людей, которыми мы дорожимъ въ полку. Такъ могу ли я надѣяться, что дѣло это кончится миромъ?

На губахъ титулярнаго совѣтника играла пріятная улыбка удовлетвореннаго тщеславія.

⁷⁷⁴ *Зач.*: Удашева

⁷⁷⁵ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁷⁶ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁷⁷ *Зач.*: Удашевымъ

⁷⁷⁸ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁷⁹ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁸⁰ *Зач.*: Удашеву

⁷⁸¹ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁸² *Зачеркнуто*: Князь

⁷⁸³ *Зачеркнуто*: Удашевъ

⁷⁸⁴ *Зач.*: Князь

⁷⁸⁵ *Зач.*: Удашевъ

– Очень хорошо,⁷⁸⁶ Графъ, я прощаю, и онъ подаль руку. – Но эти господа должны знать, что оскорблять женщину неблагородно....

– Совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, но если кончено.... – хотѣлъ перебить⁷⁸⁷ Вронской.

– Безъ сомнѣнія кончено, – сказалъ титулярный совѣтникъ. – Я не злой человекъ и не хочу погубить молодыхъ людей; не угодно-ли вамъ сѣсть? Не угодно-ли?

Онъ подвинулъ спички и пепельницу. И Вронской чувствовалъ, что меньшее, что онъ можетъ сдѣлать, это посидѣть минуту, тѣмъ болѣе что все такъ хорошо обошлось.

– Такъ прошу еще разъ вашего извиненія и вашей супруги за себя и за товарища, – сказалъ Петрицкій.

Титулярный совѣтникъ подаль руку и закурилъ папиросу. Все, казалось, прекрасно кончено, но титулярный совѣтникъ хотѣлъ подѣлиться за папиросой съ своимъ новымъ знакомымъ,⁷⁸⁸ Графомъ и флигель-адъютантомъ, своими чувствами, тѣмъ болѣе, что⁷⁸⁹ Вронской своей открытой и благородной физиономіей произвелъ на него пріятное впечатлѣніе.

– Вы представьте себѣ,⁷⁹⁰ Графъ, что молодая женщина въ такомъ положеніи, стало быть, въ самомъ священномъ, такъ сказать, для мужа положеніи, ѣдетъ изъ церкви отъ нездоровья, и тутъ вдругъ....

⁷⁹¹Вронской хотѣлъ перебить его, видя, что онъ бросаетъ изъ подлобья мрачные взгляды на Петрицкаго.

– Да, но вы изволили сказать, что вы простили.

– Безъ сомнѣнія, и въ этомъ положеніи два пьяные...

– Но позвольте...

– Два пьяные мальчишки позволяютъ себѣ писать и врываться.

Титулярный совѣтникъ⁷⁹² покраснѣлъ, мрачно смотрѣлъ на Петрицкаго.

– Но позвольте, если вы согласны...

Но титулярнаго совѣтника нельзя было остановить.

– Врываться и оскорблять честную женщину. Я жалѣю, что щетка не подвернулась мнѣ. Я бы убилъ....

Петрицкій всталъ нахмурившись.

– Я понимаю, понимаю, – торопился говорить⁷⁹³ Вронской, чувствуя, что смѣхъ поднимается ему къ горлу, и опять пытаюсь успокоить титулярнаго совѣтника, но титулярный совѣтникъ уже не могъ успокоиться.

– Во всякомъ случаѣ я прошу васъ признать, что сдѣлано съ нашей стороны что возможно. Чего вы желаете? Погубить молодыхъ людей?

– Я ничего не желаю.

– Но вы извиняете?

– Для васъ и для Полковаго Командира, да, но этихъ мерз...

– Мое почтеніе, очень благодаренъ, – сказалъ⁷⁹⁴ Вронской и, толкая Петрицкаго, вышелъ изъ комнаты.>

⁷⁸⁶ *Зач.*: Князь

⁷⁸⁷ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁸⁸ *Зач.*: Княземъ

⁷⁸⁹ *Зач.*: Удашевъ нравился ему.

⁷⁹⁰ *Зач.*: Князь

⁷⁹¹ *Зачеркнуто*: Удашевъ

⁷⁹² *Зач.*: былъ красенъ, и, какъ звѣрь,

⁷⁹³ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁹⁴ *Зач.*: Удашевъ

* № 37 (рук. № 19).

«Ну, такъ и есть, – подумала хозяйка, также какъ и всѣ въ гостиной, съ тѣхъ поръ какъ она вошла, невольно слѣдившіе за ней, – такъ и есть, – думала она, какъ бы по книгѣ читая то, что дѣлалось въ душѣ Карениной, – она кинулась ко мнѣ. Я холодна, она мнѣ говоритъ: мнѣ все равно, обращается къ Д., тотъ же отпоръ. Она говоритъ съ двумя-тремя мужчинами, а теперь съ нимъ. Теперь она взяла въ ротъ жемчугъ – жестъ очень дурнаго вкуса, онъ встанетъ и подойдетъ къ ней».

И такъ точно сдѣлалось, какъ предполагала хозяйка. Гагинъ всталъ. Рѣшительное, спокойное лицо выражало еще большую рѣшительность; онъ шелъ, но еще не дошелъ до нея, какъ она, какъ будто не замѣчая его, встала и перешла къ угловому столу съ лампой и альбомомъ. И не прошло минуты, какъ уже она глядѣла въ альбомъ, а онъ говорилъ ей.⁷⁹⁵

– Вы мнѣ сказали вчера, что я ничѣмъ не жертвую. Я жертвую всѣмъ – честью. Развѣ я не знаю, что я дурно поступилъ съ Щербацкой? Вы сами говорили мнѣ это.

– Ахъ, не напоминайте мнѣ про это. Это доказываетъ только то, что у васъ нѣтъ сердца.

Она сказала это, но взгляды ея говорилъ, что она знаетъ, что у него есть сердце, и вѣрить въ него.

– То была ошибка, жестокая, ужасная. То не была любовь.

– Любовь, не говорите это слово, это гадкое слово.

Она подняла голову, глаза ея блестѣли изъ разгоряченнаго лица. Она отвѣчала, и очевидно было, что она не видѣла и не слышала ничего, что дѣлалось въ гостиной. Какъ будто электрическій свѣтъ горѣлъ на этомъ столикѣ, какъ будто въ барабаны били около этаго столика, такъ тревожило, раздражало все общество то, что происходило у этаго столика и, очевидно, не должно было происходить. Всѣ невольно прислушивались къ ихъ рѣчамъ, но ничего нельзя было слышать, и, когда хозяйка подошла, они не могли ничего найти сказать и просто замолчали. Всѣ, сколько могли, взглядывали на нихъ и видѣли въ его лицѣ выраженіе страсти, а въ ея глазахъ что то странное и новое. Одинъ только Алексѣй Александровичъ, не прекращавшій разговора съ Генераломъ о классическомъ образованіи, глядя на свѣтлое выраженіе лица своей жены, зналъ значеніе этаго выраженія.⁷⁹⁶ Со времени пріѣзда ея изъ Москвы онъ встрѣчалъ чаще и чаще это страшное выраженіе – свѣта, яркости и мелкоты, которое находило на лицо и отражалось въ духѣ жены. Какъ только находило это выраженіе, Алексѣй Александровичъ старался найти ту искреннюю, умную, кроткую⁷⁹⁷ Анну, которую онъ зналъ, и ничто въ мірѣ не могло возратить ее въ себя, она становилась упорно, нарочно мелочна, поверхностна, насмѣшлива, логична,⁷⁹⁸ холодна, весела и ужасна для Алексѣя Александровича. Алексѣй Александровичъ, религіозный человѣкъ, съ ужасомъ ясно опредѣлилъ и назвалъ это настроеніе; это былъ дьяволъ, который овладѣвалъ ея душою. И никакія средства не могли разбить этаго настроенія. Оно проходило само собою и большею частью слезами. Но прежде это настроеніе приходило ей одной, теперь же онъ видѣлъ, что оно было въ связи съ присутствіемъ этаго⁷⁹⁹ красиваго, умнаго и хорошаго юноши.

Алексѣй Александровичъ ясно доказывалъ Генералу, что навязыванье классическаго образованія также невозможно, какъ навязываніе танцовальнаго образованія цѣлому народу.⁸⁰⁰ Но онъ видѣлъ, чувствовалъ, ужасался, и въ душѣ его становилось холодно.

⁷⁹⁵ *Зачеркнуто*: что то странное, дикое

⁷⁹⁶ *Зач.*: Послѣдній годъ (онъ былъ женатъ шесть лѣтъ)

⁷⁹⁷ *Зач.*: Нана

⁷⁹⁸ *Зач.*: страстна къ веселью,

⁷⁹⁹ *Зач.*: энергическаго, молодцоватаго,

⁸⁰⁰ *Зачеркнуто*: онъ мямлилъ, искалъ слова и улыбался.

Окончивъ разговоръ, онъ всталъ и подошелъ къ угловому столу.

– ⁸⁰¹Анна, я бы желалъ ѣхать, – сказалъ онъ, не глядя на вставшаго⁸⁰² Вронскаго, но видя его, видя выраженіе его лица, умышленно, чтобъ не выказать ни легкости, ни презрѣнія, ни сожалѣнія, ни озлобленія, умышленно безвыразительное. Онъ понималъ все это и небрежно поворачивалъ свою шляпу.

– Ты хотѣла раньше ѣхать домой, да и мнѣ нужно.

– Нѣтъ, я останусь, пришли за мной карету, – сказала она просто и холодно.

«Это онъ, это дьяволъ говорить въ ней», подумалъ Алексѣй Александровичъ, глядя на ея прямо устремленные на него, странно свѣтящіеся между рѣсницъ глаза.

– Нѣтъ, я оставлю карету, я поѣду на извожикѣ.

И, откланявшись хозяйкѣ, Алексѣй Александровичъ вышелъ.

Истинно хорошее общество только тѣмъ и хорошее общество, что въ немъ до высшей степени развита чуткость ко всѣмъ душевнымъ движеніямъ. Ничего не произошло особеннаго. Молодая дама и знакомый мушина отошли къ столу и въ продолженіе полчаса о чемъ то⁸⁰³ говорили; но всѣ чувствовали, что случилось что то неприятно грубое, неприличное, стыдное. Хотѣлось завѣсить ихъ. И когда Алексѣй Александровичъ вышелъ, Княгиня⁸⁰⁴ Нана рѣшилась во что бы то ни стало нарушить уединеніе и перезвала къ ихъ столу двухъ гостей. Но черезъ 5 минутъ⁸⁰⁵ Анна встала и простилась, сіяющей улыбкой пренебреженія отвѣчая на сухость привѣтствій. Вслѣдъ за ней вышелъ и⁸⁰⁶ Вронскій.

– Что я вамъ говорила?

– Это становится невозможно, – переговорили хозяйка дома и толстая дама. – Бѣдный дуракъ!

Старый, толстый Татаринъ, кучеръ въ глянцевитомъ кожанѣ, съ трудомъ удерживалъ лѣваго прозябшаго сѣраго, извивавшагося у подѣзда; лакей стоялъ, отворивъ дверцу. Швейцаръ стоялъ, держа внѣшнюю дверь.⁸⁰⁷ Анна Каренина отцѣпляла маленькой бѣлой ручкой кружева рукава отъ крючка шубки и, нагнувши головку, улыбалась.⁸⁰⁸ Вронскій говорилъ:

– Вы ничего не сказали, положимъ, я ничего не требую, ничего. Только знайте, что моя жизнь – ваша, что одна возможность счастья – это ваша любовь.⁸⁰⁹

– Какъ должно быть ужасно легко мущинамъ повторять эти слова. Сколько разъ вы говорили это?⁸¹⁰ Я одинъ разъ сказала это... и то неправду. Поэтому я не скажу этаго другой разъ, – повторила она медленно, горловымъ густымъ голосомъ, и вдругъ, въ тоже время какъ отцѣпила кружево,⁸¹¹ она прибавила: – Я не скажу, но когда скажу... – и она взглянула ему въ лицо. – До свиданья, Алексѣй Кирилычъ.

Она подала ему руку⁸¹² и быстрымъ, сильнымъ шагомъ прошла мимо Швейцара и скрылась въ каретѣ. Ея взглядъ, прикосновеніе руки прожгли его. Онъ поцѣловалъ свою ладонь въ томъ мѣстѣ, гдѣ она тронула его, и поѣхалъ домой, безумный отъ счастья.

⁸⁰¹ *Зач.*: Нана

⁸⁰² *Зач.*: Гагина

⁸⁰³ *Зач.*: горячо

⁸⁰⁴ *Зач.*: Мика

⁸⁰⁵ *Зач.*: Нана

⁸⁰⁶ *Зач.*: Гагинъ

⁸⁰⁷ *Зач.*: Настасья Аркадьевна

⁸⁰⁸ *Зач.*: Гагинъ

⁸⁰⁹ *Зачеркнуто*: И скажу больше. Любите ли вы меня, я не знаю, но вы не любите мужа[?]- Да я не сказала, что я люблю васъ.

⁸¹⁰ *Зач.*: Женщины никогда не говорятъ этаго.

⁸¹¹ *Зач.*: – потому что незачѣмъ говорить. Я люблю тебя. Завтра въ 4 часа.

⁸¹² *Зач.*: взглянула

Вернувшись домой, Алексѣй Александровичъ не прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ онъ это дѣлалъ обыкновенно, а, спросивъ, дома ли Марья Александровна (сестра), и, узнавъ, что ея тоже нѣтъ дома, вошелъ на верхъ не раздѣваясь и, заложивъ за спину сцѣпившіяся влажныя руки, сталъ ходить взадъ и впередъ по залѣ, гостиной и диванной. Образъ жизни Алексѣя Александровича, всегда встававшего въ 7 часовъ и всегда ложащагося въ постель въ половинѣ 1, былъ такъ регулярень, что это отступленіе отъ привычки удивило прислугу и удивило самаго Алексѣя Александровича, но онъ не могъ лечь и чувствовать, что ему необходимо объясниться съ женой и рѣшить свою и ея судьбу.

Онъ, не раздѣваясь, ходилъ своимъ⁸¹³ слабымъ шагомъ взадъ и впередъ по звучному паркету освѣщенной одной лампой столовой, по ковру темной гостиной, въ которой свѣтъ отражался только въ большое зеркало надъ диваномъ, и черезъ ея кабинетъ, въ которомъ горѣли двѣ свѣчи,⁸¹⁴ освѣщая красивые игрушки, такъ давно близко знакомыя ему, ея письменнаго стола, и до двери спальни, у которой онъ поворачивался.⁸¹⁵

Онъ слышалъ, какъ въ спальню вошла⁸¹⁶ Аннушка, горничная, слышалъ, какъ она выглянула на него и потомъ, какъ будто сердясь на то, что онъ такъ непривычно ходитъ не въ своемъ мѣстѣ, стала бить подушки, трясти какими то простынями.

Всѣ эти столь привычные предметы, звуки⁸¹⁷ имѣли теперь значеніе для Алексѣя Александровича и мучали его.

Какъ человѣку съ большимъ пальцемъ кажется, что какъ нарочно онъ обо все ушибаетъ этотъ самый палецъ, такъ Алексѣю Александровичу казалось, что все, что онъ видѣлъ, слышалъ, ушибало его больное мѣсто въ сердцѣ.

На каждомъ протяженіи въ своей прогулкѣ и большей частью на⁸¹⁸ паркетѣ свѣтлой столовой онъ останавливался и говорилъ себѣ: «Да, это необходимо рѣшить и прекратить и высказать свой взглядъ на это и свое рѣшеніе. Но высказать что же и какое рѣшеніе? Что же случилось? Ничего. Она долго говорила съ нимъ. Ну, что же?»⁸¹⁹ Можетъ быть, я вижу что то особенное въ самомъ простомъ, и я только подамъ мысль»... и онъ трогался съ мѣста; но какъ только онъ входилъ въ темную гостиную, ему вдругъ представлялось это преображенное, мелкое, веселое и ужасное выраженіе лица, и онъ понималъ, что дѣйствительно случилось что то⁸²⁰ неожиданное и страшное и такое, чему необходимо положить конецъ, если есть еще время. Онъ входилъ въ кабинетъ и тутъ, глядя на ея столь съ лежащей наверху малахитоваго бювара начатой запиской, онъ живо вспоминалъ ее тою, какою она была для него эти 6 лѣтъ – открытою,⁸²¹ простою и довольно поверхностною натурою, вспоминалъ ея вспыльчивость, ея несправедливую⁸²² досаду на него⁸²³ и потомъ простое раскаяніе – слезы дѣтскія почти и нѣжность, да, нѣжность. «А теперь? Нѣтъ этаго теперь, рѣже и рѣже я вижу и понимаю ее, и больше и больше выступаетъ что то новое, неизвѣстное. Есть же этому причина». Вспоминалъ онъ тоже свое часто повторявшееся въ отношеніи ея чувство своей недостаточности. Онъ вспоминалъ, что часто она какъ будто чего то требовала отъ него такого, чего онъ не могъ ей дать, и какъ

⁸¹³ *Зач.*: неровнымъ

⁸¹⁴ *Зач.*: между мелочами ея

⁸¹⁵ *На поляхъ противъ этого места и ниже написано:* [1] <Встаетъ, отсѣкнулась.> [2] <Сестра возвращается и намекаетъ.> [3] <Вспоминаетъ, какъ онъ встрѣтилъ ее съ Гагинымъ на желѣзной дорогѣ и какъ тогда въ глазахъ ея былъ дьяволъ.>

⁸¹⁶ *Зачеркнуто:* Маша

⁸¹⁷ *Зачеркнуто:* какъ ножомъ рѣзали его въ самое сердце.

⁸¹⁸ *Зач.*: срединѣ въ темной гостиной

⁸¹⁹ *Зач.*: Вольно же мнѣ видѣть въ этомъ что то особенное.

⁸²⁰ *Зач.*: и холодъ охватывалъ его сердце.

⁸²¹ *Зач.*: до послѣднихъ извивовъ души

⁸²² *Зач.*: почти всегда

⁸²³ *Зач.*: ея грубыя слова, укоризны иногда

онъ успокоиваль себя, говоря: нѣтъ, это мнѣ только такъ кажется. А, видно, было что то между ними, и вотъ эта трещина оказалась.

«Все равно, я долженъ объясниться и разрѣшить все это».

Румяное, круглое лицо съ огромнымъ шиньономъ въ бѣлѣйшихъ воротничкахъ высунулось изъ двери спальни.

– Извольте ложиться, Алексѣй Александровичъ, я убралась,⁸²⁴ – сказала Аннушка.

Алексѣй Александровичъ заглянулъ въ спальню, и вдругъ при видѣ этой горничной и при мысли о томъ, что она догадывается⁸²⁵ или догадается, почему такъ непривычно во 2-мъ часу не ложится спать ея баринъ, чувство⁸²⁶ отвращенія⁸²⁷ къ женѣ, къ той, которая ставила его въ унижительное положеніе, стрѣльнуло въ сердце.

– Хорошо, сказалъ онъ⁸²⁸ и, прибавивъ шагу, направился опять къ столовой.

У подъѣзда зашумѣли. Алексѣй Александровичъ вернулся въ ея кабинетъ и, сдвинувъ очки, близко посмотрѣлся въ зеркало. Лицо его,⁸²⁹ желтое и худое, было покрыто красными пятнами и показалось ему самому отвратительно.

«И⁸³⁰ неужели это такія простыя, ничтожныя событія и признаки – вечеръ у Княгини, то, что я не легъ спать въ опредѣленное время, это мое разстроенное лицо, – неужели это начало страшнаго бѣдствія?»

Да, какой то внутренній голосъ говорилъ ему, что это было начало несчастія. Что несчастіе уже совершилось, хотя еще не выразились всѣ его послѣдствія. «Но всетаки я долженъ высказать и высказать слѣдующее», и Алексѣй Александровичъ ясно и отчетливо пробѣжалъ въ головѣ весь конспектъ своей рѣчи къ ней: 1) воззваніе къ ней и попытка вызова на признаніе и вообще откровенность съ ея стороны 2) религіозное объясненіе значенія брака 3) ребенокъ и онъ самъ – ихъ несчастье 4) ее собственное несчастье.

На лѣстницу входили женскіе шаги. Алексѣй Александровичъ, готовый къ своей рѣчи, стоялъ, осторожно соединяя кончики пальцевъ обѣихъ [рукъ], и приводилъ въ спокойствіе и порядокъ мысли, которые онъ хотѣлъ передать женѣ. Этотъ жестъ соединенія кончиковъ пальцевъ рукъ всегда успокоиваль его и приводилъ въ акуратность, которая теперь такъ нужна была ему. Но еще по звуку тонкаго сморканія на серединѣ лѣстницы онъ узналъ, что входила не Анна, а жившая съ нимъ сестра его Мари. Алексѣй Александровичъ гордился своей сестрой Мари, прозванной свѣтскими умниками душой въ турнюрѣ, былъ обязанъ ей большею частью своего успѣха въ свѣтѣ (она имѣла высшія женскія связи, самая могущественныя), былъ радъ тому, что она жила съ нимъ, придавая характеръ высшей утонченности и какъ будто самостоятельности его дому. Онъ и любилъ ее, какъ онъ могъ любить, но онъ не любилъ разговаривать съ нею съ глаза на глазъ. Онъ зналъ, что она никогда не любила его жены, считая ее⁸³¹ мелкою и *terre à terre*⁸³² и потому не подмогую, а помѣхою въ карьерѣ мужа, и потомъ тотъ усвоенный Мари тонъ слишкомъ большаго ума, доходившаго до того, что она ничего не говорила просто, былъ тяжелъ съ глазу на глазъ.

Мари была мало похожа на брата, только большіе выпуклые полузакрытые глаза были общіе. Мари была не дурна собой, но она уже пережила лучшую пору красоты женщины, и съ ней сдѣлалось то, что дѣлается съ немного перестоявшейся простоквашей. Она отсикну-

⁸²⁴ *Зач.*: сказалъ голосокъ горничной

⁸²⁵ *Зачеркнуто*: о чемъ думаетъ баринъ,

⁸²⁶ *Зач.*: злости

⁸²⁷ *Зач.*: къ ней, къ себѣ наполнило его душу.

⁸²⁸ *Зач.*: съ своей притворной улыбкой

⁸²⁹ *Зач.*: бѣлое, пухлое, морщинистое

⁸³⁰ *Зач.*: на него нашла робость. Какъ и что скажетъ онъ ей? Она шла тихо черезъ залу

⁸³¹ *Зачеркнуто*: глупую

⁸³² [будничной]

лась. Та же хорошая простокваша стала слаба, не плотна и подернулась безвкусовой, нечисто цвѣтной сывороткой. Тоже сдѣлалось съ ней и физически и нравственно. Мари была чрезвычайно, совершенно искренно религіозна и добродѣтельна. Но съ тѣхъ поръ какъ она отсикнулась, что незамѣтно случилось съ ней года два тому назадъ, религіозность не находила себѣ полного удовлетворенія въ томъ, чтобы молиться и исполнять Божественный законъ, но въ томъ, чтобы судить о справедливости религіозныхъ взглядовъ другихъ и бороться съ ложными ученіями, съ протестантами, съ католиками, съ невѣрующими. Добродѣтельныя наклонности ея точно также съ того времени обратились не на добрыя дѣла, но на борьбу съ тѣми, которые мѣшали добрымъ дѣламъ. И какъ нарочно послѣднее время всѣ не такъ смотрѣли на религію, не то дѣлали для улучшенія духовенства, для распространенія истиннаго взгляда на вещи. И всякое доброе дѣло, въ особенности угнетеннымъ братьямъ Славянамъ, которые были особенно близки сердцу Мари, встрѣчало враговъ, ложныхъ толкователей, съ которыми надо было бороться. Мари изнемогала въ этой борьбѣ, находя утѣшеніе только въ маломъ кружкѣ людей, понимающихъ ее и ея стремленія.

– О, какъ я подрублена нынче, – сказала она по французски, садясь на первый стулъ у двери.

Братъ понялъ, что она хотѣла сказать, что устала.

– Я начинаю уставать отъ тщетнаго ломанія копій за правду. И иногда я совсѣмъ развнчиваюсь. А Анна? – прибавила она, взглянувъ на лицо брата. – Что значить, – сказала она, – это отступленіе отъ порядка? Люди акуратные, какъ ты, выдаютъ себя однимъ отступленіемъ. Что такое?

– Ничего. Мнѣ хотѣлось поговорить съ Анной.

– А она осталась у Нана? – взглянувъ, сказала Мари, и большіе полузакрытые глаза ея подернулись мрачнымъ туманомъ.

– О, какъ много горя на свѣтѣ и какъ неравномѣрно оно распредѣляется, – подразумѣвая подъ этимъ горе Алексѣя Александровича, отра[жа]ющееся на нее. – Княгиня надѣялась, что ты заглянешь, – продолжала она, чтобъ показать, что понимаетъ горе брата, но не хочетъ о немъ говорить. – Дѣло сестричекъ (это было филантропически-религіозное учрежденіе) подвинулось бы, но съ этими господами ничего не возможно дѣлать, – сказала она съ злой насмѣшливой покорностью судьбѣ. – Они ухватились за мысль, изуродовали ее и потомъ обсуждаютъ такъ мелко и ничтожно.

Она очень огорчена, но и не можетъ быть иначе... Разсказавъ еще нѣкоторыя подробности занимавшаго ее дѣла, она встала.

– Ну, вотъ, кажется, и Анна, – сказала она. – Прощай. Помогай тебѣ Богъ.

– Въ чемъ? – неожиданно спросилъ онъ.

– Я не хочу понимать тебя и отвѣчать тебѣ. Каждый несетъ свой крестъ, исключая тѣхъ, которые накладываютъ его на другихъ, – сказала она, взглянувъ на входившую Анну. – Ну, прощайте. Я зашла узнать, зачѣмъ онъ не спитъ, – сказала она Аннѣ, – и разговорилась о своемъ горѣ. Доброй ночи.⁸³³

Анна⁸³⁴ чуть замѣтно улыбнулась, поцѣловалась съ⁸³⁵ золовкой и обратилась къ мужу.

– Какъ, ты не въ постели? – и, не дожидаясь отвѣта, быстро и легко прошла въ темную гостиную.

Въ гостиной она остановилась, какъ бы задумавшись о чемъ то. Алексѣй Александровичъ вошелъ за ней въ гостиную. Она стояла въ накинутаго распущеннаго башлыкѣ, играя

⁸³³ *Зачеркнуто:* И она пошла внизъ.

⁸³⁴ *Зач.*: быстро и легко вошла въ залу

⁸³⁵ *Зач.*: невѣсткой

обѣими руками его кистями и задумчиво опустивъ голову. Увидавъ его, она подняла голову, улыбнулась.

– Ты не въ постели? Вотъ чудо! – И съ этими словами скинула башлыкъ и прошла въ спальню. – Пора, Алексѣй Александровичъ, – проговорила она изъ за двери.

– ⁸³⁶Анна, мнѣ нужно переговорить съ тобой!

– Со мной? – Она высунулась изъ двери. – Ну да, давай поговоримъ, если такъ нужно. – Она сѣла на ближайшее кресло. – А лучше бы спать.

– Что съ тобой? – началъ онъ.

– Какъ что со мной?

Она отвѣчала такъ просто, весело, что тотъ, кто не зналъ ее, какъ мужъ, не могъ бы замѣтить ничего неестественнаго ни въ звукахъ, ни въ смыслѣ ея словъ. Но для него, знавшаго, что когда⁸³⁷ на лицѣ его видна была тревога, забота, иногда самая легкая, она тотчасъ же замѣчала ее и спрашивала причины; для него, знавшаго, что всякія свои радости, веселье, горе она тотчасъ сообщала ему, для него теперь видѣть, что она не хотѣла замѣчать его состоянія, что не хотѣла ни слова сказать про себя, было ужасно.

– Какъ что со мной? Со мной ничего. Ты уѣхалъ раньше, чтобы спать, и не спишь, не знаю отчего, и я пріѣхала и хочу спать.

– Ты знаешь, что я говорю, – повторилъ онъ тихимъ и строгимъ голосомъ. – У тебя въ душѣ что то дѣлается. Ты *взволнована* и обрадована чѣмъ-то независимо отъ меня, отъ общей спокойной жизни. Ты весела..., – сказалъ онъ, самъ чувствуя всю праздность своихъ словъ, когда онъ говорилъ ихъ и смотрѣлъ на ея смѣющіеся, страшные теперь⁸³⁸ для него глаза.

– Ты всегда такъ, – отвѣчала она, какъ будто совершенно не понимая его и изо всего того, что онъ сказалъ, понимая только послѣднее. – То тебѣ непріятно, что я скучна, то тебѣ непріятно, что я весела. Мнѣ не скучно было. Это тебя оскорбляетъ.

⁸³⁹Онъ вздрогнулъ, какъ будто его кольнуло что то,⁸⁴⁰ чувствуя, что то дьявольское навожденіе, которое было въ ней, не пронзимо ничѣмъ.

– ⁸⁴¹Анна!⁸⁴² Ты ли это? – сказалъ онъ также тихо, сдѣлавъ усиліе надъ собой и удержавъ выраженіе отчаянія.

– Да что же это такое, – сказала она съ такимъ искреннимъ и комическимъ всетаки, веселымъ удивленіемъ. – Что тебѣ отъ меня надо?

– Тебя, тебя, какая ты есть, а не это, – говорилъ Алексѣй Александровичу махая рукой, какъ бы разгоняя то, что застилало ее отъ него. И голосъ его задрожалъ слезами.

– Это удивительно, – сказала она, не замѣчая его страданія и пожавъ⁸⁴³ плечами. – Ты нездоровъ, Алексей Александровичъ.

Она встала и хотѣла⁸⁴⁴ уйти; но онъ схватилъ своей разгоряченной рукой ея тонкую и холодную руку и остановилъ ее. Она бы могла шутя стряхнуть его руку, и въ томъ взглядѣ, который она опустила на его костлявую слабую руку и на свою руку, выразилось насмѣшливое презрѣніе, но она не выдернула руки, только съ отвращеніемъ⁸⁴⁵ дрогнула плечомъ.

– Ну-съ, я слушаю, что будетъ.

⁸³⁶ *Зач.*: Нана

⁸³⁷ *Зач.*: онъ ложился спать позже обыкновеннаго, когда

⁸³⁸ *Зачеркнуто*: потому что закрытые отъ

⁸³⁹ *Зач.*: – Ахъ, это ужасно, – сказалъ, вскрикнувъ

⁸⁴⁰ *Зач.*: Онъ хотѣлъ сказать что-то <,но удержался> жестокое

⁸⁴¹ *Зач.*: – Ахъ; Ахъ это ужасно!

⁸⁴² *Зач.*: Опомнись

⁸⁴³ *Зач.*: своими холодными бѣлыми

⁸⁴⁴ *Зач.*: затворить дверь

⁸⁴⁵ *Зач.*: дернулась

– ⁸⁴⁶Анна! – началъ онъ, составляя концы пальцевъ и изрѣдка ударяя на излюбленные слова, – Анна, повѣришь ли ты мнѣ или нѣтъ, это твое дѣло, но я обязанъ передъ тобой, передъ собой и передъ Богомъ высказать всѣ мои опасенія и всѣ мои сомнѣнія. Жизнь наша связана и связана не людьми, а Богомъ. Разорвать эту связь можетъ только преступленіе.⁸⁴⁷ Въ связи нашей есть таинство, и ты и я – мы его чувствуемъ, и оттого я знаю, хотя ничего не случилось, я знаю, что теперь, именно нынче, въ тебя вселился духъ зла и искушаетъ тебя, завладѣлъ тобой. Ничего не случилось, – повторилъ онъ болѣе вопросительно, но она не измѣняла удивленно насмѣшливаго выраженія лица, – но я вижу возможность гибели для тебя и для меня⁸⁴⁸ и прошу, умоляю опомниться, остановиться.

– Что же, это ревность, къ кому? Ахъ, Боже мой, и какъ мнѣ на бѣду спать хочется.

– Анна, ради Бога не говори такъ,⁸⁴⁹ – сказалъ онъ кротко.

– Можетъ быть, я ошибаюсь, но повѣрь, что то, что я говорю, я говорю столько же за себя, какъ и за тебя. Я люблю, я люблю тебя, – сказалъ онъ.

При этихъ словахъ на мгновеніе лицо ее опустилось, и потухла насмѣшливая искра во взглядѣ.

– Алексѣй Александровичу⁸⁵⁰ я не понимаю, – сказала она.

– Позволь, дай договорить, да,⁸⁵¹... я думалъ⁸⁵² иногда прежде о томъ, что бы я сдѣлалъ, если бы⁸⁵³ моя жена измѣнила мнѣ. Я бы оставилъ ее и постарался⁸⁵⁴ жить одинъ. И я думаю, что я бы не былъ счастливъ, но я могъ бы такъ жить, но не я главное лицо, а ты.⁸⁵⁵ Женщина, преступившая законъ, погибнетъ, и гибель ее ужасна.

⁸⁵⁶Она молчала, но онъ чувствовалъ, что неприступная черта лежала между нимъ и ею.

– Если ты дорожишь собой, своей вѣчной душой, отгони отъ себя это холодное, не твое состояніе, вернись сама въ себя, скажи мнѣ все, скажи мнѣ, если даже тебѣ кажется, что ты жалѣешь, что вышла за меня, что ты жалѣешь свою красоту, молодость, что ты боишься полюбить или полюбила, – продолжалъ онъ.

– Мнѣ нечего говорить, – вдругъ быстро выговорила, – да и... пора спать.

– Хорошо, – сказалъ онъ.

⁸⁵⁷Алексѣй Александровичъ⁸⁵⁸ тяжело вздохнулъ и пошелъ раздѣваться.

Когда онъ пришелъ въ спальню, тонкія губы его были строго сжаты, и глаза не смотрѣли на нее. Когда онъ легъ на свою постель, Анна ждала всякую минуту, что онъ еще разъ заговорить съ нею. Она не боялась того, что онъ заговорить, и ей хотѣлось этаго. Но онъ молчалъ.

⁸⁴⁶ *Зачеркнуто:* Еще разъ онъ <видимо> смиренно [?] и умоляющимъ взглядомъ просилъ ее, чтобы она вернулась, она, какая она была прежде; но неприступная черта таже лежала между ними. Онъ все таки началъ говорить:– Наша жизнь связана и связана

⁸⁴⁷ *Зач.*: Бываетъ, что связи эти разрываются, но тогда гибнутъ тѣ люди. И

⁸⁴⁸ *Зач.*: Я не буду пугать тебя

⁸⁴⁹ *Зач.*: Я не буду тебя пугать собой. Чѣмъ я буду пугать? Я слабый человѣкъ и физически и морально.

⁸⁵⁰ *Зач.*: ты чѣмъ то разстроены, у тебя нервы

⁸⁵¹ *Зач.*: я слабый человѣкъ; я собой пугать не буду, я ничего не сдѣлаю, не могу, да и не хочу наказывать. Мщеніе у Бога.

⁸⁵² *Зач.*: <въ минуты моей ревности> прежде ужасные

⁸⁵³ *Зач.*: ты разорвала нашу связь

⁸⁵⁴ *Зач.*: бы умереть

⁸⁵⁵ *Зач.*: Повѣрь мнѣ ты, теперь торжественная минута.

⁸⁵⁶ *Зач.*: – Что съ вами, я понять не могу, я бы думала, что вы ужинали. [*Так в подлиннике.*] – И опять таже

⁸⁵⁷ *Зачеркнуто:* Всю ночь эту Алексѣй Александровичъ не смыкалъ глазъ, и, когда на другой день онъ увидалъ туже чуждость въ своей женѣ, онъ рѣшилъ самъ съ собой, что одно изъ главныхъ несчастій его жизни свершилось. Какъ, въ какихъ подробностяхъ оно выразится, что онъ будетъ дѣлать, онъ не зналъ, но зналъ, что сущность несчастья совершилась.

⁸⁵⁸ *Зач.*: расплакавшись, <долго> всхлипывалъ <потомъ> еще на постелѣ. Но еще всхлипыванья не прошли, какъ они перешли въ сырое храпѣнье.

«Ну, такъ я⁸⁵⁹ заговорю съ нимъ, вызову его опять», подумала она, но въ ту же минуту услышала ровный и спокойный свистъ въ его крупномъ горбатомъ носу.

Она осторожно поднялась и сверху внимательно разглядывала его спокойное, твердое лицо,⁸⁶⁰ и особенно выпуклые и обтянутые жилистыми вѣками яблоки закрытыхъ глазъ испугали ее. Эти глаза похожи были на мертвые.

– Нѣтъ, ужъ поздно, голубчикъ, поздно, – прошептала она, и ей весело было то, что уже было поздно, и она долго лежала неподвижно съ открытыми глазами, блескъ которыхъ, ей казалось, она сама въ темнотѣ видѣла.

* № 38 (рук. № 22).

Это было очень мило, но разговоръ перервался, и опять надо было затѣвать новое. Хозяйка занялась этимъ дѣломъ раздуванія огня разговора и предложила вопросъ о возможности счастливыхъ браковъ безъ страсти.

– Я думаю, – сказала⁸⁶¹ одна дама, – что бракъ по разсудку – самый счастливый, потому что видятъ другъ друга, какіе есть, а не какіе кажутся.⁸⁶²

– Да, это было бы такъ, если бы дѣйствительно любви не было, – сказалъ кто-то. – Но счастье браковъ по разсудку разлетается именно отъ того, что появляется любовь, та самая, которую не признавали.

– Но если это такъ, какъ скарлатина, то черезъ это надо пройти. Всякая дѣвушка должна влюбиться, опомниться и выдти замужъ. Тогда надо выучиться прививать любовь, какъ оспу.

– Я была влюблена въ дьячка, – сказала княгиня Мягкая.

– Нѣтъ, я думаю безъ шутокъ, что для того, чтобы узнать любовь, надо ошибиться.

– Вотъ именно, – сказала Анна, – надо ошибиться и поправиться.

Она засмѣялась, перегнулась къ столу, сняла перчатку съ бѣлой руки и взяла чашку.

– Ну, а если ошибка въ женитьбѣ? – сказалъ хозяинъ.

– Все таки надо поправиться.

– Но какъ?

– Я не знаю какъ, – сказала она. – Никогда не поздно раскаяться.

⁸⁶³Вронской смотрѣлъ на Анну⁸⁶⁴ на столько, на сколько позволяло приличіе, и лицо его сіяло счастіемъ.

* № 39 (рук. № 31).

Послѣ объясненія своего съ женою Алексѣй Александровичъ почувствовалъ себя до такой степени несчастнымъ и жалкимъ и сознание своей жалкости такъ оскорбляло его, что онъ съ тѣхъ поръ ни разу не вызывалъ жену на объясненія и избѣгалъ ее, что было такъ легко и естественно при той занятой и свѣтской жизни, которую они оба вели. Онъ съ такимъ усиліемъ началъ это унижительное объясненіе тогда и такъ пристыженъ былъ тѣмъ отпоромъ мнимаго непониманія, который ему дала Анна, что онъ не въ силахъ былъ начать новое. На него нашель столбнякъ гордости. «Не хочешь, – говорилъ онъ, мысленно обращаясь къ ней, – тѣмъ хуже для тебя». Онъ самъ чувствовалъ, что это отношеніе къ женѣ было безумно, что оно было

⁸⁵⁹ В подлиннике: я такъ

⁸⁶⁰ Зачеркнуто: безъ очковъ

⁸⁶¹ Зач.: Анна

⁸⁶² Зач.: – Браки по разсудку были бы самые счастливые, если бы люди не влюблялись, – сказала Анна.

⁸⁶³ Зачеркнуто: Удашевъ

⁸⁶⁴ Зач.: мрачно. «Неужели это бездушная кокетка и только», думалъ онъ

подобно тому, что бы сказалъ человекъ, попытавшійся тщетно потушить пожаръ и который, разсердившись бы на тщету своихъ усилій, сказалъ бы: «Такъ на же тебѣ, такъ сгоришь за это».

Онъ чувствовалъ это нѣсколько разъ, хотѣлъ заговорить съ нею, но всякій разъ имъ овладѣвалъ столбнякъ гордости. Онъ, съ трудомъ удерживая слезы, обдумывалъ самъ съ собой, что онъ скажетъ ей; но какъ только онъ подходилъ къ ней, лицо его противъ его воли принимало холодно спокойное выраженіе, и онъ говорилъ не о томъ, что хотѣлъ.

* № 40 (рук. № 27).

I.

Левинъ жилъ въ деревнѣ, и стыдъ отказа, привезенный имъ изъ Москвы, все болѣе и болѣе застилался невидными, но значительными для него событіями деревенской жизни. Съ нимъ свершалось то, что онъ себѣ ставилъ не разъ какъ правило, для утѣшенія въ горестныя минуты, но что, какъ правило, никогда не утѣшало его, но въ дѣйствительности всегда оказывалось справедливо. Въ то время, когда онъ пріѣхалъ изъ Москвы и вздрагивалъ и краснѣлъ всякій разъ, какъ вспоминалъ свой позоръ, онъ сказалъ себѣ: «Сколько у меня бывало такихъ горестей и стыдовъ, которые казались непереносимы, какъ, на примѣръ, единица за латынь, когда я думалъ, что погибъ отъ этаго; падшая любимая лошадь и другіе, и чтожь, теперь, когда прошли года, я вспоминаю и удивляюсь, какъ это могло огорчать меня. Тоже будетъ и съ этимъ горемъ. Пройдутъ года, и я буду удивляться, какъ это могло огорчать меня».

Но тогда это разсужденіе не успокоило его, а прошло 3 мѣсяца, и дѣйствительно онъ началъ успокаиваться, но не совсѣмъ. Онъ забывалъ, что, кромѣ времени, прошедшаго послѣ единицы за латынь и гибели лошади, былъ уже выдержанный экзамень въ латыни и другія лучшія лошади, но теперь не было другой женщины, которая бы замѣнила ему ту, которую онъ потерялъ безвозвратно. А онъ чувствовалъ самъ, какъ чувствовала любящая его старушка тетушка и всѣ его окружающіе, что нехорошо человекъ одному быти. Онъ помнилъ, какъ онъ, разговорившись шутя, сказалъ разъ своему скотнику Николаю, наивному, милому мужику: «Что, Николай, хочу жениться», и какъ Николай поспѣшно отвѣчалъ, какъ дѣло, въ которомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: «И давно пора, Константинъ Дмитричъ».

Но женитьба теперь стала отъ него дальше, чѣмъ когда либо. Мѣсто было занято, и, когда онъ теперь въ воображеніи ставилъ на это мѣсто кого-нибудь изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ онъ зналъ, онъ чувствовалъ, что это было совершенно невозможно. Но время дѣлало свое, и съ каждой недѣлей онъ рѣже и рѣже и съ меньшею живостью и болью вспоминалъ о Кити, и, хотя предполагалъ по времени, что теперь она уже замужемъ или выйдетъ на дняхъ, онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ подтвержденія этаго предположенія, зная, что это извѣстіе, какъ выдергиваніе зуба, совсѣмъ вылечитъ его.

Но еще прежде чѣмъ онъ получилъ это извѣстіе, пришла весна, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ весенъ, которыхъ и старики не запомнятъ, и эта прекрасная весна почти совсѣмъ успокоила его.

Не весна съ цвѣточками и соловьями такъ успокоительно подѣйствовала на него, но весна рѣдкая для травъ и хлѣбовъ. Весна долго не открывалась. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью подмораживало. Настъ былъ такой, что на возахъ ѣздили. Такъ тянулось недѣли три; казалось, конца не будетъ. Потомъ вдругъ понесло теплымъ вѣтромъ, тучи полились дождемъ три дня и три ночи теплой бурей. Потомъ сталъ туманъ, и понемногу стали разбираться переломанная льдины, всплывшіеся потоки, и вдругъ прояснѣло, и въ тотъ же день весь дрожащій теплый воздухъ наполнился звуками жаворонковъ, на низахъ заплакали чибисы надъ болотами, булькающими отъ проснувшейся въ нихъ жизни. Мужики откидывали навозъ отъ завалинъ и отдирали примерзшія къ плетню бороны и ладили сохи. Бабы с незагорѣлыми бѣлыми ногами легко и весело, звонко болтая, шли за водой. Облѣзшая, вылинявшая мѣстами только скотина

заревѣла на выгонахъ, пощипывая старику съ пробивавшейся зеленой травкой; заиграли кривоногіе ягнята вокругъ теряющихъ волны бляющихъ матерей, запахло землей отъ отошедшихъ полей и огородовъ, надулись почки горькой и липкой спиртовой березы, распушилась верба надъ быстро, на глазахъ тающимъ въ лѣсахъ снѣгомъ у корней, и по старымъ [1 неразобр.] слѣдамъ полетѣла выставленная, облетающаяся пчела, и весело заблестѣли озими, всѣ гладкія, ровныя, какъ бархатъ, безъ одной плѣшины и вымочки.

⁸⁶⁵Левинъ надѣлъ большіе сапоги и одну суконную поддевку и пошелъ по хозяйству. Коровы были выпущены на варокъ и, сіяя перелинявшей гладкой шерстью, грѣлись на солнцѣ. Онъ велѣлъ выгнать ихъ на выгонъ. «Ничего, пусть загрязнятся, обчистятся. А телятъ выпустить на варокъ». Приплодъ нынѣшняго года былъ хорошъ. Даже полукровные были хороши. Ранніе были съ мужицкую корову. Но Павина дочь выдавалась изъ всѣхъ. Полюбовавшись скотиной, онъ сдѣлалъ распоряженія о водопоѣ, такъ какъ вода въ прудѣ была грязна, и замѣтилъ, что на неупотреблявшемся зимой варкѣ рѣшетки были кѣмъ то поломаны. Онъ послалъ за плотникомъ. Плотникъ ладилъ сохи, которыя должны были быть налажены еще до масляницы. Это было досадно, но это была привычная досада. Какъ ни бился Левинъ въ хозяйствѣ, въ томъ, чтобы дѣлать все впередъ, а не тогда, когда нужно употреблять, и чтобы сдѣланное разъ было спрятано, это повторялось всегда и во всемъ, сколько ни бился онъ. Общій порядокъ бралъ свое. Рѣшетки не нужны были зимой на варкѣ, ихъ снесли въ конюшню и переломали, теперь надо дѣлать новыя. Сохи велѣно чинить зимой, и нарочно взято 3 плотника, но всѣмъ имъ нашлись дѣла всю зиму, и сохи ладилъ и въ его экономіи, какъ и всѣ мужики, тогда, когда пахать надо было.

– Позовите Василия Ѳедоровича (прикащика).

Василій Ѳедоровичъ, сіяя также, какъ и всѣ и все въ этотъ день, въ обшитомъ мерлушкой тулупчикѣ, пришелъ, шагая черезъ грязь, и доказалъ, что иначе нельзя было. Но въ такой день нельзя было сердиться.

– Ну что, сѣять можно?

– За Туркинымъ верхомъ съ понедѣльника можно.

– Ну, а клеверъ?

– Послалъ-съ, разсѣвають. Не знаю только пролѣзутъ ли, тонко.

– На сколько десятинъ?

– На три.

– Отчего?

– Телѣгъ еще не собрали.

– Ахъ, какъ вамъ не стыдно.

– Да не безпокойтесь, все сдѣлаемъ во времени.

Опять это была одна изъ старыхъ досадъ Левина. Клеверъ надо было сѣять чѣмъ раньше, тѣмъ лучше; но это вводилъ Левинъ, и ему не вѣрили, и всякій разъ надо было бороться.

– Игнать, – крикнулъ онъ кучеру, съ засученными рукавами у колодца обмывавшему коляску – Осѣдай мнѣ.

– Кого прикажете?

– Ну, хоть Копчика.

– Слушаюсь.

Весна – время плановъ и предположеній. Левинъ всегда чувствовалъ это, и, какъ дерево, не знающее еще, куда и какъ разрастутся эти молодые побѣги и вѣтви, заключенные въ налитыхъ почкахъ, онъ придумывалъ и предполагалъ, что онъ сдѣлаетъ новаго въ любимомъ имъ хозяйствѣ.

⁸⁶⁵ *Зачеркнуто:* Въ началѣ этой весны Левинъ вышелъ послѣ чаю въ большихъ сапогахъ

Пока сѣдлали лошадь, онъ сообщилъ свои планы прикащику, и прикащикъ, какъ всегда, дѣлалъ усилія въ угожденіе хозяину, чтобы не показать равнодушія къ этимъ планамъ. Планы всѣ были хороши – вывезти весь навозъ, перепахать паръ лишній разъ и принанять рабочихъ, для того чтобы убрать покосы всѣ не исполу, а работниками, но прикащикъ, ближе стоящій къ дѣлу, зналъ, что въ дѣлѣ хозяйства довлѣтъ дневи злоба его и что въ каждомъ хозяйствѣ есть предѣлы возможнаго. Рабочихъ, сколько они не пытались, они не могли нанять больше 40, 37, 38, и больше нѣтъ и что противъ расчета работъ хозяина много будетъ еще непредвидѣннаго, долженствующаго измѣнить планы. Такіе разговоры всегда были досадны Левину, но нынче было такъ хорошо, что онъ только посмѣялся прикащику.

– Ну, ужъ знаю, вы все поменьше да похуже, но я нынѣшній годъ не дамъ вамъ по своему дѣлать. Все буду самъ.

– Да я очень радъ.

– Такъ за березовымъ доломъ разсѣвають клеверъ, я поѣду посмотрю, – сказала онъ, садясь на своего маленькаго буланаго Колпика, и бойкой иноходью доброй застоявшейся лошади, попрашивающей поводья, поѣхалъ по грязи двора за ворота и въ поле.

Если ему весело было дома на скотномъ дворѣ, то въ полѣ, мѣрно покачиваясь на иноходи добраго конька, впивая теплый съ свѣжестью запаха снѣга воздухъ, слушая жаворонковъ и глядя на пухнувшія почки деревьевъ, на бѣгушіе, журчащіе ручьи, на которые косился Колпикъ, и въ особенности на свои зеленя, на огромное пространство, зеленѣющее ровнымъ бархатнымъ ковромъ кое гдѣ въ лощинахъ, съ бѣлыми пятнами снѣга, ему стало еще веселѣе. Ни видъ крестьянской лошади и стригуна, топтавшихъ его зеленя (онъ велѣлъ согнать ихъ встрѣтившемуся мужику), ни насмѣшливый ли, глупый отвѣтъ мужика Ипата, котораго онъ встрѣтилъ и который на вопросъ его: «Что, Игнатъ, скоро сѣять?» – «Надо прежде вспахать».⁸⁶⁶ Несмотря на это, чѣмъ дальше онъ ѣхалъ, тѣмъ ему веселѣе становилось. И хозяйственные планы, одинъ лучше другаго – обсадить всѣ поля лозинами, перерѣзать на 6 полей навозныхъ и 3 запасны[я], смежныя, выстроить дворъ на дальнемъ концѣ поля и вырыть прудъ – представлялись ему. Клеверъ сѣялъ солдатъ работникъ Василій весельчакъ, котораго онъ любилъ. Телѣга съ сѣменами стояла не на рубежѣ, и пшеничная озимь была изрыта колесами и ископана лошадыю. Онъ велѣлъ отвести лошадь. Василій извиняясь сказалъ:

– Ничего, сударь, затянетъ. А ужъ сѣвъ, Константинъ Дмитричъ, первый сортъ.

– А трудно ходить?

– Страсть! по пудовику на лаптѣ волочишь. Да ужъ я стараюсь.

Левинъ поглядѣлъ, какъ онъ шагаетъ съ налипшими комьями земли на каждой ногѣ, и подумалъ, что онъ такъ шагаетъ съ утра, и постоялъ съ нимъ, чтобы разговориться. Онъ хотѣлъ сообщить ему свою радость о прекрасной веснѣ, даже сообщить ему свои планы; но Василій всѣ его затѣванія разговора сводилъ на то, что онъ старается, какъ отцу родному, и что самъ не любитъ дурно сдѣлать – «хозяину хорошо, и намъ хорошо» и что онъ хозяевами доволенъ, и попросилъ отъ имени рабочихъ прибавки харча, такъ [какъ] работа пошла тяжелѣе и дни большіе. Хотя конецъ этотъ и былъ не совсѣмъ пріятенъ Левину, такъ [какъ] надо было отказать, но онъ все-таки, слѣзши съ лошади и пробовавъ самъ разсѣивать и убѣдившись, что онъ это не можетъ дѣлать такъ хорошо, какъ Василій, и запыхавшись, онъ отѣхалъ отъ него и поѣхалъ посмотрѣть поле подъ пшеницу за Туркинымъ верхомъ. Лошадь кое гдѣ взяла выше ступицы по паханному полю, кое гдѣ былъ ледокъ, кое гдѣ на буграхъ просыхало, и Левинъ порадовался на пахоту и рѣшилъ, что можно сѣять съ понедѣльника. Проѣзжая назадъ черезъ Кочакъ, ручей, чуть не увязла лошадь, но тутъ же поднялъ утокъ и куликовъ и подумалъ, что нынче должна быть тяга. Проѣзжая черезъ лѣсъ, лѣсникъ подтвердилъ, что вальдшнепы есть. И Левинъ поѣхалъ рысью домой, чтобы успѣть пообѣдать и приготовить ружье къ вечеру.

⁸⁶⁶ Так в подлиннике. Фраза не закончена.

Подъезжая домой в самомъ счастливомъ и веселомъ расположеніи духа со стороны гумна, Левинъ услышалъ колкольчикъ со стороны главнаго подъезда къ дому.

«Да, это съ желѣзной дороги, – подумалъ онъ, – самое время Московскаго поѣзда. Кто бы это? Вѣрно, братъ. Вотъ бы хорошо было».

Онъ тронулъ лошадь и, выѣхавъ за акацію, увидалъ подъѣзжающую ямскую тройку съ желѣзнодорожной станціи и господина съ бакенбардами.

«Братъ, онъ», подумалъ Левинъ и радостно поднялъ руки кверху, но тутъ же увидалъ, что это не братъ, а кто то, кого онъ не узналъ.

«Чортъ его дери, – проговорилъ онъ, – какой нибудь дуракъ изъ Москвы», подумалъ онъ, вспоминая, что онъ многимъ своимъ такъ называемымъ пріятелямъ въ Москвѣ хвастался своими мѣстами на вальдшнеповъ и звалъ на тягу.

– Аа! – сказалъ онъ, узнавъ Облонскаго, и не безъ удовольствія. Изъ всѣхъ Московскихъ дураковъ этотъ былъ все-таки пріятнѣе всѣхъ – одно, что онъ напоминалъ это дѣло съ Кити, но и это къ лучшему. «Узнаю вѣрно, вышла ли или когда выходитъ замужъ».

И въ этотъ прекрасный весенній день Левинъ почувствовалъ, что воспоминанье о ней совсѣмъ даже не больно ему.

– Что, не ждалъ? – сказалъ Степанъ Аркадьичъ съ комкомъ грязи на щекѣ, половинѣ носа и на глазѣ и брови, сіяя весельемъ и здоровьемъ и блестя глазками. – Пріѣхалъ тебя видѣть, разъ, – сказалъ онъ, обнимая и цѣлуя его, – на тягѣ постоять и лѣсъ въ Ергушовѣ продать.

– И прекрасно! Какова весна? Пойдемъ въ домъ. Ты тетушку знаешь?

– Знаю, какъ же.

Элегантныя вещи – ремни, чемоданъ, мѣшокъ, ружье – были внесены въ комнату для пріѣзжихъ; и вымытый, слегка спрыснутый духами, расчесанный, онъ сіяя вышелъ въ гостиную, побесѣдовалъ съ тетушкой и взялся за закуску. Несмотря на старанія тетушки и повара, обѣдъ былъ совсѣмъ не такой, какой привыкъ кушать Степанъ Аркадьичъ; вина никакого другаго не было, кромѣ домашняго травнику и бѣлаго крымскаго, но онъ и травникъ нашель необыкновеннымъ и выпилъ 3 рюмки, и обѣдъ – супъ съ клецками и курицу подъ соусомъ – нашель необыкновенными, и вино бѣлое, онъ сказалъ, что, право, очень, очень недурно, и выпилъ цѣлую бутылку.

За обѣдомъ шель общій оживленный разговоръ. Левинъ замѣтилъ и то, что Степанъ Аркадьичъ какъ бы умышленно избѣгалъ разговора о Щербацкихъ, и то, какъ онъ умѣлъ быть простъ, добродушенъ и милъ, безъ всякаго старанія.

Чопорная старушка тетушка, сама того не замѣчая, была втянута въ пріятный для себя разговоръ о старыхъ родныхъ и знакомыхъ, и кто кому племянникъ, и жены родня, и какъ и кто на комъ женать.

– Ну, теперъ не пора ли? – сказалъ онъ за кофеемъ.

И они пошли одѣваться на тягу.

Степанъ Аркадьичъ досталъ свои сапоги, и Кузьма, уже чувявшій большую наводку, не отходилъ отъ Степана Аркадьича и надѣвалъ ему и чулки и сапоги, что Степанъ Аркадьичъ охотно предоставлялъ ему дѣлать.

– Ты прикажи, Костя, если пріѣдетъ Рябининъ купецъ, я ему велѣлъ нынче пріѣхать, принять и подождать.

– А ты развѣ Рябинину продаешь?

– А что?

– Плутъ страшный, окончательный и положительный.

Степанъ Аркадьичъ засмѣялся.

– Да, онъ удивительно смѣшно говорить.

Старая сука, сетерь Ласка, какъ съумашедшая, вилась около хозяина, когда оба охотника съ ружьями вышли на крыльцо.

– Я велѣлъ заложить, хотя недалеко, а то пѣшкомъ пройдемъ.

– Нѣтъ, лучше поѣдемъ.

Степанъ Аркадьичъ обернулъ себѣ сапоги тигровымъ пледомъ, и они поѣхали.

– Ну, что, какъ ты поживаешь? началъ Степанъ Аркадьичъ, какъ бы собираясь на большой и важный разговоръ. Но Левину не хотѣлось говорить теперь, до охоты. И онъ отвлекъ разговоръ, переведя его на Облонскаго.

– Меня спрашивать нечего. Твои дѣла какъ, т. е. сердечныя?

– О! mon cher!⁸⁶⁷ – Глаза Степана Аркадьича засвѣтились, сжавшись. – Ты вѣдь не признаешь любви послѣ брака – это все дурно, по твоему. А я не признаю жизни безъ любви, но, mon cher, бываютъ тяжелыя минуты. Бываютъ женщины, которыя мучаютъ тебя. Да ты не повѣришь, я въ какомъ положеніи теперь...

И Степанъ Аркадьичъ, которому подъ вліяніемъ выпитаго вина хотѣлось поговорить о своей любви, рассказалъ Левину цѣлый романъ, въ которомъ онъ игралъ роль de l'amant de sa sœur⁸⁶⁸ женщины, находящейся на содержаніи. Левинъ слушалъ, удивлялся и не зналъ, что говорить; но Степану Аркадьичу и не нужно было, чтобы онъ говорилъ, онъ только самъ хотѣлъ высказать свою исторію.

* № 41 (рук. № 31).

– Какова весна, Василій! А? – сказалъ онъ.

– Что говоритъ, Божья благодать, – отвѣчалъ Василій. – Богъ даетъ, и людямъ стараться надо. Я, Константинъ Дмитричъ, кажется, какъ отцу родному стараюсь. Я и самъ не люблю дурно сдѣлать и другимъ не велю. Я хозяевами доволенъ. Одно – рабочіе обижаются. Работа пошла тяжелѣе и дни большіе, а харчи все зимніе. Я говорю – власть хозяина. Нанялся – продался.

Недовольство рабочихъ на харчи была старая, уже давно знакомая тема для Левина. Было время, когда онъ заводилъ особенную кухню, самъ ходилъ въ нее, пробовалъ ѣду, давалъ по фунту мяса, молоко и завелъ скатерти и требовалъ чистоту, и тогда почти всѣ рабочіе разбѣжались, а жалобамъ на кухарку, на прикащика не было конца. Потомъ Левинъ⁸⁶⁹ разсердился, поручилъ все прикащику. Онъ сталъ давать имъ сала въ щи, какъ онъ выражался, когда есть кинуть салца, когда нѣтъ – молочка снятого, и всѣ совершенно были довольны. Теперь же послѣднее время Левинъ завелъ артель и выдавалъ харчи по условію.

* № 42 (рук. № 27).

Левинъ видѣлъ, что Степанъ Аркадьичъ принадлежитъ къ этому весьма распространенному типу горожанъ вообще и въ особенности Петербургскихъ, которые, побывавъ въ три года два раза въ деревнѣ и поговоривъ два раза съ купцомъ, прикащикомъ и мужикомъ, запомнятъ два-три слова деревенскихъ и кстати и полагаютъ, что имъ весь деревенскій бытъ ясенъ и что ихъ уже никто не обманетъ, и, благодаря этой увѣренности, продолжаютъ служить пищей для весьма распространеннаго еще типа купцовъ въ родѣ Рябинина, которые не торгуютъ, а только выжидаютъ дураковъ господъ и ловятъ ихъ. А такъ [какъ] дураки въ сословіи Облонскаго не переводятся, то клась все больше и больше распространяется и богатѣетъ.

⁸⁶⁷ [мой милый!]

⁸⁶⁸ [друга сердца]

⁸⁶⁹ *Зачеркнуто:* завелъ артель. Это держалось одно время, но потомъ явились новые рабочіе, и артель распалась. Тогда, ужъ года 3 тому назадъ, Левинъ завелъ условія, въ которыхъ ясно было обозначено, какіе харчи. <И теперь было такъ.> – Вѣдь харчи по условію, – отвѣчаетъ онъ. – Извѣстно, по условію, кондрактъ, да голодно, Константинъ Дмитричъ. Левинъ ничего не отвѣтилъ.

– Въдь это не обидной лѣсъ, – сказала Степанъ Аркадьичъ, желая этимъ словомъ «обидной» совѣтъ убѣдить Левина въ несправедливости его сомнѣній, – а дровяной больше. И станеть не больше 30 сажень на десятину, а онъ мнѣ даль по 200 рублей.

Левинъ улыбнулся.

– Въдь я не стану тебя учить, какъ заключенье или что ты тамъ такое пишешь въ своемъ присутствіи, а если мнѣ нужно, то спрошу у тебя, а ты такъ увѣренъ, что ты понимаешь всю эту грамоту о лѣсѣ. Она трудная. Счель ли ты деревья?

– Ахъ, вотъ еще вздоръ, – даже съ нѣкоторой раздражительностью сказалъ Облонский.

– Ну, а я 20 разъ въ лѣто проѣду черезъ вашъ лѣсъ, и осенью съ гончими бываю, и знаю, и свой лѣсъ считалъ. И ни одинъ купецъ не купить не считая, если ему не отдають даромъ, какъ ты. Твой лѣсъ стоитъ 500 рублей за десятину чистыми деньгами, а онъ тебѣ даль 200 въ разсрочку. Значить, ты ему подарилъ тысячъ 30.

– Ну, купи ты! Вотъ вы всегда такъ.

– Я не торгую лѣсами. Ну, да вотъ и онъ, – сказалъ Левинъ, увидавъ стоявшую подлѣ дома телѣжку съ прикащикомъ купца, державшимъ лошадь.

И лошадь, и телѣжка, и въ особенности красное, полнокровное лицо прикащика сіяли поучительнымъ самодовольствомъ и говорили всѣмъ: «Вотъ какъ дѣлають, вотъ какъ нынче дѣлають. Посмотрите, все у насъ просто и прочно и прилично».

Въ передней еще ихъ встрѣтилъ длиннополый купецъ, сіявшій улыбкой и, очевидно, въ жизни своей никогда ни въ чѣмъ не ошибавшійся. Какъ ни безобразно было его⁸⁷⁰ сюртукъ съ пуговицами ниже задницы, его сапоги въ калошахъ, его⁸⁷¹ жилетъ съ мѣдными пуговицами, цѣпочка, его лицо хищное, сухое, ястребиное въ соединеніи съ подлой улыбкой, какъ ни безобразенъ былъ его⁸⁷² бессмысленный говоръ, пересыпанный словами: положительно, окончательно и т. п., и его движенія, все это было такъ твердо, рѣшено, so settled,⁸⁷³ что нельзя было, долго поговоривъ съ нимъ, не пожелать быть похожимъ на него.

* № 43 (рук. № 27).

Левинъ былъ не въ духѣ. 1-е онъ стрѣлялъ плохо, 2-е – этотъ купецъ. Онъ терпѣть не могъ этихъ людей, живущихъ только глупостью Степанъ Аркадьичей. Дѣло было кончено, но ему, умному хозяину, выросшему и жившему въ деревнѣ, безобразіе этого дѣла было противно. Онъ зналъ, что лѣсъ былъ весь подѣлочный, стоилъ 500 minimum за десятину, что другіе купцы или были въ стачкѣ или подкупленные люди. Степану Аркадьичу – какое ему было дѣло; но онъ былъ дворянинъ по крови и видѣть не могъ совершающееся это со всѣхъ сторонъ обѣднѣніе дворянства – и не роскошью. Это ничего, это дворянское дѣло. И не жалко прожившагося на роскоши барина; прожить только онъ и умѣть умно – это дворянское дѣло. Не жалко было имѣній, которыя продавались по безхозяйству и покупались мужиками. Это было справедливо. Дворянинъ ничего не дѣлаеть, а мужикъ работаетъ и вытѣсняетъ празднаго челоуѣка, но ему было невыносимо досадно, какъ проживались эти петербургскіе господа только тѣмъ, что они были глупы, и такихъ имѣній много около него. То полячокъ за $\frac{1}{4}$ цѣны взялъ все на аренду, то этакій Рябининъ купилъ рубль за 25 копѣекъ. И на мѣсто добродушныхъ дураковъ вступають въ⁸⁷⁴ кругъ земства мелкіе плуты эксплуататоры. И надо же было, чтобы у него въ домѣ дѣлали эту дурацкую продажу. Это злило его. 3-е, что и было главное, онъ узналъ, что Кити

⁸⁷⁰ Зачеркнуто: одѣяніе

⁸⁷¹ Зач.: рубаха

⁸⁷² Зач.: языкъ

⁸⁷³ [основательно,]

⁸⁷⁴ Зачеркнуто: дворянскій

не замужемъ и что она больна, какъ онъ догадался, несмотря на то что Степанъ Аркадьичъ не хотѣлъ говорить этаго, – больна отъ любви не взаимной. Это оскорбленіе какъ будто падало на него. Ему казалось, что этотъ человѣкъ, который презиралъ ее любовь, а она презирала его, что этотъ человѣкъ презиралъ его и былъ его врагъ.

*** № 44 (рук. № 28).**

На конюшнѣ мальчикъ его (грумъ), узнавъ еще издалека его коляску, вызвалъ Англичанина. Сухой Англичанинъ, самъ бывшій жокей, теперь тренеръ, въ высокихъ сапогахъ и въ короткомъ пиджакѣ, съ волосами, оставленными только подъ бородой, вышелъ, раскачиваясь, навстрѣчу.

– Ну что Фру-Фру? – спросилъ Вронскій по англійски.

– Все хорошо, – медленно отвѣчалъ Англичанинъ, – немного возбуждена, но⁸⁷⁵ въ хорошемъ духѣ. Лучше не ходите, – прибавилъ Англичанинъ. – Она очень возбуждена съ тѣхъ поръ, какъ надѣли намордникъ, и я не велѣлъ выводить другихъ лошадей и входить туда до скачки. А то какъ дверь открывать...

– Нѣтъ, ужъ взойду, она меня знаетъ.

– Come on! —⁸⁷⁶ пропустилъ сквозь зубы Англичанинъ и пошелъ впередъ, размахивая руки своей развинченной походкой.

⁸⁷⁷– Обѣдали? – спросилъ онъ.

– Обѣдалъ немного.

– Такъ надо рюмку хересу, садясь.

Они вошли въ широкія кленовыя лакированныя двери конюшеннаго татерзала. Съ обѣихъ сторонъ широкаго въ 6 аршинъ мощнаго коридора стояли лошади по широкимъ устланымъ соломой стойламъ, отгороженнымъ рѣзными столбами. Въ конюшнѣ было свѣтло, какъ на дворѣ, отъ свѣта, подавшаго въ цѣльныя окна сверху. Дежурный, въ чистой курткѣ, нарядный, молодцоватый мальчикъ, съ метлой въ рукѣ, встрѣтилъ входившихъ и пошелъ за ними. Вронскій привычнымъ взглядомъ оглядывалъ знакомыхъ ему, стоявшихъ въ татерзалѣ лошадей, двѣ были свои верховыя; но онъ, не доходя до Фру-Фру, остановился передъ рыжимъ жеребцомъ, на которомъ былъ намордникъ. Жеребецъ стоялъ, равномерно поднимая храпъ и опуская его.

⁸⁷⁵ *Зач.*: я успокаиваю ее.

⁸⁷⁶ [– Пожалуйста!]

⁸⁷⁷ *Зачеркнуто*: – Какъ вѣсь нынче

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.